П. Н. Берков

История советского библиофильства

«Книга»

П. Н. Берков История советского библиофильства

П. Н. Берков

История советского библиофильства (1917—1967)

Издательство «Книга»

Москва 1971

002
Б48

Берков Павел Наумович

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОГО
БИБЛИОФИЛЬСТВА
(1917—1967)**

Редактор
Г. И. Куйбышева
Художественный редактор
Н. Д. Карандашов
Технический редактор
А. З. Коган
Корректор
М. И. Жильцова

А02836. Сдано в набор 22/IV 1971 г. Подписано к печати 7/IX 1971 г. Формат бум. 60×90 1/16. Типографская № 2. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 15,87. Тираж 11000 экз. Изд. № 3. Заказ № 973. Цена 1 руб. 19 коп.

Издательство «Книга»,
Москва, К-9,
ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 16
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

6-10-1
3-71

Друг книги — советский библиофил

В одном месте чудесной книги, посвященной Людям и Книгам, он, крупнейший ученый, обаятельный человек и умный — очень умный! — читатель признался:

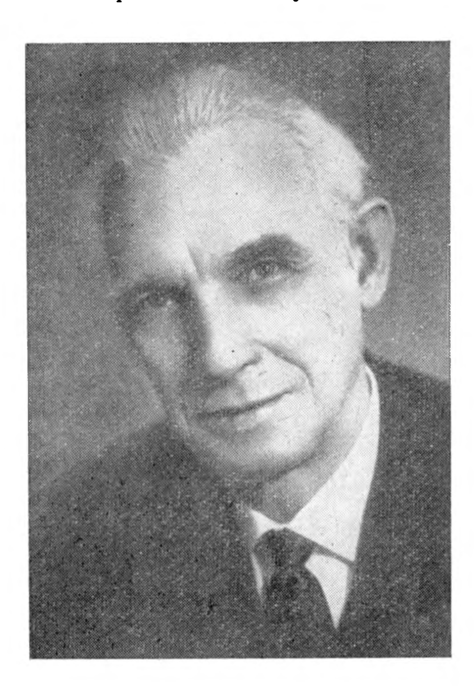
«Книги эти заинтересовали меня судьбой либо людей, которые их создавали, либо людей, о которых в них говорится. Что может быть для человека интереснее человека?»

— здесь, во вступлении к посмертному изданию его последней книги, сказать надо прежде всего о нем самом...

Автор первой во всей нашей, и не только нашей, литературе «Истории советского библиофильства», профессор литературоведения, член-корреспондент Академии наук СССР Павел Наумович Берков был во всем незаурядным человеком. Его авторитет и талант, его изумительная культурность и глубина знаний в избранной им области — истории русской литературы XVIII в.,— снискали ему международное признание. Число работ его, опубликованных на многих европейских языках, почти необозримо. С редкою щедростью и блистательностью подлинного дарования в обобщающих трудах и множестве монографически-специальных статей, в прекрасных по содержательности и по форме изложения лекциях и докладах профессор Ленинградского университета, гость зарубежных академий социалистических стран и бессменный председатель секции книги Ленинградского Дома ученых Павел Наумович Берков был одинаково ценим как исследователь и популяризатор драматургии русского XVIII в., просветительства Петровской эпохи,— и поэзии Валерия Брюсова. Широта интересов подлинного друга литературы сочеталась во всей деятельности Павла Наумовича Беркова с проникновенной точностью детальнейшей аналитики, характерной для настоящего «мастера науки». И был Павел Наумович Берков всегда скромен, внимателен и принципиально требователен к себе и к своим друзьям. Свою специальность, литературу, любил он самоотверженно и безотказно. И был другом книги и книг, равного которому, быть может, не осталось у нас после (безмерно всех его многочисленных друзей опечалив-

шей) его кончины в 1969 г. в возрасте семидесяти трех лет, после достойно и плодотворно прожитой жизни.

О заслугах его в исследовании истории русской и зарубежной литературы, о его педагогическом даре, о его общественной деятельности рассказали уже и расскажут многие другие. Здесь, на немногих страницах «вступления» к публикуемому, подготовленному совсем незадолго до конца его жизни, блестящему и интересному очерку истории советского библиофильства сказать надо именно об этом последнем: о П. Н. Беркове как книголюбе. Больше: как о философе самого книголюбия. У нас были поэты книги. Были и есть ее самоотверженные друзья, растут ряды собирателей и изучателей книги. Были и философы книги: таким выступает в своем труде, написанном еще в 1920-х годах, крупный и вдумчивый ученый, профессор М. Н. Куфаев. Но П. Н. Беркова надо оценить, и понять, и приветствовать как методолога, психолога, историка и философа именно книголюбия, библиофилии, библиофильства. Именно П. Н. Берков установил и заставил нас продумать различие оттенков трех близких аспектов одного и того же: любви к книге, общественно-социального и глубоко личного, человечного значения этой любви.

П. Н. Берков

О любви к книге писали многие,— столь многие, что повторять их имена здесь не надо. Но любовь к книге бывала разной. Страстной и пристрастной, самоотверженно-бескорыстной и скупой. Фрейдисты сравнивали страсть библиофила к собственным, только к своим личным книгам, с ревнивой страстью древневосточного властелина к своему гарему. О собственничестве как особой побудительной силе книгособирательства так называемого «Геннадиевского толка» весьма подробно писал сам П. Н. Берков в своем труде «Русские книголюбы» 1967 г. Еще один вариант любви — библиомания — сумасшедшая любовь к книге, рождавшая и преступления порою, воровство — с ним встречаются, увы, и поныне наши библиотеки,— убийства и «захоронения», запирание книг на замок, «библиотафия»,— все это аберрации, болезни, что угод-

но! А без доли «сумасшедшинки» не удается ни одно личное творческое собирательство, никакое более или менее успешное коллекционирование, без которого и не должно и не может обойтись планомерное общественно-государственное строительство библиотек или музеев. Вместе с тем понятия «друг книги» и «книголюб», «библиофил», «библиофилия» и «библиофильство»— различны! П. Н. Берков в своей книге «О людях и книгах» 1965 г. защищал удачно и умно различные аспекты любви к книге, в «Русских книголюбах» 1967 г.— самое выражение «книголюб». Добавить к его очень тонким и верным замечаниям здесь почти нечего, а вместе с тем следует. Публикуемая «История советского библиофильства» П. Н. Беркова осталась не совсем завершенной. В предисловии к ней преждевременно ушедший от нас автор говорит о примечательных накопленных им уже материалах к «Словарю советских библиофилов», книголюбов, книгособирателей последних десятилетий. Автор этого «вступления» в переписке и в личном общении с П. Н. Берковым не все успел и сумел сообщить жившему в Ленинграде автору «Истории советского библиофильства» по истории московских книжных дел 1920-х годов. И сказать в этом вступлении желательно нечто, представляющееся существенным, по общим вопросам темы, которой посвящены три последние книги П. Н. Беркова, «О людях и книгах», «Русские книголюбы» и публикуемая «История советского библиофильства», посмертная.

Друг книги! Это самое емкое, самое простое и широкое, самое понятное и человечное и самое вместе с тем неотчетливое выражение всей темы или области, в которой работают библиотекари и читатели, библиографы и статистики, книгопродавцы и покупатели книг, собиратели и посетители выставок книжной графики, издатели и художники... И фантасты, как Рэй Бредбери, описывающий жуткий мир торжествующей капиталистической псевдоцивилизации, в котором все книги уничтожаются. И деятели электронной микроинформации, стремящиеся заменить книгу перфорационной лентой или микрофильмом, не являются ли такими же врагами книги, как грибоедовский персонаж, желавший «собрать все книги бы да сжечь». Особость Друга книги — это его приверженность к книге — как к слову. Сообщение, информация, общение, речь, обучение, сведения, знания — все это смысл, содержание «книги», которая «огромная сила» (слова В. И. Ленина, сказанные им А. В. Луначарскому в первую ночь Октября). И это — главное. Здесь основным является чтение, освоение книги. «Читать» можно и статистические таблицы, где наборного текста меньше, чем цифр, и фотоальбом. Друг книги — тот, кто распространяет, ценит, так или иначе участвует и сотрудничает в общем деле неисчерпаемых возможностей книжного делания. Он — просветитель. Он будет бороться во имя этого с употреблениями во зло печатного станка, во имя информации — с дезинформацией. Друг книги — прежде всего и в самой своей сути — общественный человек. Деятель. «Собственником», собирателем,

он быть не обязан. Быть может, исключительным примером друга книги является скромный и бескорыстный библиотекарь (история русской культуры помнит таких), который именно потому, что он друг книги, становится незаменимым другом читателя...

А библиофил? Тот, кому острые, чуть насмешливые слова посвятил Анатоль Франс, умело характеризованный П. Н. Берковым в одной из его опубликованных уже «книжных книг»? И В. И. Ленина, и А. М. Горького мы предпочитаем называть друзьями книг в том широком смысле, какой мы постарались придать выше этому понятию. В более специальном и сознательном смысле друг книги становится неизбежно книголюбом. Это — требовательный не только друг, но и критик книги. В. И. Ленин дает тому замечательный пример. Он оставил нам не только золотые слова: книга — огромная сила, которые надо было бы начертать над входом в каждую библиотеку. Ленин писал же М. Елизарову и сестре своей: «Типографская аккуратность и изящество очень важны». В. И. Ленин объявил же выговор своему ближайшему соратнику В. Воровскому за неряшливое издание важной брошюры и подписал постановление Совнаркома в один из самых первых и трудных годов революции о выпуске сугубо ученого труда академика И. П. Павлова «в лучшей типографии в роскошном издании». Это — дружба с книгой, переключенная в подлинную, полную уважения любовь к ней. Тысячи переходов! Дружба и любовь — нераздельны, переходят одна в другую, являются в сути взаимоопределяющими. И все — же — различаемыми! Дружба может быть строго рациональною, любовь всегда горячо эмоциональна. Она может вызвать — опять золотое слово В. И. Ленина!— ощущение, что «без книг — тяжко». И любовь к книге может не быть страстью к книгоприобретению. И любить, и ценить книгу можно в общественной и государственной библиотеке не меньше, чем «у себя», в библиотеке личной. И любоваться книгой можно тоже не только «собственной». Книголюб — бескорыстен! Его радует книга, вызывая его внимание и волнение, интерес, затрагивая его ум, совесть,— всегда и везде. Был книголюбом А. М. Горький, даривший книги из своей библиотеки тем, кто в них нуждался. Был книголюбом прославленный генерал 1812 г. А. П. Ермолов, на старости лет научившийся переплетать свои книги. Был книголюбом А. С. Пушкин, перед смертью обратившийся к книгам своей библиотеки со словами: «Прощайте, друзья». Можно было бы сказать, что книголюб — это такой друг книги, который чувствует и знает, что книга — жива, что книга — его друг, что —«книги — это руки, протянутые чрез века», как написал автор этого вступления в стихотворении, достоинством которого было то, что посвящено оно было П. Н. Беркову...

Но кто же такой — библиофил в отличие от книголюба?

Вновь надо со всею решительностью сказать, что точных граней между обоими понятиями, обозначающими по сути одно и то же,

нет и быть не может. Но скорее библиофилом, не книголюбом, назовем мы того, кто испытывает радость, впервые взяв в руку книгу как предмет (это — слова и определение А. М. Горького, бывшего скорее бескорыстным книголюбом, нежели библиофилом). Библиофилом был блестяще характеризованный П. Н. Берковым (в его книге 1967 г.) Д. В. Ульянинский, предпочитавший хранить книги свои неразрезанными, то есть непрочитанными, «девственными», не освоенными никем, даже им самим! Увы, от библиофила совсем недалек его отвратный двойник, больной и внушающий жалость библиоман!— Библиофил же истинный и правомерный будет в книге внимательным ко всему, что в ней есть. И к формату, и к бумаге, на которой напечатана книга, и к ее шрифту, и к оформлению ее, и к качеству набора, т. е. к осуществлению книги, что в наших глазах несравненно важнее одной только «техники», одной только «внешности», одной только «эстетики» или даже «формы» книги.

В 1920-х годах много споров было вокруг понятия «искусство книги». Противники самого этого понятия упорно хотели видеть в «искусстве» только форму, тогда как в советском понимании искусства «форма» всегда и неразрывно связана со смыслом, с содержанием, с идейным и общественным значением. Искусство — высшее по качеству воплощение или осуществление внутреннего во внешнем, с которым оно слито в диалектическом единстве, и сказать об этом здесь не мешает, потому что именно внимание к этому качеству воплощения книги в ее печатном процессе и есть особенность библиофила. Можно (вновь парадоксально!) сказать, что книголюб будет любить всякую хорошую книгу, будь она столетней давности или пробита пулей на войне. Библиофил — по всей вероятности — нет! Д. В. Ульянинский с пренебрежением возвращал антиквару-букинисту Н. Соловьеву «не удовлетворивший» его экземпляр искомой книги — предпочитая не иметь вовсе том не очень аккуратный, нежели иметь тот же текст, то же издание в чуть обрезанном или не вполне чистом виде...

Но настоящий друг книги и подлинный книголюб будут уважать книгу всегда и везде, и в чужом собрании, в государственной, строго охраняемой библиотеке, и в единичном экземпляре, и в многотиражном издании. Для подлинного библиофила «любование», оценка книги со стороны совершенства ее осуществления (так мы теперь толкуем «искусство книги») отнюдь не зависит от ее редкости, не совпадает с ее дороговизной. П. Н. Берков очень тонко и тактично говорил об этом последнем.

Библиофил же к понятию «книголюба», как думается, как это вытекает из трудов и мыслей П. Н. Беркова, добавляет пафос собирательства. Коллекционирование, дань восхищения которому воздавали и Гёте, и Эйнштейн, и которым в наше время прославился Н. П. Смирнов-Сокольский и сам П. Н. Берков,— благородная, зажигающая и огнем этим очищающая человека страсть,— как раз та «окраска», которая отличает библиофила от книголюба вообще.

Собирать — искать! Открывать! Находить! С облегчением (про себя лучше, нежели вслух) вздыхать: «Наконец-то»... Все это — радости. Они были подвигом порою, когда надо было спасать и восстанавливать разоренные вражеским нашествием музеи и книгохранилища, они были и бывают восторгом открывателей во время экспедиций за старинными рукописями и печатными книгами, при разборе архивов и запасов. Они могут быть следствием или наградой длительных поисков и многолетних попыток напасть на след желанной книги, произведения любимого мастера, именно такого (или «именно этого»!) экземпляра книги, эстампа, рисунка, чего угодно еще.

Собирательство — чудесная, умная и правильная деятельность человека у нас, при советском строе. Она оборачивается отвратною торгашеской жадностью и влечет за собою или преступное, или смешное предпринимательство подделок и обманов в мире монополий. Думается, что призвание коллекционирования, составление собственной библиотеки, большой или малой, специализованной или универсальной, — как раз то, что является отличительным признаком библиофила как такового. С другом книги и с книголюбом вообще библиофила роднят чувства любви и уважения к книге как к слову или как произведению издательски-типографских (или, для изучателей древности, рукописных) процессов, но для библиофила открыты три основные радости или награды его творчества. Это радость находок. Это радость личного общения. И последняя и самая высокая — радость дара. Отдачи добровольной и ничего не дающей, кроме высокого морального удовлетворения, что, понятно, является субъективным, необязательным... И не столь частым!

В чем радость личного общения с книгой, которую библиофил (наконец!) нашел или получил? В чувстве собственности? — Нет, это недостойно, это снимает и умаляет социальное высокорадующее удовлетворение, которое испытывает библиофил, когда он гордится не тем, что он имеет, а тем, что показывает, изучает, т. е. предоставляет свой образцовый экземпляр другим. Или библиофилия — в чувстве владения «редкостью», небывалым «уникумом», неповторимым и особенным чем-либо? Здесь столь часто закономерная гордость может переключиться в самодовольство, в чванство. Библиофил не библиоман, охотящийся неизвестно за чем и неведомо почему и прячущий свои книги, которые он не читает и никому не показывает. Но есть и весьма неприятный тип библиофила — хвастуна, себялюбца, который готов свои книги демонстрировать не ради них самих, а ради — себя. «Вот какой я». «У тебя-то нет, а у меня есть». «У меня экземпляр особый, вот здесь — опечатка, а в твоем обычном экземпляре ее нет» (это последнее — французская эпиграмма XVIII в.)...

П. Н. Берков очень тонко выискивает и знает особенности библиофилов. Он умеет видеть за собраниями книг именно живых людей, их собирающих. Можно, конечно, больше остановиться

на творчестве библиофилов-собирателей. В их обязанности неизбежно входит забота о книге. Ее переплет, если она в нем нуждалась. Ее хранение. Устройство библиотеки. Систематизация. Описание. Обработка и библиотеки и отдельного экземпляра. Экслибрис как знак, запечатлевающий и увенчивающий любовь к книге и образ библиотеки. У самого П. Н. Беркова была очень большая и ценная библиотека по его специальности, литературоведению. Была изумительно им составленная картотека, поступившая после его кончины в Пушкинский Дом Академии наук. Библиотека сохранена тщательно наследницею — вдовою Павла Наумовича Софией Михайловной. И был для нее заказан прекрасный и скромный экслибрис *.

Покойный автор предлагаемой книги был и ученым, и мыслителем, и другом книги, и книголюбом, и книгособирателем и библиофилом. Немного еще надо сказать только о том, каким был он историком. То, что он «библиофилии»— качеству отдельных библиофилов — противопоставил библиофильство как общественное явление и советское, более демократичное, движение противопоставил дореволюционному — любительскому, аристократически-снобистскому книголюбству или любованию отдельными редкостями, — безусловная заслуга.

Настоящая книга продолжает издания «О людях и книгах» и «Русские книголюбы». В первой и второй главах новой — посмертной — книги своей П. Н. Берков отчасти повторяет некоторые материалы, освещенные уже в его первых книгах. Сюда относятся места, где говорит он об антологии «Похвала книге» И. А. Шляпкина, о «Кружке любителей русских изящных изданий». По поводу деятельности последнего стоило бы упомянуть, что неоспоримой заслугой «Кружка» останется издание Гоголевского «Невского проспекта» с иллюстрациями Д. Н. Кардовского и, конечно, «Материалов для библиографии русских иллюстрированных изданий».

Очень ценно в новой книге П. Н. Беркова все, что говорит он на основании весьма мало известных материалов об опыте организации первого библиофильского объединения в Москве, связанного с именем Н. М. Лисовского, неутомимого пропагандиста книговедения, науки о книге, выделяемой им из общей науки библиографии.

Большою заслугою П. Н. Беркова является его постоянное внимание к состоянию издательского дела и книжной торговли в советском революционном государстве в ранние годы и в последующие десятилетия вплоть до 50-летнего юбилея Советской власти. Известные дополнения автору данного вступления надо сделать, пожалуй, только к третьей главе книги П. Н. Беркова, где рассказывается о деятельности московского Русского общества друзей книги в 1920-х годах. Бывший одним из его основателей

* О своей библиотеке П. Н. Берков вкратце рассказал в книге «О людях и книгах».

и затем его весьма активным членом, автор этих строк, как указано, не смог полностью передать П. Н. Беркову всех данных о деятельности РОДК, тем более о его «внутренней истории».

Русское общество друзей книги возникло в начале 1920-х годов по общественной инициативе передовой части русской интеллигенции, как старой, дореволюционной, принявшей без оговорок новую, Советскую власть и ставшей добровольно сотрудничать с нею, так и молодой, перед которой революция открыла возможности творческого участия в бурно развивавшемся культурном строительстве. В составе учредителей и руководства, затем основного ядра Русского общества друзей книги (принявшего это последнее наименование сознательно в противоположность и Кружку любителей в старом Петербурге, и предлагаемому Н. М. Лисовским Обществу библиофилов) были работники музеев, как В. Я. Адарюков, писатели-искусствоведы, как П. Д. Эттингер, деятели издательства и вполне «интеллигентских» книжных магазинов, как Д. С. Айзенштадт и А. М. Кожебаткин. К «старшим» принадлежал и обаятельный собеседник и изучатель русской литературно-художественной среды С. Г. Кара-Мурза. Пишущий эти строчки, только-что получивший звание профессора А. А. Сидоров; музейный работник, прекрасный знаток искусства Н. В. Власов; недавний военный А. М. Макаров; букинист, человек редкого художественного чутья А. Г. Миронов — упомянуты с большей или меньшей степенью подробности в третьей главе книги П. Н. Беркова. В обществе почти участия не принимал М. П. Келлер. По первому плану, задуманному более тесною группой учредителей РОДК, А. М. Кожебаткин был бы в нем представителем старой (подразумевалось — XVIII—XIX вв.) русской книги, М. П. Келлер — специалистом по книге зарубежной. Вскоре и М. П. Келлер и А. М. Кожебаткин перестали принимать участие в РОДК. Отошел от общества и Н. Н. Орлов. С Русским библиографическим обществом отношения РОДК не были ни регулярными, ни тесными. Наоборот, некоторые выступления, в РОДК встреченные с общим сочувствием (доклады старейшего букиниста П. П. Шибанова и др.), в Библиографическом обществе встречали критику. РОДК, однако, имел другую «базу», о которой П. Н. Берков не сказал; но отделение «библиофильства» от научной, исторической, литературной или искусствоведческой работы не позволяет восстановить полную культурную картину жизни Москвы 1920-х годов.

Одновременно с РОДК была в Москве под эгидой Наркомпроса и лично А. В. Луначарского создана обширная Государственная академия художественных наук, в составе которой стала работать вначале специальная Полиграфическая секция, затем Библиологический отдел и Комиссия графических искусств. Двухтомник «Книга в России» (1924—1926), издававшийся в те же годы малотиражный журнал «Гравюра и книга» были в не меньшей мере органами этих отделов ГАХН, как и РОДК. Все более специальные, исторические или теоретические темы выносились в ГАХН, где

сотрудничали В. Я. Адарюков, П. Д. Эттингер и пишущий эти строки; активно работавшие и в государственном и в любительском объединении молодой, рано погибший М. С. Базыкин и пожилой, бывший «протоколистом» РОДК, в дореволюционное время педагог (и стихотворец!) И. К. Линдеман. РОДК, с его дружескими еженедельными собраниями в Московском Доме ученых, носило характер «клуба», чуждавшегося дискуссий, зато устраивавшего регулярные выставки, литературные вечера, аукционы, выступления артистов. Зато доклады таких книговедов, как М. Н. Куфаев, искусствоведов, как Н. Н. Пунин, устраивались в ГАХН. Мало-помалу в литературной секции ГАХН сосредоточилась деятельность таких крупных московских ученых, как М. А. Цявловский и В. В. Вересаев. В. Я. Адарюков и пишущий эти строки равномерно делили свои труды между ГАХН, РОДК и (в последние годы десятилетия) Гравюрным кабинетом Музея изобразительных искусств.

Неполной осталась бы картина работы РОДК без краткого упоминания хотя бы двух очень красочных, характерных для Москвы и весьма противоположных фигур, страстных библиофилов. С одной стороны — это М. И. Щелкунов, в прошлом — наборщик, в годы революции ставший преподавателем и профессором, автор известного, бывшего для своего времени весьма нужным труда по истории книгопечатания. Автодидакт, страстно любивший старую (западную!) книгу, прямолинейно мысливший и неоспоримо добросовестный, М. И. Щелкунов в РОДК представлял как бы «демократическое» его крыло. М. Я. Шик, блестящий мастер поэтического перевода, полиглот, остроумнейший собеседник и вместе с тем великолепный знаток книги, составивший себе поразительную коллекцию французских романтиков, был весьма живым участником всех встреч РОДК, впоследствии работником антиквариата «Международная книга»— и перешел от собрания книг к филателии...

Вместе с тем — пусть это останется лучшею «концовкой» деятельности РОДК,— самое ценное, что удалось обществу совершить, было издание «Домика в Коломне» с оригинальными гравюрами В. А. Фаворского, одно из лучших «библиофильских» или просто художественных изданий тех лет.

Не надо, думается, делать еще какие-либо вставки в очень интересную, талантливо написанную рукою мастера картину развития общественного движения, посвященного книге в нашей стране. Вся книга П. Н. Беркова — хороший памятник пройденному участку пути общего нашего культурного развития.

Автор данного вступления хотел бы, чтобы эти его страницы были скромным венком на могилу крупнейшего советского друга книги в самом лучшем смысле — большого человека и ученого, Павла Наумовича Беркова...

Член-корреспондент Академии
наук СССР А. А. Сидоров

От автора

Мне кажется, нет необходимости обосновывать право автора на написание «Истории советского библиофильства», в то время как «Истории русского библиофильства до 1917 г.» еще не существует. Собирая в течение многих лет материалы по истории русского книголюбия с древнейших времен до наших дней, я давно уже пришел к заключению, что история советского библиофильства богаче, интереснее и поучительнее и, несомненно, ближе советскому читателю-книголюбу, чем история библиофильства дореволюционного периода. Этим и объясняется то, что, нарушая хронологический порядок изложения, я написал данную книгу. Передавая ее в руки читателя, я считаю нужным сказать несколько слов о ее построении.

В центре моего внимания стояли не отдельные библиофилы и их библиотеки, как было бы неизбежно в «Истории русского библиофильства до 1917 г.», а именно библиофильство как общественное явление — библиофильские организации, их пропагандистская, научно-исследовательская и издательская деятельность, формы их работы,— научные заседания, обмен опытом, выставки, аукционы, книгообмен и т. д., предметы собирательства, библиофильские моды, материальная база советского библиофильства — антикварные и букинистические магазины, вообще книжная торговля, наконец, постепенно возникшая, развивавшаяся и достигнувшая значительного уровня библиофильская литература.

Конечно, больше всего меня интересовали и привлекали образы советских библиофилов, их библиофильская психология, их глубокая и своеобразная преданность любимому увлечению.

По мере приближения работы над книгой к концу мне стало ясно, что материалы для последних глав «Истории советского библиофильства», в которых я предполагал говорить о книголюбах наших дней, настолько обширны, что никак не уложатся в листаж, предоставленный мне издательством «Книга», а если бы издательство даже и согласилось значительно увеличить объем «Истории», то композиция книги от этого безусловно пострадала бы. Поэтому в дополнение к выпускаемому труду я задумал еще одну книгу — «Советские библиофилы, книголюбы, книгособиратели наших дней

(1950—1960-е гг.)», которая должна будет представлять собой своеобразный биобиблиографический словарь *.

Однако из сказанного не следует делать заключение, что последние два десятилетия истории советского библиофильства не нашли отражения в настоящей книге. Напротив, по своему объему последние две главы составляют более четверти книги.

Как обширны и многообразны ни были собранные мною материалы, данная работа не могла бы быть написана без дружеской помощи ряда лиц, бескорыстно и охотно сообщавших мне сведения или наводивших по моей просьбе нужные справки. Перечислить имена всех товарищей, в той или иной форме оказавших мне помощь, будет затруднительно. Поэтому я назову только тех, кто был особенно полезен мне своими сообщениями и указаниями; это — член-корреспондент АН СССР проф. А. А. Сидоров, В. Г. Лидин, вице-президент Академии педагогических наук СССР проф. А. И. Маркушевич, Н. И. Сахаров, проф. С. П. Фортинский, доц. И. Я. Каганов, канд. филол. наук О. Г. Ласунский, канд. филол. наук Н. Д. Кочеткова, д-р филол. наук В. И. Малышев, И. М. Кауфман, Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, И. Б. Семенов, А. Б. Лоев, Б. А. Вилинбахов, П. Н. Мартынов, О. Д. Айзенштадт, В. А. Рождественский, К. И. Шафрановский.

Всем названным и многим, многим неназванным товарищам, чья исключительная отзывчивость, помощь и доброе отношение ко мне способствовали созданию этой книги, выражаю большую, искреннюю благодарность.

15 марта 1968 г.

---

* К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться из-за смерти автора — П. Н. Беркова. (*Ред.*)

Глава первая

Русское библиофильство советского периода

Общая характеристика

Как и во всех других сторонах русской культуры, Великая Октябрьская социалистическая революция произвела в такой незаметной и периферийной области, как русское библиофильство, коренной переворот. Результаты его стали заметны не сразу, а лишь постепенно, но зато они обнаружились решительно во всех составных элементах библиофильства, в его социальном составе, в формах и характере деятельности и в его общественной роли.

Самая главная, основная перемена состояла в широкой демократизации русского библиофильства. Вместо прежнего дворянско-буржуазного, «аристократического», «камерного» библиофильства, формировавшегося по преимуществу в среде представителей состоятельных верхов старой России, возникло и чем дальше, тем быстрее стало расти советское, демократическое книголюбие, колоссально возросла любовь к чтению, к книге, газете, журналу. Буквально с первых же дней Советской власти проблема издания газет и книг для нового читателя стала одной из важнейших практических задач, которые пришлось решать партии и правительству.

Просмотр периодических изданий 1916—1921 гг. показывает, какой серьезной проблемой был в этот период «книжный голод», возникший в России в результате войны 1914—1918 гг. и усилившийся в первые годы гражданской войны. Быстрое восстановление книгоиздательского дела было одной из самых существенных идеологических побед Советской власти.

Сразу же после Октября 1917 г. возникла новая, советская книга, и тогда же появились ее любители, ценители и собиратели. По своему социальному составу эти новые книголюбы коренным образом отличались от прежних библиофилов. Это были в основном рабочие, солдаты, молодые советские служащие, передовая часть крестьянства,— словом, люди, искренне преданные революции. И собирали они не книжные редкости и дорогостоящие русские и иностранные изящные издания, а политические брошюры и книжечки революционных лет, дешевые переиздания классиков, выпускавшиеся Литературно-Издательским отделом Народного

комиссариата по просвещению, современную революционную беллетристику, печатавшуюся различными издательствами Советов депутатов Москвы, Петрограда и других городов, произведения выдающихся иностранных авторов, входившие в состав обширного плана издательств, например издательства «Всемирная литература», возникшего по инициативе А. М. Горького в первые годы революции.

Дорожили эти книголюбы новой, советской книгой не как предметом коллекционирования, а как источником знания, средством понять великие события, участниками которых были эти читатели, способом найти ответ на жгучий вопрос: «Что сделать для развития советской культуры?»

Так зародилось в революционные годы новое, советское книголюбие. Из этого книголюбия постепенно сложилось современное советское библиофильство, претерпевшее за полвека существования ряд интересных и поучительных изменений.

Незадолго до революции в журнале «Русский библиофил» печаталась работа известного библиофила и библиографа У. Г. Иваска «Частные библиотеки в России» (56) *, представляющая алфавитно построенный словарь владельцев библиотек, находившихся в пределах тогдашней Российской империи, начиная с XV и по XX в. включительно. Автор ввел в своей перечень не только руских библиофилов, но и польских, притом таких, как король Станислав Август (Понятовский), магнаты братья Залусские и другие. Правда, У. Г. Иваск включал только тех владельцев библиотек, о которых находил печатные известия; однако — нельзя не отметить — свои источники он использовал недостаточно внимательно. Так, например, в 1902 г. в журнале «Антиквар», на который автор «Частных библиотек в России» неоднократно ссылается, сообщалось о библиотеке петербургского столяра Матвеева, состоявшей из книг исторического и беллетристического содержания. Матвеев, как указывалось в журнале, «долгие годы с любовью собирал книги и держал их в отличном порядке — переплетенными и в шкафах собственной работы» (129). Однако У. Г. Иваск не нашел нужным использовать сведения о библиотеке Матвеева,— может быть, случайно, а может быть, и принципиально,— как и о других библиофилах из демократической среды (у него нет упоминаний о библиотеке Максима Горького, поэта А. В. Кольцова, В. Г. Белинского и др.).

И все же у Иваска оказалось зарегистрированным только 1346 имен. Эти данные далеко не соответствовали реальному положению вещей как для периода до XIX в., так и для XIX—XX в., что было отмечено и редакцией «Русского библиофила» (64).

В самом конце XIX в. В. Русаков (С. Ф. Либрович), автор статьи «Библиотека в рабочем кабинете интеллигентного человека», писал: «В наши дни трудно найти квартиру интеллигентного чело-

---

* В скобках указан порядковый номер упоминаемой работы в «Списке использованной литературы», который приводится в конце книги.

века, в которой не имелось бы более или менее солидной коллекции книг, не имелось бы библиотеки. Отсутствие библиотеки в доме — это как будто явное свидетельство... малокультурности лиц, занимающих данную квартиру». Далее Либрович характеризует внешний вид такой библиотеки, обычно помещавшейся в рабочем кабинете владельца: «Несколько открытых полок, прибитых к стенам кабинета, или один-два шкапа с стеклянными дверями, поставленные в кабинете,— вот и помещение для библиотеки устроено. Остается поставить на полках книги — и библиотека готова» (141).

У. Г. Иваск

Таких библиотек в тогдашней России было, конечно, очень много, и Либрович был прав, называя их владельцев людьми, любящими книги. В советское время число таких книголюбов возросло в сотни, может быть, и в тысячи раз. Сейчас не только в семье каждого советского интеллигента, но и в огромном количестве семей рабочих и колхозников имеются библиотеки, — пусть небольшие, но хорошо подобранные, не случайные (124). Именно на эти категории советских книголюбов рассчитаны многочисленные подписные издания издательства «Художественная литература» и издательства «Наука» (бывшее изд-во АН СССР); ими раскупаются различные серии: «Библиотека поэта», «Библиотека всемирной литературы» и пр.

Можно ли считать всех подобных собирателей домашних библиотек книголюбами, библиофилами? В широком значении этих слов,— конечно, да. Но если нельзя признать их всех библиофилами в узком значении, то несомненно, однако, что потенциально они образуют огромный резервуар, из которого во все большем количестве выделяются «собственно библиофилы», о которых и будет идти речь в дальнейшем.

Другие существенные изменения в русском библиофильстве произошли также и в предмете собирательства. Вместо прежнего «универсализма», коллекционирования «редких книг» вообще, независимо от их содержания, типичным стало в советский период, особенно в последние десятилетия, собирание книг по более или менее строго очерченной тематике, коллекционирование книг

определенного содержания. Возникла специализация библиофильских библиотек: одни стали собирать книги только по истории русского революционного движения (и даже какого-то одного периода) или по историческим эпохам (книги и повременные издания эпохи Великой Октябрьской социалистической революции, эпохи гражданской войны, Великой Отечественной войны), другие — по книжным жанрам (альманахи пушкинской поры, русская дореволюционная или советская поэзия, литература народов СССР или какого-нибудь одного народа в русских переводах или в оригинале, книги по русскому фольклору или специально по «мировой» сказке, т. е. сборники сказок народов мира в оригинале или в русском и в других переводах). Широкую популярность приобрело собирание книг краеведческого характера: посвященных какому-нибудь определенному городу (Москве, Ленинграду, Киеву, Казани, Одессе и т. п.) или республике, краю, области (украиника, сибирика, пермика, уралика); затем — книг о каком-нибудь одном историческом деятеле, писателе, ученом, актере (например, о Пушкине, Маяковском, Павлове, Качалове, Наполеоне, Шекспире, Гейне, Ньютоне, Дарвине, Эйнштейне, Клиберне) или вообще книг биографического содержания, вроде дореволюционной серии «Жизнь замечательных людей» Павленкова и советской с таким же названием.

Перечисляя различные виды советского книгособирательства, мы отнюдь не приводим «воображаемые» примеры: за каждой темой или предметом, указанными нами, стоят конкретные люди, реальные собрания, известные нам лично или такие, проверенные сведения о которых мы почерпнули из печати или из писем своих корреспондентов.

Конечно, подобное монобиблиофильство (коллекционирование книг только по одной теме) не является единственной формой советского книгособирательства; оно очень распространено и может считаться преимущественным, однако не исключает и библиофильства более широкого профиля. Весьма возможно, что известную роль в развитии монобиблиофильства играют жилищные условия, в которых находилось и еще пока находится большинство советских библиофилов, так как легче хранить относительно маленькое собрание, чем огромные коллекции, характерные для дореволюционных библиофилов-дворян, вроде Н. П. Румянцева, А. Д. Черткова или библиофилов из буржуазии — Я. Ф. Березина-Ширяева, Г. В. Юдина, А. П. Бахрушина, А. Е. Бурцева, из духовенства — архиепископа новгородского Феофана Прокоповича, митрополита Евгения Болховитинова, киевского митрополита Флавиана, библиотека которого была размещена в специально построенном двухэтажном здании и описана в основном каталоге и двух дополнениях к нему.

Кроме жилищных условий, на распространение среди советских книголюбов монобиблиофильства влияют и материальные возможности. Они, естественно, не располагают такими средствами,

какие вкладывали в собирание своих библиотек богачи дореволюционного времени.

Характеризуя изменения, происшедшие в советский период в области предмета книжного собирательства, мы должны отметить одно в высокой мере заслуживающее внимания обстоятельство: возрождение интереса к коллекционированию старинной рукописной книги. В дореволюционный период расцвет собирательства рукописной книжности приходился на конец XVIII — первую половину XIX в. Тогда составились крупнейшие собрания подобного рода (Н. П. Румянцева, А. И. Мусина-Пушкина, Ф. А. Толстого, И. Н. Царского, А. И. Кастерина и др.). Пристальное внимание к старописной и старопечатной книге стали проявлять со второй половины XIX в. государственные библиотеки и библиотеки научных обществ (Публичная библиотека, Библиотека Академии наук, Библиотека Румянцевского и Исторического музеев, библиотеки Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества любителей древней письменности и др.). Располагая неизмеримо большими средствами, чем рядовые библиофилы второй половины XIX — начала XX в., государственные и научно-общественные библиотеки приобретали значительную в количественном отношении и наиболее ценную по своему характеру часть старинной книжности, попадавшей на антикварный рынок. Поэтому во вторую половину XIX в. и в первые десятилетия текущего столетия количество собирателей рукописной и старопечатной книги резко снизилось. Наиболее крупными коллекционерами в этой области русского библиофильства в конце XIX — начале XX в. были купцы И. А. Вахрамеев, Ф. Ф. Мазурин, помещик А. А. Титов, академики В. Н. Перетц, Н. К. Никольский, профессор И. А. Шляпкин. В первые годы после революции собирание древнерусских рукописей и старопечатных книг быстро пошло на убыль. Конечно, нельзя сказать, что оно прекратилось совсем; однако сведений о нем в печати 20—40-х годов мы не встречаем.

Поразительное изменение в данной области русского библиофильства обнаружилось в послевоенный период. Благодаря разысканиям неутомимого ленинградского археографа и литературоведа В. И. Малышева стали известны десятки и сотни имен собирателей древнерусской книжной старины по всему Советскому Союзу (96—99).

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения и в те внешние и внутренние условия, в которых складывалось и развивалось советское библиофильство. Одним из самых важных вопросов в этой области является вопрос об источниках, из которых библиофилы черпают материалы для пополнения своих коллекций, источники собирательства, и в первую очередь вопрос о книжной торговле вообще и о торговле букинистической и антикварной книгой в частности.

С XVIII в. основным источником роста библиофильских собраний была покупка книг в нескольких казенных книжных лавках, появившихся в Москве и Петербурге почти одновременно — в начале второй четверти столетия. Затем долгое время книги продавались у переплетчиков. Однако здесь можно было приобретать только новые книги и изредка отдельные экземпляры старых изданий. Старые же рукописные и печатные книги в лавках не продавались, ими торговали случайные люди на рынках.

Такой порядок оставался в течение всей второй половины XVIII в. и даже позднее. Лишь постепенно возникают антикварные лавки по продаже старопечатной и рукописной книги, на которые появляется спрос с конца XVIII в.

Со средины XIX в. в Петербурге и Москве в библиофильской практике начинают играть большую роль толкучки, где — сначала на «развале», а затем в букинистических лавочках — можно было найти старинную книгу. Конечно, библиофилы вроде Румянцева, Черткова и пр. на толкучки не ходили — для подобных аристократических коллекционеров книги приобретали по их поручению библиотекари или специально приглашенные небогатые ученые; кроме того, появился тип «холодного» букиниста, носившего за спиной в холщевом мешке свой «товар» и посещавшего «клиентов» на дому.

В 80-х годах XIX в. в Петербурге и Москве возникли первые специальные антикварные книжные магазины и начали даже выпускать каталоги своей «наличности», в особенности после покупки какой-либо крупной библиотеки. С этого времени патриархально-идиллический период антикварной торговли сменился периодом откровенно хищнического обирательства покупателя, большей частью такого же хищного обирателя в какой-либо другой области торговли и промышленности. В короткое время цены на особенно спрашивавшиеся книги, так называемые «редкости», возросли. Появились роскошно обставленные, «на европейский манер» магазины, антикварное книжное дело стало одной из очень выгодных отраслей капиталовложения. Число подобных книжных антиквариатов быстро увеличилось, и не только в столицах, но и в так называемой провинции (170).

В предреволюционное время основным источником пополнения библиофильских коллекций стали крупные антикварные магазины Петрограда (В. И. Клочкова, Н. В. Соловьева, Л. Ф. Мелина, Ф. Г. Шилова) и Москвы (П. П. Шибанова, А. М. Старицына). Наиболее значительные из них перестали существовать либо незадолго до революции (Клочкова, Соловьева, перешедший к его старшему приказчику А. С. Молчанову), либо в первые годы после Октября (Шибанова, А. С. Молчанова и др.). В период нэпа некоторые из старых букинистических и антикварных магазинов возникли вновь, в частности в Ленинграде магазины Ф. Г. Шилова, И. Ф. Косцова, Н. В. Базыкина и др. В большом числе появлялись и так же быстро исчезали маленькие книжные магазины в Апраксином

и Александровском рынках и на Литейном проспекте в Ленинграде, в Москве — в районе Сухаревой башни (Панкратьевский переулок и Сретенка), в «Проломе» на Никольской (теперь — начало проспекта К. Маркса) и на Моховой. К концу 20-х годов все частные букинистические и антикварные магазины прекратили существование.

Для истории советского библиофильства представляют интерес сведения о судьбе книжных лавок и их владельцев, эти данные помогают восстановить обстановку и условия, в которых протекали отдельные этапы советского книголюбия.

В период нэпа в большом количестве стали возникать и магазины старой букинистической и антикварной книги, принадлежавшие различным — действительным или фиктивным — артелям и кооперативам. Таковы были в Москве —«Товарищество „Старина и книга"», в Ленинграде «артель» «Экскурсант» и др. В каждом таком магазине был один или несколько букинистов или антикваров дореволюционного времени, более или менее прилично знавших традиционный репертуар «книжных редкостей», «роскошных изданий» и других книг, пользовавшихся спросом старых собирателей. В расчете на таких покупателей они умело украшали витрины магазинов крупными «увражами», часто раскрытыми на известных любителям гравюрах. Тут же были расставлены русские и иностранные альманахи, английские кипсэки, французские иллюстрированные издания XVIII или начала XIX в.; изредка — порою только на несколько часов — появлялись прижизненные издания произведений Пушкина, знаменитые миниатюрные «Басни» Крылова в футлярчике с лупой, книги стихов А. Блока и А. Ахматовой с автографами, уже тогда высоко ценившиеся библиофилами. Чаще же всего эти жадно разыскивавшиеся издания не попадали ни на витрины, ни на прилавки магазинов, а с глазу на глаз продавались «постоянным клиентам».

Особой разновидностью книжных антиквариатов 1918—1921 гг. были книжные лавки, организованные группами московских и петербургских писателей; их было довольно много, и они в определенном смысле послужили образцом для «книжных лавок писателей», возникших в 30-е годы и продолжающих существовать и сейчас.

К концу 20-х годов, как уже отмечалось, и эти новые антикварные магазины постепенно исчезли. На смену им пришла государственная книжная торговля («Старая книга» Госиздата), появились в Москве, Ленинграде, Киеве и некоторых других городах магазины «Международной книги», «Академкниги» и нового типа «Книжные лавки писателей», ставшие позднее исключительно важными источниками пополнения библиофильских библиотек.

В следующих главах нам придется подробнее говорить об антикварной и букинистической торговле в отдельные десятилетия советского периода, и тогда мы остановимся и на некоторых новых крупных явлениях в этой области. Сейчас же мы отметим основное: наряду с постепенным исчезновением старых, дореволюционного

времени, книжников, стали расти кадры молодых советских книжных продавцов, прошедших курс обучения в различных книжных техникумах, школах книжного ученичества и аналогичных учебных заведениях и в подавляющей массе свободных от пережитков частнособственнической психологии, избавиться от которых не всегда удавалось даже лучшим из «стариков». Конечно, у молодых советских книжников не было такого большого опыта, какой годами накапливался у их предшественников, начинавших свой трудовой путь мальчиками на побегушках в лавке какого-нибудь удачливого земляка или родственника и на лету приобретавших знания, часто случайные, разрозненные и неточные.

Обычно и старые книжники, и старые библиофилы вздыхают, говоря об оскудении букинистической и антикварной торговли «истинными знатоками» среди продавцов, об отсутствии достойной смены в рядах молодых работников. Мы не разделяем этого пессимизма. Наряду со смертью одних из представителей старшего поколения советских книжников-антикваров и уходом на пенсию других, происходит процесс заполнения рядов антикваров молодыми специалистами. Правда, их знания, все растущие и углубляющиеся, сосредоточены в других областях антикварной торговли, в которых «старики» были полными профанами, а именно — советской редкой книги. Явление это в истории русской антикварной торговли не новое и можно сказать обычное: каждая новая эпоха создает специалистов в новородившейся отрасли книжного собирательства, но в глазах «стариков» эти молодые кадры книжников, нередко очень сведущие в избранной ими отрасли, представляют упадок «истинной» книжной торговли. В истории русской книжной торговли известно имя старого московского книжника П. В. Шибанова, торговавшего только древними рукописными и старопечатными церковными книгами; этот Шибанов очень тяжело переживал, что его сын, П. П. Шибанов, впоследствии ставший самым крупным и самым серьезным русским антикваром,—«ударился,— по его словам,— в гражданизм». Из этого можно увидеть, как в сущности традиционны и необоснованны современные жалобы на упадок антикварного дела.

Кроме того, молодежь имеет сейчас возможность и в процессе обучения в специальных книжных техникумах и школах знакомиться с историей русской книжной торговли, в том числе и антикварно-букинистической. Немалую пользу принесли также воспоминания старых специалистов (П. П. Шибанова, Ф. Г. Шилова, П. Н. Мартынова, В. Назарова, Э. Ф. Ципельзона и др.), появлявшиеся на страницах книготорговых журналов или выходившие отдельными изданиями. В них молодые специалисты черпали и черпают много полезных сведений.

Как ни значительны перечисленные изменения в характере русского библиофильства нашего времени, однако ими не исчерпываются те новые признаки, которые решительным образом отличают советское книголюбие от дореволюционного. Одной из

важнейших черт, — может быть, даже самой существенной,— советского библиофильства является пронизывающий его коллективизм, то, что в основной своей массе советские книголюбы объединяются в библиофильские организации, ведут научную работу, устраивают открытые публичные заседания с научными докладами, интересные выставки, а также осуществляют обмен индивидуальным опытом, книгами, экслибрисами и пр. В досоветский период русские библиофилы в целом жили разобщенно, обособленно. Дружеские встречи трех-четырех библиофилов у П. А. Ефремова, строго замкнутое Общество любителей древней письменности, «аристократический» Кружок любителей русских изящных изданий объединяли очень небольшое число тогдашних библиофилов; все же прочие были предоставлены самим себе, не получали от общения с другими собирателями стимулов для дальнейшей работы, импульсов для своего собирательства. Порою книжные лавки старых букинистов, например, А. А. Астапова или П. П. Шибанова в Москве, В. И. Клочкова, И. И. Базлова в Петербурге, становились своеобразными клубами библиофилов, но никаких организационных форм эти встречи не приобретали.

С первых же лет Советской власти в среде русских библиофилов стихийно обнаружилось стремление к объединению, проявился принцип коллективизма. В течение 20-х годов успешно работали Русское общество друзей книги (Москва) (РОДК), Ленинградское общество библиофилов (ЛОБ), Кружок друзей книги в Казани и др. Возникли печатные органы советских библиофилов («Казанский библиофил», 1921—1923; «Среди коллекционеров», Москва, 1921—1924; «Альманах библиофила», Л., 1929; «Хроника Ленинградского общества библиофилов», Л., 1931 и др.), систематически выпускались памятки этих библиофильских организаций, а также библиографии их изданий. Отражающие текущую, повседневную деятельность РОДК, ЛОБ и других библиофильских объединений (например, Украинского библиологического общества, Киев, УБТ), эти памятки, брошюры, библиографии возбуждают живейший исторический интерес и позволяют представить себе, как складывалось советское библиофильство, какие этапы оно проходило и как зарождались в нем элементы дальнейшего развития.

В 30—40-е годы уже не наблюдалось интенсивного развития старых библиофильских организаций, возникших в начале 20-х годов. Вместо прекративших свою деятельность обществ появлялись различные их видоизменения, а в послевоенные годы делались неоднократные попытки создания собственно библиофильских объединений. В течение 50—60-х годов окончательно окрепли Секция книги при Московском и Секция книги и графики при Ленинградском Домах ученых, возникли Клубы любителей книги в Москве (при Центральном Доме работников искусств и при Центральном Доме литераторов), в Харькове, Херсоне, Красноярске и других городах.

Параллельно, а в некоторых городах и независимо от библио-

фильства стало развиваться в последние десятилетия и собирание книжных знаков, экслибрисов. В Москве, Ленинграде, Кемерове, Минске, Вологде, Красноярске, в Тувинской автономной республике, в Херсоне и т. д. организуются выставки художников-экслибрисистов или коллекций книжных знаков, издаются каталоги таких выставок, печатаются многочисленные статьи таких авторов-экслибрисоведов, как Е. Н. Минаев, С П. Фортинский, Б. А. Вилинбахов, О. Г. Ласунский и т. д.

Библиофильство и его «младшая сестра» — экслибрисистика — стали широким культурным явлением в советской жизни.

Немалую роль в этом подъеме советского книголюбия играет быстро растущая библиофильская и экслибрисоведческая литература, привлекающая интерес широких масс читателей.

Эта библиофильская литература внесла и продолжает вносить в историю советской культуры много ценных сведений о книгах, журналах, газетах, альманахах, типографах, издателях, библиотекарях, библиофилах и т. д. Библиофилы-краеведы обнаруживают редчайшие издания периода гражданской войны или времени Великой Отечественной войны,— порою существенные для истории революционного или партизанского движения, в особенности краевого или областного. Большой интерес представляют обнаруживаемые библиофилами многочисленные сведения о книгах русских, дореволюционных и советских, или зарубежных писателей с их дарственными надписями (автографами) или с дарственными надписями, сделанными им другими лицами. Благодаря публикации таких сведений в печати историки и историки литературы получают полезные биографические указания, касающиеся исторических и литературных деятелей. Подобные автографы, в особенности если они датированы, дают авторитетные биографические,— даже автобиографические,— свидетельства, уточняющие наши знания жизненного пути и литературных связей писателей.

Возвращаясь к вопросу об особенностях советского библиофильства, проявившихся с самого его возникновения, следует особенно отметить его обращение к современной книге, к современному искусству книги. Характерной чертой дореволюционного русского библиофильства была его враждебность к книге нового времени и культ книги первой половины XIX в. Александр Блок в своем дневнике 1912 г. правильно связывал это с политической реакцией того времени: «Дни у букинистов — дрянное племя: от циничной глупости и грубости маленькой лавчонки — до сумасшедшего г-на Соловьева (букиниста), желающего показать, что русские двадцатые (и другие) годы были „возрождением" (!!!),— печатающего свой „Русский библиофил" с сумасшедшей роскошью, которую порождает только реакция,— шаг небольшой» (17).

Эту враждебность дореволюционных библиофилов к современной им книге лучше всего иллюстрирует поразительный эпизод, когда правление Кружка любителей русских изящных изданий отвергло — как «декадентские»— иллюстрации А. Н. Бенуа

к «Медному всаднику» Пушкина, выполненные художником по заказу председателя Кружка В. А. Верещагина, и книга не была напечатана (14).

Советские библиофильские организации 20-х годов, и в особенности Русское общество друзей книги, в составе которого находились искусствоведы, специалисты по искусству книги В. Я. Адарюков, А. А. Сидоров, П. Д. Эттингер, Д. С. Айзенштадт, сыграли большую положительную роль в развитии советской книжной графики тех и последующих лет. В Ленинграде подобную же роль играло Ленинградское общество библиофилов, во главе с искусствоведами Э. Ф. Голлербахом, П. Е. Корниловым и др. В Казани в те же годы действовала «казанская школа» искусствоведов во главе с П. М. Дульским и упомянутым П. Е. Корниловым.

Можно без всякого колебания утверждать, что первые шаги советской книжной графики 20-х годов были результатом совместной деятельности библиофилов и художников и что советская книжная графика очень многим обязана РОДК и ЛОБ. Если так существенно изменился характер русского библиофильства в советское время, то вполне очевидно, как выиграла от этого национальная культура в целом.

Возникновение больших частных библиотек с «универсальным» профилем («полибиблиофилия») типично для ранних этапов библиофильства любого народа. Такие большие библиотеки, как Н. П. Румянцева, С. Д. Шереметева, Д. П. Бутурлина, имели значение еще и потому, что государственных, открытых для широкого пользования библиотек тогда (в конце XVIII—начале XIX в.) было мало: Академии наук в Петербурге, университетская в Москве. Укомплектованы были эти государственные библиотеки недостаточно хорошо, и в основном книгами иностранными, из русских же — изданиями XVIII — начала XIX в. Обязательный экземпляр появился у нас в 1814 г., одновременно с открытием Императорской публичной библиотеки в Петербурге. В таких условиях поступление крупного библиофильского собрания в какую-нибудь государственную библиотеку в качестве дара или в результате покупки означало большое расширение ее состава, пополнение ее основных фондов. По мере же того, как в результате систематических приобретений и дарений государственным библиотекам удавалось значительно ликвидировать имевшиеся у них пробелы (лакуны) комплектования, поступление больших библиофильских библиотек перестало играть прежнюю роль. Напротив, недостаток площади для хранения книг нередко вынуждал и вынуждает руководство государственных библиотек отказываться от покупки и от принятия в дар библиофильских собраний, которые предлагаются с условием сохранения их в полном составе.

Тем большее значение приобретают в таких условиях сравнительно небольшие коллекции монобиблиофильского характера: содержа преимущественно полный подбор изданий по какой-то определенной теме и нередко имея в своем составе такие издания,

какие отсутствуют в крупнейших центральных книгохранилищах, они тем самым обогащают государственные библиотеки, в которые тем или иным способом поступают, не обременяя их многочисленными дублетами — обычным спутником приобретения библиофильских собраний пестрого «универсального» состава (12).

Таким образом, изменение характера русского библиофильства в результате революции безусловно положительно сказалось на той части советской национальной культуры, которая связана с книгой и выражается в книжной форме. Библиофилы спасли и продолжают спасать для истории советской культуры многие ценности, которым грозила полная гибель в условиях гражданской, затем Великой Отечественной войны, а также в результате других, иногда субъективных причин. Советские библиофилы, как правило, предоставляют возможность изучать хранящееся у них рукописное и печатное наследие прошлого известным специалистам, а нередко, и во все большем количестве, и сами выступают в качестве исследователей, обогащая тем самым советскую науку и культуру. Тип коллекционера-библиомана, тем более — библиотафа, совершенно исчез в советском библиофильстве. Все чаще приходится читать в газетах и слышать о том, что тот или иной советский библиофил передал свое собрание в дар определенному государственному книгохранилищу, высшему учебному заведению или краеведческому музею, что такой-то пенсионер или рабочий, или колхозник сделал свою библиотеку доступной для пользования жителям поселка, колхоза, аула и т. д. При просмотре быстро растущей литературы по советскому экслибрису мы все чаще встречаемся с книжными знаками рабочих и колхозников. Интерес советских читателей к книжной культуре, к искусству книги, к библиофильству, библиофилам, к старой и новой книге все более и более растет, и это является бесспорным свидетельством и лучшим показателем того, какие большие качественные и количественные изменения произошли в русском библиофильстве за полвека Советской власти.

Глава вторая

Предыстория советского библиофильства

Книжное дело в России в 1917 г.— Библиофильство в период военного коммунизма.— Библиотека В. И. Ленина в Кремле.

История советского библиофильства, как и история всякого явления в природе и обществе, имеет свою предысторию. Собственно, история советского библиофильства начинается лишь с 20-х годов, а предшествующие несколько лет правильнее считать периодом отмирания дореволюционного библиофильства, с одной стороны, и постепенного накопления сил для возникновения советского книголюбия, с другой. Последнее, как будет видно из дальнейшего, не было прямым и непосредственным продолжением дореволюционного библиофильства. По своему социальному существу, составу и идейному содержанию советское библиофильство с первых же шагов полностью было иным, и если это не всем тогда было ясно, то сейчас, на историческом отдалении, это несомненно.

Тем важнее рассмотреть данные о библиофильстве 1917—1920 гг. Однако прежде чем обратиться к предыстории советского библиофильства, необходимо представить себе состояние книжного дела в России накануне и во время Великой Октябрьской революции и в первые три-четыре года после нее.

Начавшаяся во второй половине 1914 г. война с Германией сразу и сильно повлияла на книжную жизнь страны: резко сократилось производство бумаги, книгопечатание, книжная торговля, и все это не замедлило сказаться и на состоянии русского библиофильства.

Уже в 1916 г. в периодической печати стали появляться статьи, озаглавленные «Книжный кризис», «Бумажный кризис» и т. д. (23; 72; 113). В них констатировались тревожные показатели надвигавшегося книжного голода, о котором в следующем году газеты и журналы стали говорить открыто.

Охарактеризовав рост книгопроизводства в России после 1905 г., Н. Н. Накоряков, один из крупнейших представителей советского книжного дела с начала его формирования, писал в 1925 г.: «Война сразу приостановила это развитие: книжная продукция из года в год начала сокращаться, а с ней и книжная торговля. Сокращение это дошло к концу 1916 г. до 50% по срав-

нению с 1913 г. Причины этого лежали в общем истощении страны, в отвлечении людей от нормальной деятельности, в нарушении научной и коммерческой связи с другими странами, что в книжном деле имеет огромное значение» (109).

Действительно, официальные статистические данные о количестве книг, напечатанных в 1913 и 1916 гг. (соответственно 34 630 и 18 174 названия), подтверждают как сказанное Н. Н. Накоряковым ранее, так и его вывод: «Таким образом, революция застала книготорговлю уже значительно расстроенной и нарушенной наполовину».

Впрочем, это заключение не совсем точно. Н. Н. Накоряков говорил об изменениях в книготорговле, а опирался на статистические данные о книгопроизводстве, количестве напечатанных названий. По вполне заслуживающим доверия статистическим данным, в 1913 г. в России (включая Польшу, Латвию, Литву и Эстонию) имелось 2138 книжных складов и магазинов, торговавших чужими изданиями на русском языке. В 1916 г. число таких книготорговых предприятий упало до 1780, т. е. сократилось на 17%. В какой мере это уменьшение коснулось антикварной книжной торговли, сказать трудно, так как подобными статистическими сведениями мы не располагаем. Можно, однако, думать, что в процентном отношении снижение числа антикварных магазинов в целом совпадало с общими тенденциями свертывания книжной торговли в годы войны.

Тем не менее в 1915—1916 гг. продолжали еще выходить каталоги антикварных магазинов— С. И. Старицинной, И. М. Фадеева, П. П. Шибанова (Москва), В. И. Клочкова, Н. В. Соловьева, И. Ф. Косцова, Ф. Г. Шилова, Н. В. Базыкина, А. А. Климонова, А. А. Мельникова, М. П. Мельникова и др. (Петроград), А. Н. Глазунова (Нижний Новгород), Д. Г. Смолина-Степанова (Саратов). Но в это же время антикварная книжная торговля теряет своих крупнейших представителей: в 1915 г. умерли В. И. Клочков и Н. В. Соловьев, и хотя их предприятия еще некоторое время продолжали существовать, однако уже не играли прежней ведущей роли. Захирел также и журнал «Русский библиофил», основанный Н. В. Соловьевым, впрочем, имевший более историко-литературный, чем собственно библиофильский характер,— в 1916 г. он вовсе перестал издаваться. Продолжал еще действовать в годы войны Кружок любителей русских изящных изданий и журнал «Старые годы», но это был уже не тот журнал, который с 1907 г. являлся как бы рупором «архаизирующего» эстетизма, в содержании и даже оформлении «Старых годов» 1916 г. чувствуется неуверенность, может быть, даже обреченность.

Еще больше, чем империалистическая война, повлияли на русское библиофильство революционные события 1917 г.

Историк русской книжной торговли Г. И. Поршнев так характеризовал тогдашнее состояние типографского производства и книгораспространения в России: «Революция 1917 г. отразилась на

книжном деле двояко: с одной стороны она выбросила на рынок громадное количество брошюр и тем значительно повысила производительность типографского станка, но затем производство брошюр и книг пошло на убыль. Подготовленная войной разруха всех отраслей труда и промышленности проявилась с новой силой, и книжное дело как наиболее слабая ветвь нашего хозяйства вступило в тягчайший кризис. Во время этой агонии большинство книжных предприятий захирело и постепенно гибло, а наиболее устойчивые и выносливые, приспосабливаясь к революционной обстановке, начали равняться по кооперативной, партийной и артельно-писательской линии» (133).

Несмотря, однако, на политические события огромного исторического значения и на все более определявшееся сокращение книгопроизводства и книготорговли, в 1917 г. было издано одно из лучших произведений русской дореволюционной библиофилии — антология «Похвала книге», подготовленная проф. И. А. Шляпкиным и напечатанная на средства антиквара Ф. Г. Шилова. Это издание в полном смысле слова может считаться завершением предшествующего этапа истории русского библиофильства, и поэтому о нем следует сказать несколько подробнее.

Хороший знаток древнерусской литературы и палеографии и замечательный библиофил, И. А. Шляпкин придал этому изданию внешность первопечатных славяно-русских книг. Книгу украшал эпиграф: «Аще возмнится тебе, да взыщется в книгах отец твоих, и обрящеши в летописцах писано о тех». Обложка — в рамке, воспроизводящей заглавную рамку «Русской Библии» Георгия Скорины 1517 г. Далее следовало то, что Шляпкин в предисловии назвал «ex-libris'ом»: в рамке из издания «Сатир» Ювенала 1525 г. вверху напечатано «Экземпляр библиотеки», затем оставлено пустое место для внесения фамилии владельца библиотеки, а внизу — помещена «библиофильская загадка» художника А. Н. Лео — славянской декоративной вязью изображены слова: «Тайное зерцало библіофиловъ». Выходные данные: «Докончана бысть сія книга оу столичномъ великомъ градѣ оу Петроградѣ всеа Русіи въ годину войны съ нечестивымъ германскимъ и швабскимъ родомъ труды и тщаніемъ дохтура слова Российскаго Иліи Шляпкина коштомъ книгокупца Федора Шилова Богу ко чести, а книголюбцамъ русскимъ къ доброму ouслажденію въ лѣто Господне 1917».

«Похвала книге» была напечатана в одной из лучших типографий тогдашнего Петрограда Р. Голике и А. Вильборга, в количестве 650 экземпляров на тряпичной бумаге и 400 на простой. Экземпляр на тряпичной бумаге стоил 5 рублей. Книга была украшена 44 виньетками, заставками и концовками, заимствованными из орнаментов византийских и русских рукописей и из печатных иностранных и русских изданий.

Желание И. А. Шляпкина выдержать в «Похвале книге» внешность первопечатных изданий привело к тому, что ему пришлось отказаться от включения оглавления.

Затруднения возникают у читателя при обращении к текстовому материалу внутри отделов: одни из них построены по хронологическому принципу (II, III), другие по алфавиту фамилий писателей (IV, V); в отделе «Иностранные писатели о книге и о чтении» в целом соблюдена хронология.

Отбор иностранных текстов И. А. Шляпкин произвел в основном по книгам Ф. Фертио (174) и А. Сима (173); восточные материалы предоставили ему профессора И. Ю. Крачковский, Д. К. Петров и А. Н. Самойлович. Русские тексты и частично иностранные подобрал сам составитель. Наряду с безусловно интересными выдержками Шляпкин включил в «Похвалу книге» отрывки явно случайные. Рядом с Пушкиным стоит Иван Рончевский, о котором нам не удалось найти никаких сведений, кроме того, что его стихотворение, приведенное Шляпкиным, ранее было напечатано в журнале «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф». Случаен подбор материала в отделе «Русские писатели о книге и чтении»— здесь помещено всего 18 отрывков из 15 авторов, среди которых находятся такие, как Изабелла Гриневская, В. Мурзаев, некто, скрывшийся под псевдонимом «Один из многих» (возможно, это сам И. А. Шляпкин), священник Григорий Петров, фельетонист С. Н. Сыромятников (Сигма); нет М. Горького, Н. А. Добролюбова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

И все же, несмотря на отмеченные недочеты, «Похвала книге» Шляпкина и Шилова представляет значительный вклад в мировую литературу антологий о книге. Едва ли не впервые перед выдержками из античных авторов были помещены тексты из Славянской Библии, из древней и новой русской литературы и из литератур Востока. Книга Шляпкина и в положительном и отрицательном отношении является поучительным образцом для тех, кто в будущем захочет создать аналогичный труд. Составление такой антологии — дело нелегкое, и поэтому неудивительно, что дальнейшие известные нам попытки (Э. Ф. Голлербаха, В. И. Вольпина, В. М. Лосева, А. Б. Лоева и др.) оказались нереализованными.

Книга разошлась быстро, имеются сведения о том, что Шляпкин и Шилов сразу же стали подготовлять второе издание. Но время уже было иное, и «Похвала книге» на долгие годы осталась забытым памятником русского дореволюционного библиофильства.

Характеризуя состояние книжного дела в России в самом начале революционного периода, необходимо учитывать не только разрушительные, но и прогрессивные, созидательные тенденции, действовавшие в нем и вскоре окончательно победившие, а именно: возникновение и быстрый рост советского государственного книжного дела,— книгопроизводства, книгораспространения, книжной пропаганды. Чтобы понять все те огромные изменения, которые произошли в этой области, надо вспомнить то громадное значение, которое В. И. Ленин и партия всегда придавали печати, книге и ее воспитательной, пропагандистской роли.

Буквально с первых же своих шагов Советская власть обратила пристальное внимание на проблемы идеологического воспитания народных масс и как естественное следствие — на газетное и книжное дело, на книгопроизводство и книгораспространение, на библиотеки и книжные магазины.

Мероприятия Советской власти в этой области были направлены по двум линиям: принимались решительные шаги к ограждению сознания народных масс от враждебных идеологических воздействий со стороны буржуазной прессы и книжного дела в целом; книги, представлявшие лучшие достижения классической русской литературы, исчезнувшие в 1915—1917 гг. из продажи и чаще всего придерживавшиеся книгопродавцами на складах, либо реквизировались у владельцев и передавались в массовые библиотеки, организовавшиеся Народным комиссариатом по просвещению, либо намечались к переизданию и уже в 1918 г. поступали в продажу.

Чтобы лишить буржуазию возможности непосредственного влияния на массы во враждебном пролетариату направлении, Советская власть сразу же предприняла ряд мероприятий по подавлению буржуазной печати. Одним из первых шагов в данном направлении был декрет, изданный в начале 1918 г. Центральным Исполнительным Комитетом и объявлявший о признании собственностью Советской республики Контрагентства Суворина, т. е. издательства известного реакционного журналиста А. С. Суворина, а также большой сети принадлежавших ему по всей России книжных магазинов и железнодорожных газетно-журнальных киосков, типографий, книжных складов и т. д. (156). Этот декрет представлял первый шаг в направлении национализации книжных фондов, принадлежавших буржуазным книгоиздательским и книготоргующим предприятиям.

Для нас важно проследить те шаги революционной власти, которые были направлены на преодоление «книжного голода» и создание в конечном счете Государственного издательства, явления, которое в мировой истории прецедента не имело.

Еще в самом конце 1917 г. (29 декабря) Центральный Исполнительный Комитет постановил организовать государственное издательство для монопольного выпуска произведений русских классических писателей. Декрет был опубликован 4 января 1918 г., а составленный Наркомпросом список монополизированных авторов в количестве 58 имен — 19 февраля того же года (155). Для осуществления этого решения при Народном комиссариате по просвещению был создан Литературно-издательский отдел (ЛИТО), который довольно энергично принялся за дело, в особенности его Петербургское (так оно себя называло) отделение. В 1919 г. оно выпустило «Каталог», представляющий в то же время отчет о его деятельности за год (май 1918—май 1919 г.). «Острая необходимость немедленно удовлетворить спрос на сочинения русских писателей,— читаем мы здесь,— заставила Отдел в первую очередь

приступить к выпуску стереотипных изданий по сохранившимся у частных издательств матрицам. Напечатаны собрания сочинений Белинского, Гоголя, Гончарова (исключая „Обломова“ и „Фрегат Паллада“), Жуковского, Кольцова, Никитина, Помяловского, Салтыкова, Успенского, Чехова, Чернышевского и, отдельно, „Братья Карамазовы“...». Опуская сведения о подготовлявшихся изданиях, приведем некоторые итоговые цифровые данные: «Всего выпущено в свет 5 941 000 томов, 115 разных названий... Кроме того выпущено 27 названий «Народной библиотеки», в количестве 2 400 000 экземпляров... Общее количество отпечатанных листов равняется 182 886 687 печатн. листов» (63).

ЛИТО Наркомпроса сыграл исключительно важную роль в борьбе с «книжным голодом». И хотя он формально назывался Литературно-издательским отделом Народного комиссариата по просвещению, по существу, это первое советское государственное издательство, о котором говорилось в декрете ЦИК от 29 декабря 1917 г. Однако «Каталог» ЛИТО, обозначенный № 1, оказался и последним: 21 мая 1919 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет об образовании Государственного издательства, в состав которого среди других издательств, вошел также и ЛИТО Наркомпроса. С этого времени в нашей стране началась большая, планомерная издательская деятельность как часть политики государства в области идейно-политического и художественно-эстетического воспитания народных масс.

Встал вопрос и о создании большой сети народных библиотек, снабжении их начальным книжным фондом и систематическом пополнении в дальнейшем. В этой связи необходимо было решить, как поступить с библиотеками ликвидированных учреждений.

Декретом Совета Народных Комиссаров от 17 июля 1918 г. (опубликован 21 июля) на Народный комиссариат по просвещению была возложена также охрана библиотек и книгохранилищ (149). Для реализации данного постановления Наркомпрос реорганизовал созданный еще в феврале 1918 г. Библиотечный отдел и поручил ему учет книжных собраний множества ликвидированных и эвакуированных из Петрограда государственных учреждений, а также библиотек распавшихся и прекративших деятельность обществ и эмигрантов (16). Тогда же в составе Библиотечного отделения Наркомпроса, находившегося еще в Петрограде, был организован Центральный комитет государственных библиотек, действовавший несколько лет.

В развитие декрета СНК от 17 июля Наркомпрос 8 сентября 1918 г. издал разъяснение, в котором указывалось, что никакие реквизиции общественных и частных библиотек отдельными лицами или учреждениями вне контроля Библиотечного отдела недопустимы и будут рассматриваться как нарушение революционного правопорядка. Вслед за перечисленными правительственными решениями были изданы еще два очень важных документа: 25 ноября 1918 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет о порядке рекви-

зиции библиотек, книжных складов и книг вообще. Подтверждалось, что реквизиция должна производиться лишь «с ведома и согласия Наркомпроса» (27). Через месяц, 27 декабря 1918 г., Наркомпросом была утверждена инструкция о порядке реквизиции частных библиотек. Суть ее заключалась в том, что все библиотеки, содержавшие свыше 500 томов и принадлежавшие гражданам, по своей профессии не нуждавшимся в книгах, как рабочий нуждается в своих инструментах, объявляются государственной собственностью и поступают в библиотеки Наркомпроса (27).

Как явствует из текста этих документов, принятые решения не затрагивали интересов научных работников, а были обращены против помещичьих и купеческих книговладений. Весьма значительную роль в принятии декрета СНК от 28 ноября 1918 г. и инструкции Наркомпроса о реквизициях частных библиотек сыграло то, что в течение 1917—1918 гг. многочисленные спекулянты в спешном порядке стали обзаводиться библиотеками по причинам, о которых подробнее будет сказано ниже.

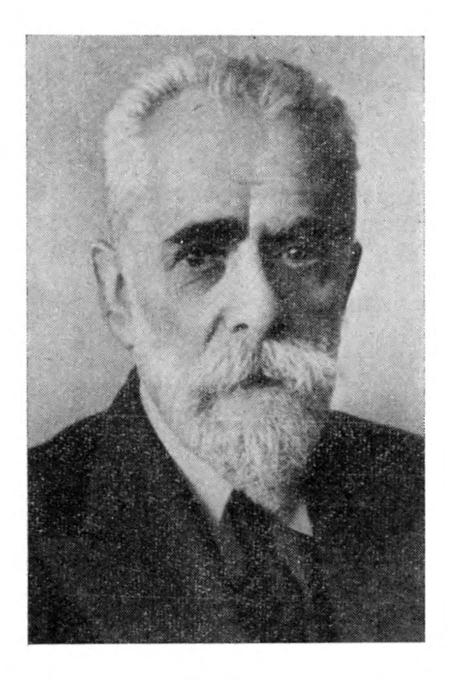
Чтобы оградить научных работников от возможных недоразумений при книжных реквизициях, в разъяснении Наркомпроса от 17 июля 1918 г. указывалось, что некоторые категории владельцев частных библиотек могут получать от Библиотечного отдела Наркомпроса специальные охранные грамоты, гарантирующие их неприкосновенность (16). В отчете о своей деятельности во втором полугодии 1918 г. и за первые полтора месяца 1919 г. Библиотечный отдел сообщал, что за указанный период им было зарегистрировано по Москве 502 библиотеки, вне Москвы — 220 и выдано 450 охранных грамот (27). В отчете не отмечено, относится ли количество выданных охранных грамот только к библиотекам Москвы или также и к внемосковским. Но и в том и в другом случае процент выданных гарантийных документов очень велик: если предположить, что имеются в виду только московские библиотеки, то процент выданных охранных грамот равен 90; если же учтены и прочие, тогда получается 67,2 процента.

В апреле 1919 г. в журнале «Народное просвещение» были опубликованы подробные сведения о деятельности Библиотечного отдела по учету и охране частных библиотек. Им были разосланы эмиссары для ознакомления с частными библиотеками в Москве и вне Москвы. Основываясь на инструкции 27 декабря 1918 г., эмиссары выдавали владельцам охранные грамоты. За семь месяцев эмиссарами было обследовано свыше 1600 библиотек; при этом во многих из них (особенно в провинции, в усадьбах) были обнаружены неожиданные книжные богатства (27).

Вскоре в журнале «Библиографические известия» за 1918 г. (составлялся и вышел в свет в 1919 г.) отмечалось, что Московский Библиотечный отдел сразу же проявил большую энергию и осуществил ряд практически полезных мероприятий. «Из перечисленных работ Библиотечного отдела,— продолжал журнал,— наиболее крупной надо признать его работы об охране библиотек путем

выдачи так называемых „охранных грамот“ учреждениям и лицам, которым библиотеки нужны для научных занятий, и путем командировки на места состоящих при отделе особых эмиссаров для ограждения библиотек от расхищения» (16).

В «Библиографических известиях» не указано, что во главе Библиотечного отдела стоял поэт В. Я. Брюсов, один из самых выдающихся деятелей русской культуры. Этот эпизод в биографии Брюсова почти не освещен. В известной книге Н. С. Ашукина «Валерий Брюсов» приведена одна «из черновых заметок архива Брюсова» следующего содержания: «С 1918 по 1919 г... состоял в должности заведующего Отделом научных библиотек Наркомпроса» (8). В других биографиях Брюсова эти сведения даже не всегда повторяются.

Б. С. Боднарский

Более подробно говорит об этой стороне деятельности поэта крупнейший советский библиограф проф. Б. С. Боднарский в статье «В. Я. Брюсов как библиограф» (19).

К своим обязанностям Брюсов отнесся очень серьезно и, хотя работал в Библиотечном отделе немногим больше года, за это время успел написать «Инструкцию эмиссарам Московского Библиотечного отдела» и «Записку» об организации академических библиотек, представляющие интерес и для истории советского библиофильства.

Характеризуя первую из названных работ Брюсова, Б.С. Боднарский писал: «... в „Инструкции“, в сущности, дан для библиотекаря остов своего рода библиографической энциклопедии: наряду с административными нормами, имевшими, конечно, временный характер, мы видим здесь интересное освещение отдельных теоретических вопросов. Так, здесь выясняются понятие „тома“ и „названия“ (и их соотношение); дается характеристика редких и ценных книг и способ библиографического описания последних и т. д.». «Эта „Инструкция“,— продолжает Б. С. Боднарский,— может быть весьма поучительной не только книжникам типа начинающих „эмиссаров“, но и поседевшим в библиографии работникам» (19).

Следует ли прибавить, что сама «Инструкция» составляет сейчас большую редкость. В виду этого мы приведем из нее данные, непосредственно связанные с обязанностями эмиссаров, которым было

доверено право решать, заслуживает ли владелец библиотеки выдачи ему охранной грамоты. Пункт Л «Инструкции» гласит следующее: «По обследовании самой библиотеки надлежит выяснить, необходима ли библиотека для профессиональных занятий лица, ею располагающего. К числу таких лиц принадлежат особенно:

1) Профессора высших школ, вообще преподаватели, лекторы, инструкторы.

2) Ученые, хранители больших общественных библиотек, музеев и архивов.

3) Лица, профессионально занятые литературным и научным трудом.

4) Ответственные работники центральных и местных учреждений.

5) По их специальностям: врачи, юристы, техники, инженеры, архитекторы, художники, издатели и т. п.

Для лиц, означенных в категориях 1, 2 и 3, необходимыми признаются все вообще собранные ими книги, так как по их занятиям им могут быть потребны справки в различных областях знания; для лиц, означенных в категории 4—5, необходимыми признаются преимущественно книги по их специальности, а книги других отделов приблизительно в отношении 25% ко всей библиотеке» (58).

Не приходится и говорить о том, как вдумчиво был составлен Брюсовым перечень лиц, которым как владельцам библиотек должны были быть выданы охранные грамоты. В условиях революционного переустройства России «Инструкция» Брюсова в большой мере ограждала права подлинных библиофилов, а острие ее было направлено против лиц, скупавших книги со спекулятивными целями, о чем, как уже отмечалось, будет сказано далее.

Очень интересные сведения о судьбах многих библиотек Москвы и некоторых других городов содержит статья И. А. Друганова «Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху». Автор с мая 1919 г. в течение ряда лет заведовал Отделом научных библиотек Народного комиссариата по просвещению в Москве, собрал сведения о судьбе около 2000 библиотек, причем учитывал выдачу владельцам личных библиотек охранных грамот. В числе лиц, получивших охранные грамоты, И. А. Друганов называет историка С. А. Белокурова, проф. Алексея Веселовского. Вместе с тем, автор предупреждает, что публикумые им материалы «не могут считаться в какой бы то ни было мере исчерпывающими» (42; 43).

Как бы то ни было, даже названные имена свидетельствуют о том, насколько были лживы печатавшиеся в эмигрантских газетах сведения о судьбах частных библиотек в СССР, якобы сплошь уничтожавшихся или без разбора конфисковавшихся.

Если о деятельности Московского Библиотечного отдела мы располагаем более или менее точными фактическими сведениями, то нельзя сказать того же о Петроградском отделе. Кое-какие данные по этому вопросу находятся в статье Ф. Г. Шилова «Судьбы

некоторых книжных собраний за последние 10 лет (Опыт обзора)». Автор, в прошлом владелец собственного антикварного магазина, а затем консультант Петроградского Библиотечного отдела, пишет, что «таким образом удалось спасти много библиотек» (172).

Однако, несмотря на принятые меры, в 1917—1918 гг. на огромном пространстве России в результате революционных событий, гражданской войны и многих других причин погибло или пострадало большое количество книжных собраний, принадлежавших различным дореволюционным учреждениям, организациям, книготорговцам и коллекционерам. В советских и эмигрантских библиофильских и библиотековедческих изданиях 20-х годов были сделаны попытки собрать сведения о погибших библиотеках, но они очень неточны, так как большей частью основывались на устных сообщениях, а не на проверенном документальном материале (42; 43; 106; 172). Во всяком случае, после декрета СНК об охране библиотек и книгохранилищ, т. е. со второй половины 1918 г., расхищение библиотек резко пошло на убыль и затем полностью прекратилось.

Для истории русского библиофильства представляет интерес не только учет библиотек, погибших или пострадавших во время революции, но и та форма исчезновения собраний дореволюционных коллекционеров, о которой в нашей библиофильской литературе сведений мы не нашли, но которая, может быть, дает ответ на некоторые неясные факты западноевропейской антикварной торговли 20-х годов в части Россики. Мы имеем в виду следующее сообщение в газете «Петроградское эхо» за 1918 г.:

«Под видом шведских и германских коммивояжеров в Петрограде сейчас находятся десятка три ловких агентов крупнейших берлинских антикварных фирм. Месяца два назад наследники покойного наместника Кавказа графа Воронцова-Дашкова получили любезное предложение продать библиотеку и обстановку дворца графа. При этом подробно обозначалось, что в первую очередь желательно получить византийские рукописи, затем славянскую библиотеку и, наконец, семейный архив Воронцовых».

Далее газетный репортер пишет: «Покупатели обнаруживают редкую осведомленность в делах наших вельмож. Не оставлены без внимания дворцы членов бывшей императорской фамилии, хотя Советская власть и объявила их собственностью Российской коммунистической республики. Недавно осматривались особняки бывших великих князей Кирилла и Андрея Владимировичей. У великих князей есть долги в Германии; кредиторы выразили желание с крупной приплатой приобрести домашнюю закладную под дворцы. Сделка расстроилась, ибо великих князей нет в Петрограде».

Заметка кончается заслуживающим внимания перечислением потерь, понесенных таким образом русской культурой: «За границу уплыло многое из художественных сокровищ наших вельмож. Частью продавали сами владельцы, оставшиеся без средств, частью грабители, обыскивающие особняки. У Белосельских-Белозерских

куплена коллекция славянских церковных книг, у кн. Стрешневой-Шаховской французская библиотека, где, между прочим, имелись подлинники писем Вольтера. Закупленные сокровища вывозятся в Москву или Петроград в помещения, находящиеся под охраной иностранных флагов» (152).

Газетная информация, конечно, не исторический документ. Однако предположить, что все в ней от начала до конца выдумано, у нас также нет оснований. Тем более, что не так давно в «Литературной России» была опубликована статья Екатерины Мещерской «Почему мы зашили „Мадонну“ Боттичелли», где также содержатся указания на заинтересованность тогдашнего германского посольства в вывозе художественных ценностей из нашей страны (105).

Таким образом, мы не можем пройти мимо забытого газетного сообщения о том, что в 1918 г. берлинские антикварные фирмы занимались скупкой и вывозом книжных и архивных сокровищ, пользуясь для этого покровительством германского посольства. Важно отметить, что судьба многих дореволюционных собраний зависела от «культурного» грабежа западных антикваров.

Возвращаясь к рассмотрению деятельности Библиотечного отдела Наркомпроса, мы должны отметить еще одно важное решение, принятое им и имевшее положительное значение для сохранения книжных богатств страны.

В январе 1919 г. Библиотечным отделом Наркомпроса был создан Государственный книжный фонд, задачей которого было пополнять главные государственные книгохранилища и удовлетворять требования различных просветительных организаций, испытывавших нужду в книгах. Еще раньше, в 1918 г. в Петрограде возник Книжный фонд при Центральном комитете государственных библиотек. После того как в Москве был организован самостоятельный Государственный книжный фонд, подчинявшийся уже не Центральному комитету государственных библиотек, а непосредственно Наркомпросу, Петроградский книжный фонд был переименован в петроградское отделение Государственного книжного фонда. С 1924 г., после ликвидации Московского книжного фонда, оно стало единственным учреждением этого рода и просуществовало до конца 20-х годов. В его задачи входили учет, собирание, охрана и распределение бесхозяйных и неправильно используемых книжных имуществ. Поступавшие в Государственный книжный фонд собрания в значительной степени шли на комплектование государственных и профсоюзных библиотек, а экземпляры, оказывавшиеся непригодными для употребления, отправлялись на бумажные фабрики в качестве утиль-сырья. Однако, какие при этом ни происходили ошибки в определении понятия непригодности, нельзя упускать из виду, что в эти годы, когда дореволюционные бумажные запасы были исчерпаны, а советское производство целлюлозы еще не было налажено, бумага, полученная от перемола старых книг, помогла советскому книжному делу выйти из разрухи периода империалистической и гражданской войны.

Московский и петроградско-ленинградский государственные книжные фонды сыграли весьма положительную роль. Благодаря им центральные государственные хранилища (Румянцевский музей в Москве, Государственная Публичная библиотека и Библиотека Академии наук в Петрограде) пополнились большими и очень ценными поступлениями, в высокой степени обогатившими их. И. А. Друганов писал: «События революционного времени, аннулировавшие имущественные права на огромные сокровища помещичьего быта, на сокровища городских особняков, способствовали пополнению громадным количеством книжных сокровищ библиотек государственных книгохранилищ, университетов, Академии наук и других ученых обществ и учреждений» (42).

Следует упомянуть еще одно важное постановление Наркомпроса: в развитие принятой инструкции о порядке проведения реквизиции частных библиотек Наркомпрос предоставил Румянцевскому музею исключительное право по распоряжению книжной наличностью московских антикваров с правом отбора книг, нужных его библиотеке (27).

Таким образом, несмотря на большие потери книжных ценностей из-за реквизиций, пожаров, расхищений, в годы военного коммунизма Советским правительством были приняты меры, приведшие к сохранению огромного количества библиотек научных работников и обогащению центральных государственных хранилищ.

В то время как Наркомпрос ведал изданием классиков и библиотечным делом, решение вопросов книжной торговли и деятельности издательств было возложено на местные Советы рабочих и красноармейских депутатов. 23 октября 1918 г. Президиум Моссовета принял постановление о муниципализации книгоиздательств и книжной торговли. Оно имело местный характер и поэтому не было распространено на всю территорию РСФСР. Суть его заключалась в том, что все находившиеся в Москве частные книжные склады и магазины, а также библиотеки общего пользования со всеми их запасами были объявлены собственностью Московского Совета. Далее в постановлении перечислялись книжные фонды, на которые оно не распространялось,— партийных и кооперативных организаций, советских учреждений и научных обществ. Однако вскоре обнаружены были крупные недостатки в муниципализированной книжной торговле, в особенности в связи с изменившимися ценами. В литературе сохранилось очень мало сведений об этих муниципальных книжных магазинах, в частности — антикварных. Известно, что они вскоре были закрыты как нерентабельные, а их книжные фонды были переданы позднее магазинам «старой книги» Государственного издательства (2; 71; 108).

Несмотря на все трудности, в течение 1918 г. еще продолжали существовать некоторые частные книжные предприятия. Правда, ни одного антикварного или букинистического каталога со второй половины 1917 г. не было издано, однако в первой половине 1918 г. появился третий выпуск «Описания русских книжных знаков

(Ex-libris)» У. Г. Иваска, изданный антикварным магазином «Библиофил» (И. П. Сотникова) в количестве 400 экземпляров. Кажется, это был последний всплеск откатывавшейся волны.

В конце 1918 г. в газете «Известия» было сообщено, что «по постановлению Коллегии Центрального комитета государственных библиотек Румянцевскому музею передано богатейшее собрание книг, рукописей и гравюр, принадлежавшее антиквару П. П. Шибанову. Та же часть собрания Шибанова, которая окажется излишней для Румянцевского музея, будет передана Библиотечному отделу Комиссариата народного просвещения для организованного им национального Книжного фонда, куда уже перешли из частных рук многие ценные книжные собрания» (15).

В «Известиях ВЦИК» (1918, № 206) было опубликовано постановление Президиума Московского Совета об отмене в срочном порядке конфискации книжного магазина Карцева. Возможно, это решение было вызвано особым характером данного предприятия, единственного, кажется, в Москве специального медицинского книжного магазина (А. А. Карцев и сыновья. Магазин существовал с 1884 г.; находился на Моховой, 20).

На смену частновладельческим антикварным и букинистическим магазинам в 1918—1919 гг. пришли книжные лавки, открывавшиеся действительными или фиктивными кооперативами бывших книжников. Однако в истории советского библиофильства и антикварной книжной торговли эти книжные магазины не оставили никаких следов. В то же время стали возникать книжные лавки писателей. Последние появились как-то стихийно в Москве, Ленинграде, Казани и, возможно, и в других городах.

Первая Книжная лавка писателей в Москве была открыта в сентябре 1918 г. по инициативе П. П. Муратова и просуществовала до 1922 г. В число ее пайщиков входили литераторы М. А. Осоргин, В. Ф. Ходасевич, Б. А. Грифцов, А. С. Яковлев, А. К. Дживелегов и др. До 1921 г. эта книжная лавка помещалась в доме № 16 по Леонтьевскому пер. (ныне ул. Станиславского), а последний год — на Большой Никитской (теперешней ул. Герцена), д. № 22. Через руки писателей-книгопродавцев прошло огромное множество книг, нередко редчайших. Так, один из участников Книжной лавки писателей, М. А. Осоргин позднее вспоминал: «Книги, выбрасываемые на рынок частными лицами, менявшими их на хлеб насущный, вообще потеряли всякую цену. И любопытно, что ниже всего ценилось то, что в обычное время разыскивалось как книжная редкость. Французские изящные томики восемнадцатого века, старинные кожаные томы книг старообрядческих, редчайшие собрания гравюр, русские уникумы времен Петра Первого, альды и эльзевиры,— все это шло по цене нескольких фунтов черного хлеба и покупалось только чудаками... В высокой цене (сравнительно, конечно) были только энциклопедические и всякие другие словари, справочники, полные собрания классиков и книги по искусству». «Что такое „высокая цена“ будет ясно,— продолжает М. А. Осор-

гин,— если я поясню, что пять томов („Истории русского искусства“) Грабаря (книга постоянного и высокого спроса) стоили обычно до двух пудов ржаной муки,— меньше трех рублей мирного времени,— словарь Брокгауза (86 полутомов в переплетах) выше трех-пяти пудов не подымался. Дешевле полукопейки золотом я купил, в нашей же Лавке, одну старинную книжку („Щеголеватая аптека“), которой нет ни в одной публичной библиотеке России, за копейку —„Грациана“ времени Анны Иоанновны; за два-три рубля предприимчивый человек мог приобрести у нас все семь альбомов издания гравюр Ровинского. Такие покупатели-„чудаки“ все же встречались и нельзя им не позавидовать» (125).

Действительно, в 1918—1921 гг., отчасти и позже, наряду с распылением старых библиотек, иногда переходивших из поколения в поколение с XVIII в., в большом числе возникали замечательные новые собрания. Не нужно думать, что в первые революционные годы все книги шли за бесценок («полкопейки золотом», «копейка» и т. д.). Тот же автор отмечал: «Карандашные наши пометки цены гласили: сто рублей, тысяча рублей, миллион рублей книга, цены росли на 50—100% в день,— но на проверку это значило: фунт муки, пуд муки, щепотка муки. И часто случалось, что вместо денег за книги мы так и брали: мукой, мылом, маслом, сахарным песком». Значит, чтобы приобресть облюбованную книгу, «покупатель-чудак» должен был отказывать себе в пище, в мыле; ведь все это выкраивалось из скудного пайка периода военного коммунизма.

Поэтому не следует принимать за чистую монету мнение А. Ф. Изюмова, писавшего в 1928 г. в статье «Судьба старой русской книги», с одной стороны, о гибели многочисленных библиотек, с другой, о причинах и способах сохранения некоторой части книжных ценностей: «Был и еще путь, по которому старая книга избегала уничтожения. Это образование новых частных библиотек. Библиофилу, коллекционеру, ученому за эти годы было очень легко подбирать нужные книги. Таким образом составлялись исключительные собрания по разным вопросам» (57).

С формальной стороны А. Ф. Изюмов прав: на книжном рынке в 1918—1921 гг. было как никогда много самых разнообразных изданий, и в этом смысле «было очень легко подбирать нужные книги»; верно, что в эти годы составлялись исключительные собрания по разным вопросам, но какой ценой, путем каких лишений достигалось это для большей части собирателей! Поэтому надо особенно оценить труды и самоотверженную любовь к книге библиофилов периода военного коммунизма, предпочитавших поголодать или отказаться от топки печурки-времянки и приобрести ту или иную книгу.

Примеру организаторов Московской книжной лавки писателей последовали и другие артели деятелей литературы и искусства. В. Г. Лидин вспоминает, что в 1920 г., кроме упомянутой книжной лавки в Леонтьевском переулке, существовала книжная лавка

«Содружество писателей» (на Тверской, ныне ул. Горького, рядом с Моссоветом), организованная литературоведом Ю. И. Айхенвальдом, философом Г. Г. Шпетом и самим автором воспоминаний, В. Г. Лидиным; на Большой Никитской (теперь ул. Герцена) помещалась книжная лавка работников искусств (в состав артели входили историк искусства проф. Б. Р. Виппер и искусствовед П. Д. Эттингер); там же находилась Книжная лавка поэтов-имажинистов, руководимая поэтами С. Есениным и А. Мариенгофом, А. М. Кожебаткиным, в прошлом владельцем издательства «Альциона», и библиофилом Д. С. Айзенштадтом (83, с. 10—11).

В последнее время об этих книжных лавках стали появляться в печати воспоминания, преимущественно о Есенине и о Книжной лавке имажинистов, несколько расходящиеся в деталях, как всякие мемуары, но в целом дорисовывающие картину, набросанную М. А. Осоргиным и В. Г. Лидиным (140).

В Петрограде аналогичная книжная лавка была открыта еще в 1917 г. Единственным печатным следом ее существования является стихотворение поэта М. А. Кузмина «Стихи на открытие книжной лавки писателей (Акростих)», датированное 1917 г. Вот его текст:

Книга — лучшая подруга,
Не изменит в трудный час,
И займет в часы досуга
Животрепетный рассказ,
Небылица или быль,
А стряхни скорее пыль,—
Я — всегдашняя подруга.

Лишь устроить нам витрину,
А гравюры, книги есть!
Вторник — праздник магазину,
Коль окажете нам честь.
А до Перца * как дойдешь,

По Морской чуть повернешь,—
И увидишь вдруг витрину.
Сами пишем и торгуем,
А гостям предложим чай.
Так просты, что не надуем...
Если... разве невзначай...
Лавка сможет процветать,
Если будут посещать,—
А на славу заторгуем!
1917 (78)

Более подробных сведений об этой Книжной лавке писателей,— возможно, если доверять дате стихотворения Кузмина, первой вообще лавке писателей в Советской стране,— найти не удалось.

Вторая книжная лавка,— правда, не под названием писательской, хотя она и была основана писателями,— возникла в начале

* Перец — популярный ресторанчик, помещавшийся до 1918 г. при гастрономическом магазине Акимова-Перетца, уг. Невского и Морской. (Прим. М. Кузмина).

января 1918 г. Это был книжный кооператив «Petropolis». О его основании и характере деятельности интересно рассказал один из учредителей Петрополиса литературовед Г. Л. Лозинский: «1917-ый год,— писал он,— ознаменовался непрестанным удорожанием русских и иностранных книг; приток последних к концу года прекратился. Петербургские библиофилы очутились в тяжелом положении, и у некоторых из них зародилась мысль попробовать применить к книжной торговле принцип кооперативный». Во главе организационного комитета кооператива стояли проф. Д. К. Петров, французский проф. Жюль Патуйе, проживавший тогда в Петрограде, и Г. Л. Лозинский. Секретарем правления в течение всего времени существования «Петрополиса» был Я. Н. Блох. Одновременно с книжной торговлей,— в основном поэтическими новинками, среди которых, по указанию Г. Л. Лозинского, первое место занимали новые сборники стихов А. А. Ахматовой, «Петрополис» уже в 1918 г. занялся издательской деятельностью и выпустил одно из первых изданий советского периода по экслибрисам,— брошюру «Книжные знаки», содержащую библиографию русского экслибриса и подлинные книжные знаки членов кооператива, наклеенные на 24 листах. Всего было отпечатано 200 экземпляров брошюры, и она сразу же сделалась редкостью. «Книга редка и в этом отношении,— пишет Г. Л. Лозинский,— что только в половине экземпляров, если даже не в меньшем количестве, имеется знак В. Адарюкова, не доставившего обещанного количества репродукций своего красивого ex-libris'а, помещенного им впоследствии в книге собственного издания. „Книжные знаки" были выпущены в обложке двух цветов: рыжеватой и темно-зеленой» (92).

Издательство и магазин «Петрополиса» помещались в доме № 56 по Надеждинской ул. (ныне ул. Салтыкова-Щедрина). Они просуществовали до 1922 г.

В деятельности писательских книжных лавок следует отметить одну любопытную подробность — продажу автографов современных поэтов и прозаиков, рукописных «автоизданий», изготовлявшихся в одном-двух, самое большее в 7 экземплярах. М. А. Осоргин рассказывает об этом так: «Когда стало невозможно издавать свои произведения, мы надумали, с полной последовательностью, издавать коротенькие вещи в одном экземпляре, писанном от руки. Сделали опыт,— и любители автографов заинтересовались. Ряд писателей подхватили эту мысль, и в нашей витрине появились книжки-автографы поэтов, беллетристов, историков искусства, представлявшие самодельную маленькую тетрадочку, обычно с собственноручным рисунком на обложке. Книжки хорошо раскупались и расценивались довольно прилично, а у нас рождалась иллюзия, что продукты нашего писательского творчества все же публикуются и идут к читателю. Лавка приобретала для своей коллекции по одному автографу каждого писателя, дававшего нам свои произведения на комиссию: эта коллекция была нами позже подарена Всероссийскому Союзу писателей, где, думается, и посейчас нахо-

дится. Остальные уники революционной поры разбрелись по рукам частных любителей, и только Исторический музей в Москве догадался приобрести несколько любопытных образцов» (125).

В другой статье «Рукописные книги Московской лавки писателей. 1919—1921» М. А. Осоргин привел несколько дополнительных подробностей об обстоятельствах возникновения «автографического издательства» и о ценах на такие «издания». Он писал, что в 1919—1921 гг. печатание книг было для писателей почти недоступно. Из-за «великой нашей бедности»... «Сначала это издание,— продолжает М. А. Осоргин,— носило характер шутки, как бы озорства, но потом оказалось, что такая книжка может подкармливать автора, и многие занялись этим делом серьезно. Книжек выпускали мало, но продавали их очень дорого, в расчете на любителей автографов. „Издано" было около 250 книжек (33 авторов) и все до одной были проданы... Цены книжек зависели от постоянного падения цены рубля, так что нужно смотреть, в каком году (месяцы не везде помечены) книжка издана».

Далее М. А. Осоргин перечисляет «материал, из которого книжки фабриковались, простая серая бумага, бристольский картон, оберточная, пергамент, береста, обои, неразрезанные листы советских денег — вплоть до тысячного билета, мешочный холст, даже осиновое поленце и пр.». Любопытно указание на «обменную торговлю, когда цена книги обозначалась в фунтах масла и муки (так мы и продавали)» (126).

К словам автора: «Мне известно, что петербургские писатели также продавали „автографические" издания», редакция (то есть Г. Л. Лозинский) сделала примечание: «В Петербурге инициатива продажи автографических изданий принадлежала книжному кооперативу «Petropolis». Из других источников нам известно, что автографические издания А. Ремизова в форме свитков продавались в магазине «Книжный угол», помещавшемся напротив Госцирка (Караванная, 2, уг. Фонтанки, 5) и принадлежавшем писателю В. Р. Ховину, близкому к футуристам.

Кто же были покупателями книг в этот трудный период? Любопытный ответ на наш вопрос находится в воспоминаниях одного из организаторов первой московской Книжной лавки писателей, писателя В. Ф. Ходасевича. Прежде всего он отмечает характер покупательских интересов: «В те дни непомерный спрос был на философию, на стихи и на художественные издания. В особенности на последние. Новый человек кинулся на них жадно. Шел за „искусством" сознательный рабочий, шел молодой пролеткультовец, шел партиец всякого ранга. И — что греха таить?— шел попросту спекулянт» (169).

В заключение о книжных лавках писателей приведем характерный штрих, содержащийся в статье «По книжным лавкам Москвы», датированной 7 декабря 1921 г. Автор, американский журналист Ю. Ф. Геккер, находился в Книжной лавке писателей и был свидетелем такой сцены: «Покупатель — маленький, съежившийся ста-

рикашка, в потертом пальтишке, в изношенных валенках, через дыры которых проглядывают грязные портянки. Требует он, если правильно вспоминаю, физику Дрентельна.—„Да, имеется,— отвечает торговец-писатель,— но только подержанная, без обложки“. Покупатель любовно смотрит на ценный экземпляр, разглаживает задранные уголки листков, как будто ласкает книгу... Он охотно платит требуемую цену и осторожно всовывает книгу в свой рваный мешочек, сшитый из холста наподобие портфеля. Я не выдержал: „Простите, Вы преподаватель физики,“— „Нет, только так, любитель“,— улыбнулся он мне в ответ» (31).

Сейчас почти невозможно проследить даже основные моменты деятельности различных писательских и не писательских кооперативов и артелей. Возможно, каждая из них имела свои индивидуальные черты, но они существовали недолго и значительного следа не оставили — не было у них печатных каталогов, марки-экслибрисы были, кажется, у одной только московской Книжной лавки писателей (два — один работы В. Фалилеева, другой — В. Фаворского) (102). И все же надо быть благодарными им — они и людей спасали, покупая у них книги, и книги спасали, продавая их «покупателям-чудакам».

Почти полное исчезновение старых антикварных и букинистических магазинов в 1917—1918-х годах и все-таки значительная дороговизна книг в книжных лавках писателей повлекли за собой то, что большую роль в покупках библиофилов вновь приобрели толкучки, в свое время, в середине XIX в., имевшие большое значение для тогдашних коллекционеров, не располагавших значительными средствами.

В заметке «Сухаревская книжная торговля» журнал «Библиографические известия» писал во второй половине 1920 г.: «Сухаревка когда-то удовлетворяла потребность в книге малосостоятельных слоев московского населения, доставляя им и учебник, и „книгу для чтения“, а также питала библиотеки коллекционеров и любителей книжных редкостей. После монополизации книжной торговли Сухаревка на время опустела, но теперь мало-помалу исчезнувшие торговцы начали появляться вновь, и теперь книжный ряд раскинулся на своем обычном месте» (158).

По-видимому, дело обстояло несколько сложнее, чем это изображено в «Библиографических известиях». Так, например, в более сатирических чертах изобразил Сухаревку В. Г. Лидин в очерке «Лавка древностей», напечатанном в 1918—1919 гг. в одной из московских газет и написанном, несомненно, под свежим впечатлением посещения лавок букинистов и антикваров Москвы: «Букинисты перестали искать покупателя; какие-то многодетные дамы стали вдруг интересоваться старыми мастерами, бритые юноши — с женскими задами — фарфором и русской иконой, фабриканты, набивавшие все годы чудовищное брюхо войны костылями и манерками, стали собирать для своих новых старинных кабинетов из красного дерева с поповским или Императорского завода фарфором библио-

теки четыре на восемь аршин. И веселый червь наживы, добрых аппетитов развратил в полгода Сухаревку, букинисты стали назначать гомерические цены, книги стали предметом роскоши и поползли в красные кабинеты...» (84).

Аналогичные процессы наблюдались в те же годы и в Петрограде.

Заслуживающие внимания зарисовки книжной торговли на толкучках Петрограда сохранились в газетах и журналах тех лет. В статье, характеризующей толкучку в Александровском рынке Петрограда, несколько строк уделено специально книжной торговле, при этом в период до муниципализации ее. «Вы можете спрашивать все,— пишет фельетонист „Современного слова".— Иногда на все перечисленные вами названия вы получите угрюмый ответ: „ничего такого нет", но иногда появится на свет божий запыленный томик Карлейля, лондонское издание Герцена, давно изъятое из продажи, „Философия истории" Вольтера, растрепанные страницы забытой „Истории Соединенных Штатов" Лабурэ.

Профессора, ученые, студенты, художники, любители частенько наведываются сюда, чтобы найти то, что не найдешь больше нигде» (93).

Однако, кроме «культурных покупателей», и на толкучки, и в книжно-антикварные магазины,— и в последние еще чаще,— наведывались разбогатевшие во время войны и при Временном правительстве спекулянты.

Некий автор, скрывшийся под псевдонимом «Книголюб», пишет в петроградской «Новой газете» 1918 г. в статье «На книжном рынке» о том, как набросились на покупку книг некультурные спекулянты, и приводит анекдот, якобы взятый из действительности:

«Один такой покупатель недавно звонил по телефону в большой книжный магазин и просил: „Нельзя ли прислать 49 аршин книг. Все чтобы были в хороших переплетах". И был настолько культурен, что не забыл прибавить: — „Только, пожалуйста, чтобы были разные..." Накануне он еще не думал обзаводиться библиотекой, но приобрел по случаю великолепный кабинет резного дерева и, решив заполнить книгами, подсчитал, что потребуется ровно 49 аршин» (67).

Возможно, это — выдумка фельетониста, либо анекдот, сложенный книгопродавцами-антикварами. Но что подобные покупатели были, можно заключить из другого газетного материала того же времени.

В очерке «Букинист» некий Арион писал в газете «Современное слово» в том же 1918 г., как не любят старые книжники таких новообъявившихся «коллекционеров» и какие огромные цены ставят они при продаже книг этим ничего не смыслящим покупателям (6).

И хотя в период нэпа подобные коллекционеры-«мародеры» появились вновь, в истории советского библиофильства они должны упоминаться как уродливое явление прошлого.

До сих пор мы в основном характеризовали историческую обстановку, в которой развивалось русское библиофильство в годы революции и военного коммунизма.

Теперь мы перейдем к рассмотрению собственно библиофильства этого периода. В первую очередь нам придется познакомиться с тем новым явлением, которое представляет специфическую особенность советского библиофильства. Мы имеем в виду возникновение в Москве, Петрограде и других городах нашей страны библиофильских организаций.

В то время как в Петербурге еще в 1903 г. возник и стал действовать Кружок любителей русских изящных изданий, в Москве, если не считать не собственно библиофильского и к тому же недолговечного Московского общества любителей книжных знаков (1905—1907), никаких организаций книголюбов не было. Здесь в 1889 г. был создан Московский библиографический кружок, с 1900 г. превратившийся в Русское библиографическое общество при Московском университете. Хотя в составе этого общества находились многие видные московские библиофилы, во главе с Д. В. Ульянинским, У. Г. Иваском и Б. С. Боднарским, однако правление Русского библиографического общества строго соблюдало свой библиографический характер и библиофильской тематике не уделяло места в своих занятиях (21).

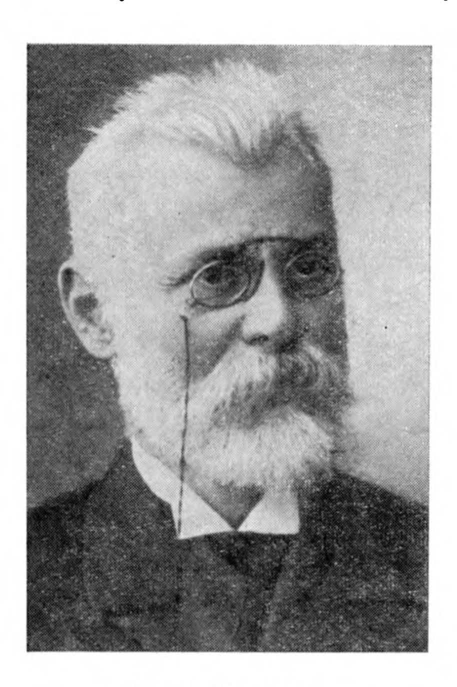
Перед самой русско-германской войной, в начале 1914 г., в хорошо информированном популярном библиографическом журнале «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» появилась заметка о том, что «в Москве возникает новое Общество изящной книги, которое ставит своей задачей содействовать успехам художественного печатного дела. С этой целью новое общество проектирует открытие в Москве школы и музея художественной печати. Инициаторами Общества являются А. А. Сидоров, А. А. Левенсон и Ф. Н. Котов, во главе с директором Румянцевского музея В. Д. Голицыным» (121). Перечисленные в заметке лица принадлежали к бюрократической и капиталистической верхушке московского книжного мира: А. А. Сидоров (не смешивать с однофамильцем — советским историком искусства и книговедом чл.-корр. АН СССР А. А. Сидоровым) был в то время председателем Московского цензурного комитета, А. А. Левенсон — владельцем крупнейшей московской типографии; о Ф. Н. Котове сведений у нас нет. Вероятно, начавшаяся через полгода война помешала осуществлению этого замысла.

Следующая попытка создания библиофильской организации в Москве связана с именем крупнейшего русского книговеда дореволюционного периода Н. М. Лисовского (1854—1920), с 1914 г. переехавшего из Петербурга в Москву (20).

Ещё в петербургский период своей жизни Н. М. Лисовский, за несколько лет до возникновения Московского библиографического кружка, поместил в издававшемся им журнале «Библиограф» статью «Библиография и библиографическое общество», в которой

писал, что «в настоящее время проект библиографического общества разрабатывается» (86). Действительно, он составил тогда черновой проект организации Русского библиографического общества «с клубом библиофилов при нем». Проект этот находится в архиве Н. М. Лисовского, хранящемся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, и никаких подробностей о клубе библиофилов не содержит (88).

Переселившись в 1914 г. в Москву, Н. М. Лисовский принял живое участие в деятельности Русского библиографического общества (он был избран товарищем председателя Общества), но в то же время не оставлял мысли о создании уже не клуба библиофилов при библиографическом обществе, а самостоятельной библиофильской организации. Б. С. Боднарский вспоминает о своих беседах с Н. М. Лисовским в середине 1916 г.: «Он пропагандировал идею внедрения науки о книге во все школы, от низших до высших, считая настоятельно необходимым воспитывать в юношестве благородную страсть библиофилии, построенную на базе истинного книгознания. Он подготовлял почву для объединения русских библиофилов...» (20)

Н. М. Лисовский

Несколько далее Б. С. Боднарский писал: «Два предреволюционных месяца — январь и февраль 1917 года — Н. М. был особенно занят осуществлением своего плана, возникшего у него чуть ли не с первых дней по приезде в Москву: об учреждении в Москве новой и специальной книжной ассоциации — Общества библиофилов. 17 февраля он делал соответственный доклад».

Это выступление не было напечатано, и текст его в архиве Н. М. Лисовского,— в части, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме),— нами не обнаружен. Тем большее значение приобретает изложение этого доклада, находящееся в цитированной статье Б. С. Боднарского:

«Библиофильство,— говорил Н.М.,— культивировалось во все времена и у всех народов. В нашем отечестве особое место занимает Москва, где уже с давних времен сосредоточен, можно сказать, цвет русских библиофилов. Но, по словам докладчика, Москва в то

же время и значительно отстала в отношении организации библиофильских сил не только от крупных центров Западной Европы, но даже и от нашего Петрограда».

«Действительно,— продолжает Б. С. Боднарский излагать доклад Н. М. Лисовского,— в то время, как в Париже, Лондоне, Брюсселе и других городах процветают многочисленные библиофильские организации, в то время, как в Петрограде уже с 1903 г. существует Кружок любителей изящных изданий, который, как видно из его наименования, хотя и в суженном объеме культивирует благородную страсть библиофильства,— в Москве нет учреждения, которое могло бы объединить библиофилов и тем способствовать удовлетворению их душевных запросов. Устранить этот крупный пробел в жизни культурной Москвы могло бы учреждение самостоятельного Русского библиофильского об-ва. И Н. М. звал московских библиофилов к организации Об-ва».

Б. С. Боднарский приводит далее аргументацию Н. М. Лисовского: «Он звал старых библиофилов, указывая им, что, методически собираясь, они получат возможность постоянного обмена мнениями, а путем выставок и аукционов они получат возможность пополнять свои коллекции, равно как и освобождаться от лишних для них дублетов. Молодому поколению библиофилов он доказывал, что они найдут в Библиофильском об-ве опытных руководителей в их благородном, приятном, но трудном деле.

Новое Общество — заканчивал Н. М. — станет своего рода школой библиофильства, развивая истинный вкус к книге, и таким образом станет одним из могучих рычагов книжного просвещения» (20).

Заслушав доклад Н. М. Лисовского, общее собрание Русского библиографического общества признало весьма желательным организацию в Москве библиофильского очага и постановило образовать под руководством докладчика специальную комиссию для выработки устава Общества. Из присутствовавших пожелали быть включенными в комиссию и были избраны Б. С. Боднарский, Л. Э. Бухгейм, Н. Н. Виноградов, И. Г. Вишневский, И. К. Голубев, Н. П. Киселев, В. В. Пашуканис, Н. М. Сомов. Присутствовавший на заседании Ф. Е. Пономарев был кооптирован в состав комиссии (142).

Б. С. Боднарский вспоминает: «Н. М. энергично взялся за дело организации. В его квартире происходили заседания по организации Об-ва, там же и был выработан устав... В помещении, предоставленном Библиофильскому об-ву его ревностным членом Л. Э. Бухгеймом, началась жизнь созданного Н. М. Об-ва, которое на первом своем (учредительном) собрании избрало Н. М. председателем и пожизненным членом» (20).

В заседании Комитета Русского библиографического общества 15 сентября 1917 г. был прочитан и принят к сведению устав, выработанный организационной комиссией. Вскоре он был напечатан.

В разделе «Задачи Общества» в § 1 сказано: «Русское библиофильское общество учреждается в Москве и имеет задачи: культивировать истинную любовь и уважение к книге и содействовать объединению лиц, преданных библиофилии» (166).

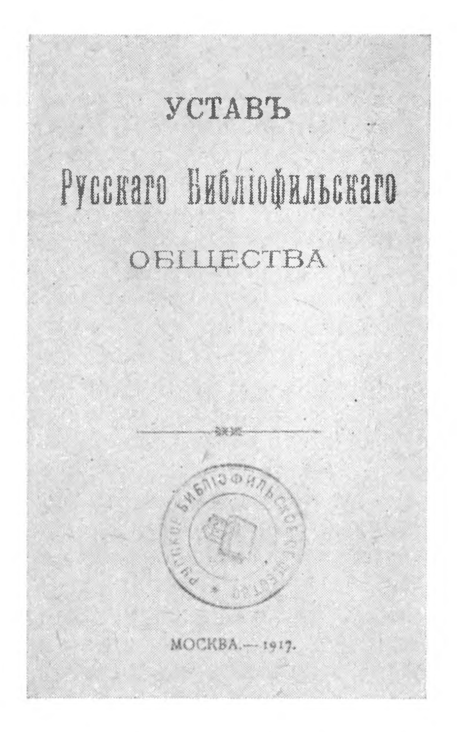
В целом этот устав исходит из типовых уставов дореволюционных научных организаций и потому только § 2 представляет для нас специальный интерес, так как именно в нем говорится о способах реализации задач, сформулированных в предшествующем параграфе:

«Для достижения своих задач Общество правомочно:

а) собирать соответственные материалы, иметь собственную библиотеку и музей для пользования членов Общества и посторонних лиц;

б) устраивать публичные и частные совещания, чтения, лекции, беседы, съезды, выставки, книжные биржи, аукционы, школы и пр.;

в) выпускать всякие издания соответственно задачам Общества и объявлять конкурс на сочинения по библиофилии с выдачей наград и премий» (166).

УСТАВЪ
Русскаго Библiофильскаго
ОБЩЕСТВА

МОСКВА.—1917.

Устав Русского Библиофильского общества

Как было отмечено на обороте титульного листа «Устава», адрес Русского библиофильского об-ва: Москва, Покровка, Введенский пер. 28, кв. Л. Э. Бухгейма.

Политические события 1917 г. не располагали к регулярной деятельности научных обществ, и поэтому у нас нет сведений о работе Русского библиофильского общества в первые месяцы его существования. О его деятельности в 1918 г. можно судить по информационной заметке в журнале «Библиографические известия» за 1918 г. В течение первого полугодия состоялось несколько заседаний Совета Общества и два общих собрания (142). Особый интерес представляет сообщение о докладе Б. С. Боднарского, прочитанном 25 марта (7 апреля) 1918 г. и озаглавленном «Библиофилия в ряду библиографических дисциплин» (18).

Основная идея доклада заключалась в сущности в противопоставлении библиофилии как особой ветви библиографии — библиофильству как простому коллекционированию книг. Хотя это проти-

вопоставление не было сформулировано в докладе или, по крайней мере, в печатном сообщении о нем с такой отчетливостью, как это сделано выше, однако в правильности нашего заключения можно убедиться при чтении конспекта выступления Б. С. Боднарского в его собственном изложении.

«Докладчик, в противовес преобладающей трактовке библиофилии как своего рода эмотивного состояния, сделал попытку раскрыть содержание библиофилии как библиографической дисциплины. Библиофилия с этой точки зрения, по мнению Б. С. Боднарского, имеет свой особый объект изучения, книгу в ее исключительной форме и при исключительной обстановке».

Л. Э. Бухгейм

«Библиофилия,— продолжает Б. С. Боднарский,— является, конечно, частью библиографии, но библиографии, так сказать, изысканной, библиографии для немногих. Библиофил производит библиографическую работу, то есть изучает книгу, но под особым углом зрения — отмечает ее исключительные особенности: или чрезвычайную роскошь, или, наоборот, чрезвычайное безобразие; книгу-великана и книгу-лилипута; книгу весьма редкую независимо от причин, создавших редкость; наконец книгу запрещенную. На книге ординарной главное внимание библиофила обращают на себя автографы на выходном листе, равно как и внутри книги, ее ex-libris. С большим вниманием, чем кто-либо из библиографов, библиофил станет исследовать инкунабулы, эльзевиры, editiones principes *. Таким образом, будучи по существу библиографом, библиофил является специалистом особых категорий книг, которые библиограф в узком смысле не всегда был бы склонен выделить как нечто особенно значительное». По словам Б. С. Боднарского, в этом сила библиофилии как библиографической дисциплины, в этом ее заманчивость и успех (18).

Легко заметить, что Б. С. Боднарский все время говорит не о библиофильстве, а о том, что другие авторы-книговеды, например, А. Г. Фомин, Н. В. Здобнов, правильно называют библиофильской

* Первые издания (лат.).

библиографией, и что сам он определяет термином «библиофилия как библиографическая дисциплина».

Заметку в «Библиографических известиях» Б. С. Боднарский кончает так: «В подтверждение своей мысли докладчик привел ряд примеров из истории библиофии, начиная с периода эпохи Возрождения (Томазо Парентучелли и французские библиофилы XVI в.) и кончая крупнейшим и просвещеннейшим русским библиофилом Д. В. Ульянинским».

Нам неизвестно, как был встречен слушателями доклад Б. С. Боднарского. Мы можем только прибавить: в одном из писем 1962 г. Б. С. Боднарский сообщил нам, что сейчас он уже не разделяет полностью своих тогдашних взглядов. Если это признание относится к тому, что в докладе были отождествлены библиофильство как коллекционирование и библиофилия как библиофильская библиография, тогда такой отказ от прежней точки зрения понятен, и его следует приветствовать; правилен он и в том случае, если Б. С. Боднарский учел такие небиблиографические формы библиофилии, как мемуары и беллетристические произведения библиофилов («Среди книг и их друзей» Д. В. Ульянинского, «Из записной книжки А. П. Бахрушина. Кто что собирает», «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского и др.), и понял узость своего определения библисфилии как библиографической дисциплины.

Кажется, доклад Б. С. Боднарского был последним проявлением научной деятельности Русского библиофильского общества. Во всяком случае, никаких печатных и рукописных следов ее нам не удалось найти. Последнее печатное упоминание о нем находится в пригласительном билете на заседании памяти Д. В. Ульянинского 1 июня 1918 г. Оно было организовано Русским библиографическим обществом при участии обществ Русского библиофильского и Русского библиотечного, книжного дела и типолитографов. На этом заседании Н. М. Лисовский сделал доклад «Ульянинский как библиограф и библиофил» (89).

Вероятно, во второй половине 1918 — начале 1919 г. Русское библиофильское общество прекратило свое недолгое существование. В «Библиографических известиях» за 1920 г. напечатана краткая информация: «Возникшее в Москве по инициативе Н. М. Лисовского Русское библиофильское общество, вследствие смерти секретаря Об-ва И. Г. Вишневского, отъезда за границу товарища председателя У. Г. Иваска и, наконец, болезни и смерти председателя Н. М. Лисовского, в последнее время не проявляло признаков жизни» (142).

Рассматривая материалы о деятельности Русского библиофильского общества, мы говорим, главным образом, о его председателе Н. М. Лисовском и об одном из активнейших членов — Б. С. Боднарском. О каждом из них, как и о товарище председателя общества У. Г. Иваске, существует достаточно обширная и известная печатная литература. Поэтому мы не станем приводить сведений о них. Зато о секретаре РБО И. Г. Вишневском данных сохрани-

лось очень мало. Его звали Иван Гаврилович, он родился 20 июня 1882 г., был актером Московского Малого театра, умер 14 декабря 1919 г. У него была сравнительно небольшая библиотека (свыше 2000 томов) по русской и всеобщей истории, по истории русской и иностранной литературы, истории искусств, по старым русским иллюстрированным книгам и роскошным изданиям, а также по библиографии. У И. Г. Вишневского был свой книжный знак (55).

Цитированная выше заметка в «Библиографических известиях» кончается так: «В виду этого (бездействия РБО.— *П. Б.*) московские библиофилы в декабре 1920 г. основали новую ассоциацию под названием Русское общество друзей книги...» (142)

История нововозникшего общества полностью относится к следующему периоду истории русского библиофильства.

Любопытно, что хотя Д. В. Ульянинский после выхода в свет знаменитой «Библиотеки Д. В. Ульянинского» (1912—1915) был признан самым авторитетным библиофилом не только Москвы, но и всей России, он не входил в организационную комиссию по выработке устава Русского библиофильского общества и ни председателем, ни товарищем председателя этого общества не был избран.

Б. С. Боднарский — свидетель и участник организации РБО — не мог объяснить причины того, что Д. В. Ульянинский остался в стороне от первой московской библиофильской организации.

Одновременно с Русским библиофильским обществом в Москве существовала организация коллекционеров, носившая название Общество любителей старины. Она возникла в 1914 г., как указывают источники, в связи с тем, что в предшествовавшем году известный московский журналист И. И. Лазаревский (1880—1948) поместил в пользовавшейся большой популярностью московской газете «Утро России» серию статей под названием «Среди коллекционеров и антиквариев». В этих легко и интересно написанных фельетонах шла речь о собирателях художественных и масонских изданий, о коллекционерах русской мебели, фарфора, цветного хрусталя и стекла. Статьи имели успех, и в 1914 г. И. И. Лазаревский выпустил их в обработанном виде в форме книги «Среди коллекционеров», быстро разошедшейся; в 1917 г. вышло ее 2-е, а в 1922 г. 3-е издание.

Общество любителей старины первое время больше внимания уделяло вопросам коллекционирования фарфора, хрусталя, мебели, вееров, зрительных трубок и биноклей; старая книга не привлекала специального интереса ее участников, но в 1918 г. положение изменилось. Связано это было с тем, что возникший за год до того московский отдел Союза деятелей прикладного искусства и художественной промышленности на пасхальной неделе, приходившейся в тот год на начало мая, организовал в помещении частной гимназии Адольфа выставку «Красивая книга в прошлом». Фактически организаторами выставки были известный филолог и палеограф проф. В. Н. Щепкин и молодой в то время искусствовед приват-доцент Московского университета А. А. Сидоров. Предполагался выпуск специального каталога выставки, но идея эта не осуществи-

лась. В небольшом журнальчике, издававшемся Союзом,— «Вестнике Союза деятелей прикладного искусства и художественной промышленности» (№ 2 и 4), тогда же было помещено хотя и краткое, но очень дельное описание западного и нового русского отделов выставки, принадлежавшее перу искусствоведа-библиофила П. Д. Эттингера (описание древнерусского отдела не было напечатано из-за отъезда проф. Щепкина из Москвы. Выставка имела, судя по откликам печати (газеты «Слово», «Жизнь», «Свобода России», «Новости дня»), успех и, по-видимому, подействовала на близкое по характеру к Союзу Общество любителей старины (эта близость подчеркивается публикацией некоторых официальных материалов Об-ва в «Вестнике»).

В «Библиографических известиях» за первую половину 1919 г. отмечалось, что «с текущего года Общество любителей старины особое внимание обратило на книгу, устраивая по воскресеньям аукционы редких книг и нередко посвящая библиофилии специальные доклады». Среди прочитанных докладов назывались доклад И. И. Лазаревского «Собирательство в наши дни», В. К. Трутовского «Из области коллекционерства», доклады А. А. Сидорова «Искусство иллюстрации», «Искусство переплета» и др. (122).

Но с 1920 г.,— возможно, в связи с возникновением Русского общества друзей книги,— Общество любителей старины перенесло центр тяжести своих занятий на изучение предметов старинного искусства. «Главная деятельность Общества,— констатируют „Библиографические известия“ в 1920 г.,— выражается в его интересных аукционах» (122).

С начала революции 1917 г. Кружок любителей русских изящных изданий прекратил существование, но уже в следующем году в Петрограде возникло Общество друзей книги. Материалов об этом обществе до нас дошло мало, но все же можно в основных чертах представить себе его библиофильское — скорее экслибрисистское — лицо и восстановить картину его деятельности.

Наиболее полные сведения о первых шагах Общества друзей книги содержатся в анонимной заметке о нем, помещенной в журнале «Книга» за 1918 г.: «Одновременно с образовавшимся в Москве*, и в Петрограде возникло общество „Друзей книги“, ставящее себе задачей изучение истории внешности книги и заботы к поднятию ее художественности. Учредителями нового общества являются между прочими: А. И. Сомов, хранитель Эрмитажа и один из редакторов „Старых годов“ С. Н. Тройницкий, издатель „Словаря литографированных портретов“ В. Я. Адарюков, хранитель Русского музея П. И. Нерадовский, начальник государственного архива Н. В. Голицын, известный коллекционер Б. Н. Аргутинский-Долгоруков. Деятельность свою об-во открывает большим книжным аукционом. В дальнейшем общество „Друзей книги“ предполагает

---

* Имеется в виду Русское библиофильское общество. Русское общество друзей книги возникло в ноябре 1920 г. (см. ниже).

издать собственный журнальчик и устроить ряд специальных выставок» (115). В другом источнике, кроме названных инициаторов, были прибавлены еще имена А. А. Сиверса, А. А. Миллера и сенатора Фреймана (116).

Из перечисленных членов организационного комитета Общества друзей книги один только В. Я. Адарюков состоял ранее в Кружке любителей русских изящных изданий. Позднее В. Я. Адарюков,— допустив, впрочем, ошибку при указании года,— сообщил несколько сведений о возникновении Общества друзей книги: «В том же 1919 г. (должно быть: 1918.— *П. Б.*) по моей инициативе, вместо скончавшегося Кружка любителей русских изящных изданий, удалось основать Общество друзей книги» (1).

Должно быть, устав нового общества не был напечатан,— нам не удалось найти его в библиотеках, как и архивных сведений о его существовании. Единственным печатным следом деятельности Общества друзей книги была брошюра, по-видимому, изданная при его возникновении. В цитированной выше заметке в журнале «Книга» указывалось, что Общество открывает свою деятельность большим книжным аукционом. Брошюра, о которой мы упомянули, озаглавлена так: «Роспись книгам и книжным знакам, назначенным в аукционный торг...» (117) На обложке над словами «Роспись книгам и т. д.» находится гриф: «Общество друзей книги».

Если принять во внимание дороговизну книг в 1918 г. в связи с сильным обесценением бумажных денег, то надо признать расценку в «Росписи» очень умеренной: «Похвала книге» И. А. Шляпкина — 2 руб. (номинальная цена — 2 руб. 50 коп.), «Андрей Бичев, или Смешны мне люди» Эраста Перцева (СПб., 1833) — 2 руб. Трем книгам была назначена цена в 100 руб. (Сочинения Державина, 5 тт., 1808—1816; 8 тт. исторических монографий Поля Лакруа (Жакоб Библиофил), 1877—1878, на франц. яз.; Герценовский «Колокол», 1857—1866, без номеров 203—207). Всего было включено в «Роспись» 400 номеров.

В аукционных продажах интерес представляют не только назначенные исходные цены, но и окончательно уплаченные. Иногда они бывают отмечены участниками аукциона карандашом или чернилами против печатной цены в каталоге, где для этого оставляется специальная рубрика. К сожалению, в имеющемся у нас экземпляре и в нескольких виденных нами в ленинградских книгохранилищах никаких помет не сохранилось.

Научная работа Общества друзей книги была посвящена в основном, а может быть, и исключительно изучению книжных знаков. По крайней мере, так характеризует его деятельность в своих «Воспоминаниях» В. Я. Адарюков: «В этом Обществе состоялся ряд докладов по книжным знакам: П. М. Курбанова „О медицинских и фармацевтических ex-libris'ах“, Ю. Л. Нелидова „О неточностях в описании У. Г. Иваском ex-libris'а гр. Толстого“, С. Н. Тройницкого „О некоторых ошибках и неточностях в книге В. А. Верещагина «Русский книжный знак», В. С. Савонько

„Статьи и заметки об ex-libris'ах в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф» за 20 лет", Р. В. Фреймана „О юридическом значении ex-libris'a; мною же были сделаны два доклада: „Библиография русского ex-libris'a" и „О заимствованных ex-libris'ах»". В первом из этих докладов я указал на первую в России книгу, в которой были воспроизведены русские книжные знаки: „Les Elsévirs de la Bibliothèque de l'Universitè Impériale de Varsovie. Par Stanislas Joseph Sieunicki. Varsovie, 1874"» (1).

О втором своем докладе В. Я. Адарюков не говорит ничего. Поэтому нам неизвестно, упоминал ли он в этом докладе об экслибрисе самого Общества друзей книги, который, как выяснил потом исследователь, «также был заимствован» (82).

Может показаться странным, что в Обществе друзей книги доклады делались о книжных знаках, а не о книгах. Некоторый,— впрочем, довольно неотчетливый,— ответ на это недоумение дает статья известного советского экслибрисиста В. С. Савонько «Ленинградское общество экслибрисистов (1922—V—1927)»: «Мысль о создании в Ленинграде специального Общества, которое объединило бы всех любителей и собирателей книжных знаков, — пишет В. С. Савонько,— зародилась еще в 1918 году, когда несколько петроградских коллекционеров-экслибрисистов задумали основать общество по образцу Московского общества любителей книжных знаков, возникшего в 1905 году и к тому времени прервавшего свою деятельность. По разным причинам Петроградское общество не получило названия общества экслибрисистов, а было наименовано Общество друзей книги, одной из задач коего было изучение книжных знаков, завершающих художественный облик книги. Но Общество друзей книги оказалось недолговечным» (145).

Прекращение деятельности Общества, по-видимому, связано с исключительно трудными условиями жизни в Петрограде в 1919—1920 гг., вызвавшими отъезд многих его жителей; в числе последних оказался и В. Я. Адарюков, переселившийся весной 1920 г. в Москву.

Как московское Русское библиофильское общество, так и петроградское Общество друзей книги, рассматриваемые нами в преддверии советского библиофильства, скорее завершают предшествующий этап в истории русского книголюбия, чем начинают новый. Главное их отличие от дореволюционных объединений русских библиофилов состояло в том, что на их собраниях читались научные доклады, чего не было в практике Кружка любителей русских изящных изданий. Лишь постепенно, в одних случаях быстрее, в других медленнее, изживались старые формы деятельности и вырабатывались новые. Об этом подробнее будет рассказано ниже.

В короткий период военного коммунизма собрания новых библиофилов еще только формировались, и поэтому ни в современной, ни в последующей библиофильской литературе не встречается указаний на какие-либо новые выдающиеся библиотеки или на имена новых выдвинувшихся собирателей.

Напротив, о распаде старых коллекций,— кроме упоминавшихся ранее перечней,— сведений сохранилось больше. Одно из таких сообщений мы считаем целесообразным включить в характеристику библиофильства периода 1917—1921 гг.

В. Я. Адарюков в своих «Воспоминаниях» писал: «Революция заставила меня переехать в Москву на службу, при переезде нечего было и думать о перевозе всей библиотеки, и приходилось расставаться с милыми и дорогими моему сердцу друзьями, которых я с такой любовью собирал в течение 25 лет. Я предложил Публичной библиотеке приобрести 5000 томов моей библиотеки, за исключением небольшого отдела по искусству. Той же библиотеке я предложил приобрести и мое собрание литографированных портретов. В течение двух недель комиссия в составе хранителей Публичной библиотеки Философова и Лавровского и антикварного торговца Шилова оценивала мою библиотеку. Невозможно передать того, что я пережил за это положительно мучительное время, я чувствовал, что теряю самое близкое, дорогое, то, что составляло цель моей жизни в течение четверти века. В тот злосчастный день, когда начали увозить от меня моих дорогих друзей, я ушел из дому на целый день, я положительно не мог присутствовать при этих похоронах. Единственным утешением было то, что мои книги, собранные с такой любовью, попали в лучшее книгохранилище, а не распылились, подобно многим и многим частновладельческим собраниям. Мне обещали, что моя библиотека будет стоять отдельно и носить мое имя, но я не имел сил справиться, состоялось ли это» (1).

Рассказ о переходе своей коллекции в собственность Публичной библиотеки В. Я. Адарюков кончает так: «В „Библиотечном обозрении. Книга первая. СПб., 1919 г.“, изданном Публичной библиотекой, вместо обычного отчета было напечатано: „В числе наиболее интересных приобретений надлежит отметить: собрание русских литографированных портретов В. Я. Адарюкова, обнимающее собою, вместе с относящимися к нему иного рода эстампами, около 6000 листов. Сюда входит, между прочим, редкая сюита 44 портретов офицеров кавалергардского полка, 50-х гг., коллекция портретов декабристов в литографиях, оригинальных рисунках и фотографиях (из собрания П. А. Ефремова), много портретов неизвестных лиц и инкунабулы русской литографии“ (стр. 41)».

«Конечно,— завершает В. Я. Адарюков свой рассказ и в то же время и свои „Воспоминания“,— это слишком краткая и общая характеристика моего собрания, являющегося, бесспорно, одним из наиболее полных и интересных собраний русских литографированных портретов» (1).

Не всякому библиофилу рассматриваемого периода удавалось так «пристроить» свою библиотеку. И если рассказ В. Я. Адарюкова о расставании с «милыми и дорогими друзьями» полон драматизма, можно легко представить себе переживания других книголюбов, которые видели гибель своих библиотек.

По сравнению с другими периодами в истории русского библиофильства рассматриваемое четырехлетие пропорционально составляет очень небольшой отрезок. Однако исторически он очень важен как время коренных изменений, и не только в общеисторическом аспекте, но и специально библиофильском: распались старые кадры коллекционеров, образовались новые, наметились не существовавшие ранее формы книгопродажи, отчетливо обнаружилось стремление объединить разрозненных книгособирателей в коллективы, в библиофильские общества,— словом, определились новые тенденции в развитии русского библиофильства.

И еще одна, особенно характерная черта обнаружилась в этот период — появился живой интерес к современному, советскому искусству книги, к изданиям, оформленным К. А. Сомовым, С. В. Чехониным, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинским, к изданиям советских поэтов, стихам А. А. Ахматовой, автографам поэтов и прозаиков, т. е. к книге сегодняшнего дня, а не только к «красивой книге в прошлом».

В этот период распада одной категории библиофильских собраний и возникновения библиотек другой, казалось бы, трудно выделить какую-нибудь одну, которая могла бы рассматриваться в качестве наиболее характерной и показательной. И все же такая библиотека есть, и она представляет исключительный интерес. Это — Библиотека В. И. Ленина в Кремле.

Родившийся в семье высококультурного, передового педагога, В. И. Ленин с детских лет рос в окружении книг. О книжной культуре в семье Ульяновых сохранились ценные сведения в воспоминаниях сестер и брата В. И. Ленина — М. И., А. И. и Д. И. Ульяновых, а также некоторых соучеников Владимира Ильича по симбирской гимназии.

Дошли до нас данные о книжных интересах В. И. Ленина и в студенческие его годы, в годы шушенской ссылки и пребывания за границей. Однако все библиотеки, собиравшиеся Лениным до 1917 г., полностью не сохранились, и только отдельные книги, начиная с симбирского периода, удается по тем или иным признакам опознать в каталоге Кремлевской библиотеки Владимира Ильича.

Однако наиболее интересные сведения, говорящие об отношении Ленина к книгам, приходятся на последние семь лет его жизни. Тогда в его Кремлевском рабочем кабинете и в кабинете, рядом с приемной Совнаркома, было создано значительное по размерам книжное собрание, насчитывающее около 10 тысяч единиц; кроме новых советских изданий 1918—1923 гг., сюда вошли и книги, ранее принадлежавшие Владимиру Ильичу и отчасти Н. К. Крупской, в том числе и книги симбирского, петербургского, шушенского и заграничного периодов их жизни.

В 1961 г. была издана чрезвычайно интересная книга под названием «Библиотека В. И. Ленина в Кремле»; в ней подробно описано 8450 названий книг, журналов и газет. Изучение каталога этой библиотеки Владимира Ильича показывает колоссальный круг

умственных интересов Ленина: от философии и общественно-политических наук до книг по русской церковной старине и древнерусской архитектуре (№ 6564 и 6567), от естественных наук и математики до изданий о книжных знаках (экслибрисах) (№ 6744, 6750 и 6769), о балете (№ 6541, 6556) и о народных зрелищах (№ 6552).

Художественная литература в Кремлевской библиотеке Владимира Ильича представлена в трех разделах: произведения русских писателей (около 400 названий), переводная литература на русском языке (более 100 названий) и литература на иностранных языках (около 100 названий).

В разделе русской литературы находятся все наиболее крупные писатели и произведения, начиная со «Слова о полку Игореве», продолжая Фонвизиным, Радищевым и Карамзиным и кончая Короленко и Чеховым. Некоторые русские авторы (Горький, Тургенев, Пушкин и др.) представлены и в переводах на иностранные языки. Среди книг на иностранных языках нужно упомянуть «Божественную комедию» Данте (на итальянском языке), Байрона и Шекспира (на английском), «Дон Кихота» Сервантеса (на немецком), трагедии П. Корнеля «Цинна» и «Полиевкт» (на французском), Гёте, Гейне, Ленау (на немецком), Э. Золя (на французском) и т. д.

Нельзя не отметить, что в русском отделе находится много поэтов XIX в.— не только Пушкин (во многих изданиях), Лермонтов, Некрасов, Крылов, но и Жуковский, Рылеев, Тютчев, Фет, А. Майков, А. К. Толстой, Кольцов, Никитин, Надсон, Апухтин, П. Якубович и др. Представлены в библиотеке Владимира Ильича и поэты XX в. и советского периода,— Бальмонт, Д. Бедный, А. Белый, Блок, Брюсов, Есенин, Маяковский, Тихонов, С. Черный и др.

Наряду с большим вниманием, которое Ленин проявлял к советской прозе (из прозаиков 1917—1923 гг. представлены И. Эренбург, В. Лидин и некоторые другие), он пристально следил и за эмигрантской литературой. Особо стоит отметить интерес Владимира Ильича к литературе народов СССР — в его библиотеке находятся «Поэзия Армении с древнейших времен» (под ред. В. Брюсова), «Энеида» И. П. Котляревского (на укр. языке), два томика М. Коцюбинского (в русском переводе), работы по белорусской, татарской, латышской и другим национальным литературам.

Выше было упомянуто, что в Библиотеке Владимира Ильича находятся книги по древнерусскому искусству. В этой связи нельзя не напомнить об одном мало известном эпизоде. В 1918 г., заинтересованный рассказом В. Д. Бонч-Бруевича о рукописном отделе Библиотеки Академии наук Владимир Ильич посетил библиотеку. По словам Бонч-Бруевича, осматривая рукописный отдел, Ленин «особенно заинтересовался иллюстрациями в уникальных книгах, причем уделил особое внимание великолепному исполнению миниатюр, заставок, первых букв и иллюстраций, нарисованных тончайшей акварелью». Надо иметь при этом в виду, что иллюстрированные книги, которые рассматривал Владимир Ильич,— это зна-

менитая коллекция древнерусских рукописей, составлявшаяся в Библиотеке Академии наук со времени ее основания.

Владимиру Ильичу принадлежат замечательные высказывания о книгах — «Книга — огромная сила» и «Без книг тяжко». Библиотека Ленина, хранящаяся в Кремле, является самым убедительным подтверждением того, как высоко ценил и любил он книгу. И чем больше мы знакомимся с материалами, говорящими об отношении Ленина к книге, тем больше мы убеждаемся в правоте слов Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Глава третья

1920-е годы

Новая экономическая политика и книжное дело в РСФСР.— Частные издательства и Государственное издательство.— Расцвет книжной графики.— Работы по искусству книги.— Торговля антикварной и художественной книгой.— Теоретические вопросы библиофильства.

История русского библиофильства 20-х годов, одного из самых важных, интересных и плодотворных периодов его развития, может быть правильно понята только в том случае, если будут учтены политические, экономические и культурные условия, в которых оно тогда существовало. Это прежде всего означает, что необходимо принять во внимание изменения, которые произошли в это десятилетие в области книгопроизводства, книжной торговли и в отношении советского общества к библиофильству, а также к пониманию самими библиофилами того, что такое библиофильство.

Новая экономическая политика, проводившаяся партией с весны 1921 г., двояко отразилась в области книжного дела. С одной стороны, были отменены некоторые ограничения в книжной торговле, установленные в годы военного коммунизма, и предоставлена бо́льшая инициатива частным издательствам; с другой — приняты эффективные меры к усилению роли государственного сектора в книжном деле, было реорганизовано и укреплено созданное в 1919 г. Государственное издательство, с каждым годом становившееся все более мощным и влиятельным фактором в производстве и распространении книги в РСФСР.

Было бы неверно полностью игнорировать какую-либо из указанных двух сторон исторического процесса в период нэпа. Для историка библиофильства безусловный интерес представляют и книги, выпускавшиеся в эти годы частными издательствами, и продукция Госиздата и его многочисленных местных отделений. Историк русского библиофильства не может не заметить того, что в течение 20-х годов Госиздат, располагавший неизмеримо большими типографскими, бумажными, людскими ресурсами, естественно вышел на первое место в отношении не только производства книг, но и продажи как новых, так и старых, в том числе и антикварных книг.

Поэтому связывать развитие библиофильства в 20-е годы с «оживлением» частнокапиталистического сектора в народном хозяйстве совершенно неправильно. Из дальнейшего изложения будет видно,

что с самого начала 20-х годов крупнейшие русские библиофилы и авторитетнейшие библиофильские организации живейшим образом интересовались книжной продукцией Госиздата, выступали с оценкой типографской и графической внешности его изданий и, тем самым, вносили свой посильный и вовсе не малый вклад в культурную революцию.

Новая экономическая политика проявилась в книжном деле довольно скоро и прежде всего в виде ряда законодательных актов, исходивших как от центральной власти, так и от некоторых местных органов. Так, 23 октября 1918 г. Московский Совет принял постановление об отмене муниципализации частных книжных предприятий. 20 апреля 1920 года Совет Народных Комиссаров издал декрет, аналогичный постановлению Моссовета, но распространявшийся на всю страну.

И уже с конца 1921 г. в Москве и Петрограде стали открываться частные букинистические и антикварные магазины.

Не в меньшей мере отразилась новая экономическая политика партии и в области издательского дела. Обычно представляют дело так, будто были возрождены частные издательства, якобы полностью ликвидированные в период военного коммунизма. На самом деле это было не так. «Наряду с государственными издательствами,— пишет анонимный автор в книге „Газетный и книжный мир. Справочная книга“ (М., 1925) в разделе „Законодательство о печати“,— не прекращали своей деятельности и издательства частные, деятельность которых заключалась в осуществлении изданий по заказам государства». «Существование частных издательств регламентировалось до конца 1921 г. местными постановлениями, издававшимися в связи с проведением национализации издательского дела РСФСР» (52, с. 309).

Таким образом, в то время не были вновь созданы частные издательства, а изменили характер деятельности старые издательства, была облегчена организация новых.

Уже 23 сентября 1921 г. Совет Труда и Обороны Республики постановил допустить аренду частными лицами государственных и муниципализированных типографий. Еще большее практическое значение имело постановление Совета Народных Комиссаров от 12 декабря 1921 г. о частных издательствах. Основное в этом постановлении состояло в том, что деятельность частных издательств, начиная с разрешения на организацию их и кончая условиями реализации их продукции, ставилась в зависимость от Госиздата. Однако содержание своей работы, профиль, даже установление цены на издаваемые книги определяли сами частные издательства.

В течение второй половины 1921 — первой 1922 г. были определены основные положения, регулировавшие деятельность частных издательств и их отношения к Госиздату.

Принятое Советом Народных Комиссаров 2 июля 1923 г. Положение о Государственном издательстве определяло финансовые и юридические права Госиздата в тогдашних условиях.

Все эти — теперь уже являющиеся историей — положения о частных издательствах и Госиздате способствовали тому, что в самое короткое время число книгопроизводящих организаций быстро возросло и очень увеличилось количество издававшихся книг.

Как бывает почти всегда,— по крайней мере, с того времени, когда книгопечатание укрепилось и оттеснило на самый задний план рукописную книгу,— библиофилы 20-х годов делились на тех, кто собирает только старую, антикварную книгу, и тех, которые, напротив, коллекционируют современную. Нам уже приходилось отмечать, что «фактор времени» неизбежно превращает любые новые, современные, «авангардистские» книги в старые и что книги совсем недавнего времени, еще вчера вызывавшие пренебрежение основной массы собирателей и привлекавшие только небольшую категорию любителей, становятся желанными, искомыми и включаются в списки дезидерат большого числа библиофилов. Поэтому несомненный интерес для истории русского библиофильства в 20-е годы представляет продукция советских издательств этого периода, сразу же вызвавшая появление специальных коллекционеров ее. Уже в 1918—1921 гг. в большом числе возникали недолговечные литературные «направления», «школы», «объединения» и т. п., умудрявшиеся и в тогдашних трудных типографских условиях выпускать свои теоретические декларации, коллективные и индивидуальные сборники стихов и прозы, полемические листовки и пр. Печатавшиеся большей частью на плохой бумаге, в малых форматах, небольшими тиражами, эти издания «ничевоков», «неоклассиков», «биокосмистов» и других течений, не говоря уже об изданиях футуристов и имажинистов, привлекали к себе внимание библиофилов. Появившаяся в 1924 г. антология Н. Л. Бродского «От символизма до Октября», выдержавшая два издания, дает некоторое представление о своеобразии этой литературы. Позднее, уже в 40-е годы, прославился своим собранием русской поэзии XX в. и особенно советского периода московский литературовед А. К. Тарасенков. Однако из различных печатных и рукописных источников 20-х годов известно, что поэзия этих лет сразу же стала предметом библиофильского собирательства. Этим было продолжено зародившееся еще в 1917—1918 гг. коллекционирование советских изданий.

Некоторое представление о деятельности различных советских издательств начала 20-х годов в области публикации поэзии и художественной, научной и политической книги дает каталог русского отдела Международной книжной выставки во Флоренции в 1922 г. Здесь перечислены экспонаты Госиздата (Москва и петроградское отделение), издательства «Всемирная литература» (Петроград), Петроградской государственной филармонии, издательств «Алконост», «Кружка поэтов имени К. М. Фофанова» и других, из которых выделялись издания библиофильского интереса — издательств «Петрополис», «Среди коллекционеров», М. и С. Сабашниковых, «Acade-

mia». Всего в каталоге русского отдела Флорентийской выставки 1922 г. перечислено около 1400 книг, 135 журналов, около 300 периодических изданий, 57 плакатов, свыше 200 рисунков и гравюр и т. д. Особый интерес представляет перечень 112 газет и журналов, напечатанных в 1919—1920 гг. на суррогатах бумаги.

Большее значение, чем эфемерные издания эфемерных поэтических групп 20-х годов, имели в истории русского библиофильства художественные книги, выходившие в тот же период. Из художественных издательств, упомянутых в каталоге русского отдела Флорентийской книжной выставки, наиболее заметный след в истории книги и библиофильства оставили издательства «Аквилон», «Петрополис» (изданиями об экслибрисах), «Светозар» и — особенно — Комитет популяризации художественных изданий.

Комитет популяризации художественных изданий возник в 1920 г. на основе существовавшего ранее (с 1896 г.) издательства «Общины св. Евгении», выпускавшего сначала художественные почтовые карточки, а затем, с 1899 г., и книги. Со времени реорганизации и до своей ликвидации в 1929 г. Комитет издал около 40 книг и альбомов, каждый из которых немедленно становился библиографической редкостью. Еще большей редкостью сделалась сразу после выхода в свет книга неизменного руководителя издательства «Общины св. Евгении»— Комитета популяризации художественных изданий И. М. Степанова «За тридцать лет. 1896—1926». (Л., 1928. 57 с.), выпущенная в количестве 300 нумерованных экземпляров, в обложке работы Л. С. Хижинского с заставками и концовками работы А. П. Остроумовой-Лебедевой, Д. И. Митрохина и Л. С. Хижинского.

Но не только частные издательства и ведомственный Комитет популяризации художественных изданий (он состоял при Государственной академии истории материальной культуры) занимались выпуском художественно оформленной книги. С 1922 г. Госиздат в Москве и его петроградское-ленинградское отделение издали ряд монографий о современных и старых русских художниках-графиках — «Гравюры И. Н. Павлова (1866—1921)» В. Я. Адарюкова (1922), «Д. И. Митрохин» М. А. Кузмина и В. В. Воинова (1922), «Русский революционный плакат» В. П. Полонского (1922), «История гравюры и литографии в России» Э. Ф. Голлербаха (1923), «Художник-иллюстратор А. А. Агин, его жизнь и творчество» К. С. Кузьминского (1923), «Фалилеев» Н. И. Романова (1923), «Остроумова-Лебедева» А. Н. Бенуа и С. Эрнста (1924), «С. Чехонин» А. М. Эфроса и Н. Пунина (1924).

Эти книги, несмотря на очень высокую цену (некоторые были оценены в 17—18 руб.), немедленно раскупались. Такой же успех выпал и на долю изданий казанских графиков, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем при рассмотрении деятельности казанских библиофилов.

Чтобы понять причины популярности этих художественных изданий, необходимо подробнее остановиться на несколько более

раннем периоде. На время с 1917 г. приходится замечательный подъем русской книжной графики. Даже в годы типографской разрухи, а тем более в 20-е годы, выпускались отдельные листы гравюр и выходили очень интересные издания, оформленные такими художниками, как А. П. Остроумова-Лебедева, И. Н. Павлов, В. Д. Фалилеев, М. И. Курилко, П. А. Шиллинговский, В. Н. Масютин, В. А. Фаворский, А. И. Кравченко, Н. И. Пискарев, В. В. Воинов, М. В. Добужинский и многие, многие другие. В 1923 г. проф. А. А. Сидоров, считая, что «область графики вообще — все-таки же самая прельстительная из всех, нам даруемых современным искусством», писал в книге «Русская графика за годы Революции. 1917—1922»: «Русская графика последнего пятилетия — чудеснейшее зеркало бьющейся самым горячим пульсом живой жизни» (151). Примерно к таким же выводам пришел старый художественный критик С. К. Маковский, писавший в 1925 г. в статье «Четверть века русской графики», что «итоги русской графики на эту четверть века достаточны, чтобы признать их подлинным завоеванием современного искусства» (95).

Нам приходилось выше указывать, что в 1918 г. в Москве была организована выставка «Красивая книга в прошлом». Традиция показа старой книги и пренебрежения к новой еще продолжалась некоторое время. Но вскоре положение значительно изменилось к лучшему. Каталоги, изданные к Международной книжной выставке во Флоренции на русском и итальянском языках (этот последний каталог в России не распространялся и считается «книжной редкостью») — в особенности русский,— представляют большой интерес. Однако как ни был богат русский отдел Международной книжной выставки во Флоренции, это была все же выставка не в СССР, а за границей.

Выставки новой, советской книги были в СССР и до этого. В 1921 г. в Петрограде была устроена выставка частных издательств — «Колос», «Книга», «Начатки знаний», «Светозар», «Алконост», «Петрополис» и др. В 1922 г. Петроградский институт книговедения организовал выставку печатных произведений, вышедших в 1921 г. С 1923 г. начинается длинная серия книжных и графических выставок, из которых выставка художественной литературы за революционные годы (1918—1923), организованная Пушкинским Домом, Государственным издательством и Петроградским институтом книговедения, привлекла наибольшее внимание общественности.

Из последующих выставок нужно отметить Первую и Вторую выставки графики Ассоциации графиков при Доме Печати, устраивавшиеся в Москве в 1926 и 1927 гг., и связанный с ними сборник «Мастера современной гравюры и графики» под ред. Вяч. Полонского (М., 1928).

Однако самой импозантной была выставка, устроенная в залах Академии художеств в Ленинграде в 1927 г. и приуроченная к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Она называлась «Графическое искусство в СССР». Выпущенный Комитетом выставки сборник под тем же названием представляет нечто большее, чем обычный каталог, а для библиофилов он тем более интересен, что в нем помещены статьи о московском Русском обществе друзей книги и Ленинградском обществе библиофилов. Статьи Э. Ф. Голлербаха «Книжная графика» и «Книжный знак» не утратили значения и сейчас. То же самое следует сказать и о статьях В. В. Воинова «Издательская марка» и В. К. Охочинского «Плакат».

Приведенные материалы могут быть не до конца правильно поняты, если мы не свяжем охарактеризованное явление с попытками теоретического осмысления своеобразия и «законов» художественной книги.

В период после 1917 г. в истории русской книжной культуры наблюдается одно важное явление, оказавшее сильное влияние на изменение характера русского библиофильства. Уже с конца XIX в., вскоре после Первой всероссийской выставки печатного дела (1895), в среде библиофилов, книжных иллюстраторов и издателей стал быстро расти интерес к искусству книги, пришедшему к этому времени в упадок не только в России, но и на Западе. Художники-графики, группировавшиеся вокруг журнала «Мир искусства», библиографический журнальчик «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», Кружок любителей русских изящных изданий, журналы «Старые годы», «Аполлон», «Русский библиофил»— каждый по-своему — внесли много в подъем интереса к художественной внешности книги.

Около того же времени начали появляться в печати попытки исторических и теоретических обобщений того, что происходило в области искусства книги с конца XIX в. В 1912 г. на Всероссийском съезде художников, как указывалось выше, П. П. Вейнер, известный библиофил, редактор журнала «Старые годы» и постоянный секретарь Кружка любителей русских изящных изданий, сделал доклад «Художественный облик книги», имевший большой успех и воспринятый как декларация русских библиофилов новой формации. Одновременно со съездом художников была устроена как бы для иллюстрации положений доклада П. П. Вейнера выставка «Искусство в книге и плакате». С этого времени в русской печати все чаще появляются обзорные и теоретические статьи, посвященные развитию русской книжной графики и художественным требованиям, которые должны предъявляться к книге. Конечно, в подобных работах бесплодно искать подлинный историзм, искать понимание того, что «художественные требования, которые должны предъявляться к книге», не вечны и неизменны, а, напротив, зависят от вкусов эпохи и глубины теоретической разработки общей эстетики.

Однако эти дореволюционные попытки обобщающего и теоретического характера в известном смысле подготовили расцвет подобной литературы в советский период.

В 1920 г. популярный в то время деятель печатного искусства И. Д. Галактионов поместил в петроградском журнале «Вестник литературы» статью «Художественный облик книги», а в следующем году в том же журнале статью «Искусство в книге» (под псевдонимом «Старый типограф»). Тогда же казанский искусствовед, художник и библиофил П. М. Дульский опубликовал в журнале «Казанский библиофил» содержательную статью «Книга и ее художественная внешность», вышедшую затем отдельно как издание казанского Кружка друзей книги. В том же 1921 г. в Москве при Историческом музее начала работать комиссия по изучению русских иллюстрированных изданий, возглавлявшаяся К. С. Кузьминским и М. П. Келлером и состоявшая из виднейших специалистов-книговедов и библиофилов: В. Я. Адарюкова, П. Д. Эттингера, П. П. Шибанова, А. М. Кожебаткина, Н. П. Киселева, И. И. Лазаревского, А. А. Сидорова и др. С 1923 г. эта комиссия была прикреплена к Государственному издательству и стала называться Комиссией по изучению искусства книги. Работы этой комиссии протекали успешно, и в 1924 г. был издан содержательный отчет о ее деятельности: «XXV заседаний Комиссии по изучению искусства книги при Государственном издательстве. 1922—1923—1924». Впрочем, через некоторое время в связи с реорганизацией Госиздата Комиссия была закрыта.

Активнейшим деятелем всех этих комиссий, редактором журнала «Гравюра и книга» (1924—1925), инициатором многих интересных начинаний в области изучения и пропаганды искусства книги был в эти и последующие годы проф. А. А. Сидоров, о котором в дальнейшем мы будем говорить подробно. Сейчас мы отметим его очень значительные и для начала 20-х годов и вообще для истории русского искусствоведения работы, публиковавшиеся главным образом в журнале «Печать и революция»: «Искусство книги» (1921; отд. изд.— 1922), «Очерки по истории русской иллюстрации» (1922), «Русская графика в годы революции» (1922; отд. изд.— 1923). Особенно большое значение для истории русского книговедения и для развития русского библиофильства имело двухтомное издание под редакцией В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова «Книга в России» (1924—1925). В первом томе этого труда А. А. Сидоров поместил теоретическое введение «Книга как объект изучения и художественные элементы книги», во втором — «Искусство русской книги XIX—XX веков». Наконец, укажем, обзорную, в то же время очень принципиальную статью А. А. Сидорова «Графика и искусство книги за 10 лет», также помещенную в журнале «Печать и революция» (1927).

В несколько ином — более историко-повествовательном — плане писал плодовитый и несомненно богато одаренный ленинградский искусствовед Э. Ф. Голлербах, автор «Истории гравюры и литографии в России», «Портретной живописи в России. XVIII век», «Современных русских граверов», статьи «Книжная графика» (в сборнике «Графическое искусство в СССР. 1917—X—1927») и др. У него

не было специальных печатных работ по теории искусства книги; подготовленное им исследование по теории книжно-графического стиля, о котором он упоминает в статье «Книжная графика», так в свет и не вышло. Однако во всех своих трудах по искусству книги Э. Ф. Голлербах неизменно говорит о «канонах книжной графики», «канонах искусства книги». В отдельных его высказываниях на эту тему можно отчетливо заметить влияние упоминавшейся выше работы П. П. Вейнера «Художественный облик книги».

Все эти теоретические и историко-обзорные работы А. А. Сидорова, Э. Ф. Голлербаха и ряда других советских искусствоведов способствовали развитию и усложнению русского библиофильства, все больше отходившего от старинного коллекционирования «редкостей». Прекрасно иллюстрированные работы А. А. Сидорова и Э. Ф. Голлербаха, упомянутые выставки современного искусства книги и графики, устраивавшиеся в Москве, Ленинграде, Казани и других городах, сборник «Графическое искусство в СССР. 1917—X—1927» и многое другое являлись не только заметными вехами в истории искусства советской книги, но и были своеобразными практическими руководствами для библиофилов, собиравших советские художественные издания, и теоретическими пособиями по изучению художественной книги любого периода.

Одновременно с выходом в свет двухтомной «Книги в России» Госиздат выпустил труд, хотя и специальный, но по включенному в него материалу имевший значение для истории библиофильства. Речь идет о «пособии для работников книжной торговли» — «Книжная торговля» под редакцией М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова (1925). Помещенные здесь статьи А. М. Ловягина «История книжной торговли в Западной Европе и Америке», Г. И. Поршнева «История книжной торговли в России», особенно П. П. Шибанова «Антикварная книжная торговля в России» и библиографический труд Н. Н. Орлова «Указатель русской литературы о книжной торговле» были — и до сих пор остаются — ценными источниками разнообразных практических сведений для советских библиофилов.

Здесь мы естественно подошли к другому существенному разделу в истории русского библиофильства 20-х годов, к вопросу об источниках пополнения книжных собраний тогдашних библиофилов,— иными словами, к вопросу о книжной торговле этого периода.

И тот же двоякий процесс, который мы наблюдали в области книгоиздательства,— допущение частного капитала, с одной стороны, и развитие государственного, социалистического, с другой,— характерен и для сферы книгораспространения, в первую очередь — книжной торговли. Приходится повторить также, что правильное представление об источниках, из которых пополнялись библиофильские собрания в 20-е годы, можно получить только тогда, когда будут избегнуты крайности,— мнение, будто только у книжников-частников находились ценные, редкие книги, с одной стороны, и будто новые книги можно было доставать только в мага-

зинах Госиздата. Для истории русского библиофильства 20-е годы в области книжной торговли важны не столько тем, какие книги прошли через букинистические и антикварные лавки, как менялись вкусы покупателей и, в связи с этим, книжные цены, сколько тем, что за эти годы окрепла и развилась книготорговая система Госиздата, в том числе и торговля старой книгой, что многие из книжников-частников, отказавшись от ведения собственных предприятий, перешли на работу в государственную торговую сеть,— словом, тем, что в 20-е годы знаменитый экономический и политический вопрос: «Кто кого?» был окончательно решен в пользу социализма.

К сожалению, в распоряжении исследователя очень мало материалов для создания пусть только предварительного, эскизного очерка истории книжно-антикварной торговли советского периода, подобного хотя бы упомянутой статье П. П. Шибанова «Антикварная книжная торговля в России». Сам П. П. Шибанов, крупнейший и культурнейший из русских антикваров, к большому нашему огорчению, не оставил работ по истории советской антикварной торговли, а из других книжников только ленинградцы Ф. Г. Шилов и П. Н. Мартынов написали работы, хотя и очень ценные, но построенные на местном, ленинградском материале. Таким образом, наше изложение истории книжной антикварной торговли в 20-е годы поневоле будет неполным.

Печатных сведений о торговле букинистической и антикварной книгой в Москве в 20-е годы почти не сохранилось,— по крайней мере, нам они неизвестны. В лучшем случае адресные книги издательств и книжных магазинов, выходившие в 1924—1928 гг., дают возможность установить количество, специфику и адреса московских букинистических и антикварных магазинов, но никаких характеристик их владельцев и описаний этих частных предприятий ни там, ни в других местах мы не нашли. Нет указаний на такие источники ни в тщательной библиографической работе Н. Орлова «Указатель русской литературы о книжной торговле», ни в замечательном «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер. Не нашли мы каталогов ни одного из московских антиквариатов и букинистических магазинов. По-видимому, их и не было. Даже собственная память не может нам помочь, так как в 20-е годы нам редко приходилось бывать в Москве, и мы помним только, что лучшие магазины, в которых можно было приобрести такие редкости, как «Библиографию русской периодической печати» Н. М. Лисовского и «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (1822), находились, как и до революции, на Моховой, против университета.

Это отсутствие материалов о московской книжной торговле в 20-е годы лишает нас возможности осветить данный вопрос в нужном виде и объеме. Мы думаем все же, что имеющиеся в нашем распоряжении более подробные сведения об антикварной и букинистической торговле в интересующий нас период в Ленинграде смо-

гут в известной мере служить материалом для представления о том, как развивалась такая торговля в Москве. Мы видели, что в период военного коммунизма библиофильская жизнь Москвы и Петрограда мало чем отличалась. Надо полагать, что в целом книжная торговля Москвы в 20-е годы также едва ли отличалась от ленинградской, и если и были отличия, то они не имели значительного характера. В Москве в начале 20-х годов букинисты были повсюду но, как вспоминал В. Г. Лидин, «в виде развалов где-нибудь в воротах (так, в Столешниковом переулке торговал известный букинист Михаил Иванович Пузырев, а на Большой Никитской, ныне улице Герцена, Матвей Иванович Шишков на тележке)». «Главная же их цитадель,— писал сотрудник „Вечерней Москвы“ М. Андр. в конце 1926 г.,— Китайгородская стена, где густо осели они со своими палатками и книжным развалом. Здесь всего богаче выбор, и сюда прежде всего устремляются любители. Но есть они на Трубе и на Арбате. Рассыпались по городу под воротами — или у стены на полочке. Самый серьезный и богатый букинист — это, конечно, палаточник» (3).

Около того же времени литературовед и библиофил Н. С. Ашукин, хорошо знавший тогдашние источники для пополнения коллекций любителей, с полным основанием утверждал: «Теперь книжные редкости можно найти только в магазине антиквара, который знает настоящие цены. Рассказы о том, как в былые годы на Сухаревке или на Толкучке покупались за бесценок библиографические редкости, отходят в область преданий. На Книжном торгу у Китайгородской стены — просто старые и новые книги, а на „развале“— книжный хлам. Любитель и здесь сумеет выудить редкость, но ведь вкусы у любителей разные. Один старичок-букинист убежденно говорил мне: — Нет такой книги, которую кто-нибудь да когда-нибудь не купит!..

Всякая книга находит своего покупателя...» (9).

В известном смысле Н. С. Ашукин прав: то, что называется у библиофилов и антикваров книжной редкостью, на развалах и в палатках попадалось только в исключительных случаях, потому что обычно приказчики солидных антиквариатов заранее просматривали у букинистов «товар» и отбирали все то, на что был спрос в тот или иной момент. Но каждая эпоха прибавляет к традиционному списку редкостей новые библиофильские дезидераты. Поэтому-то «в былые годы» на Сухаревке или на Толкучке и находили библиофилы редкости, так как тогда в цене были рукописные и старопечатные славяно-русские книги и, на худой конец, книги петровского времени. Сведения же о новых редкостях в 20-е годы не сразу становились общеизвестны, в частности букинистам старого покроя, для которых высшим авторитетом оставались «Русские книжные редкости» Геннади или «Книжные редкости» Н. Б. (Н. Березина). Поэтому на развалах, в подворотнях и на тележках «кто-нибудь да когда-нибудь» редкости по своему вкусу все же находил.

Антикварная и букинистическая торговля Петрограда (с 1924 г. Ленинграда) в 20-е годы была сосредоточена в двух основных пунктах: на Литейном просп. с давних пор существовали солидные антиквариаты, часть которых в период новой экономической политики возобновила свою деятельность, а затем постепенно появились и новые магазины; мелкие же лавки и лавчонки были в большом числе открыты в 1922—1923 гг. в Александровском рынке (перестроенном в 30-е годы). Конечно, и в других местах находились букинистические магазины,— на Невском просп. и Садовой, на Среднем просп. и 7-й линии Васильевского острова, на Большом просп. Петроградской стороны и т. д., но большой роли они не играли. Главными резервуарами библиофильских пополнений были в эти годы именно Литейный и Александровский рынок.

По нашим наблюдениям, Александровский рынок имел определенное преимущество перед Литейным: мелкие торговцы Александровского рынка обладали удивительным нюхом, умели дешево покупать у древних старух и неопытных наследников дореволюционных собирателей хорошие библиотеки, ценные архивы, коллекции гравюр и пр. Владельцев «роскошных» антиквариатов они недолюбливали, так как знали, что те «обжуливают» их, разбитных, но малограмотных маклаков-ярославцев. Тем не менее «редкости» хорошо известные они либо сами относили Ф. Г. Шилову, Н. А. Полякову, С. Н. Котову и другим антикварам на Литейный, либо откладывали под стойку до прихода кого-либо из названных и других книжников или их приказчиков. Из букинистов Александровского рынка особенно активными были А. С. Степанов, Ф. П. Наумов и В. Н. Басков. Последнему как-то исключительно везло: то он покупал библиотеку историка Н. Д. Чечулина, чрезвычайно ценную, то ему доставался архив министра полиции при Александре I А. Д. Балашова, то он откуда-то откапывал не попавшие в Гос. книжный фонд остатки колоссального собрания Н. Я. Колобова, то, наконец, ему удавалось (в компании с Ф. П. Наумовым) приобрести так называемую Александро-Константиновскую библиотеку и т. д.

В среде книжников Александровского рынка была своя «аристократия» и свой «плебс». К числу первых принадлежали Н. А. Поляков, А. С. Степанов, Ф. П. Наумов, которые, несколько разбогатев, покидали свои мрачные, холодные лавчонки в Александровском рынке и переселялись на Литейный. Но старые «аборигены» Литейного смотрели и на них как на выскочек и отзывались пренебрежительно о их методах ведения торговли. В особенности возмущал их Ф. П. Наумов, начавший продавать — на Литейном! — книги на вес, по 1 рублю, по 75 и 50 копеек килограмм, в зависимости от характера «товара». Желая унизить выскочек Александровского рынка, продававших книги на вес, старые антиквары с Литейного презрительно называли их «американцами». Впрочем, через некоторое время примеру Наумова последовали старейший книжник И. И. Базлов и А. К. Гомулин.

«Плебс» Александровского рынка не ставил себе никаких далеких целей. Это были преимущественно молодые люди, любившие выпить или посидеть в чайной за товарищеской беседой, причем разговор меньше всего касался книжных тем. В чайных обычно обсуждались и улаживались коллективные покупки библиотек и архивов, когда цена их оказывалась не по средствам какому-нибудь одному книжнику, первому узнавшему о «деле». В таких случаях устраивали «вязку». Нам не раз объясняли хитрую механику этой старинной русской формы коллективных покупок; приходилось нам читать и печатные изложения принципов «вязки», и всегда эти объяснения не совпадали.

В. Н. Басков, один из коренных «плебеев» Александровского рынка, на наш вопрос, почему у него бо́льшая часть книг продается без переплета, признался, что основной заработок от книжного дела он и подобные ему мелкие торговцы получали от сапожников, а не от библиофилов: первые покупают по твердой цене картонные переплеты на изготовление стелек и обуви, а вторые книгу приобретут и без переплета, да и платят они по 5, 10 и 15 копеек за книжку.

В результате антагонизма между «аристократами» и «плебеями» в 20-е годы на Александровском рынке можно было купить за небольшие деньги очень ценные книги, в особенности, если книжнику попадала (и, конечно, за гроши) хорошая старая библиотека.

До середины 20-х годов в Ленинграде старые и новые книги продавались «на вербе», т. е. на базарах, которые устраивались на Исаакиевской площади в вербную неделю (предпоследнюю неделю великого поста). Сюда приезжали со своим «товаром» букинисты со всего Ленинграда, в особенности книжники Александровского рынка, а также работники государственных и общественных книжных магазинов. Во второй половине 20-х годов вместо вербных базаров стали устраивать книжные базары, но не на Исаакиевской площади, а вблизи Дома книги (Невский, 28) — на ул. Софьи Перовской, возле Казанского собора и т. д. Наряду со старыми книгами здесь продавались удешевленные новые книги, издания 1917—1925 гг. В 1930 г. к книжному базару были изданы четыре номера «бюллетеня Пятой весенней книжной выставки-базара» под названием «За книгу», сразу же ставшие «библиографической» редкостью. В № 1 этого бюллетеня была помещена небольшая, интересная статья К. А. Федина (без заглавия): «Прекрасное начинание революции — книжные базары — становятся уже обычаем. Мне пришлось видеть эти ярмарки печатного слова в городах Украины — Днепропетровске, Харькове, Киеве. Везде они протекают с большим подъемом, привлекая новые кадры читателей, черпая их пригоршнями из самой гущи человеческого потока городских улиц. Это — превосходный способ пропаганды, и писатели всегда и с охотой будут помогать таким базарам всеми возможными средствами. Ленинград, 30 мая».

Роль книжных базаров еще недостаточно учтена в истории русского библиофильства, но она несомненно важна и велика. Не только «новые кадры читателей», о которых говорит К. А. Федин, но и старые библиофилы находили на книжных базарах ценнейшие материалы. Приведем один только пример. На базаре 1927 г. мы вместе с покойным проф. В. Е. Евгеньевым-Максимовым, крупнейшим исследователем жизни и творчества Некрасова, рылись в старых книгах одного из киосков Госиздата. В мои руки попал экземпляр первого издания «Стихотворений Н. Некрасова» (1856) с чьими-то пометками. Я сразу же передал его В. Е. Евгеньеву-Максимову, который немедленно его приобрел за копейки, не то 20, не то 25. Оказалось, что это экземпляр с дополнениями, сделанными самим поэтом.

Но все же лучшие книги,— и по сохранности, и по редкости, и по количеству,— и тогда можно было найти на Литейном проспекте. Наиболее крупными магазинами антикварной книги в 20-е годы были магазин артели «Экскурсант», и — особенно, но короткое время,— Ф. Г. Шилова.

Об артели «Экскурсант» старый ленинградский букинист П. Н. Мартынов рассказывает колоритные подробности: «В 1922—1923 годах объединились три крупных петроградских букиниста — Н. В. Базыкин, И. Ф. Косцов и Н. А. Поляков, создав фирму букинистической торговли под названием „Экскурсант“ (Литейный, 47). Эта группа букинистов хорошо организовала торговлю как в Петрограде, так и в провинции, выпускала солидные печатные каталоги букинистической литературы. Обладая бóльшим, нежели букинисты-одиночки, капиталом, они создавали солидные запасы книг, устанавливали свои цены, работая вне конкуренции. Молва шла, что у них все можно достать. Ввиду того, что они скупали книги большими партиями и целыми библиотеками и везде преуспевали, им дали прозвище „акулы“. Их также звали „аптекарями“, потому что цены на книги у них были твердые и высокие. От покупателей-книголюбов можно было слышать: „Я это приобрел у акул“ или „Зайдем к аптекарям, там раскопаем что-нибудь уникальное“...»

Любопытна характеристика книжного ассортимента в магазине «Экскурсант», которую дает П. Н. Мартынов: «Магазин фирмы „Экскурсант“ был большой, имел все отделы литературы, с хорошим выбором не только книг, но и периодических изданий; много было в нем многотомных ведомственных изданий» (104).

Однако артель «Экскурсант» просуществовала недолго: «В дальнейшем,— пишет П. Н. Мартынов,— эти букинисты стали работать самостоятельно. Н. А. Поляков остался владельцем фирмы „Экскурсант“ и продолжал вести дело с прежней „солидностью“. Магазин этот любили посещать научные работники, писатели, художники».

Все то, что пишет об «Экскурсанте» П. Н. Мартынов, правильно. Из каталога «Экскурсанта» № 4, изданного Н. А. Поляковым как единоличным владельцем магазина в 1927 г., явствует, что цены

у него были действительно «аптекарские», а аппетиты —«акульи». Так, например, журнал «Старые годы», постоянный предмет мечтаний библиофилов тех лет, «комплект отличной сохранности», был оценен в 170 руб., «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева (3 тт.) — 50 руб., «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова — 75 руб. По тогдашней покупательной стоимости рубля эти цены были неимоверно высокие. Но совершенно исключительная цена была назначена за издание, которое было рекламировано в самом конце каталога, на стр. 3 обложки. Приведем полностью это объявление: «Самаркандский Куфический Коран, по преданию писанный собственноручно третьим халифом Омаром (644—656) и находящийся в Ленинградской государственной публичной библиотеке. Издано при С.-Петербургском археологическом институте С. Ив. Писаревым (факсимиле). СПб. 1905 г. (Издано в количестве 50 экз., из коих в продажу поступило 25 экз.). В переплете, формат in folio — 500 руб.».

Была ли куплена кем-нибудь эта книга, нам неизвестно.

В начале революционного периода, по воспоминаниям Ф. Г. Шилова, в Петрограде появился молодой библиофил П. В. Губар, которому за очень небольшие деньги удалось приобрести у брата известного дореволюционного библиофила Н. К. Синягина библиотеку последнего. Быстро распродав отдельные части приобретенной библиотеки (одно только собрание гравюр Губар продал Центральному комитету государственных библиотек за сумму, которую он заплатил за всю библиотеку Синягина), он в 1923 г. открыл на Невском проспекте, 72 книжный магазин под названием «Антиквариат». Главным помощником П. В. Губара, человека в коммерческих делах малосведущего и являвшегося только владельцем магазина, был опытный, еще нестарый антиквар Н. М. Волков (1880—1926), о котором в библиофильских кругах сохранились хорошие воспоминания. После смерти Волкова заведовать магазином «Антиквариат» Губар пригласил Ф. Г. Шилова, книжника с большим опытом и иного характера. В начале 1926 г. Губар выпустил первый каталог своего магазина, посвященный книгам из библиотеки Ф. С. Малышева.

Хотя в объявлении «Антиквариата», помещенном в конце каталога, говорится, что «цены крайне умеренные», но это более чем неверно. «Древности Российского государства» акад. Ф. Солнцева были оценены в 250 руб., такая же цена была назначена гаваровской серии «Galeries historiques de Versailles»; в каталоге № 2 («Последние приобретения») «Историческому описанию одежды и вооружения Российских войск» Висковатова цена была указана 300 руб., инкунабуле «Хроника» Г. Шеделя (1493) — 125 руб. и т. д.

По нашим современным ценам, перечисленные книги могут показаться не особенно дорогими, даже дешевыми (например, «Хроника» Шеделя). Следует, однако, помнить, что стоимость рубля 1926—1927-х годов была значительно выше.

В июле 1927 г. «Антиквариат» перешел в полную собственность Ф. Г. Шилова. Извещая об этом покупателей, Шилов писал в каталоге № 3: «Характер работы остается тот же, т. е. я буду держаться работы с антикварной, редкой и забытой книгой, той книгой которая, может быть, не нужна массе, но многим работникам науки, музеям, ученым, библиотекам необходима, и той книгой, которая услаждает душу библиофила и книголюба. Весь свой долголетний опыт и старания употреблю на то, чтобы все друзья книги и библиофилы нашли в моем магазине все, что им нужно».

Магазин Шилова действительно предлагал библиофилам ценные, интересные материалы. Так, например, в каталоге № 3 указывалось, что продается за 25 руб. подлинная рукопись рассказа А. И. Куприна «Однорукий комендант» (стр. 20, № 196, 29 стр. писчей бумаги большого формата). В 1928 г. Ф. Г. Шилов перевел магазин на Литейный просп., а в 1929 ликвидировал его.

«Антиквариат» Губара — Шилова в 20-е годы был в Ленинграде несомненно лучшим из частных магазинов, но цены в нем были выше даже, чем у «акул» и «аптекарей» «Экскурсанта».

В 20-е годы наряду с частными букинистическими и антикварными магазинами существовали книжные лавки «старой», «дешевой», «удешевленной» книги, принадлежавшие Госиздату, «Красной газете» и другим общественным и государственным организациям. Эти магазины,— особенно Госиздата,— прекрасно снабжались за счет книжных фондов, скопившихся у ленинградского отделения Госиздата. Они хранились в так называемом Книжном дворе (на канале Грибоедова, против Казанского собора) и исчислялись сотнями тысяч экземпляров. Ф. Г. Шилов, привлекавшийся в качестве эксперта для участия в разборке этих фондов, определял их количество в еще большем объеме: «книг там по самому беглому взгляду было не менее 3 000 000 томов» (172, с. 198). Конечно, не все эти миллионы или даже сотни тысяч томов были проданы населению через магазины. Значительная часть (по словам Шилова, до 200 000 пудов) была отобрана для перемола на бумагу.

И все же книжные магазины Госиздата и других общественных учреждений сыграли исключительно большую полезную роль. Цены на книги в них были очень умеренные, даже дешевые, не только по сравнению с «акулами» и Шиловым, но и безотносительно. Здесь, правда, не было «патентованных» редкостей, но книги XIX — начала XX в. можно было покупать по доступной цене небогатым книголюбам, студентам, аспирантам, научным работникам, советским служащим. В 1923—1924 гг. в Ленинграде можно было приобретать старые книги по талонам, которые выдавались по желанию книголюбов как часть заработной платы.

Кроме магазинов дешевой книги Госиздата и других государственных и кооперативных организаций, в 20—30-е годы в Москве и Ленинграде действовали антикварные магазины акционерного общества «Международная книга», сыгравшие значительную роль в истории русского библиофильства.

Это акционерное общество возникло в 1922 г. в качестве органа Комиссариата по внешней торговле и ВСНХ для ведения монопольной торговли новой и антикварной иностранной книгой как в СССР, так и за границей. Одновременно с этим на «Международную книгу» была возложена торговля антикварной русской книгой. В качестве заведующего московским антикварным магазином «Международной книги» был приглашен известный дореволюционный антиквар П. П. Шибанов. Магазин этот помещался на Кузнецком мосту, 12. С самого начала действия своих московского и ленинградского магазинов «Международная книга» стала издавать бюллетени, информировавшие покупателей о наличном книжном составе и о новых поступлениях. С 1922 по 1936 г. вышло 276 номеров бюллетеня московского магазина и 38 — ленинградского. Помимо этого с 1924 по 1936 г. московский антикварный магазин «Международной книги» издал 78 каталогов по русской книге, которые и сейчас представляют интерес для библиофилов. В частности, в связи с 200-летием Академии наук СССР, отмечавшимся в 1925 г., «Международная книга» издала каталог № 6, в котором, наряду с довольно часто встречавшимися на тогдашнем книжном рынке академическими изданиями, предлагались очень редкие книги и целые коллекции их, например, полный подбор «Придворных календарей» с 1758 по 1809 г. Но цены (в золотых рублях) были поставлены очень высокие: упомянутая коллекция «Придворных календарей» была оценена в 500 руб., описание коронации Елизаветы Петровны — 100 руб, и т. д., «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова (1772) был оценен в 15 руб.,

С 1932 по 1935 г. «Международная книга» издала четыре каталога книг на иностранных языках, в 1931 г.— каталог «Восточные рукописи». «Международная книга» сыграла важную роль в экономике Советского государства в 20—30-е годы, сумев доставить стране значительные средства, необходимые для восстановления хозяйства и индустриализации.

В то же время антикварные магазины «Международной книги» доставляли и советским библиофилам много ценных, редких изданий.

В 20—30-е годы русское библиофильство развивалось в целом в трудных условиях, и самое трудное заключалось в том, что с дореволюционного времени в передовых кругах русского общества, в особенности демократических, сложилось предубеждение против библиофильства и библиофилов. Для этого были достаточные основания. В XIX — начале XX в. библиофилами были люди преимущественно из очень состоятельных слоев русского общества — поместного и служилого (бюрократического) дворянства, крупной буржуазии. К тому же почти все они были представители реакционного лагеря, и библиофильство, например, в годы перед революцией рассматривалось как проявление общественной реакции даже такими лицами из прогрессивной части русского общества, которые сами были большими книголюбами и имели хорошие, интересные

библиотеки. Напомним в этой связи отзыв Александра Блока (см. стр. 23). Широкое книголюбие, с давних, чуть ли не средневековых пор характерное для демократических слоев общества, не ассоциировалось с библиофильством, а противопоставлялось ему.

Практически предубеждение против библиофильства и библиофилов в 20-е годы проявлялось в том, что соответствующие органы Советской власти очень неохотно давали разрешения на организацию обществ библиофилов, а сами библиофилы обычно в заявлениях об организации подобных обществ избегали слова «библиофил» и называли себя — за немногими исключениями —«друзьями книги», «любителями книги», «собирателями книг» и т. д.

Между тем уже в период военного коммунизма, как мы видели, формировались кадры новых библиофилов — из советской интеллигенции в первую очередь, в 20-е годы создавались общества библиофилов в Москве, Ленинграде, Казани, позднее в Киеве, Минске, и т. д. Происходил процесс качественного изменения понятий «библиофил» и «библиофильство», или, как тогда говорили, «библиофилия». Новые библиофилы пытались осмыслить свои отличительные черты, отмежеваться от библиофилов старой формации, но это им давалось нелегко: слишком многим из библиофилов 20-х годов импонировали библиофильские традиции замкнутого, «аристократического» Кружка любителей русских изящных изданий.

Именно процесс качественного изменения понятий «библиофил» и «библиофильство» был причиной возросшего интереса к решению теоретических вопросов, связанных с существом этих понятий.

Неудивительно, что пересмотр ряда понятий, с давних пор являвшихся теоретической основой библиофильства, начался в недрах библиофилов старшего поколения, не принадлежавших к Кружку любителей русских изящных изданий. Это были старые русские книговеды, взгляды которых сложились еще в конце XIX — начале XX в.,— такие, как А. И. Малеин, А. М. Ловягин и др. Под влиянием революционных событий они пытались переосмыслить свои воззрения, но делали это упрощенно и непоследовательно, хотя и несомненно искренне. Пересмотр теоретических основ библиофильства некоторые из названных авторов начинали с частностей, с вопросов, в сущности, второстепенных, но в те времена почему-то казавшихся особенно важными. Лишь постепенно, в процессе развития нового, советского библиофильства, возникали новые, действительно важные вопросы. Впрочем, в 20-е годы они не могли еще быть решены правильно: только по мере перестройки всей науки на принципах марксизма-ленинизма могли быть научно решены и вопросы теории советского библиофильства.

Мы сказали, что 20-е годы в истории русского библиофильства ознаменовались рядом попыток пересмотра традиционных представлений, с давних времен бытовавших в среде книголюбов. В первую очередь это относится к понятию «книжная редкость». В 1923 г. Петроградским государственным институтом книговедения была издана брошюра, озаглавленная «О редкой книге» (114).

В ней были напечатаны статьи известного библиофила-книговеда, профессора античной филологии в Петроградском университете, президента Русского библиологического общества А. И. Малеина (1869—1938) «Что такое книжная редкость?» и М. Г. Флеера «Редкие книги. Мысли и факты из области книжного собирательства». Оба автора ставили своей целью, с одной стороны, критически пересмотреть старые определения понятия «редкая книга» и, с другой, дать свои, более гибкие и, следовательно, более современные истолкования.

А. И. Малеин, например, считал, что «редкой книгой может быть признана та книга, которая существует абсолютно в малом числе экземпляров и имеет научное значение». Приведя это определение, автор замечает: «Если стать на эту точку зрения, то число книжных редкостей должно быть подвергнуто значительному сокращению». Из его дальнейшего изложения видно, что он считает, будто перепечатанные «редкости» утрачивают свое реальное значение.

Удивительно, что А. И. Малеин не видит ошибки в своих рассуждениях. Если перепечатка произведения лишает его редкости, то, в конечном счете, в потенции нет редкостей вообще, так как любую книгу, даже напечатанную в одном экземпляре, можно перепечатать в любом количестве экземпляров, в особенности сейчас, когда введен в научную практику ксерографический способ воспроизведения текста. «Так, например,— пишет А. И. Малеин,— Д. В. Ульянинский убедительно доказывает редкость имеющейся у него книги С. В. Руссова „Библиографический каталог российским писательницам". Но научного значения эта книжка не имеет никакого, так как целиком вошла в аналогичный труд кн. Н. Н. Голицына (СПб., 1889). Равным образом не могут считаться редкостями и такие старые книги, как первое издание „Опыта российской библиографии" Сопикова, потому что для справок гораздо удобнее, полнее и научнее обработка В. Н. Рогожина». «Книги, подобные первому изданию „Опыта",— продолжает А. И. Малеин,— напоминают мне старую мебель, на которую мы с любопытством и, может быть, даже с умилением смотрим в музеях, но дома предпочитаем пользоваться современными креслами, стульями и диванами».

Вероятно, отвечая на возражения, что подобная точка зрения приведет к отказу в значении книжной редкости «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева и даже инкунабулам и editiones principes («первые издания») античных писателей, которыми почти всю жизнь он занимался, А. И. Малеин прибавил малоубедительные доводы о роли прижизненных изданий классиков,— как будто последующие перепечатки не улучшают, а только ухудшают авторский текст.

Статья М. Г. Флеера интереса не представляет, так как он фактически отказывается от определения: «...в понятие редкости надо ввести интерес, но учесть этот интерес, конечно, нет никакой возможности».

Попытка А. И. Малеина, исходившего из своих особых позиций и интересов филолога-античника, сразу же вызвала с разных сторон возражения и новые опыты в том же направлении. Особенную настойчивость в попытках определить понятие «книжная редкость» проявил московский книговед-библиофил А. И. Кондратьев. В ноябре 1925 г. он прочел в Русском библиографическом обществе доклад «Основные предпосылки учения о книжных редкостях», тезисы которого на четырех страницах были напечатаны как «издание автора» в 100 экземплярах красно-коричневой краской листовкой большого формата. Основные положения доклада А. И. Кондратьева делятся на три части: историческую, социологическую и теоретическую. Несмотря на наличие отдельных правильных тезисов, в целом «Основные предпосылки» А. И. Кондратьева представляют нагромождение наукообразных рассуждений, вроде следующего: «5. Редкие книги делятся: а) на фактические редкости или библиологический нуль и б) на библиологические (библиографические) редкости». Автор приходит к отказу от каких-либо выводов. «7. В виду чрезвычайной субъективности, проявляемой при оценке библиологических редкостей, необходимо отказаться от теоретического установления степеней редкости или категорий, ограничившись лишь определением основных признаков, образующих библиологические редкости». Таким «основным признаком» А. И. Кондратьев, вслед за М. Г. Флеером или независимо от него, считает «наличие библиологического интереса». В результате он приходит к бессодержательному, тавтологическому выводу: «12. Библиологической редкостью следует считать то издание, которое, в силу его фактической редкости, вышло из обычного гражданского оборота и имеет тот или иной библиологический интерес».

По-видимому, доклад А. И. Кондратьева в Русском библиографическом обществе не был принят благоприятно, потому что автор продолжал работать над этой темой и через шесть лет, в декабре 1931 г., выступил с новой редакцией своего труда — на этот раз в Секции собирателей книг и экслибрисов Московского отдела Всероссийского общества филателистов. Доклад его назывался «Эволюция учений о книжных редкостях. (Опыт марксистского анализа предмета и литературы)». Содержание доклада напечатано в форме памятки в 60 экземплярах. А. И. Кондратьев пользуется здесь двумя понятиями «подлинная книжная редкость» и «мнимая книжная редкость» и свою позицию в интересующем его вопросе формулирует следующим образом: «Только те книги могут претендовать на звание подлинной книжной редкости, которые имели то или иное общественное значение и в настоящее время еще не потеряли своей действенности. Книги же, отличающиеся лишь тем, что они напечатаны или сохранились в абсолютно малом числе экземпляров, являются лишь мнимыми книжными редкостями. Это всего лишь общественная фальсификация».

Вопрос о понятии «редкая книга» волновал в 20-е годы и других советских библиофилов, и некоторые из них в разной форме высту-

пали со своими соображениями по этому поводу. Так, московский библиофил Н. Ю. Ульянинский, двоюродный брат выдающегося русского библиофила-библиографа Д. В. Ульянинского, в статье «О библиофилии (факты и мысли)», помещенной в ленинградском «Альманахе библиофилов» (1929), вновь стал поддерживать «количественный» признак в определении понятия «книжная редкость» в противоположность признаку «качественному» или «ценностному». «Прямое значение слова *редкий*,— писал Н. Ю. Ульянинский,— противоположно слову *частый*. Таким образом в слове *редкий* заключается признак количества. Привнесение сюда признака ценности есть уже суживающая частность, позволяющая из категории редких по числу предметов отделить предметы, пригодные для данного времени или для данной цели. Признак редкости есть понятие объективное, всегда неизменное и устойчивое, признак же пригодности и ценности — понятие неустойчивое, субъективное и стало быть имеющее временной характер». «В том и состояло обаяние „книжной редкости" для библиофила,— замечает Н. Ю. Ульянинский,— что он гнался за тем, чего в действительности было мало».

Таким образом, определяя понятие «книжной редкости», Н. Ю. Ульянинский в дальнейшей части своей статьи приводит описание пяти редких книг своей библиотеки: анонимной брошюры (автором ее был М. А. Новоселов) «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912), магистерской диссертации Н. И. Костомарова «О причинах и характере унии в Западной России» (Харьков, 1841), книги П. А. Плетнева «Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях» (СПб., 1835) и двух книг петровского времени —«Апофтегмата, то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три» (М., 1712) и «первенца русской гражданской печати»—«Геометрия словенски землемерие» (М., 1708). И Н. Ю. Ульянинский то ли не замечает, то ли не хочет заметить, что все описанные им «редкости» имеют то больший, то меньший «субъективный» научный интерес; иными словами, ратуя в теории за «количественное» определение понятия «книжной редкости», он практически переходит на позиции «качественного» определения.

Статья Н. Ю. Ульянинского представляла доклад, прочитанный им в московском Русском обществе друзей книги в 1925 г. В апреле 1927 г. в том же обществе сделал доклад известный антикварбиблиофил П. П. Шибанов, работавший, как указывалось выше, с 1922 г. в «Международной книге». Доклад назывался «Desiderata русского библиофила. Редчайшие книги и их современная расценка». К докладу в качестве корректурного издания была напечатана в 200 экземплярах брошюра под тем же названием. Так как сам доклад нигде не был опубликован и даже содержание его не было изложено в печатной форме, судить о нем приходится только по упомянутой брошюре. В ней П. П. Шибанов не делает попытки определить понятие «книжная редкость», а практически перечисляет

«исключительные библиографические редкости, не утратившие и до настоящего времени своего значения и ценности», сопровождая почти каждое библиографическое описание ценой. Только в немногих случаях, когда речь шла об оценке «книг чрезвычайно редких, никогда не появлявшихся на рынке», установить на которые «какие-либо цены было бы совершенно голословно», П. П. Шибанов ставил вопросительный знак. Это относится к девяти книгам: четырем церковным книгам XV—XVI вв., к трем музыкальным журналам конца XVIII — начала XIX в. («С. Петербургский музыкальный магазин для клавикордов», 1794; «Журнал С. Петербургского италианского театра», 1795; «Журнал отечественной музыки», 1806), к «Истории французской революции в медалях и монетах», 1806 (опечатка: должно быть — 1816) и к книге В. И. Ленина «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов» (3 чч., 1894). Из остальных книг самой дорогой в оценке П. П. Шибанова является «Библия руска выложена д-ром Франциском Скориною» (Прага, 1517—1519, 22 книги), которая оценена в 2000 руб. По 500 руб. цена назначена краковской «Псалтири со восследованием», «Первым русским ведомостям» (за 1703 г.) и «Примечаниям на Ведомости», почему-то не с 1729, а с 1732 по 1742 г. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева оценено всего лишь в 250 руб., «Ганц Кюхельгартен» Гоголя (В. Алова) (1829) — 75 руб., «Мечты и звуки» Н. Некрасова (Н. Н., 1840) — 10 руб., «Библиографический словарь питомцев Московского университета» 25 руб. и т. д. Совсем непонятно дешево определена цена «Езды в остров любви» Тредиаковского (1730) — 5 руб. Из 378 номеров списка Шибанова 28 оценено по 5 руб., 105 по 10 руб., 15 по 15 руб., 83 по 25 руб., 6 по 30 руб., 41 по 50 руб. и т. д. Таким образом, более $^3/_4$ «редчайших русских книг» было оценено Шибановым от 5 до 50 руб., что не может не вызвать удивления, даже если учесть тогдашнюю стоимость рубля.

П. П. Шибанов предупреждал в предисловии к брошюре, что не включает в свой перечень описаний фейерверков, од, летучих изданий, книжных росписей XVIII в., календарей, генеалогических произведений Ювеналия Воейкова и Бороздина, манифестов и указов первой половины XVIII в. Но в его список не попали безусловные редкости, вроде «Опыта исторического словаря о российских писателях» Новикова (1772), «Путешествия критика» С. Ф. Ф[ерельтца] (1807), «Энциклопедического словаря» С. Селивановского (1823—1825), «Карманного словаря иностранных слов» И. Кирилова (1846—1848), «Примечаний к Русским драматическим произведениям» Н. С. Тихонравова (1872), «Эротопэгний» В. Я. Брюсова (1912) и др.

Все эти недоумения, вызванные невысокой оценкой одних книг и высокой других, введением в список некоторого количества третьестепенных книг (например, «Трех западников сороковых годов» В. Богучарского, 1901, и др.) и невключением заведомых редкостей, объясняются не случайностью, а определенной «анти-

кварной политикой» Шибанова, которая позднее была разоблачена ленинградским книжником Ф. Г. Шиловым.

Доклад Шибанова в Русском обществе друзей книги имел успех, и прения по нему заняли два вечера, как сообщает в своих «Записках старого книжника» Ф. Г. Шилов. Однако подробности этих заседаний нам неизвестны. В июне 1927 г. Шибанов повторил свой доклад в Ленинграде в Ленинградском обществе библиофилов. В хронике Общества, помещенной в «Альманахе библиофила» (1929), отмечено, что «на запросы присутствующих о неравномерной и субъективной расценке некоторых из редких книг, П. П. Шибанов вынужден был признать, что данное издание является как бы каталогом „Международной книги", содержащим спрос и предложения, и что в скором времени выходит однотипный каталог под более точным названием „Ищем купить" (М., 1927, изд. „Международная книга")». Из заключительной части отчета о докладе П. П. Шибанова в Ленинградском обществе библиофилов явствует, что докладчик не ограничился простым перечислением редких книг и их оценкой, а поднял вопрос, «какую книгу следует считать „редкой", так и оставшийся,— по словам составлявшего хронику Общества В. К. Охочинского,— точно не установленным».

Более подробно сообщил об этом заседании в Ленинградском обществе библиофилов Ф. Г. Шилов в своих воспоминаниях. Мы приведем его запись полностью, так как она имеет и конкретное значение для понимания особенностей расценки редких книг в «Дезидератах русского библиофила», и, можно сказать, теоретический интерес как ключ ко всем аналогичным попыткам предшествовавшего и последующего времени.

Ф. Г. Шилов писал:

«Я выступил с резким возражением.

— Мы, молодежь, во всяком случае, младшее поколение книжников,— сказал я,— несогласны с вами. То, что вы хотите купить, вы расцениваете баснословно дешево, а то, что хотите продать из залежавшегося у вас, оцениваете втридорога. Где вы купите за 5 рублей книгу 1730 года „Езда на остров любви", когда даже второе издание стоит в пять раз дороже? Где вы купите „Путешествие" Радищева за 250 рублей, когда оно золотом стоило 500—600 рублей? Какому библиофилу вдруг потребовалась библия Скорины? Книги XVI и XVII веков у вас обозначены как дезидерата, но это не более чем ход, чтобы найти покупателей» (171).

Далее Ф. Г. Шилов говорит, что расценки в брошюре «„Дезидерата русского библиофила"... были произведены Шибановым в интересах антикварного магазина „Международная книга", в котором он тогда работал». И тут же прибавляет: «Следует сказать, что Шибанов работал не за страх, а за совесть. Он прожил всю жизнь для книги».

Как уже упоминалось выше, на заседании в Ленинградском обществе библиофилов П. П. Шибанов обещал выпустить более точно озаглавленный каталог «Ищем купить», который должен был

служить регулятором спроса и предложения. Такой каталог действительно был издан.

Вторым теоретическим вопросом, привлекавшим в 20-е годы внимание книговедов и любителей книги, был вопрос о том, что такое библиофильство или библиофилия (тогда еще различие между этими понятиями не было достаточно ясно), чем отличается библиофилия от библиомании, кого, в конечном счете, можно назвать библиофилом.

Начало этим дискуссиям положил опять-таки А. И. Малеин, поместивший в редактировавшемся им журнале «Библиографические листы Русского библиографического общества» за 1922 г., статью «О термине „библиофильство“». Правда, в ней нет определения понятия «библиофильство», и только дана его история с античных времен до конца XVII в. Однако самый факт того, что это понятие рассматривалось в историческом аспекте, имел принципиальное значение. Не останавливаясь на попытке Э. Ф. Голлербаха дать определение понятия «истинный библиофил», сделанной в одной из его рецензий в сборнике «Аргонавты» (1923), так как она в дальнейшем течении дискуссии не упоминалась, отметим, что М. Г. Флеер в называвшейся выше статье «Редкие книги. Мысли и факты из области книжного собирательства» также остановился на данной теме. Как и в вопросе о том, что такое книжная редкость, и в настоящем случае М. Г. Флеер, вместо определения, занялся перечислением признаков интересовавшего его понятия. «Библиофил,— писал он,— человек любящий и собирающий книги,— явление, сказали мы, очень давнего происхождения, но тем не менее до сих пор не поддающееся точному определению и классификации». Чтобы позиция Флеера была понятна, надо учесть положение, высказанное им на той же странице, но выше: «Не чтение, а непосредственное общение с книгами, знакомство с их внешним видом, рытье в них доставляет библиофилу наслаждение, просвещая его ум и сердце». Не поясняя, как «не чтение», а «знакомство с внешним видом книг» просвещает ум и сердце библиофила, М. Г. Флеер, как и многие другие авторы, пытавшиеся дать определение понятия «библиофил», отводит в сторону, так сказать, «корыстных» собирателей книг. «Прост и понятен человек,— пишет он,— собирающий книги ради того определенного и нужного человеку знания, которое дают они, но он „не является библиофилом“, так как его интересует только содержание книги, а не ее форма, и, тем более, ее редкость». «Содержание, форма, редкость книги — три элемента библиофильства»,— утверждает М. Г. Флеер, но тут же делает ограничение, сводящее на нет это положение: «Содержание, надо заметить — и не к укору библиофила, не всегда является для него необходимым элементом. В книге библиофил, сплошь и рядом не интересуясь ее содержанием, ищет и находит исторические, художественные, культурные ценности, каковые неминуемо запечатлевает она, являясь отражением творчества духа эпохи и места».

Таким образом, для М. Г. Флеера,— если довести его точку зрения до логического конца и,— как мы увидим,— до логической бессмыслицы,— не «содержание», а «форма и редкость» являются основными «элементами библиофильства». Чувствуя неловкость от подобного вывода, он старается внести кое-какие уточнения, но суть дела от этого не меняется. В конечном итоге М. Г. Флеер относится к библиофильству отрицательно: «...в России всегда, в сущности, был мал интерес к редким книгам, библиофильство почти не было развито, во время войны (первой империалистической.— *П. Б.*) и революции оно исчезло окончательно и едва ли скоро возродится».

Мы не станем здесь спорить с М. Г. Флеером по части истории русского библиофильства,— все предшествующее изложение достаточно опровергает его характеристику. Для нас важно то, что в своих попытках определить понятие «библиофил» и «библиофильство» М. Г. Флеер, как видно из примечаний к его статье и библиографического списка «Литература русских редких книг», приложенной в конце, исходил целиком и полностью из дореволюционных работ по этому вопросу. О новейшей, современной ему, литературе вопроса, о существовании в Москве Русского общества друзей книги он не знал и, возможно, не хотел знать, так как это противоречило его концепции.

К сожалению, мы не знаем, что положил А. А. Сидоров в основу своего доклада в Русском обществе друзей книги, сделанном 29 февраля 1924 г. и озаглавленном «Что такое библиофилия?» У самого автора текст доклада не сохранился.

В противоположность М. Г. Флееру и А. М. Ловягину (см. дальше), относившихся отрицательно к библиофильству, некоторые из молодых библиофилов 20-х годов пытались по-новому раскрыть понимание спорного и — прямо скажем — гонимого тогда термина. Из этих попыток особенно заслуживает внимания статья ленинградского архивиста и библиофила М. И. Ахуна, озаглавленная «Библиофилия» и помещенная в вечернем выпуске «Красной газеты» за 1925 г. Автор указывает в этой статье, что народившееся после революции советское библиофильство решительно противостоит старому, проникнутому идеологией капиталистического общества. «Наша библиофилия,— пишет М. И. Ахун,— понимаемая в смысле сбережения научных достижений, как одна из сторон пролетарской культуры, несомненно окажет громадную услугу человечеству по пути дальнейших завоеваний в области строительства новых форм общественности» (7).

Вполне вероятно, что подобные статьи, помещавшиеся в широко распространенных газетах, оказывали некоторое влияние на общественное мнение, но в целом предубеждение против библиофильства рассеивалось очень медленно. Понадобилась длительная деятельность таких библиофилов, как Демьян Бедный и В. А. Десницкий в 30-е годы, Н. П. Смирнов-Сокольский в 40-е — 50-е, В. Г. Лидин, И. Л. Андроников, В. Б. Шкловский в 50-е — 60-е, чтобы библио-

фильство превратилось в одну из ценимых и почитаемых сторон советской культуры.

В начале 20-х годов в советской научной и общей литературе и журналистике уделялось довольно много внимания критике модного в то время в Европе фрейдизма или психоанализа, сводившего всю душевную, даже духовную жизнь отдельного человека и всего человечества к завуалированным переживаниям полового чувства.

В нашей библиофильской литературе не было печатных выступлений с попытками обосновать библиофильство с фрейдистской точки зрения,— возможно, по той причине, что советская наука и общественность, за немногими исключениями, отнеслись резко отрицательно к психоаналитическим теориям Фрейда. Однако в устной форме в библиофильских кругах,— во всяком случае петроградских,— об этом говорилось, впрочем, недолго. И вот по какой причине.

В 1923 г. вышла в свет составившая эпоху в науке книга акад. И. П. Павлова «Двадцатипятилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Строки, посвященные в этой книге коллекционерству как проявлению «рефлекса цели», вызвали живейший интерес в кругах ленинградских библиофилов. М. Я. Лерман, библиофил и экслибрисист, сделал на заседании Ленинградского общества экслибрисистов доклад на тему «Академик И. П. Павлов и коллекционерство», изложение которого было затем напечатано в вып. 4 «Трудов Ленинградского общества экслибрисистов» (1925). Подробно говорил о том же М. Н. Куфаев в книге «Библиофилия и библиомания (Психофизиология библиофильства)» (Л., 1927).

М. Н. Куфаев писал: «Акад. Павлов придает огромное жизненное значение рефлексу цели. Он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. „Вся жизнь, все ее улучшение, вся ее культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими себе в жизни цели. Ведь коллекционировать можно все, пустяки, как и все важное и великое в жизни: удобство жизни (практики), хорошие законы (государственные люди), познания (образованные люди), научные открытия (ученые люди), добродетели (высокие люди) и т. д...“». Приведя эти слова И. П. Павлова, М. Н. Куфаев продолжал: «Очевидно, рефлекс цели проявляется и в книжном коллекционерстве, которое во многих случаях, в силу совпадения во времени, ассоциируется (...) с коллекционированием других предметов (имеются в виду экслибрисы, автографы, переплеты и пр.— *П. Б.*), равным образом как и с различными другими аппетитивными или рецептивными рефлексами...»

Пытаясь построить «психофизиологию библиофильства», М. Н. Куфаев не занял какой-то одной научной позиции, которой подчинил бы свою систему. У него чувствуется явный эклектизм: наряду с материалистическими воззрениями Павлова, он опирается

и на фрейдизм, называя, впрочем, не самого Фрейда, а одного из русских сторонников последнего, и, наконец, привлекает даже неприкрытую буржуазно-идеалистическую «теорию» Г. Н. Геннади, согласно которой стремление приобретать книги вытекает якобы из общего, присущего человеку, «наслаждения собственностью». Эта эклектическая позиция помешала М. Н. Куфаеву, ученому серьезному и хорошо эрудированному, создать стройную, лишенную противоречий теорию библиофильства. Ставя своей целью найти объяснение различий между библиофильством и библиоманией, причем с единой исходной точки зрения, М. Н. Куфаев был вынужден все же отдать предпочтение взглядам акад. Павлова. «Подобно рефлексу или наклонности любопытства, — писал М. Н. Куфаев,— и рефлекс цели или коллекционерство, в нашем случае, может переживать, хотя это и не обязательно, процесс преображения (изменения в сторону прогрессивную, более высокую) или процесс деградации... В первом случае мы будем иметь высшие формы творчества библиофила, во втором уродливые и смешные формы книжного накопления библиомана».

М. Н. Куфаев

И хотя в исследовании М. Н. Куфаева материалистическая точка зрения не учтена и заменена теорией рефлексов акад. Павлова, все же автор пришел к выводам, более близким к правильному пониманию проблемы, чем А. И. Малеин, М. Г. Флеер и др. «Библиофил,— писал М. Н. Куфаев,— любитель книги, обладающий пытливой и творческой любознательностью в отношении книги как продукта духовной и материальной культуры и коллекционирующий книги в культурных целях. Другими словами: библиофил — человек с развитыми и преображенными аппетитивными рефлексами, устремленными к книге». В противоположность этому определению строит он характеристику библиомана: «Библиоман — книголюб, обладающий страстным любопытством и болезненным упорством, переходящим в манию в отношении книги и ее накопления в грубо эгоистических целях. Или иначе: библиоман, человек с остро развитыми и деградированными аппетитив-

ными рефлексами второго и третьего порядка, устремленными к книге» (79).

При всей научности терминологии, применявшейся М. Н. Куфаевым, должно признать, что простое перенесение учения Павлова о рефлексах на решение вопросов библиофильства,— по крайней мере, с нашей точки зрения,— не научно. Со времен Аристотеля материалистическая наука знает, что человек не просто животное, а животное общественное. Дальнейшее развитие материализма — в особенности в трудах Маркса, Энгельса и Ленина — показало, что общественная жизнь формирует человеческое поведение больше чем природа. Природа дает человеку как животному только определенные психофизиологические задатки; общество, общественная жизнь, жизнь в семье, в школе, в трудовом (или не трудовом) окружении формирует в человеке — животном общественном — его постоянную психофизиологию, превращает задатки, полученные человеком от природы, в его характер, в его поведение. Принимать фундамент за все здание едва ли станет какой-нибудь здравомыслящий человек. М. Н. Куфаев, равным образом и до него М. Я. Лерман,— люди несомненно здравомыслящие,— почему-то приняли бегло высказанные И. П. Павловым суждения о коллекционерстве как полностью разработанную теорию. У М. Н. Куфаева получается так, что между библиофилом и животным с его хватательным рефлексом цели ставится знак равенства, т. е. полностью исключается влияние общественной жизни, притом не только современной данному книголюбу, но и всей предшествовавшей,— то, что мы называем культурой,— и берется, так сказать, чистая природа.

Отметим еще один любопытный факт: в рецензии на книгу М. Н. Куфаева,— единственной вообще известной нам,— крупный советский книговед, ныне покойный Е. И. Шамурин, в целом положительно отозвавшись о работе, прошел молча мимо «хватательно-рефлексного» объяснения существа библиофильства (169).

Третий вопрос, связанный с библиофильством и рассматривавшийся в 20-е — начале 30-х годов,— был вопрос о месте библиофильства в системе науки о книге, в системе книговедения.

Н. М. Лисовский, поставивший еще в предреволюционные годы (1914) вопрос о существе книговедения, сводивший последнее к изучению книгопроизводства (типографское дело), книгораспространения (книжная торговля и библиотечное дело) и книгоописания (библиография), не раскрыл,— во всяком случае, в печатном виде,— своего понимания места библиофильства в системе книговедения. Можно, однако, полагать, что оно у него попадало в два отдела — книгораспространения (как история частных библиотек) и книгоописания (как описание редких книг и т. п.).

Другой крупный русский книговед А. М. Ловягин (1870—1925) отводил «библиофилии» место в третьем разделе своей книговедческой схемы, в разделе динамики (первые два — генетика, изучающая происхождение и развитие книги, и статика или морфо-

логия, исследующая разные наблюдаемые виды книги). Динамика, по мнению А. М. Ловягина, изучает разные «внешние силы, влияющие на судьбу книги». В число последних он включает «Собирание книг. Библиофилию». Почему Ловягин считал «библиофилию» внешней силой, влияющей на судьбу книги, можно заключить из небольшой главки, посвященной библиофильству в его «Основах книговедения», хотя помеченных 1926 г., но вышедших в день смерти автора 5 октября 1925 г.

А. М. Ловягин разделял общее людям его поколения отрицательное отношение к библиофильству, которое понималось в то время либо как коллекционирование книжных редкостей в духе Г. Н. Геннади и Я. Ф. Березина-Ширяева, либо как эстетское любование иллюстрированной книгой XVIII — первой половины XIX в., характерное для Кружка любителей русских изящных изданий. Останавливаясь в «Основах книговедения» на вопросе о судьбах библиофильства, А. М. Ловягин писал: «Библиофильские собрания „раритетов и куриозитетов“ были порождением капиталистической эры и должны прекратиться вместе с нею; все ценное среди редкого должно войти в общедоступные музеи книги» (91, с. 138).

Вынося подобное решение вопроса, А. М. Ловягин был последователен, так как считал, что «собирание книг для удовлетворения любознательности или для научных занятий и вообще приобретение книг только по соображениям полезности или необходимости использования их содержания не признается библиофильством».

Нет необходимости подробно останавливаться на том, какое место уделяли библиофильству в своих работах по книговедению М. И. Щелкунов, М. Н. Куфаев, Н. М. Сомов, А. Г. Фомин и другие советские книговеды, а также, в какую рубрику книговедческой схемы оно у них попадало. Все это отдельные частности, и точка зрения А. М. Ловягина остается наиболее полно и последовательно изложенной системой книговедческих взглядов на библиофильство. Первые два из перечисленных выше авторов,— один — активный член Русского общества друзей книги, другой — в конце 20-х годов председатель Ленинградского общества библиофилов,— более благосклонно относились к библиофильству, два других были ближе к позиции Ловягина.

Результатом всех этих книговедческих суждений о месте библиофильства в системе книговедения было то, что стала очевидной необходимость теоретически и практически отделить библиофильство как собирание книг от библиофилии как описания редких книг, как библиофильской библиографии (термин, введенный А. Г. Фоминым в его «Программе по библиографии», Л., 1926).

Приведенные материалы о теоретических проблемах библиофильства, рассматривавшихся в 20-е годы, не дают полного представления о самом процессе формирования нового, советского библиофильства. Это вполне понятно: очень редко современникам бывает ясно, что́ изменяется на их глазах и при их более или менее

активном участии. Должно пройти некоторое время, чтобы «историчность повседневного» была правильно осознана. Лишь с определенной исторической дистанции можно увидеть то новое, что делали люди определенной эпохи и чего они сами — делая — не замечали. Более того, историк может увидеть, что современники изучаемого им процесса делали вовсе не то, что им казалось, в чем они были уверены.

Это особенно отчетливо обнаруживается при анализе материалов по истории первых советских библиофильских организаций — Русского общества друзей книги и Ленинградского общества библиофилов.

Глава четвертая

1920-е годы.
(продолжение)

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ КНИГИ (РОДК) (1920—1930). Возникновение РОДК.— Его отношение к традициям Кружка любителей русских изящных изданий.— Внешняя история РОДК.— Внутренняя, «бытовая» история Общества.— Книжные аукционы начала 20-х годов.— Главные деятели РОДК: В. Я. Адарюков.— М. П. Келлер.— А. М. Кожебаткин.— П. Д. Эттингер.— Д. С. Айзенштадт.— А. А. Сидоров.— С. Г. Кара-Мурза.— Н. Н. Орлов.— Роль и значение РОДК в истории русского библиофильства.

Изложенные в предшествующей главе материалы позволяют представить себе, в каких внешних условиях развивалось русское библиофильство в 20-х годах.

Нам уже приходилось указывать в общем обзоре истории советского библиофильства, что ее характернейшей чертой было возникновение и интенсивная научно-исследовательская деятельность ряда библиофильских организаций в Москве, Ленинграде, Казани, Киеве и других городах СССР. Это, конечно, не означает, что помимо перечисленных городов библиофилов в нашей стране не было. Напротив. Иногда на страницах библиофильских изданий появлялись сообщения о книголюбах, как тогда еще говорили, «провинции». Бесспорный интерес в этом отношении представляет доклад М. Н. Куфаева «Среди книг и их друзей в Сибири. (Факты и впечатления)», прочитанный 20 ноября 1927 г. в Ленинградском обществе библиофилов и в сокращенном виде напечатанный в «Альманахе библиофила» (Л., 1929). Но несомненным фактом остается то, что наиболее жизнедеятельными библиофильскими организациями этих лет были объединения книголюбов Москвы и Ленинграда.

Русское общество друзей книги (РОДК) было самой крупной и яркой библиофильской организацией советских книголюбов 20-х годов. Оно работало интенсивно, разнообразно, интересно. Участники его по большей части люди богато одаренные, прекрасно образованные вообще и в особенности в области искусства книги; большинство их было в возрасте 30—35 лет, они отличались веселым остроумием и неистощимой изобретательностью. Поэтому заседания РОДК и ряд изданий,— преимущественно первого пятилетия его существования,— не только представляли научный интерес, но и привлекали своей жизнерадостностью.

Возникновению РОДК связано с переездом из Петрограда в Москву В. Я. Адарюкова зимой 1919 г. В выпущенной в 1923 г. книжечке «Русское общество друзей книги. Сто заседаний. 1920—1922» кратко изложена история возникновения РОДК. «Мысль

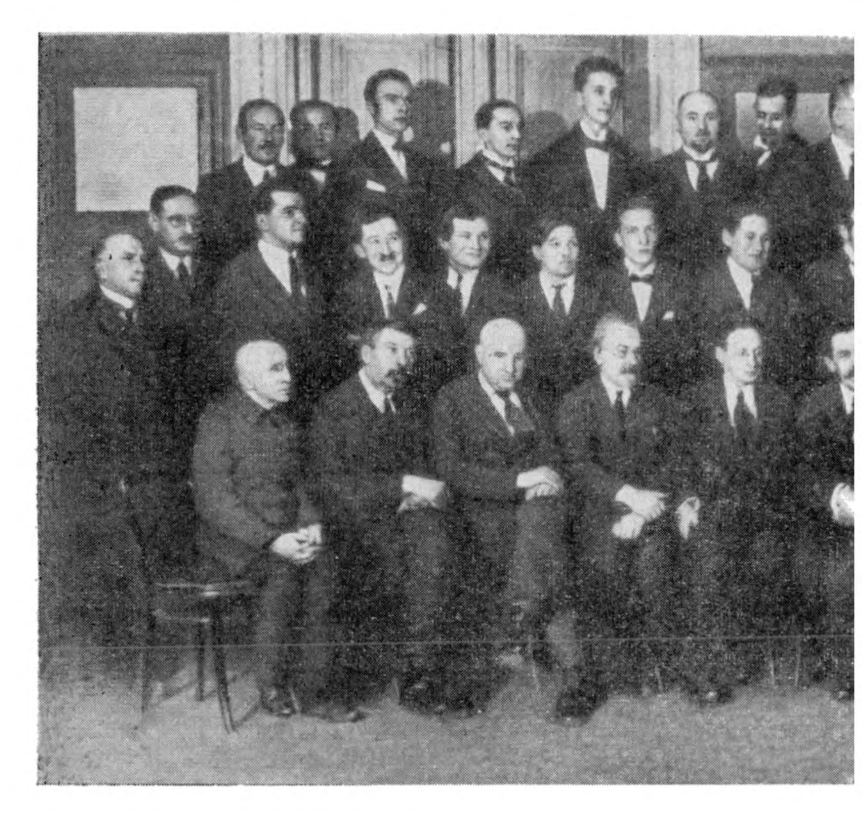
об основании в Москве нового библиофильского Общества,— повествует анонимный автор вступительной статьи (В. Я. Адарюков.— *П. Б.*) — принадлежит В. Я. Адарюкову, обратившемуся с этим предложением к Д. С. Айзенштадту, А. М. Кожебаткину и А. А. Сидорову, которые встретили эту мысль с горячим сочувствием. Таким образом образовалась инициативная группа, поставившая себе целью основать Общество друзей книги...» «20 сентября 1920 года,— продолжает В. Я. Адарюков,— состоялось первое частное совещание этой группы, на котором были намечены основные цели и задачи Общества: изучение художественного облика книги, разработка приемов для дальнейшего развития книги в художественном отношении и объединение библиофилов, коллекционеров книг и художников — мастеров книги. Для осуществления этих целей в деятельность Общества должно входить: изучение всех отраслей книговедения, устройство музея книги, публичных чтений, докладов, книжных аукционов, издание всякого рода произведений печатного дела и произведений графических искусств».

Сравнение целей, намеченных инициативной группой (в более подробном виде они вошли в § 1 и 2 «Устава» РОДК) с целями Кружка любителей русских изящных изданий, сразу устанавливает непосредственную преемственную связь между новым обществом и его петербургским предшественником.

И в самом деле, организуя новое объединение библиофилов, его основатели,— вероятно, правильнее сказать, его основатель, В. Я. Адарюков,— мыслили Русское общество друзей книги в качестве прямого продолжателя Кружка любителей русских изящных изданий. Это видно из ряда современных документов. Так, во вступительной речи на открытии Общества председатель РОДК В. Я. Адарюков, говоря о целях и задачах, стоящих перед новым библиофильским объединением, дал «исторический обзор русских библифильских обществ» и, естественно, особенно подробно и с симпатией говорил о Кружке любителей русских изящных изданий. Можно думать, что главная идея речи В. Я. Адарюкова была точно передана в первом печатном сообщении о деятельности новооткрытого библиофильского объединения. В № 1 журнала «Среди коллекционеров», вышедшем в марте 1921 г., была помещена заметка следующего содержания:

«По пятницам в помещении бывшего Английского клуба происходят собрания недавно основавшегося „Общества друзей книги“. Заветы Петроградского „Кружка любителей русских изящных изданий“, оставившего такой заметный след в истории русского художественного издательства, являются основами в деятельности нового Общества. Во главе его стоят испытанные библиофилы, знающие, любящие и дорожащие книгой как в ее прошлом, так и в настоящем. Нет сомнения, что под их руководством молодое Общество принесет немалую пользу культурной жизни страны».

Из текста заметки видно, что автором ее был человек, не входивший в состав правления Общества, но достаточно хорошо осведомленный в его делах. Вероятнее всего, это был И. И. Лазаревский, издатель журнала «Среди коллекционеров». Поэтому его утверждению, что заветы Кружка любителей русских изящных изданий являются основой деятельности нового Общества, надо придать

Русское общество друзей книги

полную веру, тем более, что и в дальнейшем, например, в докладе В. Я. Адарюкова о Кружке любителей русских изящных изданий (2 октября 1922 г.), шла речь «о культурной работе, которую проделал Кружок и о том влиянии, которое оказал Кружок „в деле коллекционерства, в развитии любовного и сознательного отношения к художественной старине“». Обращает на себя внимание в этой фразе отсутствие упоминания о современной книге.

Доклад этот не был случайностью в занятиях РОДК, как можно было бы думать, помня содержание вступительной речи В. Я. Адарюкова при открытии Общества. Повторение — пусть более подробное и яркое — рассказа о Кружке любителей русских изящных

изданий в конце второго года деятельности РОДК имело, можно думать, специальный и преднамеренный характер — напоминания о целях Общества, от которых оно на практике стало отклоняться. Дело в том, что в работе РОДК с самого начала определились два направления: ретроспективное, обращавшееся к самодовлеющему изучению старой книги, и современное, ставившее своей задачей

исследование новейшей современной советской и западной книжной графики с целью помочь советскому книжному делу. Вот доклады, читавшиеся в РОДК в 1920—1921 гг.: первая группа —«Старые книги по истории Москвы» А. В. Чаянова, «Русские иллюстрированные издания XVIII и первой половины XIX вв.» В. Я. Адарюкова, «Издание „Горя от ума“ А. С. Грибоедова 1854 г. с рукописными вариантами» И. К. Линдемана, «Французские иллюстрированные издания XVIII в.» М. П. Келлера и т. д.; вторая группа — «Г. И. Нарбут как иллюстратор» П. Д. Эттингера, «Азбука В. А. Фаворского. Заглавные буквы к „Рассуждениям аббата Куаньяра“ Анатоля Франса» М. И. Фабриканта, «М. А. Врубель как иллю-

стратор» П. Д. Эттингера, «Теория книжных украшений» А. А. Сидорова, «Новейшие немецкие издания по русской литературе и искусству» П. Д. Эттингера и т. д.

Конечно, нельзя судить об этих двух тенденциях только по названиям докладов. Оба направления не противостояли, а дополняли друг друга. Надо принять еще во внимание и третью, чисто историко-литературную линию в занятиях РОДК (доклады М. А. Цявловского о Пушкине, Г. И. Чулкова о Тютчеве, Н. Д. Протасова о Данте, Б. А. Грифцова о Достоевском и пр.), и тогда нам станет ясно общее направление деятельности РОДК, лишенное монотонности и привлекавшее членов и гостей на заседания разнообразием и богатством содержания.

Первое, учредительное собрание РОДК состоялось 9 октября 1920 г. На нем был заслушан, окончательно принят и утвержден устав Общества и выбрано правление, в состав которого вошли В. Я. Адарюков (председатель), М. П. Келлер и А. М. Кожебаткин (товарищи председателя), А. А. Сидоров (ученый секретарь), Н. В. Власов (секретарь), А. Г. Миронов (казначей), Д. С. Айзенштадт, Н. Б. Бакланов и Н. Г. Машковцев (члены правления).

Этот состав с незначительными изменениями (со второго года товарищем председателя был П. Д. Эттингер) в дальнейшем постоянно переизбирался. Никаких группировок и тем более противостоящих лагерей в РОДК не было, в отличие от Ленинградского общества библиофилов. Дружная атмосфера царила в организации московских библиофилов в течение всего времени существования РОДК.

Согласно уставу Общества, утвержденному Административным отделом Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 3 ноября 1924 г., в состав его входили почетные члены, действительные члены и члены-сотрудники. Действительными членами Общества могли быть все лица, научно работавшие в данной области. Первыми действительными членами РОДК были 19 членов-учредителей; все вновь вступавшие действительные члены баллотировались на общем собрании, причем никаких рекомендаций других членов Общества не требовалось. Членами-сотрудниками могли быть лица, оказывавшие Обществу содействие участием в его работах. Для вступления в Общество достаточно было подать заявление о своем желании работать в РОДК, и никакого голосования для таких случаев не требовалось. В качестве почетных членов РОДК были избраны Н. П. Лихачев (Ленинград) и, позднее, В. Я. Адарюков. Количество действительных членов колебалось от 75 до 105, членов-сотрудников было 16—18, причем значительная часть их после годичного или даже более короткого испытательного срока избиралась в действительные члены.

Среди действительных членов РОДК были такие крупные книговеды, как Б. С. Боднарский, Н. Ф. Гарелин, Н. П. Киселев, Г. И. Поршнев, Н. Ю. Ульянинский, П. П. Шибанов, М. И. Щелкунов, такие искусствоведы, как Н. Б. Бакланов, Э. Ф. Голлербах,

М. А. Добров, И. И. Лазаревский, В. М. Лобанов, А. А. Сидоров, В. К. Трутовский, П. Д. Эттингер, А. М. Эфрос, такие литературоведы, как В. В. Гольцев, Л. П. Гроссман, Н. П. Кашин, И. Н. Розанов, М. А. Цявловский, А. Н. Чичерин, Н. П. Чулков, такие художники-графики, как А. А. Круглый, И. Н. Павлов, И. Ф. Рерберг, А. А. Толоконников, Н. С. Бом-Григорьева, наконец, такие библиофилы, как В. Я. Адарюков, Д. С. Айзенштадт, М. С. Базыкин, А. П. Бахрушин, С. Г. Кара-Мурза, Л. М. Леонидов, А. М. Макаров, А. Г. Миронов, Э. Ф. Ципельзон.

Кроме действительных членов и членов-сотрудников в РОДК выступали с докладами или чтением своих художественных произведений гости — опять-таки, большей частью крупные деятели литературы, искусства книги, книговедения и истории литературы — Н. С. Ашукин, И. А. Белоусов, Андрей Белый, Д. Д. Благой, Ю. Н. Верховский, А. К. Виноградов, М. О. Гершензон, И. Э. Грабарь, Н. К. Гудзий, П. Е. Корнилов, И. Н. Кубиков, В. Н. Лазарев, Л. М. Леонов, В. Г. Лидин, Н. К. Пиксанов, М. М. Пришвин, И. Сельвинский, С. В. Шервинский, П. Е. Щеголев.

За девять лет существования Русского общества друзей книги состоялось 398 заседаний, большая часть которых была посвящена научным докладам и сообщениям.

За тот же период РОДК напечатал значительное число изданий, начиная от членских билетов и всякого рода карточек и кончая книжечками —«Памяти Б. Л. Модзалевского» (1928), «Памяти Н. А. Некрасова» (1928), «Список печатных трудов В. Я. Адарюкова» (1929) и др. Ценный материал для истории научных занятий РОДК представляют печатные «программы предполагаемых заседаний», издававшиеся с начала 1925 г. В последние несколько лет на этих программах печаталась интересная хроника РОДК, сведения о принятых действительных членах и членах-сотрудниках. Кроме программ издавались специальные повестки на отдельные заседания — 200-летия Академии наук, Пушкинское, годовщины РОДК и т. п. К оформлению изданий Общества привлекались крупные графики, а также талантливая молодежь из учащихся полиграфических учебных заведений. Всего было напечатано 158 изданий РОДК, в том числе первенец РОДК,—«Кантата» А. А. Сидорова, вышедшая в 1921 г. двумя изданиями, первое в 13 экземплярах, второе — в 7. Эта «РОДКовская инкунабула» печаталась не в Москве, а в Петрограде в типографии Академии наук с ручного набора, причем «наборщиками» были известная исследовательница истории искусства, ныне член-корреспондент АН СССР К. В. Тревер и директор академической типографии И. А. Орбели, впоследствии академик. Из других «rariora» (редчайших изданий) РОДК назовем книжечку А. А. Сидорова «Новый отрывок из Дома сумасшедших А. Ф. Воейкова» (1925), напечатанную на мимеографе в трех экземплярах газету «Не-правда» и типографски напечатанную газету «Наша пятница. № 365» (на бумаге разных цветов).

РОДК просуществовал до 5 января 1930 г., когда он был ликвидирован в связи с сокращением числа научно-общественных организаций.

Переходя от этих историко-статистических сведений к, так сказать, «бытовой истории» РОДК, мы должны отметить, что исключительную помощь оказали нам ненапечатанные «Воспоминания о Русском обществе друзей книги» С. Г. Кара-Мурзы, одного из старейших членов РОДК, и интереснейшие письма члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова, одного из «ветеранов» РОДК.

Заседания РОДК первоначально происходили в помещении Музея старой Москвы, в котором с 30-х годов прошлого века находился знаменитый Английский клуб, или, как его называли во времена Грибоедова, Аглицкий клоб.

С. Г. Кара-Мурза, вспоминая случайную встречу у дверей Английского клуба со своим университетским другом, писателем Г. И. Чулковым, шедшим в РОДК делать доклад о Тютчеве, в своей очаровательной манере рассказал об обстановке, в которой протекала деятельность Общества:

«До революции я никогда не бывал в Английском клубе. Случалось посещать все московские клубы: Дворянский и Купеческий, Немецкий и Армянский, Охотничий и Педагогический, Докторский и Адвокатский, Литературно-Художественный кружок и Артистическое собрание „Алатр". Но в Английском клубе я ни разу не бывал, вероятно, потому, что доступ в этот замкнутый дом московской аристократии был затруднителен. И в силу этого, должно быть, он был окутан в моих глазах какой-то таинственной загадочностью и историческими реминисценциями: вспомнились Чацкий, Фамусов. Приходил на память Чаадаев, который ежедневно появлялся в Клубе ровно в 12 часов ночи и занимал свое постоянное место, свой наблюдательныый пункт. В Москве говорили, что в руках эпигонов Чацкого и Чаадаева Английский клуб выродился в самый обыкновенный игорный дом и ресторан, в котором оскудевшие московские князья и графы ведут крупную азартную игру, а неиграющие задают лукулловские обеды».

«Собрание Общества друзей книги,— продолжал Кара-Мурза,— происходило в библиотеке Музея старой Москвы, ярко освещенной большой, стильной бронзовой люстрой. По стенам комнаты стояли прекрасные книжные шкафы, полные книг. В одном из углов белел мраморный бюст гудоновского Вольтера. Впоследствии этот бюст переезжал вместе с Обществом, не имевшим своего пристанища, из одного помещения в другое: с Тверской в Пименовский пер. в Общество друзей культуры, а оттуда на ул. Кропоткина в Дом ученых».

После экскурса, посвященного этому бюсту, С. Г. Кара-Мурза неожиданно прибавил деталь, столь характерную для московского быта начала 20-х годов. «Крайне не гармонировала с обстановкой Английского клуба,— писал мемуарист,— смазанная глиной временная кирпичная печь, от которой шла через всю комнату длинная

железная труба с висящими на ней жестяными кружками, в которые капала жидкая, коричневая копоть».

Сколько времени ютилось Русское общество друзей книги в Английском клубе, а затем в Пименовском переулке, сказать сейчас трудно. Во всяком случае, с 1923 г. оно находилось уже в Доме ученых на ул. Кропоткина, 16. Впрочем, некоторые мероприятия РОДК осуществлялись в помещении Государственной Академии художественных наук на той же улице, д. № 32.

Из сохранившихся печатных и рукописных материалов видно, что, сравнительно с другими обществами, РОДК вел интенсивную научно-исследовательскую работу. В отличие от научных учреждений — институтов, комитетов, университетских кафедр,— исследовательская деятельность которых строго подчинена тематическому плану, согласованному в ряде инстанций, работа добровольных научных обществ характеризовалась известной пестротой, калейдоскопичностью, причудливой мозаичностью,— и в этом была своеобразная притягательность заседаний РОДК. Например, в апреле 1925 г., на 210-м заседании РОДК состоялся книжный аукцион, на 211-м — доклад И. К. Линдемана «Эпиграммы Пушкина», на 212-м — доклад Э. Ф. Ципельзона-Россиенова «За книжным прилавком. Факты и наблюдения»; 213-е заседание было посвящено памяти академика Н. П. Кондакова. На 326-м заседании 16 декабря 1927 г. Н. С. Ашукин читал доклад «Валерий Брюсов и П. И. Бартенев» и М. А. Цявловский «Из переписки П. И. Бартенева с Л. Толстым», а через неделю на 327-м заседании — Я. П. Мексин делился «итогами заграничной поездки» в докладе «Русская и немецкая детская книга»; еще через неделю на 328-м заседании А. М. Эфрос, вернувшийся незадолго до того из Франции, прочел доклад на тему «Люди и книги сегодняшнего Парижа».

Тематическое разнообразие научных занятий, свобода посещений, обилие библиофильских новостей, передававшихся на заседаниях,— позволяли членам РОДК и многочисленным гостям выбирать по своему вкусу те вечера, на которых выступали особенно популярные докладчики — В. Я. Адарюков, П. Д. Эттингер, А. А. Сидоров,— или на которых можно было ожидать сообщения интересных материалов, содержательных прений, а также заманчивых аукционов.

Конечно, в программах заседаний РОДК, как почти всякого научного общества, была известная хаотичность, некоторый самотек, совершенно недопустимые и нетерпимые в деятельности научно-исследовательских учреждений академического характера. Но как дополнение к последним, как место, где на почве общих научных интересов объединяются люди разной степени подготовки, разных вкусов и знаний, научные общества вполне оправдывают свое существование, вносят свой ценный вклад в культуру.

Помимо заседаний, на которых читались доклады, Общество устраивало еще ряд вечеров, связанных с различными юбилейными датами и посвященных памяти крупных деятелей литературы,

искусств, библиотечного и полиграфического дела. Так, например, были устроены вечера памяти Пушкина, Некрасова, Чернышевского, Толстого, Чехова, Кони, Кустодиева, Бакста, Бартенева, Модзалевского, Гершензона, Гарелина.

Следует прибавить, что к некоторым из перечисленных вечеров (например, Некрасова, Модзалевского) РОДК выпустил книжечки, сохраняющие и по настоящее время научное значение.

В годовщину основания Общества, по свидетельству С. Г. Кара-Мурзы, устраивались особо торжественные вечера, на которых известные писатели и поэты читали свои неизданные еще произведения и выступали знаменитые артисты. Л. М. Леонов читал отрывки из еще неопубликованного романа «Вор», Илья Сельвинский — отрывки из поэмы «Пушторг», Павел Сухотин — стихи памяти Некрасова. В художественной части таких вечеров принимали участие крупнейшие московские исполнители тех лет: В. И. Качалов читал стихи А. Ахматовой, А. Блока, М. Кузмина, С. Есенина, посвященные Пушкину, Л. М. Леонидов читал письма Пушкина, М. Ф. Ленин —«Египетские ночи», Ю. А. Завадский — отрывок из «Евгения Онегина». Профессор консерватории К. Н. Игумнов играл на рояли.

Живую и характерную для атмосферы, царившей в РОДК, страницу его жизни составляли дружеские ужины, устраивавшиеся по разным поводам, в особенности в первые годы деятельности РОДК, но повторявшиеся чуть ли не до самого закрытия его. Подробные сведения об этой стороне деятельности общества содержит шутливая «Застольная летопись РОДК», напечатанная в «Нашей пятнице» (18 ноября 1928 г.) и подписанная псевдонимом МакДос, принадлежащем А. М. Макарову и Д. С. Айзенштадту (которого звали уменьшительным именем «Дося»). Всего к 8-й годовщине РОДК состоялось 16 товарищеских вечеринок, значительная часть которых ознаменовалась изданием специальных «меню», «карт вин», памяток и т. п. Часть из них перечислена в «Нашей библиографии. 33 памятки РОДК» Д. С. Айзенштадта и П. Д. Эттингера.

В заключительных абзацах воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы так рассказывается об этих «банкетах»:

«После официальной части вечера обычно следовал банкет или товарищеский ужин, протекавший в чисто дружеской атмосфере, проникнутой духом профессиональной общности интересов, искреннего доброжелательства и симпатии. Обычно Адарюков произносил первое председательское слово; А. А. Сидоров читал сонет, И. К. Линдеман преподносил очередную застольную балладу или злободневный мадригал, Айзенштадт и Шик состязались в своем неистощимом острословии».

В печатных отчетах о деятельности РОДК, в своеобразной «летописи» Общества, начало которой издано под названием «Русское общество друзей книги. Сто заседаний. 1920—1922» (М., 1923), и в некоторых других источниках неизменно упоминаются книжные аукционы, устраивавшиеся РОДК с 24 декабря 1920 г. Аукционы

были двоякого рода — обычные и тематические. Первые не имели определенного «лица», и на них в аукционном порядке продавались книги разнообразного содержания. Гораздо интереснее были аукционы второго рода — тематические. Таковы были аукционы на тему «Русские и иностранные иллюстрированные издания» (4 февраля 1921 г.), «Театр и его история» (1 апреля 1921 г.), «Собирательство и библиофилия» (6 мая 1921 г.), «Пушкиниана» (2 сентября 1921 г.), «Пушкин и его современники» (3 февраля 1922 г.). Были аукционы книжных знаков, автографов и книг с автографами, гравюр и пр.

Один из тематических аукционов, пушкинский, попал даже в художественную литературу, причем, как сообщает А. А. Сидоров, обративший наше внимание на этот эпизод, описан «довольно точно». В недурном научно-приключенческом романе Б. М. Рабичкина и И. Г. Тельмана «Белая бабочка» (М., 1957) герой произведения академик Сергей Иванович Лаврентьев, историк и археолог, с молодых лет страстный библиофил, вспоминает свое участие в Русском обществе друзей книги.

В то время ректор университета, член бесчисленных комиссий и комитетов, он «как ни был занят... старался не пропустить ни одной пятницы в библиотечном зале дома на Тверской». Со студенческих лет «завзятый пушкинист», «Лаврентьев собрал коллекцию изданий Пушкина и книг о нем, которую ценили московские библиофилы». Поэтому «перед пушкинским аукционом Сергей Иванович особенно волновался».

«Сосредоточенный и хмурый,— пишут авторы,— ходил он по залам, где на столах было разложено немало реликвий. Рядом с комплектами „Северных цветов“, „Подснежника“, „Полярной звезды“ здесь можно было встретить автографы Пушкина, первые поглавные издания „Евгения Онегина“, рисунки поэта и оригиналы иллюстраций к его первым изданиям, некогда отпечатанный в десяти экземплярах „Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу со слов кн. А. В. Трубецкого“, экземпляры „Невского альманаха“, „Альбома северных муз“ и многое другое».

Сам пушкинский аукцион РОДК, процесс продажи, цены, назначенные и окончательные, переживания участников аукциона — все это в «Белой бабочке» не описывается.

Впрочем, не все интересующие нас вопросы освещены полностью и в заметке Н. В. Власова «Пушкинский аукцион», помещенной в журнале «Среди коллекционеров» за 1921 г. (№ 8—9) и послужившей источником для авторов «Белой бабочки». Чтобы убедиться в последнем, достаточно прочесть хотя бы несколько строк из названной заметки: «Большим оживлением отличался аукцион книг, устроенный Русским обществом друзей книги, на тему „Пушкин и о Пушкине“, привлекший 80 №№. Украшением аукциона были альманахи, в которых принимал участие Пушкин. Комплект „Северных цветов“ 1825—1832 гг. прошел за 160 тыс. руб., „Подснежник“ 1829 и 1830 г., два года в одном переплете,— за 55 тыс.,

„Альбом северных муз“ на 1828 г.— 20 тыс. ...„Невский альманах“ на 1828 г. в кожан. современ. переплете был продан за 50 тыс.; наиболее интересный для пушкинистов 1829 г. этого же альманаха, в прекрасном состоянии, в современном кожаном переплете оказался наиинтереснейшей вещью аукциона; наши библиофилы-пушкинисты в буквальном смысле слова рвали его друг у друга и довели цену до 120 тыс. руб. ...Были и редкости. Отпечатанный в 10 экземплярах „Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу со слов кн. А. В. Трубецкого“ 1887 г. не получил желаемой владельцем цены и за 30 тыс. остался за ним...»

Более подробные отчеты о первых аукционах РОДК сохранились на страницах журнала «Среди коллекционеров» за 1921 г.; написаны они таким крупным специалистом дела, как Д. С. Айзенштадт (дальнейшие отчеты писал Н. В. Власов). Один из таких отчетов мы приведем полностью, так как из него видно, каковы были библиофильские вкусы и цены в самом начале 20-х годов: «1-го апреля (1921 г.) в очередную пятницу был устроен специальный аукцион, посвященный изданиям по театру. Аукцион этот, являющийся первым для России аукционом такого содержания, привлек свыше 40 посетителей, но среди них было заметно отсутствие многих видных московских собирателей-театралов.

Вниманию собравшихся предложили 90 №№, среди которых немало было интересного и редкого.

„Горе от ума“ было представлено на аукционе, кажется, всеми изданиями. Первое издание 1833 года в плохом виде прошло за 7 т. р., второе издание 1839 года в старом переплете, но без сохранения литографированной обложки прошло за 7500 р., а издание 1866 года с рисунками Соколова за 15 т. р. „Борис Годунов“ Пушкина в первом издании был оценен в 20 т. р.

Вполне сохранный со всеми гравюрами экземпляр „Русской Талии“ прошел за 62 т. р., а редкий „Танцовальный словарь“ 1790 года — за 43 т. Хотя эти цены были самыми высокими дня, однако их нельзя считать достаточными, если иметь в виду исключительную редкость изданий. Вообще редкости антикварного характера приобретались не так охотно, как новые, хорошо изданные книги по театру. Так, например, „Букет“ 1829 г. достиг всего 12 т., а редчайшая известная „Лизанька“ (актриса Сандунова) с портретом за 20 т. „Несколько слов о г-же Медведевой“ была приобретена за 5500 руб., что нельзя не признать низкой ценой, даже если принять во внимание, что репутация этой брошюрки как исключительной редкости (по Геннади и Остроглазову) в последнее время была поколеблена.

Из роскошных изданий, фигурировавших на аукционе, отмечаем: „Шаляпина“— 30 т., „Царя Иудейского“ К. Р. в большом издании в переплете — 40 т., „Мастера балета“— 37 т., „Тальони“ Соловьева (2 экз.) — 17 т. и 20 т., изящную книжечку „Карсавиной — Бродячая собака“ 20 т., „М. Н. Ермолова“ изд. Бахрушина (2 экз.) — 33 т. и 31 т., причем курьезно, что вполне сохранный

экземпляр из числа номерованных на японской бумаге был куплен дешевле, чем обыкновенный.

„Современный балет“ Светлова не нашел себе достаточно щедрого покупателя и за 40 т. остался за владельцем. Такая цена покажется особенно странной, если сопоставить, что „Нагота на сцене“ — сборник под редакцией Евреинова прошел за 26 т. р., а первая часть „Комедиа дель Арте“ Миклашевского за 32 т.» (35).

Приведенный нами отчет любопытен и конкретными сведениями о проходивших на аукционе книгах, и данными о ценах, и некоторыми наблюдениями над изменчивыми вкусами библиофилов. Однако цены в этом и других отчетах приведены в денежных знаках 1921 г., покупательная способность которых быстро менялась, почему перевести их на наши современные деньги неспециалисту не представляется возможным. Так, в октябре и ноябре 1921 г. цены на аукционах РОДК уже исчислялись десятками и сотнями тысяч рублей —«Книга маркизы» Сомова — 145 т., герценовский «Колокол» (1857, 1858 и 1859 гг.) — 100 т., изданная в 100 экз. тоненькая книга А. О. Круглого «Похоронные карточки»— 31 т. (экземпляр на простой бумаге) и 63 т. (экземпляр на лучшей бумаге) (118).

По-видимому, в первый год своего существования РОДК отличался особенным пристрастием к аукционам: они устраивались ежемесячно.

«Аукционы общества,— писал А. А. Сидоров в отчете за первый год деятельности РОДК — могут дать следующие цифры. На первом из них книг было всего 71, высшая цена 48 000 (за „Портреты А. В. Морозова“). На втором — 61 книга и высшая цена — 60 000 р. На третьем — 82 книги, высшая цена — 51 000. На четвертом — 94 книги, высшая цена — 62 000, на пятом — 91 книга, высшая цена — 45 000, на шестом — 111 книг, высшая цена 80 000 р. Скачок цен вверх можно наблюдать со второй половины лета. На аукционе 1 июля (седьмом книжном) было 68 книг, высшая цена 100 000 р., на восьмом — 94 книги, высшая цена — 185 000 р. („Опись дворцового серебра“ Фелькерзама, 2 тома), на девятом — 81 книга, высшая цена 170 000, на десятом — 98 книг, высшая цена 150 000, на одиннадцатом, последнем, 4 ноября 1921 г. книг было 74, высшая цена 90 000 („Эротопегния“). Всего на аукционах прошло 925 книг и 806 Ex-libris'ов. Особое жюри в лице правления общества следило за известным уровнем достоинства и интереса представляемых на аукцион книг» (119).

В последующие годы такого обилия аукционов в РОДК не наблюдается. Например, в 1923 г. их было всего 2, в 1925 — 1, с 1926 г. вместо аукционов в РОДК устраивался «обмен книг».

Выше мы неоднократно упоминали фамилии ряда активных членов Общества. История РОДК не может обойтись без характеристик хотя бы нескольких, наиболее выдающихся деятелей этого объединения. Мы уже указывали, что состав правления, избранного на учредительном заседании РОДК, почти без изменений

сохранился до конца его существования; мы в первую очередь обратимся к характеристике главных членов правления Общества.

В. Я. Адарюков (1863—1932) родился в Курске в помещичьей семье. По окончании реального училища, а затем военного Константиновского училища в Петербурге, он некоторое время находился на военной службе, которую окончательно оставил в 1896 г. и перешел на службу в московское отделение удельного ведомства. Встреча с непосредственным начальником, знаменитым библиофилом Д. В. Ульянинским определила библиофильские интересы Адарюкова. С 1901 г. он служил по тому же ведомству в Петербурге, но с 1909 г. оставил эту службу и перешел на работу в Эрмитаж по отделению гравюр и рисунков.

Эта служба сблизила его с Кружком любителей русских изящных изданий, членом которого он вскоре затем стал. Однако в состав руководящей группы Кружка Адарюков не вошел. В петербургский период своей жизни он опубликовал ряд библиографических и искусствоведческих работ, в том числе «Добавления и исправления к Подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского» (1910), «Очерк по истории литографии в России» (1912), «Словарь русских литографированных портретов», т. I (совместно с Н. А. Обольяниновым, 1916). Большая часть материала, вошедшего в эти работы Адарюкова, была описана по принадлежавшим ему экземплярам. Выше уже упоминалось о его деятельности в Петрограде в 1918—1920 гг. как организатора Общества друзей книги и ряда мероприятий по пропаганде собирания и изучения экслибрисов.

Переехав в Москву, Адарюков как известнейший специалист по эстампам был приглашен на работу в Румянцевский музей (затем Музей изящных искусств). В то же время он вел большую научную, научно-педагогическую и научно-организационную работу в различных художественных и искусствоведческих учреждениях Москвы. Не оскудевает и его научно-литературная деятельность в этот период. Из приблизительно 200 печатных трудов Адарюкова в московские годы им было опубликовано около 120, среди которых исследования «Книга гражданской печати в XVIII веке» (1924) и «Гравюра и литография в книге XIX века» (1925), книги «Библиография русских шрифтов» (1924), «Русский книжный знак» (1921; изд. 2-е, 1922), ряд журнальных монографий о старых и советских русских графиках и пр.

В печатной литературе о В. Я. Адарюкове много говорится о его кипучей, разносторонней деятельности как искусствоведа, библиофила, экслибрисиста, но не встречается ни одного описания его внешности и характеристик его личности. Тем с большим интересом мы отнеслись к коротенькой, но выразительной портретной зарисовке Адарюкова, находящейся в «Воспоминаниях» С. Г. Кара-Мурзы. Встреча мемуариста с В. Я. Адарюковым состоялась в сентябре 1921 г. «Он оказался,— писал С. Г. Кара-Мурза,— еще довольно бодрым мужчиной лет 60 с лихо закрученными кверху

усами; брови его также были закручены вверх, параллельно усам, что делало его немного похожим на Мефистофеля. Правда, он уже начинал как будто сутулиться, и голова его склонялась немного на правый бок».

Не менее ярка характеристика, данная С. Г. Кара-Мурзой Адарюкову как личности: «В. Я. Адарюков, бывший помещик,.. бывший варшавский гусар, искусствовед, библиограф и музейный деятель, был типичным петербуржцем... С первого же дня нашего знакомства у нас с Владимиром Яковлевичем установились самые теплые, дружественные отношения, ничем не омраченные до самой его смерти... Некоторыми чертами своей личной жизни и обстоятельствами биографии Адарюков импонировал мне. Прежде всего — он был в родстве с Марией Башкирцевой, имя, которое для меня полно особого очарования еще с тех пор, как я впервые прочел ее чудесный Дневник и особенно переписку с Мопассаном, а позднее любовался ее пейзажами в Люксембургском музее в Париже.

Затем — как офицер Гродненского гусарского полка Владимир Яковлевич был не только знаком, но даже несколько увивался за знаменитой польской актрисой Марией Висновской, впоследствии убитой корнетом Бартеневым. Личность Висновской, о которой впоследствии писал Бунин в рассказе „Дело корнета Елагина“, давно меня интересовала,— и поэтому в моих глазах какой-то романтический отблеск падал на Адарюкова от Марии Висновской».

В прошлом блестящий адвокат, С. Г. Кара-Мурза, по отзывам близко знавших его людей, был обаятельной, интересной личностью, обладал феноменальной памятью, действительно был в дружеских отношениях с В. Я. Адарюковым и многое, хотя и с неизбежными ошибками памяти, рассказывал со слов своего собеседника. Вероятно, и то, что мы приведем сейчас из неизданной работы Кара-Мурзы, он слышал непосредственно от Адарюкова:

«Встретившись однажды с Львом Николаевичем Толстым Владимир Яковлевич вел с ним беседу на французском языке, а когда в 1913 году в Петербург приехал Анатоль Франс, Адарюков устроил в честь знаменитого гостя прием и дал ему завтрак в своей квартире... Он был настоящий джентльмен, в лучшем смысле слова, чуждый зависти и недоброжелательства, ни о ком не отзывался дурно, никогда не злословил».

Переходя к оценке научной деятельности В. Я. Адарюкова, надо прежде всего указать на фактографический характер его работ. Его труды, главным образом, результаты большой усидчивости, накопленных конкретных знаний, обширной памяти,— работы библиографические, описательные, мемуарные. Там, где дело шло о фактах, материалах, сведениях, В. Я. Адарюков был силен, даже блестящ; когда же нужно было переходить к обобщениям, анализу и синтезу, он оказывался почти беспомощным. Это признавал в некрологе В. Я. Адарюкова Э. Ф. Голлербах, выразивший свою мысль витиевато и затуманенно. «Нужно признать,—

писал он,— что В. Як. Адарюков был не pontifex maximus, совершающий щедрые жертвоприношения на алтарь Мусагета, но один из скромных, верных привратников Фебова святилища» (33). Проще и точнее выразил ту же мысль О. Э. Вольценбург в докладе «В. Я. Адарюков как библиограф»: «Не создавший особой библиографической школы, В. Я. Адарюков все же своими многочисленными трудами и долголетним опытом в этой области научного труда оставил память крупного и примерного работника, проникавшего в такие сферы библиографических исследований, которых до него почти никто не касался» (28).

В РОДК В. Я. Адарюков играл очень активную роль. За первые два года деятельности Общества он сделал девять докладов на самые разнообразные темы — по истории искусства, истории русского собирательства, иконографии Пушкина и т. д. Всего за время существования РОДК он прочел 21 доклад.

В библиофильских и искусствоведческих кругах В. Я. Адарюков пользовался большим авторитетом и симпатиями. В 1923 г. к его 60-летию РОДК издал в 100 экземплярах «Список печатных работ В. Я. Адарюкова», составленный Н. Н. Орловым. После смерти В. Я. Адарюкова заседания его памяти были устроены в Секции собирателей книг и экслибрисов Московского отдела Всероссийского общества филателистов и в Секции библиофилов и экслибрисистов Северо-Западного отдела ВОФ.

Во вступительном очерке к книге «Сто заседаний» В. Я. Адарюков писал: «В конце первого года уехал за границу товарищ председателя М. П. Келлер; в его лице Общество лишилось одного из самых деятельных своих членов и большого знатока книги». О М. П. Келлере как «одном из культурнейших любителей книги в России» упоминает И. И. Лазаревский в заметке «По поводу», помещенной в журнале «Среди коллекционеров» за 1921 г. (80).

Однако кроме этих беглых замечаний и незначительных сведений о М. П. Келлере как владельце экслибрисов, нам долго не удавалось найти конкретных данных. Только благодаря любезности владельца замечательной биографической картотеки московского библиографа И. Н. Кобленца мы можем сейчас привести некоторые более подробные данные о М. П. Келлере, дополненные сведениями из других источников.

Граф Михаил Павлович Келлер принадлежал к поздним слоям титулованного дворянства. Он родился в 1883 г. в г. Сувалки (Царство Польское), но позднее жил в Москве, где в 1909 г. кончил университетское отделение Лицея цесаревича Николая, основанного известным реакционером М. Н. Катковым. До революции М. П. Келлер нигде не служил. С начала текущего столетия он собирал книги. Описывая в 1910 г. экслибрис М. П. Келлера, У. Г. Иваск сообщал, что у владельца «имеется много редких и ценных изданий XVIII и XIX вв., в том числе немало экземпляров с автографами знаменитых писателей». М. П. Келлер был членом Русского биб-

лиографического общества при Московском университете с 1906 г., т. е. еще со студенческих лет. Однако, по воспоминаниям проф. Б. С. Боднарского, работавшего в этой библиографической организации, «вплоть до Октябрьской революции Келлер ни разу не выступал на пленарных заседаниях и не состоял ни в одной из его Комиссий». В 1917 г. М. П. Келлер вошел в состав членов Русского библиографического общества. В библиофильских кругах Москвы он пользовался известностью и поэтому при создании РОДК был привлечен в качестве члена-учредителя в инициативную группу, а затем, как уже указывалось, был избран товарищем председателя. В мае 1921 г. М. П. Келлер поступил на работу в Гравюрный кабинет Румянцевского музея, но в октябре того же года уволился, так как, оптировав латвийское подданство, уехал за границу. В начале деятельности РОДК 11 марта 1921 г. он сделал доклад «Французские иллюстрированные издания XVIII в.», сопровождавшийся демонстрацией книг из его собрания. В журнале «Среди коллекционеров» за 1922 г. (№ 11—12) Келлер поместил статью «О нескольких западных книжных новинках», а в следующем году рецензию, подписанную инициалами М. К., на книгу Г. А. Богенга «Великие библиофилы»; озаглавлена была рецензия «О книжном собирательстве». Автор, отмечая достоинства трехтомного труда Богенга, прибавил дельные критические замечания: «Тем грустнее констатировать, что, наряду с прекрасным очерком библиофилии на Западе, история книжного собирательства в России написана более чем неудовлетворительно. Подобный очерк можно было бы извинить незнакомством с литературой предмета, если бы довольно обстоятельный перечень ее не был приведен в третьем томе. Остается предположить, что незнание русского языка помешало г. Богенгу познакомиться с приведенной им литературой... Истории русского книжного собирательства остается еще ждать своего летописца, а в ней немало славных страниц» (94). Обе статьи, собственно — рецензии, М. П. Келлера написаны с большим блеском, несомненным знанием предмета и прекрасным языком.

В перечне сотрудников журнала «Среди коллекционеров», начиная с книги 7/8 за 1922 г. и кончая 11/12 за 1923 г., М. П. Келлер постоянно указывается, причем отмечается, что он живет в Дрездене.

А. А. Сидоров приводит некоторые сведения о библиотеке М. П. Келлера: «Его библиотека в доме С. И. Щукина была замечательна, но нам известна скорее по рассказам. Я лично ни разу у него не был. У М. П. Келлера были и инкунабулы (ценнейшую часть своей библиотеки он вывез за рубеж) и „любительские“ экземпляры новых западных издательств, главным образом немецких, часть которых потом попала в мою библиотеку. Эту группу книг М. П. Келлер не вывез за границу, как и примечательные с другой точки зрения книги графини Александры Келлер, его матери (?), которые тоже очутились у меня».

Мы не стали бы приводить все эти сведения о человеке, так скоро после начала деятельности РОДК уехавшем из СССР, если бы его имя не было связано с судьбой одного автографа Пушкина и если бы в литературе об этом автографе не было некоторых неясностей и неточностей.

В статье покойной талантливой молодой пушкинистки О. С. Соловьевой «Новые данные об автографах Пушкина» сообщалась история рукописи «Подражания древним», незадолго до революции принадлежавшей коллекционеру Э. П. Юргенсону, бежавшему в 1919 г. в Эстонию. «Вероятно, тогда же,— писала О. С. Соловьева,— автограф Пушкина „Подражания древним" был приобретен московским коллекционером М. П. Келлером (его экслибрис наклеен на обложку, в которую вложена рукопись), купившим его у ленинградского антиквара С. Н. Котова. Но Келлер владел автографом недолго. В 1919 или 1920 году он эмигрировал, распродав перед отъездом свою библиотеку и коллекцию автографов. Пушкинский автограф купил у него московский букинист М. И. Пузырев. У Пузырева автограф был куплен московским архитектором М. Л. Малашкиным (его подпись также имеется на обложке); последний в 1952 году продал его А. Г. Миронову, который в том же году подарил автограф Н. П. Смирнову-Сокольскому» (157).

Об этом же документе увлекательно написал и Н. П. Смирнов-Сокольский, проследивший в очерке «Судьба одного автографа» перипетии странствий «Подражания древним»— с того момента, как Пушкин подарил листок со стихотворением гастролировавшему в Петербурге чревовещателю Александру Ваттемару и кончая тем, как автограф попал в собрание автора «Рассказов о книгах».

«Подаренный Пушкиным сто двадцать пять лет назад артисту эстрады Александру Ваттемару, автограф этот прошел длинный и сложный путь. Был в Париже, вернулся обратно в Россию, побывал у художника Вакселя, собирателя Келлера, долго хранился у одного московского букиниста, побывал в собрании еще одного художника и вот опять пришел к артисту эстрады, уже другому». «Место автографу,— пишет Н. П. Смирнов-Сокольский далее,— конечно, в Пушкинском Доме. Туда он, вне всякого сомнения, и попадет» (296).

Действительно, автограф «Подражания древним» после смерти Н. П. Смирнова-Сокольского был передан его вдовой С. П. Близниковской в дар Институту русской литературы — Пушкинскому Дому.

Приведенные нами большие выдержки из статьи О. С. Соловьевой и из очерка Н. П. Смирнова-Сокольского интересны, как нам кажется, не только тем, что в них содержатся кое-какие дополнительные сведения о М. П. Келлере, но — и еще больше — тем, что здесь, благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам, удается проследить судьбу автографа великого поэта, в которой оказалось замешано столько видных библиофилов и столько известных антикваров и букинистов, имена которых встречались и еще

будут встречаться на страницах «Истории советского библиофильства».

Второй товарищ председателя РОДК, Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942), уже отчасти знаком нашим читателям как один из компаньонов (вместе с Д. С. Айзенштадтом) Есенина и Мариенгофа по книжной лавке поэтов-имажинистов. Вспоминая о нем среди прочих участников РОДК, С. Г. Кара-Мурза писал: «Сын некогда богатого волжского пароходовладельца, впоследствии оскудевшего, говоривший с ярко выраженным нижегородским акцентом, Кожебаткин был очень примечательной красочной московской фигурой. Одно время он был близок к социал-демократии и исполнял их поручения, облеченные некоторой тайной».

Обращаясь к книгоиздательской деятельности Кожебаткина, Кара-Мурза отмечал: «Надо отдать справедливость Кожебаткину: внешнее оформление издаваемых им книг было превосходное. Александр Мелентьевич несомненно обладал художественным чутьем и тонким пониманием полиграфического искусства. Все его издания и в отношении бумаги, шрифта, обложки, краски и иллюстраций отмечены печатью благородного типографского вкуса и высокого технического мастерства».

Характерной чертой Кожебаткина было то, что он любил не только старую книгу и составил очень хорошую библиофильскую библиотеку, но и новую,— может быть, именно потому, что хотел, чтобы издания «Альционы» впоследствии так же собирали любители, как он жадно разыскивал свои раритеты и дезидераты. «Он любил книгу,— пишет В. Г. Лидин,— особой любовью: он любил создавать ее, пестовать художников, заинтересовывать авторов заинтересовывать и типографии, которым тоже иногда хочется блеснуть полиграфическим шедевром».

Несомненно, любовь к книге, к литературе привела А. М. Кожебаткина к участию в Книжной лавке деятелей искусств. Рассказывая в «Романе без вранья» об этой книжной лавке, Мариенгоф посвятил две странички портрету Кожебаткина. Возможно, кое-что (если не многое) здесь стилизовано, но в целом облик этого незаурядного человека очерчен интересно: «Вторым нашим компаньоном по лавке был Александр Мелентьевич Кожебаткин — человек, карандашом нарисованный остро отточенным и своего цвета. В декадентские годы работал он в издательстве „Мусагет“, потом завел собственную „Альциону“, коллекционировал поэтов пушкинской поры и вразрез всем библиографам листа зачастую читал не только заглавный лист книги и любил не одну лишь старенькую виньеточку, сладковатый вековой запах книжной пыли, дату и сентябрьскую желтизну бумаги, но и самого старого автора» (101).

А. М. Кожебаткин не играл в РОДК особенно активной роли. Нам неизвестен ни один его доклад на заседаниях Общества, не упоминается его имя в хронике РОДК в какой-либо другой связи.

Кожебаткин умер в апреле 1942 г. в Москве.

О библиотеке Кожебаткина у нас имеются только самые основные сведения: к 1918 г. она насчитывала около 3000 томов и состояла из трех отделов: масонские издания (часть их поступила к владельцу из собрания философа и поэта Влад. Соловьева), старинные альманахи и поэты. У Кожебаткина были экслибрисы. Книги из его библиотеки с экслибрисами в 20—30-е годы еще попадались в антикварных и букинистических магазинах Москвы. Кожебаткин состоял членом Русского библиофильского общества. В журнале «Среди коллекционеров» в № 4 за 1921 г. среди предполагавшихся к опубликованию статей были названы две, обещанные, но так и не увидевшие света статьи А. М. Кожебаткина: «Литературные салоны прошлого» и «О книжных росписях XVIII столетия».

Вскоре А. М. Кожебаткина в качестве товарища председателя РОДК сменил и до конца оставался на этом посту Павел Давидович Эттингер (1866—1948) — одна из интереснейших фигур художественной и библиофильской Москвы XX в. Он родился в 1866 г. в Люблине, в средней школе учился в Германии, а в Рижском политехникуме получил высшее экономическое образование.

Хорошо знавший его С. Г. Кара-Мурза писал: «Интересно, что нигде историко-художественных дисциплин и курса эстетики Эттингер не проходил. В этой области он совершеннейший автодидакт и следовал исключительно своим внутренним впечатлениям и личному вкусу. Путешествовал по Германии, Италии, Франции, Бельгии, Голландии, Польше, России; посещал картинные галереи и музеи, изучал живопись и особенно графику».

В Москве П. Д. Эттингер очутился в конце XIX в., служил в Международном банке, но превыше всего любил и ценил картины, книги, гравюры, экслибрисы. Эттингер был тесно связан с искусствоведами и библиофилами чуть ли не всей Европы первых десятилетий нашего века и, как никто другой, был осведомлен о художественной и библиофильской жизни Парижа, Лондона, Берлина, Мюнхена, Вены, Праги, Варшавы и пр. Его статьи и заметки встречались в самых разнообразных изданиях Западной Европы и России. Вероятно, никакой самый опытный библиограф не смог бы составить без помощи Эттингера полный список его печатных работ, так много раз и в столь неожиданных изданиях встречаются подписанные его фамилией или инициалами А. Э., Э., или P. E. и т. д. статьи и корреспонденции. Сейчас, когда Эттингера нет в живых, эта задача невыполнима. Даже в период, когда связь Советской страны с капиталистическим миром была еще очень слабо налажена (в 1921—1922 гг.), Эттингер регулярно помещал в журнале «Среди коллекционеров» содержательнейшую хронику, знакомившую читателей с европейской и американской антикварно-библиофильской жизнью, постоянно ссылаясь не только на немецкие и французские, но и на голландские, американские, итальянские и другие журналы, каталоги, даже устные сведения, полученные от лиц, приезжавших из-за границы в Москву. В свою очередь в статьях и корреспонденциях, помещавшихся им в запад-

ной печати, Эттингер знакомил европейских читателей с культурной жизнью России. Международная известность и авторитет Эттингера в 20-е годы были так велики, что он был приглашен в качестве московского корреспондента по вопросам искусства в журнал, издававшийся Лигой наций.

В «Лирическом фельетоне к 8-й годовщине РОДК», помещенном в юмористической газете общества, озаглавленной «Наша пятница» и вышедшей 16 ноября 1928 г., А. А. Сидоров писал об Эттингере:

Не твой ли нам блестит пример,
О, информатор гениальный,
Наркоминдел наш, Эттингер,
Вполне интернациональный.

В шутливой формулировке «информатор гениальный» с удивительной проницательностью определена основная сущность бесчисленных работ П. Д. Эттингера. Как передают люди, знавшие его, сам Эттингер в разных вариациях повторял фразу: «Моя сфера — малая форма». И действительно, начиная со статей в «Русских ведомостях» 1902—1910 гг. и в «Утре России» 1910—1918 гг. и кончая любой статьей или заметкой 40-х годов, П. Д. Эттингер оставался неизменно тем же информатором — осведомленным, точным, сжатым, как бы неспособным к каким бы то ни было,— пусть самым маленьким,— теоретическим обобщениям. Однако во всех его сообщениях всегда присутствует жадный, не знающий границ, интерес к искусству, прежде всего новому, но также и старому. П. Д. Эттингер хорошо понимал относительность понятий «новый» и «старый»: «старое» когда-то было «новым», «новое» неизбежно станет «старым»; только люди, не умеющие мыслить исторически, могут противопоставлять одно другому.

О библиотеке Эттингера источники сообщают гораздо меньше, чем о ее владельце. Вероятно, такова участь ярких, незаурядных людей как среди библиофилов, так и среди лиц других профессий и увлечений: о них современники запоминают больше, чем о предметах их коллекционирования. Чаще всего сами библиофилы,— и это закономерно,— рассказывают о своих собраниях. Ведь очень удачно отметил выдающийся французский библиофил первой половины XIX в. Шарль Нодье, видный писатель-романтик: «После удовольствия обладания книгами у библиофила второе удовольствие — рассказывать о книгах». Эттингер так много писал и печатал, так много рассказывал о других библиофилах и библиотеках, что о своей не успел рассказать. У. Г. Иваск, получивший сведения непосредственно от Эттингера, сообщал в 1905 г., что его библиотека состояла в то время 1000 из томов по вопросам искусства на русском и иностранных языках. Несомненно, что в последующие четыре десятилетия библиотека П. Д. Эттингера возросла. Однако, по словам И. М. Кауфмана, видевшего ее в 40-е годы, собрание Эттингера было небольшое, имелись книги с дарственными надписями Р.-М. Рильке, Стефана Цвейга и др. Имелись отлично написанные портреты Эттингера, в частности работы художника Л. Пастернака.

Последние 30 лет своей жизни Эттингер провел в одной и той же квартире. В Москве он не имел близких родных, вел замкнутый образ жизни. Комната, в которой он жил, была сплошь заставлена предметами искусства и книгами, стены завешаны картинами. Сам Павел Давидович подтрунивал над своим жильем: на одном из его экслибрисов (работы Мих. Полякова, 1936) изображена внутренность кабинета Павла Давидовича, сам он за письменным столом, и, вместо традиционного «Из книг» или «Ex libris» сделана подпись: «Вот пещера Эттингера». Впрочем, принадлежит ли эта шутливая подпись Эттингеру или художнику, мы не знаем.

Осенью 1948 г. П. Д. Эттингер в возрасте 82 лет скоропостижно скончался на эскалаторе метро станции «Красные ворота». Книги его поступили в Библиотеку СССР им. В. И. Ленина, а архив в Академию художеств СССР и в Государственный Музей изобразительных искусств имени Пушкина (здесь — 1200 писем за 60 лет).

В русском обществе друзей книги Эттингер играл видную роль. Его живой и неизменный интерес к новейшим течениям в области живописи и книжной графики, его огромные и разнообразные связи с современными художниками, включая и учащуюся молодежь, позволяли ему привлекать к оформлению изданий РОДК графиков-искателей, экспериментаторов. И именно благодаря ему, как утверждал М. С. Базыкин в своем ненапечатанном докладе «Издания русских библиофильских обществ за революционное десятилетие» (1928) (11), внешность изданий РОДК выгодно отличается от холодной монотонности изданий Ленинградского общества библиофилов.

Выше указывалось, что идеей создания Общества друзей книги В. Я. Адарюков поделился в первую очередь с А. М. Кожебаткиным, Д. С. Айзенштадтом и А. А. Сидоровым. Можно легко понять, почему именно с этими лицами, а не с какими-либо другими московскими библиофилами: Кожебаткин и Айзенштадт были участниками Книжной лавки деятелей искусств и несомненно в этой лавке и познакомился с ними Адарюков. Несколько раньше состоялось его знакомство с А. А. Сидоровым, известным уже в те годы в качестве знатока искусства книги и выдающегося библиофила. Д. С. Айзенштадт и А. А. Сидоров — две примечательнейшие фигуры в истории московского и советского вообще библиофильства.

Во всех источниках по истории РОДК неизменно встречаются указания на то, что Давид Самойлович Айзенштадт был одним из самых активных членов правления Общества. Он родился в 1880 г. в Череповце бывшей Новгородской губернии, получил среднее образование в Рыбинской гимназии, а высшее — на юридическом факультете Петербургского университета, в дореволюционное время был помощником известного московского присяжного поверенного М. О. Гиршмана и сам как адвокат уже пользовался достаточной популярностью. Но любовь к книгам пересилила все, и Д. С. Айзенштадт из юриста превратился в «работника книжного прилавка». Конечно, это — преувеличение: он был не простым работником антикварных книжных магазинов, но директором их,

основателем их, в том числе и широко известной московской Книжной лавки писателей.

«Это один из самых пламенных книголюбов, каких я только знал»,— писал Кара-Мурза.

В. Г. Лидин в статье «Старые книжники. I. Д. С. Айзенштадт» более подробно характеризовал бескорыстное библиофильство этого удивительного человека, который много лет стоял во главе одного

Д. С. Айзенштадт

из крупнейших антикварных магазинов страны, московской Книжной лавки писателей, «ничего не покупая, ничего не собирая, ничем не прельщаясь лично» и никогда при этом не забывал «о знакомых ему собирателях книг», о их интересах, дезидератах, заказах.

В РОДК Айзенштадт ведал издательской частью и отлично справлялся со своими обязанностями. Вместе с П. Д. Эттингером он выпустил прелестно изданную книжечку «Наша библиография. 33 памятки Русского общества друзей книги. 1920—1925», отпечатанную в 125 экземплярах. В предисловии к ней говорится, что ценность памяток и им подобных изданий редко понимают и помнят устроители разных обществ и лица, ведающие их издательской частью:

«Ведь за каждой мелочью и безделкой, за каждой памяткой — однодневкой, за каждым листком скрывается подлинное художественное творчество рисовальщика, гравера, мастера типографского

искусства... Здесь использованы чуть ли не все способы совершенной художественной репродукции от простейшей цинкографии до редкого в наши дни офорта, от деревянной гравюры до автолитографии...»

«Не говорите же,— кончают Д. С. Айзенштадт и П. Д. Эттингер,— что все это мелочи, пустячки, игрушечные издания; признайте, что все это от искусства и для искусства, а в искусстве нет и не может быть ничтожного, мелкого или незначительного».

О художественном интересе и историческом значении так называемой «мелкой графики» прекрасно рассказал П. Д. Эттингер в статье «О мелочах гравюры», помещенной в журнале «Гравюра и книга», 1924, № 2—3. Но продолжим рассказ об изданиях РОДК и роли Айзенштадта в их выходе в свет.

«За время своего существования,— писал С. Г. Кара-Мурза,— Обществом издано с десяток библиофильских книжек, прекрасно оформленных с внешней стороны. Своим изяществом эти издания всецело обязаны трудам и вкусу Давида Самойловича».

Из числа этих изданий РОДК следует сказать об уже мимоходом упоминавшейся газете «Наша пятница». Ей был дан № 365 не случайно: заседания Общества происходили именно по пятницам, и пятница 15 ноября 1928 г. была как раз 365-я по счету. «Газета» пародирует во всем настоящие повременные издания, но юмористический материал для передовой статьи, фельетона, телеграмм, хроники, карикатур, стихов, объявлений и пр. целиком взят из жизни РОДК. Не все в «Нашей пятнице» по-настоящему остроумно. Кое-что, и даже довольно много, в ней натянуто, рассчитано на «домашнего», снисходительного читателя. Вот хотя бы обозначение цены —«бесценная» или подзаголовок: «Год издания пошел девятый. Содержание юмористично, время выхода эпизодично. Остроты ударные, сотрудники шикарные. По уклону — занятная, по цене — бесплатная». Забавны «портреты» П. Д. Эттингера и И. В. Калашникова, из которых первый закрыл лицо левой рукой, а второй изображен со стороны затылка. Многое без комментария в «Нашей пятнице» непонятно современному читателю, а лиц, которые могли бы комментировать некоторые намеки, осталось совсем мало. «Наша пятница» была издана в количестве 100 экземпляров, из которых — верх библиофильского гурманства! — несколько напечатаны на розовой, зеленой и голубой бумаге.

Д. С. Айзенштадт сделал в РОДК всего четыре доклада, из которых по теме два особенно интересны: «О каллиграфии в практике русской книги» и «О том, что не поступает в продажу». Доклады эти не были опубликованы, и в печатных материалах о РОДК не сохранилось сведений о их содержании. Здесь приходится вообще пожалеть, что, в отличие от Ленинградского общества библиофилов, РОДК после 1924 г. не публиковал в печати кратких изложений прочитанных докладов и сообщений.

Умер Д. С. Айзенштадт в Москве 6 ноября 1947 г. Вскоре после

его смерти друзья покойного задумали издать сборник «Венок памяти Д. С. Айзенштадта». К сожалению, сборник этот не вышел в свет, и только часть материалов сохранилась у наследников.

Активнейшим членом РОДК, одним из его организаторов и вдохновителей, его поэтическим летописцем и художественным теоретиком был А. А. Сидоров, если не последний, то во всяком случае, один из немногих ныне здравствующих «могикан» этой библиофильской организации.

А. А. Сидоров

Алексей Алексеевич Сидоров родился 1 (13) июня 1891 г. в с. Николаевка, Курской губернии, в 1913 г. окончил Московский университет по отделению истории искусства и археологии. После командировки в Италию, Австрию и Германию для продолжения специального образования, А. А. Сидоров был оставлен при Московском университете по кафедре истории и теории искусств для подготовки к профессорской деятельности. Еще на студенческой скамье, в 1912 г. он выступил в «непериодическом издании» «Труды и дни» со статьей «В защиту книги», направленной против статьи немецкого поэта Рихарда Демеля «Книга и читатель», которая в переводе А. А. Сидорова была напечатана в том же номере сборника.

С 1912 г. А. А. Сидоров регулярно печатается в изданиях по истории и теории искусства, преимущественно истории книги и гравюры. С 1916 г. был профессором Московского университета, Архитектурного и Полиграфического институтов. В декабре 1946 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по отделению истории.

В воспоминаниях о РОДК С. Г. Кара-Мурза писал: «Приятное знакомство дала мне встреча с А. А. Сидоровым, искусствоведом, собирателем, критиком и эстетом. Это был молодой человек лет 30. Был профессором Московского университета, заведующим Гравюрным кабинетом Музея изящных искусств, ученым секретарем Государственной Академии художественных наук».

«Ученый необычайно разнообразных знаний и огромного неутомимого интереса ко всем родам и видам искусства,— продолжал С. Г. Кара-Мурза,— Сидоров напоминал мне Райского из гонча-

ровского „Обрыва“: он рисовал, гравировал, писал стихи, читал лекции и доклады, коллекционировал картины, гравюры, офорты, экслибрисы, книги и любил их почти плотскою, чувственной любовью». И далее, в подтверждение своей мысли, автор воспоминаний приводит отрывок из стихотворения А. А. Сидорова «Похвала экслибрису», к которому мы еще обратимся в дальнейшем. Здесь же мы должны решительно возразить против сравнения серьезного ученого с блестящим дилетантом, так ничем кроме дилетанта не ставшим.

В упоминавшейся уже неоднократно «Нашей пятнице», «газете» РОДК, была помещена «Викторина-уродка»; один из вопросов ее был сформулирован так: «Какому искусству не отдал дани профессор Сидоров?»

«Своим пламенным, всепожирающим книголюбием,— продолжает С. Г. Кара-Мурза характеристику А. А. Сидорова,— он отличался даже среди самых беззаветных библиофилов, каких в обществе было немало. Библиотека Сидорова, насчитывавшая до 8 тысяч томов, была чрезвычайно разнообразна; она заключала в себе отделы: истории и теории искусств, истории и техники книгопечатания русских и иностранных иллюстрированных изданий, книжной графики, поэзии и беллетристики русской и западной, истории культуры, литературы по экслибрисам, хореографии и шахматам».

В последующие десятилетия библиотека А. А. Сидорова выросла вдвое и сейчас является одной из самых замечательных книжных коллекций в СССР.

Обращаясь к деятельности А. А. Сидорова в стенах РОДК, С. Г. Кара-Мурза писал: «А. А. Сидоров прочел у нас восемнадцать докладов, большинство которых касалось книжных иллюстраций: „Английские иллюстрированные издания первой и второй половины XIX в.“ (два доклада), „Современная детская иллюстрация“, „Новые искания в области русской иллюстрированной книги“, „Теория книжных украшений“. Ряд докладов касался персональных тем и был посвящен отдельным художникам: „Федор Толстой как иллюстратор“, „Графика Обри Бердслея“, „Бакст как книжный график“, „Тимм как иллюстратор“, „Памяти Кустодиева“, „Значение Ровинского“, „Анисимов как автор и как мастер книги“. Несколько докладов было посвящено им проблемам библиофилии: „Что такое библиофилия?“, „Библиофильские объединения Москвы“, „Книга как предмет изучения“, „Пятилетие издательства «Аквилон»“, „Художественный облик книг Московского Госиздата“...»

С. Г. Кара-Мурза далее вспоминает об одном из интереснейших по теме и оформлению докладов А. А. Сидорова.

«Однажды,— рассказывает С. Г. Кара-Мурза,— Алексей Алексеевич поразил нас тематикой одного своего сообщения, казалось бы, совершенно несвойственной его научным интересам. В объемистом чемодане он привез с собой несколько десятков, почти до полусотни, английских романов, преимущественно детективных, и сделал

интереснейший доклад о социальной психологии современной английской литературы... Так широк был диапазон научно-исследовательских тем талантливого искусствоведа».

С. Г. Кара-Мурза сообщает, что по инициативе А. А. Сидорова РОДК установил у себя обычай американских и английских библиофильских организаций устраивать в конце года обзоры книжной продукции и давать оценку ее технических достижений за отчетный период. «Должен сказать,— прибавляет Кара-Мурза,— что советские издательства внимательно присматривались к мнениям и отзывам Русского общества друзей книги и такой доклад столь крупного специалиста по книговедению, как Сидоров, и выводы членов Общества не могли не оказать соответствующего впечатления на Госиздат и несомненно повлияли на улучшение его иллюстраций».

В своей характеристике деятельности А. А. Сидорова в РОДК С. Г. Кара-Мурза обошел молчанием его многочисленные стихотворения, большей частью шутливые и приуроченные к отдельным «памятным датам» Общества. Первым была уже называвшаяся нами «Кантата», написанная в подражание «Певцу во стане русских воинов» Жуковского к первой годовщине РОДК. «Занятно было,— писал нам А. А. Сидоров в письме от 6 апреля 1962 г.,— конечно, ее печатное оформление в первом издании, которое было набрано не кем иным, как покойным академиком И. А. Орбели. В 12 экземплярах! Было и второе издание „Кантаты" в числе экземпляров 13». Здесь память немного изменила А. А. Сидорову: первое издание, как уже указывалось нами, вышло в 13,— второе — в 7 экземплярах.

В другом письме (12 сентября 1965 г.) А. А. Сидоров писал по поводу «Кантаты»: «Для меня главный ее смысл — обстановка ее рождения...

...Глухая и слепая московская зима... Снег, мороз — и странная, жуткая красота притаившейся жизни города. И дворец бывшего Английского клуба на бывшей Тверской улице (ныне там Музей Революции). Мы входим как „заговорщики": хранитель здания Н. В. Власов не имеет же права впускать туда „посторонних" в часы ранней ночи... Во всем гулком, прекрасно сохранившемся ампирном доме — мы одни. Темно. Только в библиотечной комнате, где между шкапами — мраморный бюст Вольтера (он потом был собственностью РОДК) накрыт стол... Серебро и хрусталь, помню чудесную белоснежную скатерть... Света нет: но при зажженных свечах все интимнее и фантастичнее. И я готовлю „сюрприз": читаю мой стихотворный тост, написанный в точном подражании „Певцу во стане русских воинов"».

Второе произведение в таком же духе было написано А. А. Сидоровым к пятилетнему юбилею РОДК и издано под названием «Новый отрывок из Дома сумасшедших А. Ф. Воейкова. 1920—V—1925» (М., 1925). Напечатано 66 экземпляров и почему-то без точек и запятых.

Подобно тому как для «Кантаты» А. А. Сидоров отправной точкой избрал знаменитое стихотворение В. А. Жуковского, так «Дом сумасшедших» второстепенного литератора начала XIX в. А. Ф. Воейкова,— сатирическое изображение Российской Академии времен президентства адмирала А. С. Шишкова,— дал РОДКовскому поэту сюжет для его «Нового отрывка». Вот несколько строф из этого стихотворения:

...Друг забав старозаветных
К информациям готов
В море вырезок портретных
Потонул Адарюков

Кто поймет что это значит?
Книжникам надежный брат
Над пучинами маячит
Добродушный Айзенштадт

Рядом новые затеи
На изысканный манер
Власов распродал музеи
Россику же Эттингер

Книжному предался знаку
Миша — милый егоза
На театре съел собаку
Адвокат Кара-Мурза

Все страдают головою —
Шик романтиками пьян
Миллер — старою Москвою
Всем чем можно Линдеман...

Приведем некоторые пояснения, необходимые современному читателю для понимания текста: а) «Над пучинами маячит»— Д. С. Айзенштадт работал в это время в книжном магазине «Маяк»; б) «Миша — милый егоза»— М. С. Базыкин, библиофил и экслибрисист; в) «Шик романтиками пьян»— М. Я. Шик, секретарь Московского Художественного театра, переводчик русских поэтов на немецкий язык, коллекционировал книги французских романтиков; г) «Миллер — старою Москвою»— П. Н. Миллер был председателем Общества «Старая Москва»; д) «Всем чем можно Линдеман»— И. К. Линдеман, разносторонне одаренный человек, увлекался и археологией, и этнографией, и фольклором, писал шутливые стихи для различных «памятных дат» РОДК.

«Похвала экслибрису. Ода»— третье произведение библиофильской поэзии А. А. Сидорова. Оно было написано к 25-му заседанию Секции изучения книжного знака РОДК, которое состоялось 19 апреля 1927 г. «Похвала экслибрису» занимает всего две странички и была напечатана в 50 экземплярах. В античных и средневековых латинских и русских учебниках пиитики XVII — начала XVIII в. давались точные указания, каким требованиям должен отвечать жанр «похвалы». Со времен эллинских и римских поэтов известны самые разнообразные «похвалы»— богам, людям, странам, городам, рекам и т. д. Поэты изощрялись в выборе необычных адре-

сатов «похвалы»: Анакреон посвятил «похвалу» кузнечику, Фронтон — дыму, известный французский поэт XIX в. Беранже — своему старому фраку. Но, кажется, один только А. А. Сидоров избрал объектом своей «похвалы» экслибрис. Однако поэт, хотя и назвал свое произведение одой, но не следовал правилам жанра.

Похвала Экслибрису

Ода

Нет, не больной мечтою маниака,
Прорезывая строчек полумрак,
— Тринадцатым созвездьем Зодиака
Над нами ты воздвигнут, Книжный Знак!

Всегда единый, неустанно новый,
Не ты ли воскрешать всегда готов
Геральдики забытые основы
Для новых мыслей и нежданных слов?

Гравюры черно-белою чертою,
Дитя библиофила и мечты,
Забавою изысканно простою
На разноцветный форзац ляжешь ты.

Но только — если человеку книга
Любовница, подруга иль жена
И если нет блистательнее мига,
Когда она ему обречена,

Волнуется невнятной благодатью
Библиофила трепетная кровь,
Тогда экслибрис высшею печатью
Запечатлеет книжную любовь.

«Лирический фельетон к 8-й годовщине РОДК», напечатанный в «Нашей пятнице», был последним документом печатной поэзии РОДК,— и, может быть, самым удачным:

Пускай проходят восемь лет,
Мечта судьбу остановила!
На свете преданнее нет
Влюбленности библиофила.

В жар лета, и в мороз зимы,
В осеннюю любую слякоть
Над книгой не устанем мы
Смеяться, радоваться, плакать.

Нет неизведанней тоски
Для сателлитов книжной касты:
Мы по призванью чудаки,
По назначению — фантасты!

О, шелест ласковых страниц!
Читай, задумывайся, числи!
Любви ко книге нет границ
В прямом и переносном смысле!..

В «Лирическом фельетоне» упомянуты два имени, ранее в нашем повествовании о деятельности РОДК не встречавшихся. Это — И. Н. Жучков («жужжит жучок») и И. В. Калашников. О первом

из них, недавно скончавшемся, С. Г. Кара-Мурза писал: «Изучающий историю московских художественных кружков, пытливый и дотошный москвовед И. Н. Жучков, принимавший самое горячее участие в жизни Общества, сделал интересный доклад о кружке Саввы Ивановича Мамонтова и сообщение об экслибрисах художника Фалилеева».

Об И. В. Калашникове Кара-Мурза писал: «Из лиц, не читавших докладов, но горячо интересовавшихся делами Общества и принадлежавших к его активу, вспоминаю Илью Васильевича Калашникова, страстного, неисправимого библиофила». «Не знаю,— продолжает Кара-Мурза,— когда и при каких обстоятельствах он пристрастился к книге. Родом и происхождением из среды кимрских сапожников, Илья Васильевич всю революцию прослужил кассиром в разных учреждениях Москвы и все свои заработки и сбережения фактически тратил на книги, в результате чего у него образовалась прекрасная библиотека. К чести Калашникова нужно сказать, что он не только покупает и собирает книги, но и читает книги, вследствие чего из него выработался очень неплохой знаток библиографии».

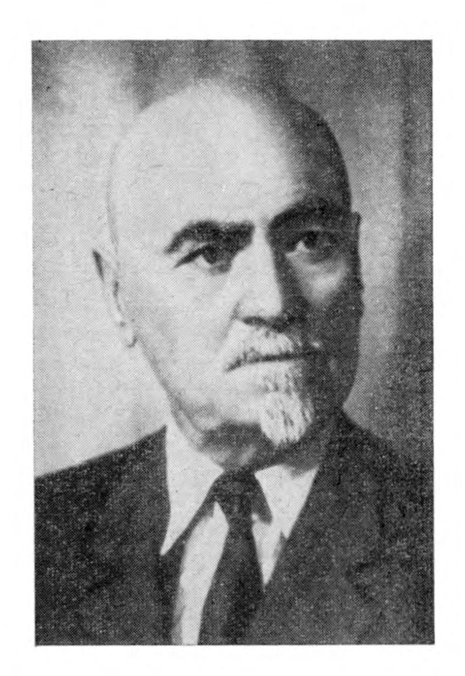
Мы ограничимся этими примечаниями к «Лирическому фельетону» А. А. Сидорова и тем самым закончим изложение сведений о нем как библиофиле, члене РОДК и поэтическом летописце Общества.

Кроме перечисленных виднейших членов РОДК интерес представляют и многие другие его участники, но за недостатком места мы остановимся только на двух — на самом С. Г. Кара-Мурзе, воспоминания которого в такой яркой, живописно-портретной форме представили нам Русское общество друзей книги, и Н. Н. Орлове.

Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878—1956) родился в Симферополе, в семье купца, окончил юридический факультет Московского университета и, будучи присяжным поверенным, много работал в периодической печати, так что по праву писал С. А. Венгерову, что является журналистом. Случайно попавший на заседание РОДК 23 сентября 1921 г., на котором его товарищ по университетской скамье Г. И. Чулков делал доклад, Кара-Мурза с первого же посещения стал ревностным членом Общества. «За восемь лет пребывания в Обществе,— писал он,— прочел одиннадцать докладов на разные темы, в течение пяти лет был избираем в члены правления, а в последние два-три года избирался в председатели общих собраний». В апреле 1962 г. в Клубе любителей книги при Центральном Доме работников искусств под председательством одного из старейших московских библиофилов В. М. Лобанова состоялось заседание на тему «Друг книги — С. Г. Кара-Мурза». В повестке заседания было указано, что выступают А. Д. Гончаров, В. М. Инбер, В. Г. Лидин, А. А. Сидоров и И. Г. Эренбург. Уже один этот перечень имен свидетельствует о том, как популярен был С. Г. Кара-

Мурза в художественных и литературных кругах Москвы. К сожалению, в периодической печати сведений об этом заседании нам найти не удалось. Тем с бо́льшим вниманием мы отнеслись к коротенькой «книжной новелле» В. Г. Лидина в его сборнике «Друзья мои — книги», озаглавленной «Сапоги Карла Маркса» и неожиданно содержащей любопытные сведения о С. Г. Кара-Мурзе.

По словам В. Г. Лидина, Кара-Мурза «был историком театра и историком литературной Москвы, написал множество статей об актерах и театральных постановках и издал в 1924 году книгу „Малый театр“ с подзаголовком „Очерки и впечатления“...» Это был «невысокий, милейший по своим душевным качествам» человек, «с мальчишески - румяными блестящими щеками, с живыми умными глазами на круглом лице, весь как-то уютно сбитый...» (83, с. 147).

С. Г. Кара-Мурза

И из рассказа В. Г. Лидина, и из «Воспоминаний» самого С. Г. Кара-Мурзы видно, что он был увлекающейся, талантливой личностью, и поэтому для историка русского библиофильства особенно интересно, что́ собирал этот юрист — ревностный любитель литературы, театра и книг (В. Г. Лидин сообщает о литературных «вторниках», происходивших у Кара-Мурзы до 1917 г.).

Ответ, хотя и краткий, но очень выразительный, мы находим в той же новелле В. Г. Лидина:

«Сергей Григорьевич был еще и собирателем, при этом собирателем неутомимым и влюбленным в предмет своего коллекционерства: он собирал афиши и программы литературных вечеров, вырезки о писателях и чем-либо необычные по своему содержанию книги, связанные с тем или другим литературным или общественным событием».

О двух таких раритетах из библиотеки С. Г. Кара-Мурзы, которые теоретики библиофильства отнесли бы к разделу «curiosa» («любопытные книги»), сообщает В. Г. Лидин. Это — памфлет раннего социал-демократа А. О. Трнки, студента Горного института, чеха по национальности (ум. в 1901 г.), направленный против лжемарксистов, «марксистов из моды» и озаглавленный «Сапоги

Карла Маркса» (СПб., 1899) и книжка журналиста С. Васюкова «Скорпионы» (СПб., 1901), разоблачавшего нравы русской буржуазной «желтой печати».

В № 5—6 журнала «Среди коллекционеров» за 1922 г. был напечатан отчет о деятельности РОДК в течение февраля — мая того же года, подписанный «Ник. О.». Этот криптоним легко расшифровывается из текста отчета; здесь сообщается о том, что новый состав правления постановил «просить Н. Н. Орлова взять на себя заведование библиотекой Общества».

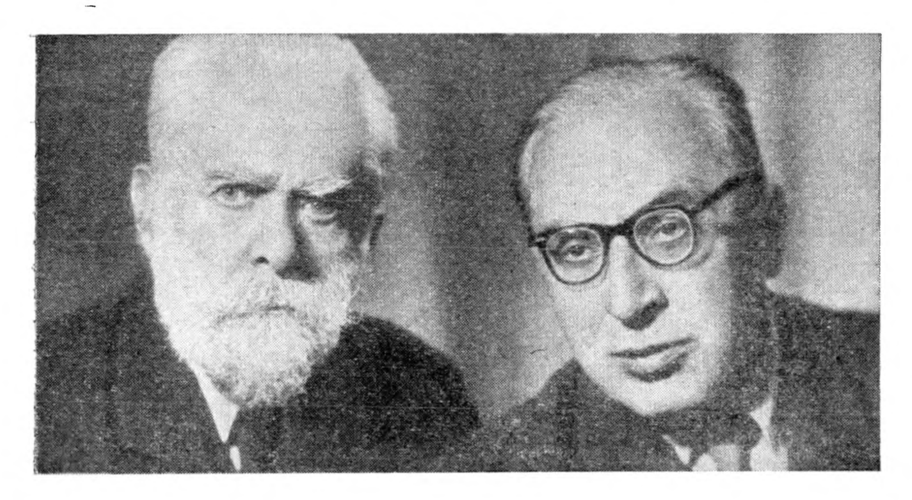
В РОДК Н. Н. Орлов не принадлежал к числу основных деятелей, однако как один из московских библиофилов 20-х годов, как владелец одной из замечательных русских библиотек этого десятилетия он безусловно заслуживает сохранения его памяти в истории советского библиофильства.

Николай Николаевич Орлов (1898—1965) родился в Орле в семье служащего. Образование он получил в Московском 1-м реальном училище, которое окончил в 1918 г. После двухлетнего обучения в университете Н. Н. Орлов по материальным обстоятельствам прервал образование; еще с 1918 г. он стал работать в московских библиотеках и книжных учреждениях и организациях. Несколько лет он был директором научно-технической библиотеки Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана. Свою библиотечную работу он продолжал до конца 1933 г. С 1937 по 1953 г. он работал ученым секретарем сельскохозяйственной опытной станции в Караганде, а с 1953 по 1963 г.— старшим библиографом Карагандинской научно-технической библиотеки.

С раннего возраста у Н. Н. Орлова проявился интерес к книге и библиографии, и вскоре же после начала своей библиотечной деятельности он был принят в число членов Русского библиографического общества. С 1922 г. по 1932, т. е. до закрытия этого общества, Н. Н. Орлов бессменно состоял его секретарем и был одним из его активнейших членов. В письме от 3 августа 1965 г. профессор Б. С. Боднарский, последний председатель Русского библиографического общества, называет Н. Н. Орлова своим другом и любимым соратником по обществу.

Н. Н. Орлову принадлежит свыше 170 трудов по библиографии, книговедению и экслибрисоведению. Среди них: «Список библиографических работ У. Г. Иваска» (1919), «Литература о книжных знаках (ex-libris) за 1918—1922 гг.» (1923), «Указатель литературы по книжному делу за 1917—1923 гг.» (1924), «Тридцать пять лет деятельности Русского библиографического общества при Московском университете. 1889—1924» (1925), «Указатель русской литературы о книжной торговле» (1925), «Удо Георгиевич Иваск как исследователь русского книжного рынка» (1927), «Библиография библиотековедения (1917—1927)» (1928), «Список печатных трудов В. Я. Адарюкова» (1929), «Указатель литературы по книжному делу за 1924—1928 гг.» (1929), «Дополнения к списку печатных трудов В. Я. Адарюкова» (1932).

Библиографическая точность Н. Н. Орлова была образцовой: во всех его работах сразу узнавался ученик и последователь Б. С. Боднарского. Однако как библиофил Н. Н. Орлов был самым ревностным сторонником и продолжателем традиций Д. В. Ульянинского: и по кругу собирательских интересов, и по тщательности выбора приобретавшихся экземпляров книг, и, наконец, по страстному увлечению коллекционированием книг и экслибрисов. Эта приверженность Н. Н. Орлова к библиофильским принципам Д. В. Ульянинского проявилась в одной из первых его печатных

Б. С. Боднарский и Н. Н. Орлов

работ — в статье «Д. В. Ульянинский» в журнале «Среди коллекционеров» за 1922 г., а также в других его статьях об этом выдающемся русском библиофиле.

Но еще в большей мере обнаружилось преклонение Н. Н. Орлова перед памятью Д. В. Ульянинского в его замечательной библиотеке. Об этой библиотеке, специально посвященной проблемам книговедения, в конце 20-х годов в Москве и Ленинграде ходили самые легендарные слухи. На заседаниях Ленинградского общества библиофилов и ленинградского Русского библиологического общества нам часто приходилось слышать: «Такая-то книга имеется только в библиотеке Н. Н. Орлова» или: «Если такой-то книги нет у Н. Н. Орлова, значит, ее нет нигде». После того как он вынужден был оставить Москву, никто не мог сказать ничего о судьбе этого выдающегося собрания. В апреле 1962 г. Н. Н. Орлов в ответ на просьбу сообщить сведения о своей библиотеке и ее судьбе прислал нам подробное письмо, из которого мы приводим с необходимыми сокращениями важнейшие данные.

«До 1934 года, когда я покинул Москву,— писал Н. Н. Орлов,— мне были хорошо знакомы состав и состояние всех москов-

ских, ленинградских, киевских частных собраний книговедческого характера и, конечно, наиболее значительных и крупнейших из числа их: Б. С. Боднарского, Н. Ю. Ульянинского, Н. В. Здобнова, А. Г. Фомина, М. Н. Куфаева и др. Положа руку на сердце, должен сказать не хвалясь,— дело ведь прошлое,— моя библиотека не могла идти ни в какое сравнение с названными».

Это неожиданное «уничижение» собственной библиотеки было либо неудачным изложением прямо противоположной мысли, либо — литературным приемом, имеющим целью вызвать бо́льший эффект дальнейшим рассказом.

«Это была,— продолжал Н. Н. Орлов,— совершенно исключительная, „уникальная“ (есть такой современный безграмотный термин) библиотека, содержавшая более 8 тысяч книг и брошюр по книговедческим дисциплинам изумительной сохранности... Я часто сам поражался, каким образом удалось мне собрать такое бесценное сокровище».

Переходя к непосредственной характеристике своего собрания, Н. Н. Орлов писал: «Описывать библиотеку, конечно, невозможно, но чтобы Вы получили о ней кое-какое представление, ограничусь несколькими примерами. В ней была собрана вся официальная регистрация произведений печати в России почти за сто лет (за ничтожными исключениями), начиная с публикаций министерства просвещения 1837—1855 гг. и кончая Книжной летописью 1933 г. Библиотека включала в себя почти исчерпывающее собрание русской книговедческой периодики. Достаточно сказать, что это собрание возглавлялось такими первоклассными библиографическими редкостями, как полные комплекты „Санкт-петербургских ученых ведомостей“ 1777 г. и „Московских ученых ведомостей“ 1805—1807 гг.».

Дальше Н. Н. Орлов сообщал: «Блестяще был представлен отдел таких труднонаходимых книг, как каталоги и описи русских частных библиотек, которые издавались обычно в самом незначительном числе экземпляров. Мне удалось приобрести полностью такую коллекцию, собранную У. Г. Иваском и уступленную им московскому библиофилу И. Г. Сотникову (издателю вып. III „Описания русских книжных знаков“ Иваска) при отъезде из Москвы в Эстонию в начале 20-х годов. Насколько этот отдел был у меня полон (около 400 №№), Вы можете судить уже по тому, что в нем имелись все те дезидераты, каких не мог достать Д. В. Ульянинский в течение всего времени своего собирательства и которые перечислены на стр. 1124 2-го тома описания его библиотеки (за исключением каталогов XVIII века)».

Обращаясь к характеристике других отделов своей библиотеки, Н. Н. Орлов писал: «Какой превосходный подбор редкостных ныне брошюр эпохи военного коммунизма (конечно, по вопросам книжного дела), изданных в провинциальных городах политотделами армий и др. организациями, сохранялся в библиотеке! Даже по такому „узкому“ вопросу, как децимальная классификация, мое

собрание ничуть не уступало собранию апостола этой классификации, нашего общего друга и учителя Б. С. Боднарского».

Переходя к больному месту каждого библиофила, к лакунам своего собрания и в то же время своим дезидератам, Н. Н. Орлов писал: «Не было у меня Камерного каталога и Плетневского списка...» Но Камерный каталог, т. е. «Каталог книг», находившихся в «камерах» Академии наук, и «Хронологический список русских писателей»— редкости исключительные.

Кроме превосходной библиотеки Н. Н. Орлов владел ценной коллекцией русских экслибрисов, содержавшей около 6000 экземпляров. В 20-х — начале 30-х годов это было одно из крупнейших советских частных собраний экслибрисов.

В 1947 г., приехав в Москву, Н. Н. Орлов убедился, что в его отсутствие библиотека сильно пострадала, исчезли ценнейшие книги и собрание экслибрисов со всем библиографическим к нему аппаратом. «Поэтому,— писал Н. Н. Орлов,— в следующем 1948 году, когда я имел более продолжительный срок пребывания в Москве, чтобы не дать распылиться библиотеке (к тому дело шло), договорился с Фундаментальной библиотекой общественных наук о ее передаче...» Библиотека была оценена в 110 тысяч рублей, но, по словам Н. Н. Орлова, и эта сумма была преуменьшена, и реально полученные им деньги не соответствовали ей. Приведя цитату из «Воспоминаний» В. Я. Адарюкова о том, как он расставался со своей библиотекой перед переездом в Москву (см. выше стр. 55), Н. Н. Орлов продолжал: «Все это пришлось пережить и мне за три недели, когда оценивали мою библиотеку. Вместе с каждой книгой, передаваемой оценщику, я отдавал и каплю своей крови...»

«Чтобы закончить о своей библиотеке,— писал Н. Н. Орлов,— прошу Вас обратиться к сборнику статей „Фундаментальная библиотека общественных наук (Из опыта работы за 40 лет)“ (М., 1960). В этой книге на стр. 168 Г. Г. Кричевский пишет: „Приобретение в 1948 г. большой библиотеки известного библиографа Н. Н. Орлова восполнило многие пробелы в отечественной библиографической литературе“. Помещенное же на двух предшествующих страницах 166 и 167 описание фонда библиографических изданий и является описанием, главным образом, части моей библиотеки».

При просмотре указанных страниц легко убедиться, что речь идет о действительно больших научных ценностях.

«Но,— как писал далее Н. Н. Орлов в том же большом письме,— библиофилия (я имею в виду подлинную, а не „подписную“), по всей видимости, столь же неизлечимая болезнь, как и рак. Сколько я не принимал превентивных мер, а собрание книг все растет».

Дело в том, что, продавая часть своей коллекции Фундаментальной библиотеке общественных наук, Н. Н. Орлов «все же коечто оставил себе». Часть оставленного он увез тогда же с собой в Караганду, а прочее, которое он надеялся вывезти в следующий

приезд в Москву, постигла печальная участь: оно было распродано за бесценок лицами, похитившими книги Н. Н. Орлова.

К 1962 г. карагандинское собрание Н. Н. Орлова достигло значительных размеров. «Сейчас уже опять,— писал он,— собралось у меня до 1000 книг и брошюр книговедческого содержания. Особенно меня ныне интересует библиография библиографий (этот раздел и раньше был мне очень близок)».

Среди ценных книг второй библиотеки Орлова отметим, во-первых, «Воспоминания» В. Я. Адарюкова (М., 1926), книгу, известную в количестве менее десяти экземпляров. Причины ее редкости таковы: хотя на титульном листе этой книги указано, что она — издание Государственной Академии художественных наук, на самом деле, она печаталась по заказу какого-то случайного предприимчивого дельца, прельщенного перспективой «заработать» на выпуске малотиражной библиофильской редкости; при этом новоявленный издатель не счел даже нужным сообщить лицам, предложившим ему опубликовать «Воспоминания» Адарюкова, что у него нет денег на выкуп тиража из типографии; в итоге — кроме нескольких, чудом уцелевших экземпляров этой книги, все остальные были проданы на бумагу.

Вторая достопримечательность карагандинской библиотеки Орлова —«Заметки библиофила» Ю. Г., изданные в Тарту в 1931 г. Инициалы Ю. Г. расшифровываются так: Юлий Борисович Генс. Конечно, тираж «Заметок» Генса (200 экземпляров) не может в отношении редкости идти в сравнение с количеством сохранившихся экземпляров «Воспоминаний» Адарюкова, однако в СССР попали считанные единицы этой книги, изданной в буржуазной Эстонии. Кроме того, часть тиража «Заметок» Генса (десять нумерованных экземпляров, I—X) отпечатана на лучшей бумаге и имеет шестнадцать дополнительных таблиц. Экземпляр Н. Н. Орлова, однако, не принадлежит к числу последних: он имеет № 102—«обычного» издания,— как, к сожалению, и мой.

Из других редкостей последней библиотеки Орлова укажем именной экземпляр «Альманаха библиофила», изданного в 1929 г. Ленинградским обществом библиофилов. В советской библиофильской литературе не отмечено, что в именных экземплярах «Альманаха», в отличие от обычных, находится перевод,— следует откровенно признать,— пустенькой статьи французского книголюба А. Кайюэ «Является ли женщина библиофилом?» Автор глубокомысленно доказывает необходимость дать положительный ответ и попутно сообщает, что «покровительницами» женщин-библиофилов следует считать двух средневековых французских монахинь, собиравших и переписывавших книги; при этом одна из этих монахинь — Виборада — была даже причислена к лику святых. В «обычных» экземплярах «Альманаха библиофила», взамен статьи о женщинах-книголюбах напечатан отчет М. Н. Куфаева «Библиофилия на Международной выставке печати в 1928 г. в гор. Кельне».

После смерти Н. Н. Орлова библиотека его перешла во владение его вдовы Э. М. Орловой и, насколько нам известно, сохраняется в неприкосновенном виде.

Несколько слов о Н. Н. Орлове как о человеке. Мне пришлось познакомиться с ним в конце 20-х годов в Ленинграде на юбилее одного из крупнейших советских библиографов А. Г. Фомина, последнего председателя Русского библиологического общества. Н. Н. приехал с адресом московского Русского библиографического общества, секретарем которого, как указывалось выше, он был в это время.

Это был жизнерадостный, веселый, красивый молодой человек,— ему только незадолго до того исполнилось 30 лет,— элегантно, со вкусом одетый. Он оказался прекрасным оратором и вообще обаятельной личностью. Дальнейшие наши встречи,— в начале 30-х годов в Москве, когда Н. Н. показывал мне свою библиотеку, и осенью 1933 г. в Ленинграде, куда он приезжал по делам,— подтвердили мое первое впечатление. Орлов был интересный собеседник, живой, остроумный человек, далеко выходивший в своих беседах за пределы чисто книговедческих и библиофильских тем. Следующая наша встреча произошла более чем через 25 лет, в Москве у Б. С. Боднарского. В нем,— и по внешнему, и по внутреннему облику,— трудно было узнать прежнего Н. Н. Орлова. Но встреча была сердечной, она была подготовлена дружеской перепиской, установившейся между нами еще до этой встречи и продолжавшейся после нее.

Свое последнее письмо, написанное 27 февраля 1965 г., Н. Н. Орлов завершил следующими словами: «Заканчиваю письмо хорошим четверостишием А. А. Ахматовой: „А вы, друзья! Осталось вас немного,— мне оттого вы с каждым днем милей... Какой короткой сделалась дорога, которая казалась всех длинней“ (1964)».

Н. Н. не знал, как коротка его дорога. На следующий день он был отправлен в больницу на операцию. Операция состоялась 6 марта, а 8 он скончался (у него был обнаружен рак кишечника). Его слова о неизлечимости библиофильства и рака оказались пророческими.

Удивительную силу приобретают иногда голоса ушедших от нас друзей, звучащие в их письмах, произведениях, в нашей памяти!..

На библиофильской биографии Н. Н. Орлова мы закончим рассмотрение «портретной галереи» РОДК.

Нам приходилось уже говорить, что одни печатные источники по истории библиофильских организаций дают слишком бледное, «протокольное» представление о их деятельности. Поэтому нам, как и всякому историку, особенно ценны сведения мемуарного характера, дополняющие сухую материю печатных документов. Этим, главным образом, объясняются наши частые обращения, к «поэзии РОДК» и «Воспоминаниям» С. Г. Кара-Мурзы. Правда, мы отдавали себе отчет в неровности поэтической продукции чле-

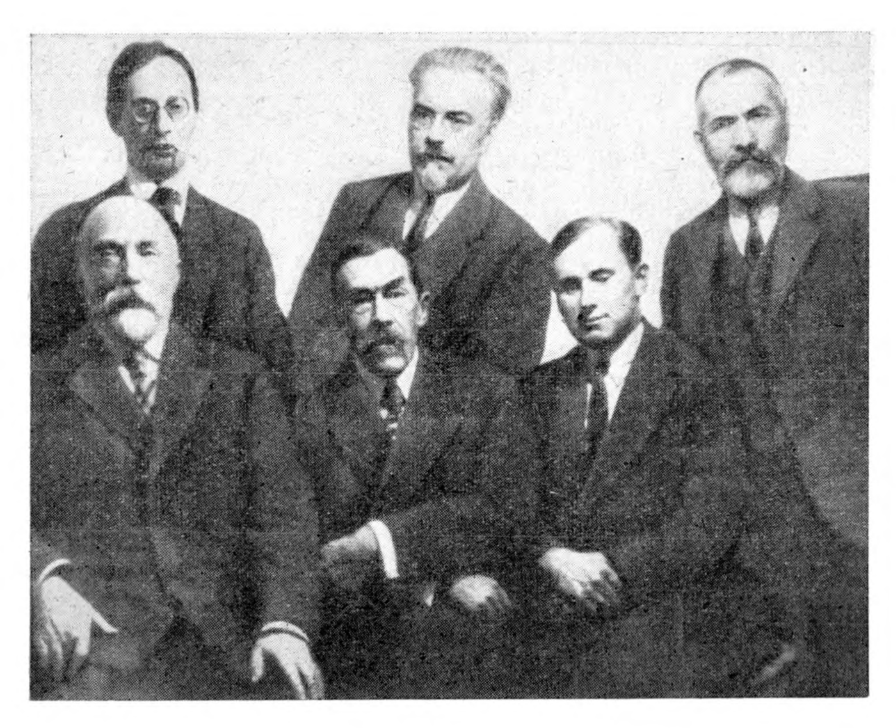
нов РОДК, среди которых, кроме А. А. Сидорова, настоящих поэтов не было,— все это были «домашние» стихи «доморощенных» Гомеров и Пиндаров. Нам была также ясна несомненная «фельетонность» отдельных характеристик в «Воспоминаниях» С. Г. Кара-Мурзы. Наша настороженность по отношению к этим группам материалов получила подтверждение в письме А. А. Сидорова от 12 сентября 1965 г.: «...„Родковская поэзия“, которой последний плод — стихотворный перечень московских библиофилов, составленный также уже покойным И. Н. Жучковым, право, Вашего особого внимания не заслуживает. РОДК был более серьезным, научным и историко-литературным обществом. Воспоминания весьма милого человека С. Г. Кара-Мурзы в этом отношении также не вполне характеризуют Русское общество друзей книги...»

Замечания А. А. Сидорова вполне достойны того, чтобы историк русского библиофильства не прошел мимо них. Но, отлично сознавая, что история РОДК, вклад его в советскую культуру неизгладимый след в истории русского библиофильства не исчерпываются только тем, что отразилось в «Воспоминаниях» С. Г. Кара-Мурзы, мы в то же время с удовольствием и благодарностью черпали из его рукописи яркие бытовые подробности и интересные характеристики отдельных членов РОДК, подтверждавшиеся другими печатными, письменными и устными источниками или даже не подтверждавшиеся — за отсутствием этих подтверждений. Мы обращались к этим мемуарам потому, что в них чувствуется дыхание эпохи — и той, которая описывается, и той, когда,— конец 1944 — начало 1945 г.,— они писались и с дополнениями читались. Поздний греческий филолог говорил: «Старец и юноша разное берут у Гомера». «Воспоминания» С. Г. Кара-Мурзы и сведения, почерпнутые нами из писем и устных сообщений А. А. Сидорова, Б. С. Боднарского, А. М. Макарова, Н. Н. Орлова и других лиц, позволяют создать картину деятельности РОДК, более или менее точную, приближающуюся к действительности.

РОДК внес большой и ценный вклад в изучение истории русского и западного искусства книги и в исследование современной графики; его авторитет поддержал молодых художников-графиков и способствовал развитию советской художественной книжной культуры. Немалые заслуги имеет РОДК и перед советской литературной наукой. Отсутствие в Москве в 20-е годы серьезных и прочных литературоведческих объединений имело следствием то, что в РОДК был сделан ряд ценных докладов и сообщений по истории русской и западной литературы.

Естественно возникает вопрос, был ли РОДК действительно «продолжателем славных традиций Кружка любителей русских изящных изданий», каким хотел его видеть В. Я. Адарюков? На этот вопрос дал отрицательный ответ один из активных членов РОДК, М. С. Базыкин, в ненапечатанном докладе «Издания русских библиофильских обществ за революционное десятилетие», сделанном на заседании Библиотечного отдела Государственной Академии

художественных наук 16 февраля 1928 г. Докладчик изложил историю петербургского Кружка любителей русских изящных изданий, отдал должное техническому совершенству его изданий, но отказал ему в наличии творческого замысла, новаторства, даже

Бюро Русского общества друзей книги
Сидят: П. Д. Эттингер, В. Я. Адарюков, Н. В. Власов
Стоят: Д. С. Айзенштадт, М. А. Цявловский, И. К. Линдеман

каких-либо элементов новизны. Переходя к рассмотрению деятельности Русского общества друзей книги, М. С. Базыкин признал, что «младенческий период жизни Общества, конечно, крепчайшими нитями связан с традициями старого дореволюционного библиофильского мира», что «первые издания общества (их было очень и очень немного) по своему эстетическому уклону в значительной мере напоминают издания эпохи, предшествовавшей революции», но в то же время подчеркнул, что даже в скромных повестках, программах и брошюрах РОДК есть «конечно, известная новизна». Сопоставляя деятельность обеих библиофильских организаций, докладчик усмотрел главное различие в их направлении, ретроспективистском в Кружке любителей русских изящных изданий и в новаторском в Русском обществе друзей книги.

Наблюдения М. С. Базыкина справедливы, но их можно с полным правом отнести только к объекту его доклада — изданиям РОДК. В научно-исследовательской же деятельности Общества никакого уклона в какую-либо одну область,— старой книги, современной, искусства книги, истории литературы,— как уже отмечалось выше, мы не могли обнаружить, и в этом была его сила и его культурное значение.

Что же было причиной такого разумного, гармоничного пути развития РОДК? По нашему мнению, атмосфера дружелюбия и уважения к библиофильским интересам и личности каждого члена Общества, будь это почетный член акад. Н. П. Лихачев, действительный член И. В. Калашников, член-сотрудник В. И. Вольпин или даже какой-нибудь гость; эта атмосфера как-то сама собой установилась в Обществе с самого его возникновения. М. С. Базыкин писал о составе РОДК: «Люди самых различных профессий, люди различного имущественного и общественного положения объединились в дружную, идейно спаянную семью на основе беспримерной, подлинно глубокой любви к книге и всему, с книгой связанному. К тому же революция, порвавшая экономические и социальные преграды, немало помогла объединению лиц, которые в дореволюционное время едва ли находились бы между собой в близком общении» (11).

Изучение материалов убеждает нас, что в словах М. С. Базыкина нет преувеличений. Но, излагая и характеризуя факты, он, как нам кажется, не сумел сформулировать главного вывода: РОДК помог выработке нового типа книголюба, непохожего на членов замкнутого Кружка любителей русских изящных изданий и на галерею буржуазных коллекционеров, так чудесно изображенных А. П. Бахрушиным в книге «Кто что собирает» (М., 1916).

Как уже указывалось, деятельность РОДК была прекращена в начале января 1930 г. Несомненно, он мог бы сделать еще много полезного для советской культуры вообще и для советской книги в частности. Но и то, что было выполнено Русским обществом друзей книги, обеспечивает ему самое почетное место в истории русского библиофильства.

Глава пятая

1920-е годы (окончание)

Ленинградское общество библиофилов.— Казанские книголюбы 20-х годов.— Украинское библиологическое общество.— Белорусское общество библиофилов.— Демьян Бедный — библиофил.

В связи с бездеятельностью Общества друзей книги в 1919—1920 гг. В. Я. Адарюков незадолго до своего переезда в Москву сделал еще одну попытку организовать библиофильское объединение в духе Кружка любителей русских изящных изданий; оно даже имело название, близкое к названию своего предшественника — Общество ревнителей художественных изданий. Об этой организации известно из коротенькой заметки в хронике в № 1 журнала «Казанский библиофил» за 1921 год: «Образовавшееся „Общество ревнителей художественных изданий“ (В. Адарюков, Добужинский, Ионов) издает художественные произведения русских писателей: „Шинель“ Гоголя с иллюстрациями Кустодиева, „Месяц в деревне“ Тургенева с иллюстрациями Добужинского. Оно же предполагает к изданию монографию „Старая Вильна“, иллюстрированную Добужинским».

Однако ни это общество, ни попытка П. Е. Рейнбота возродить распавшийся Кружок любителей русских изящных изданий в середине 1921 г. не имели успеха. Все же идея создания библиофильской и экслибрисистской организации в Петрограде не замирала. Открытие в 1921—1922 гг. ряда букинистических магазинов, этих первичных «клубов» библиофилов, подтолкнуло к попыткам создания новых библиофильских организаций.

Таких попыток нам известно две. Об одной из них в конце 20-х годов вспоминал В. С. Савонько, виднейший ленинградский экслибрисист тех лет. По его словам, после распадения «адарюковского» Общества друзей книги, в середине 1922 г. была сделана попытка воскресить его. Оказалось, однако, что легче было создать новое, чем вызвать к жизни старое, из состава правления которого в Петрограде не осталось никого. Тогда возникла инициативная группа, определившая характер и даже название новой библиофильской организации — Общество любителей книги и книжных знаков. Из «Петроградской хроники» В. К. Охочинского в журнале «Среди коллекционеров» за 1922 г. известно, что в инициативную группу входили П. И. Нерадовский, Б. Г. Крыжановский, В. С. Савонько

и Д. И. Митрохин, лица, в основном работавшие в Русском музее и в Академии материальной культуры. «Однако,— пишет В. С. Савонько,— и на этот раз новое общество получило наименование Общество любителей художественной книги». По-видимому, оно даже не приступило к работе: о его деятельности нам никаких материалов обнаружить не удалось.

О второй попытке создать в Петрограде библиофильскую организацию в 1922 г. сообщил В. К. Охочинский в журнале «Среди коллекционеров». Он писал: «...носятся слухи — будто в Петрограде организуется Общество друзей книги. Учредителями его состоят заведующий издательством „Всемирная литература" А. Н. Тихонов, бывший редактор „Старых годов" П. П. Вейнер, библиофил П. Е. Рейнбот и антиквар Ф. Г. Шилов» (24). Но и об этом обществе никаких сведений ни в печати, ни в памяти ленинградских библиофилов не сохранилось.

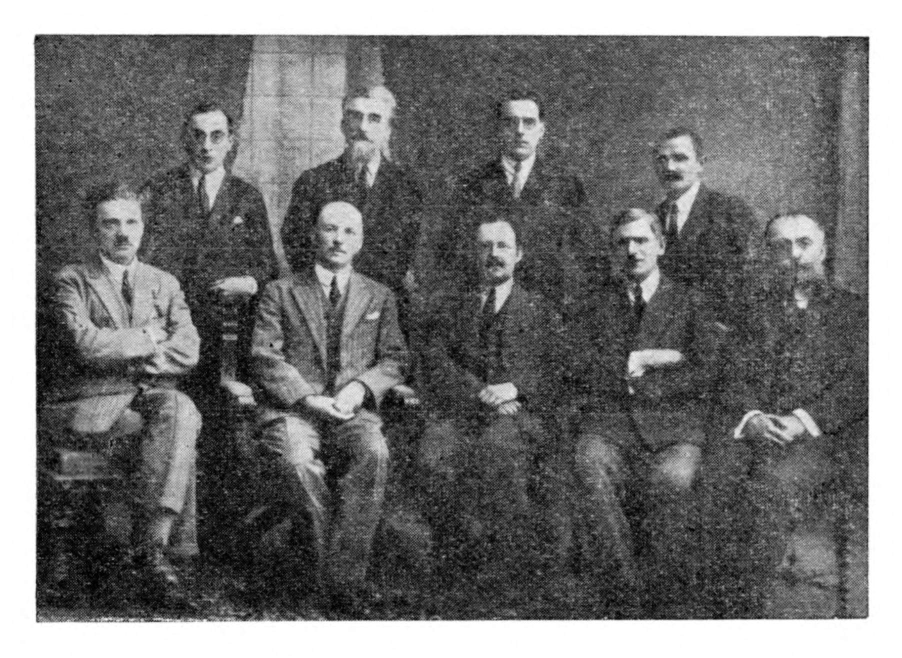
Экслибрисистам все же удалось вскоре создать самостоятельное Петроградское общество экслибрисистов, открытие которого состоялось 15 ноября 1922 г. Рассмотрение деятельности Петроградского (с 1924 г.— Ленинградского) общества экслибрисистов, как и Московского общества любителей книжных знаков (1921—1929) и Секции изучения книжных знаков РОДК (1925—1929), не входит в план нашего исследования. Поэтому мы переходим непосредственно к истории Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ).

Идея создания этого общества принадлежала молодым петроградским музейным работникам и художникам-графикам. Один из инициаторов ЛОБ, Э. Ф. Голлербах, позднее в брошюре «Возникновение Ленинградского общества библиофилов (К пятилетию со дня его основания)» подробно рассказал о том, когда и при каких обстоятельствах состоялось первое обсуждение новой идеи. Это было осенью 1923 г.; участниками совещания, посвященного вопросу об учреждении общества библиофилов, были Э. Ф. Голлербах, Е. Д. Белуха, С. А. Мухин и В. К. Охочинский. Основная проблема заключалась в подборе состава будущего общества и его руководящего органа — совета. Перебирая имена кандидатов, участники обсуждения, по словам Голлербаха, подвергли их шутливой, но обстоятельной критике. «Уже тогда,— продолжает Э. Ф. Голлербах,— на совещании нашем господствовала та безобидная ирония, которая отличала весь наш кружок на заре его деятельности. Люди и книги перемежались в этой беседе, и вот эта веселая мешанина из людей и книг определяла в дальнейшем основной стиль нашего кружка. О чем бы мы ни говорили, наши деловые рассуждения неизменно соскальзывали в „causerie", пересыпались анекдотами, иногда прерывались взрывами смеха».

Словно чувствуя несколько не вяжущийся с привычным понятием библиофильства легковесный, чтобы не сказать легкомысленный тон, господствовавший на обсуждении, и как бы оправдываясь перед читателями, Э. Ф. Голлербах писал: «Люди академического склада назвали бы наши заседания несерьезными, но мне кажется,

что с подлинным библиофильством неразделен „дух мелочей прелестных и воздушных“ и библиофильская беседа должна быть хорошо приправлена аттическою солью и густо замешана на бытовых наблюдениях. Мы видели залог успеха в наличии крестообразной буквы „х“ в наших фамилиях; в сочетании с предыдущими гласными это „х“ давало возгласы: „ах!“, „ох!“, „ух!“, „ух!“..»

В конце 1923 г. инициативная группа библиофилов — в их числе директор Российской публичной библиотеки, акад. Э. Л. Радлов, директор Ленгосиздата И. И. Ионов, его заместитель Р. М. Ха-

Бюро Ленинградского общества библиофилов

таевич, крупный полиграфист И. Д. Галактионов, известный библиотечный деятель О. Э. Вольценбург и художники в составе Е. Д. Белухи, Э. Ф. Голлербаха, Е. Н. Лансере, В. К. Лукомского, С. А. Мухина, В. К. Охочинского, А. А. Пазухина, В. С. Савонько, К. А. Сомова, А. А. Труханова, С. В. Чехонина и П. Н. Шеффера — обратилась в соответствующие инстанции и представила выработанную ею «Декларацию». Обращает на себя внимание, что, обосновывая целесообразность создания общества, составители «Декларации» особенно подчеркивали книговедческий, библиологический аспект его будущей деятельности.

«Одной из главных задач библиологии,— так начинается „Декларация“,— является изучение художественных и редких изданий в прошлом и настоящем. Вопрос о внешности книги, в тесной связи со всеми видами графического искусства, объединяет вокруг себя

интересы искусствоведов, художников, издателей и любителей книг. С целью исследования и популяризации книжного искусства (в широком смысле слова) в Ленинграде организуется научное общество библиофилов, привлекающее в свои ряды представителей всех отраслей искусства и знания, так или иначе соприкасающихся в своей деятельности с проблемами библиологии».

По-видимому, опасаясь упрека в некоторой абстрактности поставленных целей, авторы «Декларации» подчеркивают в дальнейшем непосредственно практическую пользу деятельности предполагаемой организации: «Общество библиофилов не ограничивает свои задачи узко эстетическими или коллекционерскими интересами, но разрабатывает программу книговедения в широком научно-исследовательском плане, учитывая, вместе с тем, ее актуальное, производственное значение. Выдвигая в первую очередь изучение художественной и редкой книги, общество имеет в виду, главным образом, полиграфическое искусство и историко-бытовые темы, оставляя на втором плане регистрационные задачи библиографии и библиотековедения».

Далее следует часть «Декларации», в которой перечисляются формы деятельности общества: «...устраивает собрания, на которых делаются доклады на темы, входящие в программу общества, создает библиотеку и собирает материалы по вопросам книговедения и графических искусств (сюда входят — история и техника книгопечатания, история книгособирания, описание библиотек, история и техника гравюры и репродукции, составление словаря графиков, граверов и литографов и пр.). Периодически общество устраивает выставки и публичные лекции. Общество устанавливает связь с крупнейшими книгохранилищами СССР и музеями, имеющими библиотеки и кабинеты гравюр».

В заключительном разделе «Декларации» указывается, что «общество предполагает всемерно содействовать изданию работ по всем отраслям книговедения и печатать собственные труды». «Программа деятельности общества,— заключает „Декларация“,— определяется собранием учредителей, в соответствии с официально опубликованным уставом».

Устав Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ), равно как и «Декларация», были опубликованы не до начала деятельности, а в первом его издании, вышедшем осенью 1924 г. Официальным днем возникновения ЛОБ считается 5 ноября 1923 г., но в ноябре 1923 г. и 21 января 1924 г. состоялись только организационные собрания, а первое публичное научное заседание имело место 5 февраля 1924 г. На втором организационном собрании был избран совет ЛОБ. Председателем был выбран акад. Э. Л. Радлов, товарищами председателя — О. Э. Вольценбург и Э. Ф. Голлербах, секретарем — С. А. Мухин и членами совета — Е. Д. Белуха, В. К. Лукомский, В. К. Охочинский и П. Е. Корнилов.

Многие из подписавших декларацию в дальнейшем не принимали никакого участия в жизни ЛОБ; выбыл вскоре и Э. Л. Радлов,

отказавшийся от председательства и избранный вместе с Н. П. Лихачевым, А. Н. Бенуа и некоторыми другими лицами в почетные члены. Но симптоматично, что первыми товарищами председателя оказались О. Э. Вольценбург и Э. Ф. Голлербах, игравшие в дальнейшем руководящую роль в деятельности ЛОБ и представлявшие каждый особое направление в ленинградском библиофильстве. После ухода Э. Л. Радлова с поста председателя его заменил Э. Ф. Голлербах, и первые три года жизни ЛОБ прошли под знаком интересов к книжной графике и ее современным мастерам.

Э. Ф. Голлербах

Стоявший во главе ЛОБ в первые годы его существования Эрих Федорович Голлербах (1895—1942) был несомненно интересной, незаурядной личностью: он был поэт, философ, искусствовед. Голлербах родился в Царском Селе (ныне г. Пушкин), в семье местного владельца кондитерской, учился в Царскосельском реальном училище, директором которого был известный поэт и филолог-классик И. Ф. Анненский. Все это наложило известный отпечаток на личность Голлербаха. Поэтическая деятельность Голлербаха началась в 1914 г.; в 1915 г. он издал «философскую» брошюру «Ценность индивидуализма», в 1917 — другой, подобного же характера труд «Новые устои метафизики. Пролегомены к изучению мирового процесса». В 1919 г. Голлербах выпустил в свет тоненький сборник стихов под названием «Чары и таинства». Вышедшая в 1920 г. новая философская книга Голлербаха была озаглавлена не менее вычурно и претенциозно —«В зареве Логоса. Спорады и фрагменты».

Если поэтические и «философские» выступления Голлербаха не представляют ни художественного, ни научного интереса и имеют значение только для его общей характеристики, то его более поздние работы как искусствоведа снискали ему вполне заслуженную известность. Его книги «История гравюры и литографии в России» (1923), «Портретная живопись в России. XVIII век» (1923), монографии о М. Добужинском, Ч. Камероне и многие другие искусствоведческие работы сохраняют значение и в настоящее время.

«Наиболее ценной из работ Голлербаха,— с полным правом утверждает С. Г. Кара-Мурза,— следует признать его объемный том истории гравюры и литографии в России. Здесь автор не просто эрудит, но вместе и энтузиаст своих тем, умеющий интересно рассказать о своих художественных пристрастиях. Ему удается искусно оттенить индивидуальное в творческой манере каждого из современных граверов: И. Павлова, Фалилеева, Остроумовой-Лебедевой, Фаворского, Масютина, Нивинского, Кругликовой, Верейского и др.».

Земляк и близкий знакомый Голлербаха, известный советский поэт В. А. Рождественский поделился с нами своими воспоминаниями о нем: «Э. Ф. Голлербаха знаю я довольно хорошо и с давних времен. Он, как и я, уроженец Ц. Села, кончал там реальное училище и был хорошо известен нашей семье...

О его дальнейшей деятельности эссеиста, библиографа, издателя, друга художников и поэтов Вы уже знаете. Он сделал много полезного на своем сравнительно кратком веку.

В обиходе он был очень общительным, заряженным деловой энергией человеком, а работоспособность его и разносторонность его интересов были поистине удивительны. Он всегда что-то писал, на что-то „откликался“, организовывал выставки, издания, был страстным библиофилом и коллекционером».

«Уже после возвращения с фронта,— заканчивает В. А. Рождественский свое письмо,— я узнал, что Э. Ф. погиб от бомбы с самолета, при эвакуации через Ладожское озеро». По словам старейшего ленинградского антиквара-библиофила П. Н. Мартынова, близко знавшего Э. Ф., Голлербах во время эвакуации из Ленинграда зимой 1942 г. по льду Ладожского озера попал в бомбежку и сошел с ума; его удалось перевезти в Москву и поместить в психиатрическую больницу, где он будто бы вскоре умер. Эти данные были сообщены П. Н. Мартынову сыном Голлербаха после войны.

В период председательства Голлербаха деятельность общества имела отчетливо выраженный книжно-искусствоведческий и поэтический уклон. На заседаниях делали доклады С. В. Чехонин, Е. Д. Белуха, сам Голлербах и др., устраивались выставки, посвященные творчеству П. А. Шиллинговского, Оскара Клевера и т. д. Были проведены вечер поэзии Анны Ахматовой и юбилейное заседание к 20-летию литературной деятельности М. А. Кузмина. И впоследствии, уже не будучи председателем ЛОБ, Голлербах делал доклады аналогичного характера,— о книжной графике А. Я. Головина, об экзотической тематике в произведениях художника Александра Яковлева и пр.

Почти весь первый год своего существования ЛОБ не имел постоянного места работы. Заседания происходили в разных местах, вплоть до Детского Села, где жил Голлербах. Лишь с осени 1924 г. совету общества удалось получить разрешение на устройство заседаний в помещении Музея города, находившегося тогда в Аничковом дворце, в одном из залов второго этажа (со стороны

Фонтанки). Это длилось не очень долго, так как вскоре из Музея города ЛОБ перенес заседания на другую сторону Фонтанки д. № 50 в сырое, полутемное помещение Всероссийского союза писателей.

Хотя и существуют официальные печатные отчеты и обзоры деятельности ЛОБ, но они содержат чисто внешние сведения: перечни лиц, избранных в президиум общества, аннотированные списки прочитанных докладов, хронику. Мы упоминали уже брошюру Голлербаха «Возникновение ЛОБ», но в ней охарактеризован только узкий кружок четырех инициаторов и жизнь общества в первое полугодие его деятельности.

Таким образом, все эти материалы не дают ясного представления о том, что можно назвать «духом», направлением ЛОБ с того времени, когда он перестал быть простым дружеским кружком молодых искусствоведов и художников. Однако мы располагаем неопубликованными воспоминаниями одного из участников этого объединения, известного советского библиофила К. И. Шафрановского, которые содержат впечатления очевидца, не принадлежавшего непосредственно к кругу Голлербаха.

«Заседания этого общества, — писал нам К. И. Шафрановский в апреле 1962 г.,— происходили в 1924 г. в одном из помещений Аничковского дворца. Может быть, это было связано с тем, что там же находился приблизительно в те же годы Музей города Ленинграда. Председателем общества был Э. Ф. Голлербах. Собиравшаяся на заседаниях общества публика производила на меня какое-то странное впечатление изысканности, фешенебельности. Это объяснялось, возможно, тем, что в числе членов общества было порядочное число художников-графиков».

Председательство Голлербаха продолжалось три года, с 1923 по 1926. Товарищем председателя в первые два года деятельности ЛОБ был художник Е. Д. Белуха, в 1926 г. вместо него был избран библиограф-библиотековед О. Э. Вольценбург.

То, что К. И. Шафрановский называет в своих воспоминаниях о ЛОБ «изысканностью, фешенебельностью», по-видимому, представляло проявление дружеских, может быть, даже фамильярных отношений, господствовавших в кругу активных участников общества,— художников, искусствоведов, поэтов позднего символизма. Эту дружескую атмосферу можно почувствовать даже сейчас, на отдалении более чем четырех десятилетий, в некоторых характерных чертах тогдашней обстановки ЛОБ, отразившейся в печатных материалах о его деятельности.

Последним проявлением охарактеризованного настроения, господствовавшего в ЛОБ в ранние годы его существования, был своеобразный юбилей его председателя. «24 марта 1925 года, — как повествует хроника Общества,— состоялся дружеский банкет по случаю X-летия литературной деятельности Э. Ф. Голлербаха. Была выпущена специальная памятка-меню, содержащая два стихотворных приветствия — Вс. Рождественского и А. А. Сидорова

и украшенная фронтисписом работы Т. Ф. Белоцветовой и концовкой-портретом (барельеф работы В. Хрусталева)».

Для полноты характеристики первого периода деятельности ЛОБ и его председателя и ввиду большой редкости данной памятки приведем приветствие Вс. Рождественского.

Э. Ф. Голлербаху

(К X-летнему юбилею его муз)

Много было послано подарков
В город, осененный Октябрем.
Мы ему из детскосельских парков
Лучшего садовника даем.

Помня прокатившиеся грозы,
В Госиздате — для иных годин —
Пусть и он выращивает розы
Посреди пожарищ и руин.

Пусть и он вперед не смотрит хмуро,
А признав, что «вывезет соха»,
Будет смел, как русская гравюра,
Вдохновенной твердостью штриха.

Вольный ректор Университета,
Он научит видеть, что народ
Из холстов старинного портрета
Для муки рогожи не сошьет.

Но вступив в пленительное детство,
До небес вздымая гнев костра,
Сохранит цветущее наследство
Русской кисти, слова и пера.

Для харит возвышенного брата
У меня особая хвала:
Он принес под глобус Госиздата
Вкус и меру Детского Села.

В новый сад мы все глядим без страха,
Трижды светел Пушкинский союз
Первый мой бокал — за Голлербаха,
А второй — за благосклонных муз!

В этом стихотворении Вс. А. Рождественского, как и Голлербах, уроженца Детского (Царского) села, содержится ряд биографических и иных намеков, например, упоминание о Госиздате вызвано тем, что в это время юбиляр работал в качестве редактора художественного отдела Ленинградского отделения Госиздата, помещавшегося на Невском проспекте, д. 28 (теперешний Дом Книги); глобус Госиздата — здание Дома книги увенчано громадным украшением в форме земного шара.

В то время, как стихи Вс. А. Рождественского имеют оттенок «детскосельского патриотизма» и пронизаны биографическими намеками, во многом без комментариев непонятными современному читателю, стихи А. А. Сидорова написаны в привычном для его творческой манеры 20-х годов жанре стихотворного психологического портрета (см. его книгу «Портреты из истории искусств. Сонеты. Гравюры на дереве». М., 1922).

Говоря о десятилетии литературной деятельности Голлербаха, нельзя обойти молчанием также и упомянутый в отчете о памятке-меню фронтиспис работы Т. Ф. Белоцветовой. Он представляет собой гирлянду, состоящую из цветов, листьев и плодов и покрытую воспроизведением обложек 25 книг, написанных или редактированных Э. Ф. Голлербахом. В центре фронтисписа — переплетенные инициалы Э. Г., в левой верхней части гирлянды римская цифра X. Помещен фронтиспис на обычном месте титульного листа, а на контртитуле напечатано: Ленинградское общество библиофилов — Эриху Федоровичу Голлербаху.

Как бóльшая часть памяток ЛОБ, голлербаховская памятка-меню издана в 100 экземплярах. Кажется, это самая большая по формату из памяток Общества.

Из приведенных выше данных о совете ЛОБ в 1926 г. можно заметить, что состав его начал постепенно меняться. На третьем годичном отчетном собрании в ноябре 1927 г. был избран почти полностью новый состав совета: О. Э. Вольценбург (председатель), М. Н. Куфаев (тов. председателя), М. Я. Ария (секретарь), Б. М. Чистяков (казначей), А. Н. Болдырев (библиотекарь), А. С. Молчанов и В. К. Охочинский (члены совета) и кандидатами: М. И. Ахун, Э. Ф. Голлербах, С. А. Мухин и Ф. Г. Шилов.

Как уже упоминалось, О. Э. Вольценбург в это время был директором Центральной губернской (позднее — областной) библиотеки, помещавшейся на пл. Лассаля, 3. По-видимому, в связи с изменением состава совета ЛОБ заседания его были перенесены из помещения Союза писателей в Центральную библиотеку на пл. Лассаля, № 3.

В цитированном выше письме К. И. Шафрановский вспоминает: «Приблизительно с 1927 г. заседания Ленинградского общества библиофилов происходили в помещении детского отдела Центральной библиотеки... Комната с низким потолком (1-й этаж), где происходили заседания, производила мрачное впечатление. Освещение было почему-то скудное, и зимой было холодно. Здесь посетители заседаний производили совсем другое впечатление. Это были скромные люди. Появились работники книжных антикварных магазинов».

О. Э. Вольценбург в 20-е годы был одним из виднейших библиотечных и библиографических работников Ленинграда. Он родился в 1886 г. на мызе Ванга Царскосельского уезда Петроградской губернии, сразу же после революции стал работать в политико-просветительных учреждениях Петроградского губернского отдела народного образования. Был заведующим библиотекой ленинградского отделения Коммунистической академии, главным библиотекарем ленинградского отделения Гос. центральной книжной палаты, преподавателем Гос. книжного техникума и автором ряда библиографических и библиотековедческих работ, среди которых особо ценны «Библиографический путеводитель по революции 1905 г.» (1925), «Библиография изобразительного искусства» (2 вып.,

Пг., «Книжный угол», 1923). Необыкновенно красивый, мягкий, сразу привлекавший людей своей манерой простого и доброжелательного обхождения, Вольценбург был обаятельнейшей фигурой среди ленинградских библиофилов 20-х годов и особенно выигрывал на фоне Голлербаха, вне своего дружеского кружка державшегося высокомерно, с подчеркнутым эстетством и «аристократизмом». В ЛОБ Вольценбург выступал с докладами о библиотеке Академии наук (в связи с 200-летием последней), о книговедческой и библиофильской деятельности А. М. Ловягина, А. Д. Торопова и Н. А. Рубакина, об изданиях русских провинциальных художественных музеев за революционное десятилетие, а также знакомил членов общества с новинками библиотековедческой и библиографической литературы, давая живые и содержательные оценки их. Уже в это время Вольценбург работал над трудом всей своей жизни — библиографическим словарем русских художников, к сожалению, так и не опубликованным до сих пор; с присущей ему скромностью и тактичностью, он никогда не говорил об этом предмете публично.

О. Э. Вольценбург

В последние годы существования ЛОБ председателем его был проф. М. Н. Куфаев (1888—1948). Один из крупнейших советских книговедов, недостаточно оцененный при жизни и несправедливо забытый после смерти, историк по образованию и философ по склонностям, человек больших и разнообразных знаний, Куфаев безусловно заслуживает того, чтобы советская книговедческая наука и вообще история советской культуры отдали ему должное. Он родился в слободе Новая Калитва, Острогожского уезда, Воронежской губернии, учился в Петербургском университете, который окончил в 1911 г.; некоторое время работал в Археологическом институте, был секретарем комиссии по библиографии древнерусской книжности Академии наук СССР, действовавшей под руководством акад. Н. К. Никольского, пригласившего его затем в Институт книговедения. В конце 20-х годов Куфаев был представителем Государственной центральной книжной палаты в Ленинграде. Выходившим с 1924 г. ежегодникам Книжной палаты «Книга в 19... году» предпосылались написанные им подробные и очень

дельные обзоры,— своеобразная летопись советской культуры в ее книжном отражении за вторую половину 20-х годов.

По сравнению с простым и легко доступным Вольценбургом М. Н. Куфаев был несколько важен и даже торжествен, любил подчеркивать свою академичность. Позднее, в 30—40-е годы, он работал в качестве профессора библиографии в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской и, по отзывам сослуживцев, стал милым, приятным товарищем и хорошим педагогом, которого ценили и любили слушатели. Перу Куфаева принадлежит свыше 120 печатных работ по книговедению и истории.

Такие труды Куфаева, как «История русской книги в XIX веке» (Л., 1927), «Книга в процессе общения» (М., 1927), «Пушкин — библиофил» (Л., 1929), «Иностранная библиография» (М., 1934), ценны и значительны богатым фактическим материалом и стремлением теоретически осмыслить его. А книга «Библиофилия и библиомания» (Л., 1927), о которой говорилось в главе третьей, до сих пор остается единственной работой подобного рода, изданной в советские годы.

В период председательства О. Э. Вольценбурга и М. Н. Куфаева научная работа ЛОБ приобрела более широкий характер, стали устраиваться выставки и заседания, посвященные юбилеям Пушкина, Л. Толстого, Некрасова, М. Горького, были изданы «Альманах библиофила» (1929) и «Хроника ЛОБ» (1931) и пр.

Кроме трех председателей, примечательными членами совета ЛОБ были Владимир Константинович Охочинский и Владислав Крескентьевич Лукомский.

Первый из них был, кажется, единственным из членов совета, неизменно остававшимся при всех перевыборах. Сын и племянник известных петербургских коллекционеров картин К. В. и П. В. Охочинских, В. К. с детских лет был окружен произведениями искусства и обладал обширными познаниями в этой области. В. К. Охочинский превосходно знал французский язык и несколько раз делал в ЛОБ доклады на темы о библиофилии в иностранной художественной литературе. В его внешности было что-то от военного; он и в самом деле в прошлом был офицером, на единственной имеющейся в нашем распоряжении фотокарточке Охочинский изображен в военной форме.

«Главным зачинщиком по части юмористики, — вспоминал Э. Ф. Голлербах,— обычно бывал неугомонный В. К. Охочинский. Он вносил полемическое оживление даже тогда, когда не требовалось никакой полемики, спорил не на жизнь, а на смерть, готов был порвать с лучшим другом, скажем, из-за композиции титульного листа и через пять минут помириться на компромиссе. Его фигура в гвардейском френче металась в табачном тумане из угла в угол, сигнализируя порывистой жестикуляцией о неведомой опасности и кознях врага. Идею библиофилии он отстаивал с таким же усердием, с каким истреблял наши папиросы».

В 1921—1924 гг. Охочинский был регулярным сотрудником журнала «Среди коллекционеров», и его «Письма из Петрограда», лишенные стройности, фрагментарные, похожие на торопливую запись разных проверенных и непроверенных слухов, являются неоценимым источником материалов для характеристики библиофильской и художественной жизни Петрограда тех лет. В начале 30-х годов Охочинский оказался в Вишере и там работал на комбинате целлюлозно-бумажной промышленности. В 1933 г. в Вишере же он выпустил несколько брошюр —«История убийства Пушкина», «За что мы любим Горького», «Баян революционного пролетариата» (о Демьяне Бедном) и «Наш комбинат». Владислав Крескентьевич Лукомский (1882—1942) больше числился в составе совета ЛОБ, чем работал, и очень редко появлялся на заседаниях, всегда в письменной форме объясняя свое отсутствие состоянием здоровья. Потомок старинного польско-литовского дворянского рода, брат (старший) известного искусствоведа Г. К. Лукомского, В. К. был, пожалуй, после акад. Н. П. Лихачева, самым крупным в России знатоком русской и иностранной геральдики. Перед революцией Лукомский был приватным лектором, а затем профессором геральдики в Археологическом институте, управляющим (директором) Гербового музея, председателем Общества членов Петроградского археологического института. После революции он продолжал работать в Гербовом музее, вошедшем в состав Ленинградского центрального исторического архива. Его библиотека, в основном по вопросам геральдики и генеалогии, славилась своей исключительной полнотой и безупречной сохранностью экземпляров. Это был человек, сдержанный, молчаливый, но всегда приветливый и доброжелательный.

Из его работ, имеющих отношение к библиофильству и собиранию экслибрисов, нам известна только одна — это брошюра «Фальсификат в экслибрисе» (М., 1932), в которой Лукомский выступил против псевдоэкслибрисов.

О видном участнике правления ЛОБ известном искусствоведе Петре Евгеньевиче Корнилове см. ниже стр. 147—148.

Из членов ЛОБ заслуживают упоминания Владимир Александрович Кенигсон, один из последних библиофилов геннадиевского толка, владелец большой, хорошо подобранной библиотеки в основном по библиографии и по «книжным редкостям»; к сожалению, после смерти В. А. Кенигсона во время блокады Ленинграда его библиотека распалась, частично перейдя к одному из его родственников, частично поступив на книжно-антикварный рынок. Все экземпляры собрания Кенигсона были снабжены пометами: «редка!», «редкость!» и т. д. (всегда по старой орфографии, хотя библиотека его составлялась в основном со второй половины 20-х годов), а также имеющимся в трех вариантах забавным экслибрисом, где изображен сам владелец библиотеки за письменным столом, на фоне своего кабинета. Подробнее я говорю о нем в «Русских книголюбах» (М., 1967).

Среди гостей ЛОБ обращал на себя внимание Яков Максимович Каплан, образованнейший человек, молчаливейший из всех библиофилов Ленинграда, никогда первый не вступавший в разговор, никогда не бравший слова и всегда на любые вопросы дававший сжатые, исчерпывающие ответы. У него была замечательная библиотека французских классиков и романтиков, которых, как говорили знавшие его более или менее близко, он мог декламировать целыми страницами. Бедно и неряшливо одетый, сутуловатый, в старомодном пенсне, он приходил на заседании ЛОБ, садился в конце комнаты и, большей частью не произнося ни слова, прослушивал доклады, сообщения и прения. Умер Я. М. Каплан, кажется, во время блокады Ленинграда.

Заметную роль в деятельности ЛОБ второй половины 20-х годов играл известный дореволюционный антиквар Федор Григорьевич Шилов (1879—1962), в советские годы ставший крупнейшим консультантом научных библиотек и книготоргующих организаций Ленинграда. Когда я в 1928 г. вступил в члены ЛОБ, Шилов еще продолжал вести свой антиквариат. На заседаниях ЛОБ он бывал озлоблен, желчен, нестерпимо придирчив, но, тем не менее, пользовался большим авторитетом при оценке редких изданий. Когда Шилов бывал в прениях особенно резок и зол, О. Э. Вольценбург мягко сдерживал его. Но уже в начале 30-х годов Шилова стали привлекать к работе в научных библиотеках, в гос. книжном фонде и т. д., и он постепенно стал смягчаться, вживаться в советскую жизнь и, наконец, сделался тем милым Федором Григорьевичем, о котором так хорошо написал В. Г. Лидин и юбилей которого тепло и искренне отпраздновала в 1959 г. Секция книги и графики Ленинградского Дома ученых.

Из других членов ЛОБ следует упомянуть Павла Александровича Картавова (1873—1941), удивительно интересного человека. О нем довольно подробно рассказал в «Записках старого книжника» Ф. Г. Шилов. Добавим немного из личных воспоминаний. Внешность Картавова была несколько забавна: невысокого роста, рыжеватый, с как бы вечно непричесанными волосами и хохолком, торчавшим посредине головы, с смешным, трескучим голоском, очень похожим на голос, которым говорили в «Комедии о Петрушке» дореволюционные бродячие кукольники, постоянно находившийся в движении, непоседливый, экспансивный, П. А. был на редкость симпатичным и милым человеком. Как библиофил он обладал огромными знаниями, завидной памятью и, несмотря на свою внешнюю несобранность, ценной способностью сжато и отчетливо излагать материал. Он особенно интересовался русской «Вольтерианой» XVIII в., печатной и рукописной, и сделал несколько содержательных докладов, иллюстрируя их материалами из своих неисчерпаемо богатых коллекций.

Кроме перечисленных постоянных посетителей заседаний ЛОБ, назовем его эпизодических участников: знаменитого библиофила

проф. В. А. Десницкого, профессоров литературоведов Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, Г. А. Гуковского, профессора античной филологии А. В. Болдырева, пушкиниста Л. Б. Модзалевского.

Обзор научной продукции общества облегчается тем, что существует печатная «Библиография изданий ЛОБ за V лет», составленная С. А. Сильванским (Херсон, 1929), а также и продолжения ее, подготовленные тем же автором и дающие в целом исчерпывающую картину. Всего ЛОБ выпустил 64 издания по спискам С. А. Сильванского (63 основных и одно — № 56[а] дополнительное). Из этого числа наибольшая доля приходится на памятки к открытым научным заседаниям общества. Кроме того было напечатано несколько книг и брошюр, среди которых находятся (расположены в хронологическом порядке): «Ленинградское общество библиофилов. I» (1924) (памятка к первой годовщине), «Образ Ахматовой. Антология» (1925; два издания), Э. Ф. Голлербах «Графика Евгения Белухи» (1925), «К XX-летию литературной деятельности М. А. Кузмина» (1925), Э. Голлербах «Силуэты Г. Нарбута» (1926), «LIII заседание ЛОБ, посвященное XXXV-летию книжной деятельности А. С. Молчанова и Ф. Г. Шилова. 5 марта 1927 г.» (1927), «Миниатюрные издания. Доклад Л. К. Ильинского на LV заседании ЛОБ 5 апреля 1927 г.» (1927), «А. Н. Лео. XL» (1927), П. К. Симони «Книжная торговля XVIII—XIX столетий. Московские книгопродавцы Кольчугины в их книготорговой деятельности и в бытовой обстановке» (1927), «LXV заседание ЛОБ, посвященное памяти Б. М. Кустодиева, 20 октября 1927 г.» (1927), «Ленинградское общество библиофилов. 1923 — V — 1928. LXXXIV заседание ЛОБ по случаю 5-летия со дня основания общества» (1928), Э. Ф. Голлербах «Возникновение Ленинградского общества библиофилов» (1928) и др.

Несомненно, самым значительным вкладом ЛОБ в историю русской библиофильской литературы был изданный им в 1929 г. «Альманах библиофила». Без колебаний можно признать этот «Альманах» лучшим из изданий всех советских организаций друзей книги до настоящего времени включительно. В нем напечатано 18 статей (в том числе две переводные) и 6 сообщений в разделе «Хроника», и дано 35 иллюстраций (из них 15 портретов). Здесь в отрывках был опубликован «Филобиблон», первое в мировой литературе библиофильское произведение, трактат о любви к книгам, написанный английским ученым — епископом конца XIII — начала XIV вв. Ричардом де Бери (из глав 1, 4, 8, 17—19). Этот перевод, сделанный А. И. Малеиным, доныне остается единственным на русском языке, хотя несколько лет назад в Секции книги Московского Дома ученых В. В. Кунин прочитал доклад о Ричарде де Бери, сопровожденный отрывками из полного перевода «Филобиблона», осуществленного докладчиком; приходится пожалеть, что новый перевод до сих пор не опубликован: по сравнению с переводом А. И. Малеина он легче, изящнее и написан хотя и с соблюдением стиля подлинника, но современным литературным языком.

В «Альманахе библиофила» в новом полном переводе Л. Судаковой помещена повесть Шарля Нодье «Библиоман», напечатанная впервые в 1831 г., положившая начало романтической «теме» библиомании; русский сокращенный перевод О. М. Сомова был опубликован в 1834 г.

Из статей исследовательского характера в «Альманахе» следует выделить «О библиофильстве в древности» А. И. Малеина, «О библиофилии (факты и мысли)» Н. Ю. Ульянинского (см. выше стр. 78) и в особенности «Пушкин — библиофил» М. Н. Куфаева. Для истории русских библиотек полезны статьи Ф. Г. Шилова «Судьба некоторых книжных собраний за последние 10 лет (Опыт обзора)» и М. И. Ахуна «Декабристы и полковые библиотеки» и «О библиотеке Д. А. Ровинского», О. Э. Вольценбурга «Библиотека А. Ф. Кони». В разделе «Хроника» очень содержательны обзоры деятельности ЛОБ (В. К. Охочинского) и РОДК (В. Я. Адарюкова) и др., дающие достаточно полное представление о большой серьезной научной работе этих обществ. Многие исследователи разных областей истории русской культуры черпали и будут черпать в отчетах о деятельности названных библиофильских организаций полезные сведения, ценные указания, наводящие на соображения. Об особенностях первых десяти нумерованных экземпляров «Альманаха библиофила» см. выше, стр. 123—124.

Другим, не менее полезным изданием ЛОБ была «Хроника Ленинградского общества библиофилов 5 января — 20 июня 1930 г.» (Л., 1931). Здесь были приведены более или менее подробные конспекты 18 докладов, прочитанных за отчетные полгода. Из них наиболее интересные: «Французские общества библиофилов» и «Библиофилия в изящной литературе» В. К. Охочинского, «Из истории книжного строения второй половины XVII века», «Международный конгресс библиотекарей и друзей книги в Праге в 1926 году» и «Печатные рабочие газеты Ленинграда» М. Н. Куфаева, «Графика в продукции Комитета популяризации художественных изданий» Э. Ф. Голлербаха, «Миниатюра-иллюстрация в первопечатной русской книге» А. П. Лебедянской, «Издания русских провинциальных художественных музеев за последние годы» О. Э. Вольценбурга, «Русские букинисты от 1883 года до наших дней» П. А. Картавова и «Запрещенная литература в собраниях ленинградских библиофилов» Ф. Г. Шилова.

Большим и очень удачным нововведением в «Хронике ЛОБ» оказалось помещение библиографий — литературы вопроса — после каждого конспекта доклада.

За семь с половиной лет существования Ленинградского общества библиофилов состоялось свыше 135 заседаний, на которых было оглашено около 200 докладов, сообщений, речей, вступительных слов и рецензий, значительная часть которых была отражена в печати в полной или конспективной форме. Кроме того, ЛОБ принимал участие в ряде выставок, устраивавшихся в Ленинграде в 20-е годы; в частности Общество взяло на себя устройство отдела

«Русские художественные иллюстрированные издания за 10 лет» организованной Академией художеств выставки «Графическое искусство в СССР. 1917 — X — 1927».

Обзор деятельности ЛОБ за 1925—1928 гг. В. К. Охочинский кончил абзацом, который мы полностью процитируем, так как здесь в очень лаконичной форме охарактеризована одна из симпатичнейших, но, к сожалению, никак не учтенных сторон занятий общества, имевшая серьезное образовательное значение для его членов.

«В деятельности Общества,— писал В. К. Охочинский,— кроме научно-исследовательской работы, нужно отметить демонстрацию на заседаниях русских и иностранных книжных новинок и редкостей, с отзывами о них, а также организованный обмен книгами между сочленами ЛОБ».

Насколько важна была такая демонстрация новинок и редкостей, трудно даже представить сейчас на отдалении 35—40 лет. Опытные библиофилы, внимательные и дотошные читатели делились с коллегами результатами своих наблюдений, сопоставлений, сличений и иногда, многолетней подборки сведений о тексте, иллюстрациях, авторах, издателях, цензорах книги, гравюры и т. п. Это была настоящая библиографическая и историко-культурная школа, своеобразный библиофильский университет, которые ничем печатным не могли быть заменены. Живое устнсе слово, сопровождавшееся демонстрацией книг, журналов, графических материалов, придавало сообщаемым сведениям особую привлекательность и даже прелесть.

Несколько слов мы посвятим и тому виду деятельности общества, о которой В. К. Охочинский упомянул в самом конце. «Организованный обмен книгами» был введен в практику ЛОБ взамен имевших место в деятельности предшествовавших библиофильских организаций аукционов, не предусмотренных в уставе общества. Он представлял собой следующее: каждый из членов ЛОБ, принимавший участие в заседании, на повестке которого значился организованный обмен книгами, приносил кроме намеченных для обмена книг и гравюр еще список их в 2—3 экземплярах, которые раздавались присутствовавшим. Естественно, что к обмену предназначались книги, лежавшие вне собирательской программы того или иного библиофила, или случайно оказавшиеся у него дублеты. Чаще всего не было двух, а тем более нескольких претендентов на один и тот же «объект», так как собирательские интересы членов ЛОБ почти не совпадали. Если же все-таки конкуренты оказывались, всегда удавалось уладить дело без недоразумений и тем более конфликтов. Впрочем, иногда приходилось обращаться к аукционной форме решения вопроса. Так, помню, на одном заседании ЛОБ среди обмениваемых книг появилась брошюра В. Ф. Солнцева: «Смесь», сатирический журнал 1769 г. (СПб., 1895), оттиск из журнала «Библиограф». Претендентами на эту довольно редкую брошюру оказались Г. А. Гуковский, крупнейший советский спе-

циалист по литературе XVIII в., владевший необыкновенно богатой библиотекой по литературе XVIII в. и ее изучению, и я. Начался «аукцион» с 25 коп., и когда цена брошюры поднялась до 1 р. 50 коп. и Гуковский заявил, что он все равно ее не уступит, я отказался. Через несколько лет я купил брошюру Солнцева чуть ли не за гривенник.

В истории советского библиофильства ЛОБ сыграл менее важную роль, чем московское Русское общество друзей книги, но все же очень значительную. В начале 1930-х годов ЛОБ как самостоятельная организация был закрыт и слит с более авторитетными, крупными коллекционерскими объединениями. О дальнейшей его судьбе, так как и под новыми наименованиями он пытался сохранить свой характер и традиции, будет сказано в следующей главе.

В библиофильской жизни СССР 20-х годов своеобразную роль играли книголюбы Казани. После революции здесь организовалась «казанская колония современных графиков», как ее назвал виднейший местный искусствовед и художник П. М. Дульский, пользовавшийся не только локальной, но и общесоюзной известностью. О работе казанских графиков и библиофилов мы в основном знаем по статьям П. М. Дульского и статьям и письмам другого крупного искусствоведа и библиофила П. Е. Корнилова.

В дореволюционное время в Казани существовала Художественная школа, основанная в 1896 г. как ответвление петербургской Академии художеств и в течение 20 лет влачившая серое существование. С приездом в 1919 г. художника Н. С. Шикалова, к сожалению, через два года утонувшего во время купанья, в Казани образовался талантливый кружок молодых графиков, сумевших в течение первого же пятилетия устроить несколько выставок, напечатать до 20 изданий и выпустить ряд художественных плакатов. По идее одного из участников кружка казанских графиков, И. Н. Плещинского, было создано издательское содружество «Всадник», выпустившее четыре сборника под тем же названием, а также ряд интересных альбомов.

Характеризуя деятельность казанских графиков начала 20-х годов, П. М. Дульский писал: «Обозревая графический материал казанцев за пять лет работы, надо сказать, что их усердие и увлечение свидетельствует о большом интересе к этому виду искусства,— и мы думаем, что, пожалуй, редкая какая-либо провинциальная область сможет противопоставить такой обильный и интересный подбор по графике, какой накопился у казанцев». Больше того, П. М. Дульский полагал, что «Казань имеет право на одно из первых мест среди современных достижений провинциальной гравюры в России». В то же время он считал, что «какихлибо открытий и завоеваний за казанцами пока нельзя признать» и что их графика «только... эхо тех течений и направлений, которые выковываются и чеканятся в центрах» (47).

В статье П. М. Дульского по понятным причинам ничего не сказано о его собственной роли в подъеме графических искусств

в Казани, в частности в изучении прошлого казанской книги. Между тем эта роль значительна и своеобразна.

Петр Максимилианович Дульский (1879—1956) родился в г. Оргееве (Бессарабия), учился в Кишиневе (гимназия) и Одессе (рисовальное училище). В 1898 г. он переехал в Казань, где поступил в упомянутую выше, отрицательно охарактеризованную им художественную школу, по окончании которой больше 10 лет преподавал рисование в маленьком городке Вятской губернии. Возвратившись в 1911 г. в Казань, Дульский до конца дней оставался в этом городе и вел напряженную творческую деятельность как исследователь художественного прошлого Казани, организатор выставок и популяризатор изобразительного искусства; а главная его заслуга,— по словам П. Е. Корнилова,— состояла в том, что он «приучает молодежь любить искусство и служить ему» (128, с. 4).

«В 1917—1920 гг.,— пишет П. Е. Корнилов,— П. М. Дульский принимает участие в организации музейной жизни, в охране памятников и, особенно, в издательской работе. Его инициативе принадлежит создание первого в России журнала (по музейному делу. — *П. Б.*) „Казанский музейный вестник“, редактором и душой которого он был на всем протяжении его существования».

П. М. Дульский еще с дореволюционного времени живо интересовался историей и современным состоянием русской книжно-журнальной графики. Еще в 1914 г. он печатает любопытный «Обзор журналов по искусству». Затем в 1916 г. в Казани же им была издана небольшая работа, обратившая на себя внимание в центрах культурной жизни России,—«Современная иллюстрация в детской книге», переработанная затем и в соавторстве с Я. П. Мексиным изданная в Казани в 1925 г. под названием «Иллюстрация в детской книге». В 1922 г. в Казани была опубликована еще более ценная книга Дульского «Графика сатирических журналов 1905—1906 гг.», в которой он явился пионером изучения данного раздела истории русской книжно-журнальной графики. Но наибольшее значение имела и в момент своего появления и сохраняет и сейчас работа Дульского «Книга и ее художественная внешность (в связи с казанским книгопечатанием)», сперва напечатанная в качестве статьи в № 1 журнала «Казанский библиофил» за 1921г., а затем вышедшая отдельным изданием.

Работа Дульского не вполне отвечает своему названию: она представляет краткий очерк развития западноевропейской и русской иллюстрированной книги и более подробную историю казанской книги (включая и журналы) до 1917 г. Никаких теоретических соображений по теме, сформулированной в заглавии своей работы, Дульский не излагает. Те немногие замечания общего характера, которые имеются в его статье,— например, указания на то, что прекрасной внешности русских изданий первой половины XIX в. способствовала «хорошая, плотная тряпичная бумага, иногда вырабатывавшаяся в приятных серых или синеватых оттенках, придававших книге спокойный художественный вид»,— свидетельствуют

о сильном влиянии на него доклада П. П. Вейнера на I съезде русских художников «Художественный облик книги» (25); кстати, эту статью П. М. Дульский упоминает в библиографическом перечне, который приложил к своей работе.

Рецензируя эту работу, А. А. Сидоров писал, что «небольшая книжка П. М. Дульского искренно порадует и библиофила, и историка искусств, и изучателя культуры». «При очень бедном нашем багаже литературы по книговедению, — продолжает рецензент, она чудесно восполняет пробел, всегда бывший особо чувствительным: она посвящена в первую очередь культуре книги в русской провинции, которую мы всегда в центре знали чрезвычайно плохо» (150).

П. М. Дульский принимал также участие в качестве редактора в издании журнала «Казанский библиофил» (1921—1923), единственного нестоличного издания подобного характера. В первый год издателем журнала был Библиографический кружок друзей книги при Госиздате, с № 3 (1922) — сам Госиздат Татарской ССР. Всего вышло четыре номера.

Библиографический кружок друзей книги возник во второй половине 1920 г. Как видно из его «Устава», помещенного в № 1 «Казанского библиофила» и изданного также отдельно, основной его задачей была библиографическая регистрация литературы, вышедшей после Февральской революции 1917 г., а также «пропаганда хорошей книги среди широких народных масс». Издававшийся кружком журнал не совсем законно назывался «Казанский библиофил»— и в программе его, опубликованной в № 1, и практически «библиофилия» занимала очень скромное место. Так, в № 1 чисто библиофильский характер имела рецензия Bis (Б. И. Смирницкого) о книге И. И. Лазаревского «Среди коллекционеров», некрологическая заметка о старейшем казанском букинисте Ибрагиме Искаковиче Барышеве и статьи П. М. Дульского «Книга и ее художественная внешность» и «В. Д. Фалилеев». В № 2 библиофильского материала больше. Отметим статьи В. Я. Адарюкова «Враги книги», М. И. Лопаткина (М. Л.) «Старая книга (Штрихи из истории книги)», Б. П. Денике «Миниатюры рукописей Соловецкой библиотеки», П. М. Дульского «В. И. Соколов», заметка Б. П. Денике «Издания графического коллектива «Всадник» и т. п. Наименее богат библиофильским или хотя бы близким к нему материалом № 3 журнала: это всего лишь статья Ник. Столова «Книжное искусство на Симбирской выставке», большая рецензия Г. Ф. Линсцера «1905-й год в живописи» на книги П. М. Дульского «Графика сатирических журналов 1905—1906 гг.» и В. М. Лобанова «1905-й год в живописи», и его же рецензия на книгу «Гравюры И. Н. Павлова». Последний номер «Казанского библиофила» столь же небогат материалом, который подтвердил бы его название: статьи П. Е. Корнилова «Казанский книжный знак» и В. Я. Адарюкова «П. А. Ефремов», несколько рецензий на издания, посвященные современным русским художникам, графикам, Б. М. Кустодиеву, З. Е. Серебряковой,

В. Д. Фалилееву, А. Г. Платуновой и пр.,— вот все, что так или иначе может быть отнесено к библиофильской тематике.

В целом историко-литературный и общенаучный материал в «Казанском библиофиле» занимал основное место. Объясняется это уже указанным характером первого издателя «Казанского библиофила»— Библиографического кружка друзей книги, в состав которого входили люди разных научных и художественных интересов. Так, например, одним из первых изданий казанских «друзей книги» была книга проф. Б. Н. Вишневского «Указатель русской антропологической литературы» (Казань, 1921). В № 1 «Казанского библиофила» за 1921 г. тот же проф. Вишневский напечатал статью «Взаимопомощь как закон природы и фактор эволюции по учению П. А. Крапоткина». П. Е. Корнилов любезно сообщил нам некоторые подробности о создании кружка: «Во главе издательства стоял культурный человек И. Кочергин. Ему, видимо, в содружестве с П. М. Дульским и Б. И. Смирницким (физик из университета) и некоторым другим пришла мысль об организации библиографического кружка „друзей книги“. Чисто библиофильского характера кружок, конечно, не имел. Научная библиография и история книги были основными его задачами. Я не припоминаю систематических заседаний и не знаю никаких печатных повесток, памяток и прочее, кроме известного Вам устава.

С уходом из издательства И. Кочергина и сложившимися к этому времени интересами П. М. Дульского в сторону издания книг по искусству „Казанский библиофил“ закончил свое существование. Главным исполнителем трудного дела издания журнала был Б. И. Смирницкий».

Экскурс о Библиографическом кружке друзей книги и о «Казанском библиофиле» отвлек нас от завершения характеристики П. М. Дульского, остававшегося, вместе с Б. И. Смирницким, редактором журнала за все время его издания.

С 1922 г. исследовательские интересы Дульского сосредоточились на истории изобразительных искусств, и он стал реже обращаться к проблемам художественной внешности книги и истории графики. Тем не менее его вклад в историю русского библиофильства не может и не должен быть забыт.

В брошюре, посвященной 75-летию Дульского, П. Е. Корнилов писал: «В каждую свою работу П. М. Дульский умел внести пыл исследователя-пионера, умудренного опытом ученого, систематизатора и историка-краеведа. Умел не только создать работу, но и донести ее до широких масс общественности. Его вкус и тонкие способности полиграфиста делают все его издания не только заметными, но и выделяющимися среди местной типографской продукции. Они неоднократно экспонировались на выставках, привлекая внимание и вызывая соответствующие отклики в широкой прессе» (128, с. 4—5).

Как ни значительна роль П. М. Дульского в подъеме и развитии интереса к искусству книги и графики в Казани, она не должна

заслонять еще более значительной роли его ученика, известного советского искусствоведа и библиофила П. Е. Корнилова.

Петр Евгеньевич Корнилов родился 20 июня 1896 г. в Симбирске, но учился в Казани в 1-м реальном училище, в котором преподавателем рисования был П. М. Дульский. О своей деятельности в области книговедения П. Е. Корнилов писал нам следующее: «В Казань вернулся в январе 1921 года после гражданской войны. Отдал дань сыпному тифу, заразившись в пути. В марте 1921 года вошел в жизнь. Стал работать в Музее (художественный отдел и редакция журн. «Казанский музейный вестник»). В это же время я был привлечен к работе в Казанском государственном издательстве. Стал ведать библиографическим бюро в Отделе библиографии издательства. Последнее (бюро.— *П. Б.*) возглавлял Евгений Иванович Шамурин до своего отъезда в Москву для работы в Книжной палате... Мы мыслили организовать нечто в роде Книжной палаты. Я готовил „Книжную летопись“ Казани, регистрировал все выходящее из печати».

К этим коротким автобиографическим сведениям П. Е. Корнилова ценным дополнением служит небольшой отрывок из цитировавшейся нами статьи П. М. Дульского «Казанские современные графики». После характеристики художников книги — практиков он писал: «В заключение нельзя обойти молчанием еще одно лицо, которое, хотя и не принадлежит к семье графиков, но сделало много полезного и ценного в области возрождения казанской графики. Мы имеем в виду П. Е. Корнилова, который, любя книгу и искусство, одно время был близок к коллективу казанских графиков, снабжая их своими полезными вводными статьями к их изданиям, давая им всегда полезные советы и указания и главное будируя их и знакомя с теми новинками столичной графики, к которой П. Е. Корнилов большой охотник и так любовно и бережно собирает, обладая довольно ценной коллекцией» (47 , с. 44).

В 1922 г. П. Е. Корнилов уехал в Петроград учиться в университете. Возвратившись в 1925 г. в Казань, он поступил на работу в Центральный музей Татарской АССР, где стал заведовать подотделом древнерусского искусства. В то же время он принимал живое участие в изучении и пропаганде современного советского искусства книги. В 1925 г. Центральный музей организовал выставку «Рисунки и гравюры Д. И. Митрохина» и выпустил ее каталог, в 1926 г. издал книжечку «В. А. Фаворский», в 1927 — «Графика И. Ф. Рерберга» и т. д. Во всех этих начинаниях и изданиях П. Е. Корнилов был инициатором и основным автором .

Все то, что говорил П. Е. Корнилов о П. М. Дульском как исследователе-пионере и умелом пропагандисте-популяризаторе, целиком и полностью должно быть отнесено и к нему самому. Количество его работ, посвященных искусству книги, графике, экслибрисам и проч., огромно.

В апреле 1928 г. П. Е. Корнилов сделал в РОДК доклад «Художественные издания Казани за 10 лет», представлявший больше, чем просто юбилейный обзор. Автор отметил роль Казанского университета и его типографии в истории книгопечатания в Казани, затем охарактеризовал местные предреволюционные издания, в том числе и такие, как превосходные «Художественные сокровища Казани» и ряд публикаций Дульского. В основной части доклада Корнилов анализировал казанские художественные издания революционного десятилетия, остановился на роли «Казанского музейного вестника», графического коллектива «Всадник», Библиографического кружка друзей книги и «Казанского библиофила», рассказал о Центральном музее Татарской республики и, наконец, сообщил о деятельности Казанской полиграфической школы и ее роли в печатном деле Казани. Доклад Корнилова закончился обозрением казанских изданий, включая и издания 1928 г. Таким образом, обзор Корнилова, к сожалению, полностью не опубликованный, дал полную картину интенсивной художественной, графической и библиофильской жизни Казани за первое революционное десятилетие.

Переехав в Ленинград, П. Е. Корнилов не прерывал связи с Казанью и ее художественной жизнью. Однако в истории советского библиофильства Казань играла полезную, как мы уже отметили, несколько своеобразную роль только в 20-е годы.

Из других библиофильских организаций СССР в 20-е годы нам известны две: Украинское библиологическое общество и Белорусское общество библиофилов. Возможно, существовали и другие, но следов их нам обнаружить не удалось. Даже в специальном докладе М. С. Базыкина «Издания библиофильских организаций в СССР за революционное десятилетие», сделанном, как уже указывалось выше, в апреле 1927 г., отмечалось, что о библиофильских объединениях за пределами Москвы и Ленинграда и их печатной продукции ничего неизвестно. Если современники ничего не могли сказать по интересующему нас вопросу, то тем более трудно судить о «провинциальных» библиофильских организациях более чем через треть века. Даже когда находишь какое-нибудь неведомое в литературе общество друзей книги, например, Владимирское, оказывается, что оно имело библиотечно-читательский, а не хоть сколько-нибудь библиофильский характер. То же можно сказать о кружке друзей книги при педагогическом факультете Иркутского университета. Возникший в 1923 г., он состоял из преподавателей и студентов университета и имел чисто книговедческо-библиотековедческий профиль. Существовал он до второй половины 20-х годов.

Таким образом, на поверку остаются те два библиофильских общества, названия которых приведены выше.

Благодаря любезности известного украинского книговеда Ф. Ф. Максименко (Львов) и проф. Б. С. Боднарского, мы располагаем почти исчерпывающей документацией о зарождении, развитии

и закрытии Украинского библиологического общества (Українське бібліологічне товариство — УБТ).

5 декабря 1928 г. инициативная группа по организации УБТ при Украинской Академии наук обратилась с напечатанными на машинке письмами к ряду украинских библиофилов и книговедов с предложением вступить в число действительных членов создаваемого объединения. В письме указывалось, что «общество имеет целью объединить украинских библиологов и практиков книжного дела для совместной работы по изучению книги в ее историческом и совместном аспектах (история книги, экономика, техника, искусство и т. д.)».

Первое заседание Общества состоялось через три дня — 8 декабря того же года. Председателем УБТ был избран акад. Украинской АН и АН СССР В. Н. Перетц, его заместителями проф.С. И. Маслов и А. Ф. Середа, секретарем — Н. Н. Иванченко и казначеем Я. И. Стешенко. Среди членов Совета общества были известный украинский поэт и филолог Н. К. Зеров, литературовед П. Н. Попов и др. В числе членов Ревизионной комиссии был художник И. Н. Плещинский, известный нам по своей деятельности в Казани.

Как можно заметить, Украинское библиологическое общество избегало называть себя библиофильской организацией, что, по-видимому, было связано с уже упоминавшейся ранее неприязнью некоторой части молодых книговедов к самому понятию библиофильства. Однако на практике УБТ представляло общество с явным библиофильским характером, как это будет видно из дальнейшего изложения. Кроме того, в статье казначея УБТ Я. И. Стешенко, напечатанной без подписи на украинском языке в киевской газете «Пролетарська Правда» (1929, 20 февр.) и с инициалами Я. С. на русском — в ленинградском «Альманахе библиофила», подчеркивается, что задачей общества являлось объединение украинских библиофилов и практических работников книжного дела для разработки книговедческих проблем, а также для содействия развитию на Украине знаний о книге и возбуждения среди широких кругов интереса к задачам Общества.

УБТ просуществовало очень недолго. До нас дошли сведения о 14 заседаниях общества, причем последнее, намеченное на 19 июня 1929 г., по-видимому, уже не состоялось.

Деятельность УБТ складывалась из научных заседаний с докладами, из подготовки тома «Записок УБТ» и Первой Всеукраинской выставки графических искусств. За кратковременностью существования общества последние две задачи не были осуществлены. Таким образом, фактическая история УБТ состоит только из 13—14 заседаний, на которых было прочтено 20 (или 21) докладов и сообщений. В виду отсутствия печатных обзоров деятельности УБТ, за исключением коротенькой заметки Я. И. Стешенко, написанной после первых четырех заседаний общества, мы полагаем целесообразным привести названия этих докладов, так как тем самым библиофильский в основном характер организации станет

очевидным. Вот перечень докладов и сообщений с указанием фамилий лиц, делавших их, и датами заседаний.

1. Ф. Л. Эрнст. Современная украинская гравюра (8 декабря 1928 г.); 2. С. А. Гиляров. Творческий путь Альбрехта Дюрера (с демонстрацией диапозитивов) (15 декабря 1928 г.); 3. Б. О. Борович. Основные проблемы современного советского книжного рынка (5 января 1929 г.); 4. М. Ф. Яновский. Понятие библиотечного и архивного материала (5 февраля); 5. А. В. Артюхова-Иванова. К. И. Трутовский как иллюстратор (2 марта); 6. А. Н. Марголина. Разыскание из истории критики украинской детской книги (16 марта); 7. С. И. Маслов. Панегирик И. Величковского в честь Лазаря Барановича; М. З. Левченко. Обзор издательской деятельности Всеукраинской Академии наук (12 апреля); 8. Заседание, посвященное 15-летию со дня смерти известного украинского библиографа М. Ф. Комарова: А. В. Никовский. Михаил Комаров; Н. К. Зеров. М. Комаров и И. Щеголев; М. И. Ясинский. Библиографическая деятельность М. Комарова (20 апреля); 9. Заседание памяти Т. Г. Шевченко: А. П. Новицкий. Офорты Шевченко; П. А. Балицкий. Первые зарубежные издания Кобзаря; А. В. Артюхова. Иллюстрации к произведениям Шевченко (27 апреля); 10. Др. И. Крыпякевич. Начало экслибриса на Украине (26 апреля); 11. М. Шмайонек. Государственное издательство Украины; И. Ф. Омельченко. Издательство «Книгоспілка» (11 мая); 12. А. Г. Попович. Вопросы цвета в книге для детей; И. Лакиза. Издательство «Культура» (1 июня); 13. В. Н. Перетц. Впечатления от обозрения белорусских библиотек в Минске; Р. Р. Заклинский. Музей книги в Лейпциге. Охрана книг (8 июня); 14. В. Сичинский. Василь Касиян (19 июня).

Для некоторых заседаний, вместо повесток, УБТ печатало типографски оформленные приглашения-программы. Нам пришлось видеть такие приглашения на 2-е, 8-е, 9-е и 14-е заседания. Первое — чисто наборное, три последних имеют кроме типографского текста ксилографические воспроизведения М. Ф. Комарова, Т. Г. Шевченко и В. Касияна. Кроме того есть приглашение-билет с датой 23 марта 1929 г. и с изображением группы людей,— возможно, членов УБТ,— на фоне книжных полок и бокала. По-видимому, это пригласительный билет на какой-то банкет, устроенный УБТ, хотя надпись «Прийди и виждь» не вполне соответствует этому предположению.

По-видимому, в связи с указанным выше общим отношением к библиофильским организациям в Москве и Ленинграде УБТ было закрыто.

Совсем немного сведений удалось нам собрать о Белорусском обществе библиофилов (Беларускае таварыства бібліафілаў —БТБ). Оно возникло в 1926 г. в Минске по инициативе этнографа Н. И. Касперовича; члена-корреспондента Института белорусской культуры, являвшегося предшественником белорусской Академии наук,

искусствоведа проф. Н. Н. Щекатихина и художников А. Шлюбского и А. Н. Тычины. Председателем общества был избран проф. Н. Н. Щекатихин, Н. И. Касперович — секретарем БТБ, членами правления были литературовед и писатель В. Ф. Вольский, А. Н. Тычина и проф. Б. И. Эпимах-Шипилло, действительный член Института белорусской культуры.

К сожалению, ни в недавно вышедшей книге о Н. Н. Щекатихине, ни в каких-либо других печатных источниках, ни через неоднократные обращения к оставшимся в живых участникам БТБ мы не нашли материалов о его деятельности.

Единственным следом существования БТБ является книга А. Шлюбского «Exlibris'ы А. Тычыны» (Минск, 1928), вышедшая тиражом в 200 экземпляров. В предисловии коротко говорится о дореволюционных и советских белорусских библиотеках и экслибрисах и затем прилагаются 16 книжных знаков, напечатанных с оригинальных досок, сообщаются основные сведения о владельцах экслибрисов, их профессии, профиле библиотеки, дается тематический анализ каждого знака. Книга издана очень опрятно и даже изящно.

БТБ прекратило существование, как и выше рассмотренные библиофильские объединения, в 1929 г.

Деятельность библиофильских организаций Москвы, Ленинграда, Казани, Киева и Минска, конечно, не исчерпывала всей библиофильской жизни страны в 20-е годы. Несомненно, в названных и не названных городах существовали библиофилы-одиночки, по разным причинам не входившие в состав РОДК, ЛОБ, УБТ и БТБ. Имена некоторых из них нам известны,— таковы, например, академики Н. П. Лихачев и В. Н. Перетц, профессора В. А. Десницкий, Н. К. Пиксанов, А. Г. Фомин, И. Н. Розанов и др., молодые тогда литературоведы — М. К. Азадовский, Б. М. Эйхенбаум, С. Д. Балухатый, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Г. А. Гуковский и др., ряд писателей, среди которых особенно выделялся поэт Демьян Бедный. Впрочем, некоторые из них числились почетными или действительными членами РОДК и ЛОБ,— академик В. Н. Перетц даже был председателем УБТ,— но практически они либо совсем не участвовали в работе этих обществ, либо делали один-два доклада и больше на заседаниях уже не появлялись. Это не мешало им быть крупнейшими советскими библиофилами тех лет. В особенности это относится к Н. П. Лихачеву, В. А. Десницкому, Демьяну Бедному.

Собственно, библиофильские интересы Н. П. Лихачева сложились в 80-х — начале 90-х годов прошлого века, и говорить о нем как о библиофиле советского времени нет оснований, тем более, что подробно о нем рассказано в моей книге «Русские книголюбы». Там же я говорю и о другом замечательном библиофиле старшего поколения, акад. И. Ю. Крачковском.

Из двух же других библиофилов, названных выше, Демьян Бедный имеет больше оснований рассматриваться в данной главе «Истории советского библиофильства», так как его собирательская деятельность в основном приходится на 20-е годы; в 30-е он уже только продолжает пополнять свою библиотеку.

К сожалению, о Д. Бедном как книголюбе, кроме небольшой газетной заметки А. Книппера «Демьян Бедный — библиофил» и воспоминаний сына поэта, С. Придворова, в журнале «В мире книг» за 1963 г., «Непроходящая любовь к книгам»,— нет ни одной специальной статьи (29). О библиотеке Д. Бедного и его любви к редким книгам говорят в своих воспоминаниях Н. П. Смирнов-Сокольский и Ф. Г. Шилов, а также литературоведы И. С. Эвентов в книге «Жизнь и творчество Демьяна Бедного» и А. Л. Дымшиц в книге «Звенья памяти»,— и это, кажется, все, и этого, конечно, мало, чтобы получить ясное представление о библиотеке и ее создателе.

Лучше всего мы можем представить себе библиофила, когда знакомимся с его библиотекой непосредственно, при жизни ее владельца, когда она «живет», когда она «на ходу», когда ее создатель пользуется ею, дышит ею и когда в нее «вдохнут», если можно так сказать, его дух. Вот что писал о личных библиотеках один из выдающихся русских писателей конца XIX — первых десятилетий XX в. и на редкость глубокий знаток психологии книголюба В. Г. Короленко: «Можно, попав в тщательно подобранную библиотеку, составить представление об ее владельце. С полок на вас глядят не только корешки книг с именами авторов,— от этих коллекций веет на вас дух ее собирателя, его умственные наклонности, его симпатии, интеллектуальные интересы — нечто вроде аромата духовной личности, т. е. то самое, чем веет и от художественного творчества». «Теперь,— продолжает Короленко,— представьте себе, что эта библиотека не простая коллекция купленных книг, а плод упорного и разностороннего труда, изучения, часто борьбы. Что каждая книга в ней выбрана почему-нибудь из моря книг, каждая облюбована, изучена, проведена через многие и самые разносторонние препятствия. Что с ее судьбою связана часть жизни владельца нашей воображаемой библиотеки, а во всех книгах — уложилась вся жизнь от начала ее сознательно-деятельного периода и до могилы... Представьте себе все это, и вы легко согласитесь, что над такой библиотекой повеет совершенно определенно личность ее составителя» (75).

Как ни прав Короленко в своей красноречивой и тонкой характеристике «воображаемой библиотеки», но одно дело почувствовать библиофильскую индивидуальность той или иной личной библиотеки, и другое — изучить ее и изучить так, чтобы иметь представление о ней не как об индивидуальном явлении, а как о части истории того или иного национального библиофильства, т. е. части национальной культуры. В западноевропейских странах, в США и в дореволюционной России существовал обычай печатать ката-

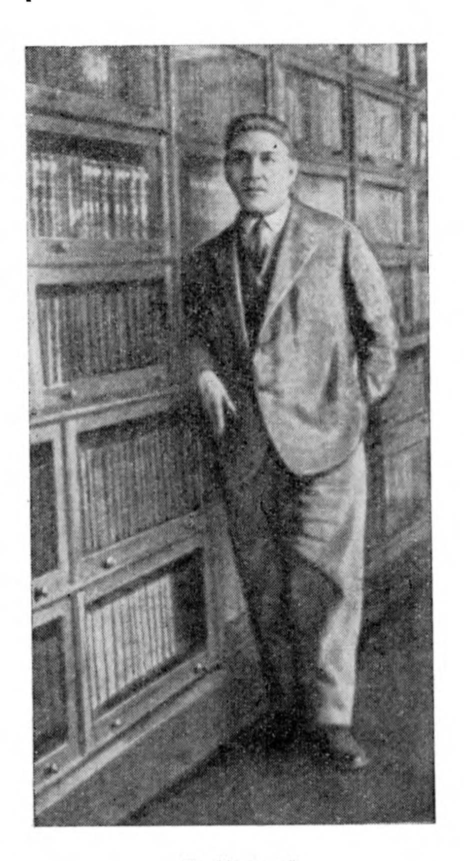
логи собственных библиотек, сохранившийся на Западе и до сих пор. Ясно, что такие каталоги отчасти дают возможность познакомиться с «библиографическим портретом» библиотеки и ее владельца, но того «веющего духа», о котором с удивительной проницательностью писал В. Г. Короленко, никакие каталоги и самые блестящие предисловия к ним передать не могут. И все же наличие печатных или,— на худой конец,— рукописных каталогов личных библиотек лучше, чем отрывочные характеристики старых библиофилов или воспоминания книгопродавцев и антикваров, обеспечивает историку библиофильства возможность рассказать о том или ином книголюбе, о той или иной прославленной или пусть только известной библиотеке. Так, например, немецкий библиофил Г. А. Э. Богенг в своем «Очерке специальных знаний для книгособирателей» (Берлин, 1909—1910) изложил историю мирового и особенно европейского библиофильства с древнейших времен и до начала XX в. в основном по печатным каталогам немецких, французских, английских, итальянских и даже русских личных библиотек.

Имея дело с историей советского библиофильства, мы лишены возможности пользоваться печатными каталогами личных библиотек. Лишь сейчас возникает у нас этот вид библиофильской литературы: первый такой каталог —«Русские поэты XX века» покойного А. К. Тарасенкова — вышел в 1966 г.; второй —«Моя библиотека» Н. П. Смирнова-Сокольского — вышел в 1969 г.; третий — каталог выставки из собрания ленинградского библиофила пианиста М. С. Лесмана — подготовлен к печати. Готовится к изданию каталог библиотеки И. Н. Розанова. Рукописных каталогов у нас тоже очень мало; обычно мы называем каталогами простые описи, чаще всего составляемые наследниками владельца библиотеки или каким-либо антикваром по их поручению,— для продажи или передачи в государственное книгохранилище. Такие перечни не отмечают, как правило, индивидуальных особенностей описываемых экземпляров, часто —«уникальных».

Говоря о библиотеке Демьяна Бедного, мы не располагаем ни личными впечатлениями и воспоминаниями о ней, ни печатным, ни рукописным каталогом. Мы пользовались устными сообщениями и печатными сведениями,— и, конечно, в таких случаях необходимо проявлять большую осторожность: слишком часто об этом пишут люди мало осведомленные и желающие приукрасить факты.

О библиотеке Демьяна Бедного ходили баснословные слухи. Говорили, что она насчитывала чуть ли не сто тысяч томов и занимала будто бы всю квартиру поэта сначала в Кремле, затем на ул. Димитрова и целую дачу под Москвой. Однако в печати — и совсем незадолго до того, как библиотека была ликвидирована — указывалось, что в ней насчитывается 30 тыс. книг. Во всяком случае, она считалась и считается первой по величине и по своему подбору книг среди библиотек советских библиофилов за все время после 1917 г.

Из скупых фактических данных о собрании Д. Бедного все же можно заключить, что это была библиотека так называемого универсального характера и что она содержала много разделов — истории, философии, этнографии, мировой и русской литературы, русского фольклора и т. д.— и, кажется, в особенности много редких книг. Дошедшие до нас свидетельства — немногочисленные письма самого Д. Бедного, воспоминания о нем, указания книгопродавцев — свидетельствуют, что поэт основательно знал литературу «русских книжных редкостей» и стремился подобрать полный комплект их. Сын Д. Бедного, Свет Придворов писал: «У отца был острый „нюх“ на старую книгу и какое-то особое счастье нападать на нужное издание». К этим словам должно прибавить, что антиквары специально приберегали для Д. Бедного, как, впрочем, и для других щедрых покупателей, особенно «уникальные» раритеты, зная, что за ценой он не постоит. Нам передавали, что и П. П. Шибанов и директора «Международной книги», как, вероятно, и директора других антикварных магазинов, подбирали для поэта книги по его библиофильскому «профилю».

Д. Бедный

Свет Придворов, охарактеризовав в отрывке «У себя дома» строгий рабочий режим Д. Бедного, прибавляет: «Лишь иногда отец, нарушая распорядок дня, отправлялся раньше положенного времени в одну из букинистических лавок. Надо сказать, что для него книга являлась как бы живым существом» (136). В другом месте С. Придворов, повторив те же слова, прибавляет: «...к которому он относился с необычайной чуткостью и подчеркнутым вниманием. Запомнилось, как однажды, разглядывая повреждения корешка одной книги, он заметил: „эта книга истекает кровью, как лебедь, подбитый жестоким охотником“. И тут же позвонил переплетчику» (135).

Из немногочисленных сведений о редких книгах, находившихся в собрании Д. Бедного, наибольший интерес представляет перечень, содержащийся в воспоминаниях С. Придворова.

«Отец разыскал такие книги, как „Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода — Северского Игоря Святославовича“ (1-е, 1800 года издание „Слова о полку Игореве“); «Иллюстрированный альманах» И. Панаева и Н. Некрасова (1848 год, в продажу не поступал); „Карманная книжка для в** к** ⟨вольных каменщиков⟩ и для тех, которые и не принадлежат к числу оных” (отпечатана в университетской типографии Н. Новикова в 1783 году и была запрещена); Я. Княжнин „Вадим Новгородский“ (по распоряжению Екатерины II конфискована и уничтожена); Н. Некрасов „Мечты и звуки». СПб., 1840 (редкость; автор по выходе книги в свет тщательно скупал и уничтожал приобретенные экземпляры); В. Одоевский „Пестрые сказки с красным словцом...“ СПб., 1833; Н. Павлов „Три повести“. М., 1835 (книга запрещена за помещенную в ней повесть „Ятаган“); М. Петрашевский „Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка“. СПб., 1845 (по выходе 2-го выпуска уничтожена); В. Проташинский „Двенадцать спящих бутошников. Поучительная баллада Елистрата Фитюлькина“. М., 1832 (изъята из продажи за насмешку над полицией); В. Серебренников „Искусство брать взятки. Восточная сказка“. М., 1838 (в продажу не поступала); А. Скабичевский „Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе“. СПб., 1872 (издание было конфисковано и уничтожено)» (135).

Если действительно верны предания о 30-тысячном книжном собрании Д. Бедного, то перечисленные выше книги составляют количественно ничтожную долю его. Как вспоминал Н. П. Смирнов-Сокольский и как явствует из письма поэта к Ф. Г. Шилову от декабря 1928 г., были у Д. Бедного и другие редкие книги, которые не отмечены в списке С. Придворова. (Например, «Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева, «Описание вши» в переводе Ф. В. Каржавина (1789) и др.).

Вполне законен вопрос, отразились ли в художественном творчестве Д. Бедного его библиофильские увлечения. Насколько нам известно, в литературе о поэте вопрос этот освещен мало. Между тем в стихотворениях Д. Бедного встречаются цитаты из принадлежавших ему редких книг, например, из «Сорока трех способов повязывать галстук» или из произведений русских поэтов XIX в. Вопрос о библиофильстве Д. Бедного и отражении последнего в его творчестве с наибольшей полнотой рассмотрен в называвшейся выше книге И. С. Эвентова.

К середине 30-х годов Демьян Бедный вынужден был расстаться со своей библиотекой,— он продал свое «необыкновенное собрание», как назвал библиотеку Бедного литературовед А. Л. Дымшиц, Государственному литературному музею за треть ее действительной стоимости (29, с. 224). Но библиофил может расстаться со своими книгами, но не с любовью к ним. В конце 30-х годов А. Л. Дымшиц встретился с Демьяном Бедным: «А книги все-таки покупаю. Привычка»,— сказал Ефим Алексеевич (29, с. 356).

«До самой смерти,— писал С. Придворов,— он не переставал изумлять окружающих своими неуемными поисками редких книг, Страсть к книгам стала свойством его натуры. Уже совершенно больной, он все еще мечтал о каких-то редчайших экземплярах, которые, как он был уверен, удастся раскопать в тайниках букинистов» (136).

В письмах из Германии к друзьям и из Москвы к Ф. Г. Шилову (и то, и другое — 1928 г.), в воспоминаниях сына поэта и других лиц Д. Бедный выступает как самый настоящий библиофил: он радуется, что за три рубля купил редкую книгу XVIII в., тем более редкую, что на ней имелся автограф поэта-декабриста Рылеева; он не считает неэтичным «перехватить» «Житие Федора Васильевича Ушакова» у Н. П. Смирнова-Сокольского, имевшего неосторожность рассказать Д. Бедному, что в таком-то антиквариате продается эта редчайшая из всех русских книг; он встает для этого раньше обычного, чтобы поспеть в книжный магазин к его открытию, и т. д.— словом, повторяет то, что в том или ином виде известно нам из биографий других «заядлых» библиофилов.

Может быть, прав был А. Книппер, который утверждал: «Собрание Д. Бедного — это прежде всего лаборатория писателя, мастера, работающего сегодня на материалах истории коннозаводства, а завтра собирающего все предания, легенды, песни, былины и записи, относящиеся к охоте и охотникам» (74). Но и помимо этой «утилитарной» стороны библиофильства для Д. Бедного существовала и другая, о которой метко сказал тот же А. Книппер: «Д. Бедный любит книгу, и книги „любят“ его, иногда совершенно неожиданно из разных городов собираясь на одной полке и замыкая бывшую дотоле неполной цепь однотипных изданий. Книжники знают радость этих „слетов“. Знает ее в полной мере и Д. Бедный».

С. Придворов вспоминает слова отца: «Без книг пуста человеческая жизнь. Книга не только наш друг, но и наш постоянный вечный спутник. Без нее нет для меня нормального человеческого существования» (135).

Да, пуста без книг человеческая жизнь, в особенности жизнь библиофила,— и особенно такого, как Демьян Бедный.

Глава шестая

1930-е годы

Издательское дело в период первых пятилеток.— Книготорговля в это десятилетие.— Книжные лавки писателей в Москве и Ленинграде. Библиофильские организации Москвы и Ленинграда в 30-е годы.— Библиотеки В. А. Десницкого, И. Н. Розанова и М. Горького.

Принятая партией в 1930 г. на XVI съезде программа развернутого социалистического наступления по всему фронту вызвала вскоре значительные изменения также и в области книгоиздательского и книготоргового дела. Дальнейшими следствиями этих изменений явились новые формы деятельности советских библиофильских организаций и вообще существования советского библиофильства.

В течение 20-х годов государственные издательства окрепли в идеологическом и материальном отношениях и мало-помалу вытеснили частные издательства, существовавшие со времени нэпа; постепенно в них были влиты мелкие ведомственные издательства, издательства городских Советов и различных научных учреждений. Однако строгой плановости в их деятельности не было: существовал параллелизм в издательских планах, не был урегулирован вопрос о тиражах выпускаемых книг и т. д. В связи с этим, еще до XVI съезда партии, Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление «О мероприятиях по рационализации работы книгоиздательств и упорядочению книгопроводящей сети», иначе называвшееся «Постановлением о типизации издательств». Это решение способствовало упорядочению издательского дела, но не довело реорганизации его до конца. Поэтому в 1930 г. последовало постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР об организации «Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР» (ОГИЗ). Суть этого решения состояла в том, что были объединены Госиздат РСФСР и наиболее крупные специализированные издательства. Последние сохраняли свое название и относительную самостоятельность, но в то же время находились в подчинении правления ОГИЗа. Вскоре было принято постановление о создании Книготоргового объединения государственных издательств (КОГИЗ). Это решение имело большое значение для распространения новых изданий, а также, как будет видно из дальнейшего, и для продажи антикварно-букинистической книги.

Изменения в издательском деле РСФСР естественно отразились и на развитии советского библиофильства. Наиболее значительной

в этом отношении была роль Гослитиздата, Государственного издательства изобразительных искусств (Изогиз), позднее —«Искусство», издательств «Academia» (до 1938 г.), «Советский писатель» (с 1938 г.; до того Московское товарищество писателей и «Издательство писателей в Ленинграде»).

Сфера деятельности Гослитиздата и «Советского писателя» в основном была разграничена таким образом, что первому было предложено выпускать произведения русских и иностранных классических и вообще крупных писателей досоветского периода, второму — произведения советских писателей. Впрочем, на практике были отступления от этого порядка. Так, например, «Советский писатель» издавал и издает две серии «Библиотеки поэта», Большую и Малую, в которые входят произведения как дореволюционных, так и советских поэтов. Издательство «Художественная литература» издает полные собрания сочинений писателей советского времени — Д. Бедного, В. Маяковского, И. Эренбурга, К. Федина и др. Совсем не укладывалась в стройную систему типизации издательств деятельность издательства «Academia». Однако в течение 30-х годов некоторые из проявлений параллелизма в издательском деле постепенно были устранены.

Одной из важных сторон деятельности Гослитиздата в конце 20-х и в особенности в 30-х и последующих годах была организация выпуска подписных изданий. Недостаточная мощность полиграфической промышленности в середине 20-х годов не позволяла предпринимать такие опыты, как массовые подписные издания классиков и крупных советских писателей. В то же время отдельные частные и кооперативные издательства в конце 20-х годов печатали собрания сочинений некоторых современных писателей. Ленинградское отделение Госиздата предприняло во второй половине 20-х годов издание собраний сочинений Тургенева, Гончарова, Достоевского, художественных произведений Л. Толстого и пр. Подписка на них имела огромный успех. С 30-х годов сектор подписных изданий ОГИЗа получил еще большее развитие, в дальнейшем неуклонно продолжавшееся.

Некоторые библиофилы, собиравшие старые, в особенности первые, издания писателей, относились с пренебрежением, даже презрением к тем, кого они называли «подписными библиофилами». Однако такое отношение к подписчикам на советские издания классиков глубоко несправедливо. Подписные издания играли и играют огромную общественно-полезную, социально-воспитательную роль. Они приохотили миллионы людей к чтению, распространили любовь к литературе, к книге, повысили художественные вкусы читателей и сделали многих из них библиофилами, любителями хорошей книги. Кроме того, как правило, советские подписные издания в текстологическом отношении несравненно выше любых дореволюционных: в их подготовке обязательно участвуют крупные научные силы, обеспечивающие точность и полноту воспроизводимых текстов классиков и других писателей, сочинения которых прежде

искажались царской цензурой и небрежной редактурой, а чаще всего и отсутствием последней.

Наряду с подписными изданиями Гослитиздат и другие советские типизированные издательства выпускали прекрасно оформленные отдельные произведения классических и современных писателей с иллюстрациями Кукрыниксов, Д. А. Шмаринова, Б. А. Дехтерева, Е. А. Кибрика, Г. С. Верейского, И. Н. Павлова, Б. И. Пророкова и др.

Все это, несомненно, представляло значительные шаги в развитии искусства советской книги и способствовало росту советского библиофильства.

Однако среди явлений книгоиздательского дела 30-х годов два непосредственно и сразу же отразились на библиофильских увлечениях современников и даже последующих десятилетий. Мы имеем в виду деятельность издательства «Academia» и возникновение «Библиотеки поэта».

Одним из результатов постановления о типизации издательств явилось выдвижение,— можно сказать, неожиданное,— издательства «Academia», существовавшего с 1921 г. как издательство ленинградского Государственного института истории искусств, в первый ряд издательств РСФСР.

Издательство «Academia» было задумано в начале 20-х годов рядом петроградских университетских профессоров специально для выпуска в русском переводе произведений Платона, и именно по той причине, что этот древнегреческий философ проводил свои занятия с учениками в саду, принадлежавшем афинянину Академу, и школа Платона потому называлась Академией, новосозданному издательству было присвоено это название. Нет необходимости умалчивать о том, что это издательство имело откровенно идеалистический характер и, вероятно, было задумано как противовес материализму советской идеологии. Затем в течение почти всего первого десятилетия своей деятельности издательство «Academia» обслуживало нужды Государственного института истории искусств, твердыни ленинградских формалистов, и ничем не выделялось среди аналогичных учреждений. Со второй половины 20-х годов оно начало издавать произведения старой и новой художественной иностранной литературы, так как печатать сочинения русских авторов, национализированные декретом от 30 декабря 1917 г., оно не могло. После создания ОГИЗа издательство «Academia» получило право издавать произведения и русских писателей в художественно оформленном виде,— в отличие от массовых изданий Гослитиздата. Руководивший издательством в ленинградский период энергичный и образованный книговед ибиблиофил А. А. Кроленко умело повел дела, и издательство «Academia» стало выпускать изящно оформленные и хорошие в текстологическом отношении книги, которые сразу же сделались предметом коллекционирования. В 1932 г. издательство выпустило красиво напечатанный «Каталог изданий 1929—1933 г. С приложением плана

изданий на трехлетие 1933—1935 гг.», который немедленно, как и вся печатная продукция издательства, был расхватан и стал как бы справочником для коллекционеров. Вскоре «Academia» была переведена из Ленинграда в Москву, и ее издательский размах принял еще большие размеры. Об этом свидетельствует книжечка малого формата, озаглавленная «„Academia“. Издательство, к XVII съезду ВКП(б). Задачи, перечень изданий, план». (М.— Л., 1934, 120 с.).

Еще в 1930 г. И. С. Ежов в таких словах характеризовал в «Литературной энциклопедии» (т. I) работу издательства «Academia»: «...в издании беллетристических произведений „Academia“ часто стремится удовлетворять спрос „рафинированного“ мещанства. Особенно выделяются издания „Academia“ по своему внешнему оформлению: подбор шрифтов, формат, обложка, переплет,— все это делается с большим вкусом».

Если оставить в стороне вульгарно-социологические суждения о якобы существовавшем стремлении издательства «Academia» удовлетворять спрос «рафинированного» мещанства, то основная часть приведенной характеристики справедлива. Руководство издательства обратило серьезное внимание на типографское оформление своей продукции. Оно стало применять довольно долго находившийся в пренебрежении елизаветинский шрифт, привлекало к работе над иллюстрированием выпускавшихся книг ряд известных старых, а также молодых, уже проявивших себя графиков. Такие издания, как «Тысяча и одна ночь» в переводе М. А. Салье, в оформлении Н. А. Ушина, «Слово о полку Игореве» с рисунками палешан и многое другое, несомненно, относятся к серьезным достижениям советского типографского искусства начала 30-х годов.

Интерес к изданиям «Academia» был, как уже сказано, исключительно велик. «Все, что вышло в издании „Academia“,— писал в 1932 г. букинист М. И. Пузырев в журнале „Московский книжник“,— распродано... А между тем, спрос на эти издания чрезвычайно большой» (138). Но внимание к изданиям «Academia» проявляли и зарубежные любители изящной книги. Это учла «Международная книга», и уже в 1932 г. выпустила «Каталог книг. Издания „Academia“» (М., 1932, 29 с.).

Как уже упоминалось, в 30-х годах существовало «Издательство писателей в Ленинграде». В 1931 г. по предложению М. Горького оно предприняло выпуск серии избранных произведений русских поэтов, начиная с фольклора и поэтов XVIII в. и кончая поэзией советских лет. Это была известная «Библиотека поэта». Выходить она стала с 1933 г. и также сразу же сделалась предметом собирательства многочисленных советских любителей поэзии. Позднее, после I съезда советских писателей, «Издательство писателей в Ленинграде» влилось в издательство «Советский писатель», которое и до сих пор продолжает выпуск обеих серий «Библиотеки поэта».

Таким образом, подписные и художественные издания Гослитиздата, серии издательства «Academia» и «Библиотеки поэта»

«Советского писателя» были тем качественно новым материалом, который повлиял на формирование вкусов советских библиофилов 30-х годов.

Сейчас эти, когда-то новые, издания старательно разыскиваются нашими современными библиофилами — как редкие старые книги!

Переходя от вопросов книгоиздательства в 30-е годы к вопросам книготорговли вообще и торговли букинистической и антикварной книгой в частности, мы должны отметить в этой области одно важное явление, которое стало обозначаться еще в конце 20-х годов, потом в 30-е приобрело резко выраженные формы и до сих пор не исчезло и постоянно дает себя знать и чувствовать. Речь идет о том, что, несмотря на несоизмеримо бо́льшие тиражи, чем в досоветское время, с конца 20-х новую, особенно интересную в каком-либо отношении, книгу становилось доставать все труднее. Видный советский литературовед и книголюб Я. Е. Эльсберг писал по этому поводу, правда, несколько позже, в 1951 г. следующее: «Каждый, кто и любит и собирает книгу, знает, какой тревожный интерес вызывает у читателей известие о выходе новой книги. Тревожный,— ибо суждено ли ее, эту книгу, добыть?..» (69, с. 57). Но этот вопрос стоял уже в начале 30-х годов. Поэтому еще 3 марта 1931 г. правление Всероссийского союза советских писателей вынесло решение об организации в Москве книжной лавки писателей. «Оно мотивировалось,— читаем мы в брошюре „Книжная лавка писателей. 3 мая 1931 г.— 15 августа 1934 г. К первому Всесоюзному съезду советских писателей“ (М., 1934),— необходимостью наилучшего снабжения книгами писателей и писательских организаций». Вскоре книжные лавки писателей появились в Ленинграде, Киеве и других городах.

Однако открытие их в определенной мере обеспечивало книжные интересы писателей и в значительно меньшей — прочих книголюбов. Неразрешенное до сих пор затруднение с приобретением некоторых нововыходящих книг служит самым наглядным свидетельством изменений в характере советского библиофильства и роста его в количественном отношении.

Проблемой приобретения новых книг не исчерпывались библиофильские вопросы книжной торговли в 30-е годы. Свои, специфические, трудности имела и торговля букинистической и антикварной книгой.

Как писал один из деятелей Москниготорга в журнале «Московский книжник», за 1932 г., «за 15 лет существования советских издательств ряд книг совершенно вышел из продажи и сделался библиографической редкостью» (138).

Это в первую очередь относилось к самым ранним изданиям советского периода — 1917—1922 гг. О их историческом и, следовательно, библиофильском значении умно и тепло сказано замечательным писателем и не менее замечательным библиофилом В. Г. Лидиным в очерке «Искать и беречь» из книги «Друзья мои — книги» (1962—1965 гг.).

С 30-х годов советские библиофилы стали усиленно собирать уже почти исчезнувшие из продажи книги и книжечки поэтов первых лет революции,— издания Пролеткульта, стихи В. Брюсова, А. Блока, А. Ахматовой, миниатюрные сборнички метеорически возникавших и распадавшихся издательств со странными названиями: «Чихи-пихи», «Картонный домик», «Сопо» (Союз поэтов) и пр. В большом спросе были и издания тех же лет, посвященные театру (изд-во «Светозар»).

Спрос на эти и другие советские издания периода военного коммунизма и 20-х годов, с одной стороны, и прекращение деятельности частных букинистов и антикваров в конце 20-х годов, с другой, заставили Книгоцентр уделить специальное внимание организации государственной антикварно-букинистической торговли. С начала 30-х годов в Москве,— в Ленинграде, как мы видели, несколько раньше,— был открыт ряд букинистических и антикварных магазинов; некоторые из них,— например, магазин № 18 в проезде Художественного театра и др.— существуют и сейчас. К работе в этих магазинах, как и в Книжной лавке писателей, были привлечены старые книжники — А. Г. Миронов, Д. С. Айзенштадт, М. И. Пузырев, Э. Ф. Ципельзон и др. Постепенно стали складываться кадры и новых букинистов-антикваров. В процессе их работы возникло много вопросов, требовавших решения, в частности, вопрос о редкой книге, о продажной цене распроданных и ставших библиографической редкостью книг советских изданий и пр. Интересные материалы по этим вопросам находятся в журнале «Московский книжник» за 1932 г.: статьи Л. Хайкина «Букинистическое дело в МОГИЗе» (№ 15—16), А. Михайлова «По поводу статьи „Букинистическое дело в МОГИЗе“ (В порядке обсуждения)» (№ 23—24), М. И. Пузырева «Необходимо определить номинал букинистической книги» (№ 13—14) и отклики на эту статью — Л. Калинина «Еще раз о номинале букинистической книги» (№ 17—18) и А. Михайлова «Нельзя повышать номинал советских изданий» (№ 21—22).

Вопросы о номиналах книг продолжали обсуждаться и позже на страницах журналов «Книжный фронт» и «Советский книжник».

Вопрос о покупной и продажной цене антикварной и букинистической книги был решен в середине 30-х годов изданием «Правил торговли букинистической и антикварной книгой», разработанных Книгоцентром. В них указывалось, что книги советских издательств выше номинала ни в коем случае продаваться не должны. Впрочем, тут же делалась оговорка, что «исключение делается для тех книг советских изданий, которые являются библиографической редкостью, а также для книг, не имеющих номинальной цены (подписные издания и приложения)». Такие книги, равно как и «дореволюционные издания и роскошные антикварные книги, представляющие библиографическую редкость, расцениваются в индивидуальном порядке».

Эти правила, имевшие целью устранить затруднения в торговле букинистической и антикварной книгой, лишь отчасти помогли делу, так как не было окончательно определено, что же считать библиографической редкостью и каковы принципы «индивидуального порядка». Нерешенными оставались эти вопросы и в последующие десятилетия, и даже тогда, когда в начале 60-х годов была сделана попытка радикального пересмотра антикварно-букинистического ассортимента.

Иначе рассматривалась другая проблема — ознакомления новых кадров продавцов букинистической и антикварной книги и новых библиофилов с редкой книгой.

В 30-е годы, насколько нам известно, кроме упоминавшихся и не имевших практического значения докладов А. И. Кондратьева в Московской секции собирателей книг и экслибрисов, в печати не было попыток теоретически определить понятие «редкая книга». Это не значит, что были признаны выводы А. И. Малеина, Н. Ю. Ульянинского и других. Скорее всего они были либо забыты, либо неизвестны новым книжникам и книголюбам. Поэтому вопрос решался не теоретически, а практически. Те категории книг, которые П. П. Шибанов определил как редкие в каталоге «Ищем купить», служили отправным пунктом для новых антикваров-практиков.

Однако этим не исчерпывалось решение вопроса. Жизнь подсказала еще один путь.

В истории советского библиофильства второй половины 30-х годов интересное явление представлял журнал «Книжные новости» (1936—1938). Задуманный как издание, информирующее книжников и читателей о только что вышедших, печатающихся и подготовляемых к печати книгах, этот журнал давал широко поставленную аннотированную и регистрирующую текущую библиографию. Однако наряду с этой информационной задачей, редакция «Книжных новостей» поставила своей целью знакомить читателей с прошлым русской книжной культуры. В журнале существовали отделы: статьи, наука и техника, литература и искусство, краткая летопись, хроника, за рубежом, редкие книги; помимо этих отделов во многих номерах «Книжных новостей»— в особенности в предъюбилейный 1936 и в юбилейный пушкинский 1937 год — имелся отдел «Пушкиниана». Для истории библиофильства интерес представляют все отделы журнала, но особенно, что и естественно, отдел «Редкие книги». Здесь печатались статьи и заметки прекрасного знатока русской книги, литературоведа Н. С. Ашукина («Создатель „Энциклопедии отчизноведения“»— о М. Д. Хмырове, 1938, № 6; «Горький и книга», 1938, № 12; «Собрание сочинений Валерия Брюсова», 1938, № 21 и др.), В. Баранова («Кто автор „Рукописей из зеленого портфеля“», 1836—1936—1936, № 33), О. Э. Вольценбурга («Жизнеописание тульского оружейника XVIII века», 1936, № 30), М. Гинзбурга («Самая маленькая книга в мире»— о «Баснях» Крылова, 1855 г., 1936, № 18), Д. С. Дарского («Заметки библиофила», 1936, № 11 и 21; «Альбом О. А. Козловой», 1938, № 4, и др.),

Г. Залкинда («„Энциклопедический словарь“ С. И. Селивановского», 1938, № 13), А. Г. Миронова («Первый художественный журнал в России»— о «Журнале изящных искусств» 1807 года, 1937, №13 и др.), В. Назарова («Архивные ценности»— цены, по которым П. П. Шибанов продал вел. кн. Олегу Константиновичу письма Пушкина: 2000—3000 руб., 1937, № 13; «Редчайший автограф»— о рисунках Н. А. Львова, 1936, № 22), Е. Соколова («Библиотека Ивана Грозного», 1936, № 5).

Кроме перечисленных лиц в отделах «Краткая летопись» и «Редкие книги» принимали участие И. Я. Айзеншток, Н. В. Здобнов, Вл. Кунин, Д. С. Лихачев, С. А. Рейсер, Б. и Вл. Смиренские, И. Г. Ямпольский. В иностранной хронике часто печатался П. Д. Эттингер, поместивший наряду с мелкими информационными заметками статьи об автографах, о горьковских экслибрисах, пушкинских изданиях за рубежом и т. д.

Библиофильский материал «Книжных новостей» не равноценен: рядом с интересными, новыми материалами, в журнале печатались статьи и заметки, ничего не прибавлявшие к уже известному. Однако винить в этом редакцию никак не следует: круг читателей «Книжных новостей» был так велик и так быстро рос, что было просто необходимо популяризировать сведения о редких книгах в среде новых букинистов-антикваров и библиофилов. Любопытны отклики читателей, помещенные в № 17 за 1937 г. Все авторы писем благодарят редакцию за введение отдела «Редкие книги» и настаивают на том, чтобы он был в каждом номере журнала без исключения. Этой необходимостью удовлетворять запросы новых библиофилов и молодых букинистов-антикваров объясняется появление на страницах «Книжных новостей» популярных статей Б. Евгеньева («Живописец» Новикова, 1937, № 18), В. Снегирева («Издание Н. И. Новикова»— о «Санктпетербургских ученых ведомостях» 1777 года, 1937, № 23—24) и др.

Почин «Книжных новостей» не прошел незамеченным: в 1937 и 1939 гг. в журнале «Советский книжник» (в 1938 г. он не выходил) был также напечатан ряд заметок и статеек о редких книгах. Номера журнала, посвященные юбилеям Пушкина и Горького, содержат некоторые весьма полезные статьи. С 1939 г. в «Советском книжнике» был заведен отдел «Юбилеи книг», который состоял из неподписанных заметок, иногда очень интересных, например, 15 лет со дня выхода последнего сборника стихов В. Брюсова (№ 19—20), 55 лет со дня дебюта Козьмы Пруткова (№ 22), о книге Я. Чаадаева «Дон Педро Прокодуранте» (№ 23—24) и т. п.

В «Советском книжнике» 1939 г. были помещены статьи И. Букмэна (псевдоним Д. С. Айзенштадта) и др. «Библиография на службе букинизма» (№ 10), об инкунабулах (№ 11) и пр., обращенные непосредственно к молодым книжникам — букинистам и антикварам.

Пример «Книжных новостей» и «Советского книжника» вызвал подражания и в наше время — в журнале «В мире книг» и газете

«Книжное обозрение», о которых мы говорим подробнее в последней главе.

Закрытие в 1929—1931 гг. библиофильских обществ Москвы, Ленинграда, Киева и Минска по-разному отразилось на дальнейшей деятельности их участников-книголюбов. Члены УБТ и БТБ не делали никаких попыток организовать свою работу в рамках других коллекционерских объединений; некоторые же участники РОДК использовали возможности, предоставленные уставами Всероссийского общества филателистов и местных обществ коллекционеров, создавать различные секции, в том числе библиофилов и экслибрисистов. Таким образом, были найдены юридически законные формы, позволившие библиофилам и экслибрисистам Москвы и, как мы увидим далее, и Ленинграда вести свою научно-исследовательскую и организационно-практическую работу в течение почти всех 30-х годов,— в 1931 г. возникли Секция собирателей книг и экслибрисов Московского отдела Всероссийского общества филателистов (ССК и Э МО ВОФ) и Секция библиофилов и экслибрисистов Северо-Западного отдела ВОФ (СБ и Э С.-З. ОВОФ), с 1933 г. ставшие такими же секциями Московского и Ленинградского обществ коллекционеров. Однако ни одна из таких метаморфоз РОДК и ЛОБ не могли сравниться с деятельностью этих организаций в 20-е годы.

Утрата самостоятельности и начавшееся еще со времени перед ликвидацией объединение с экслибрисистами отразились на характере библиофильской деятельности новообразовавшихся секций. Они все же стали менее многочисленными, значительное число старых участников закрытых обществ не пожелало войти во вновь возникшие организации; среди членов секций появились новые участники, преимущественно из числа экслибрисистов.Достаточно сравнить печатные списки членов РОДК 1927 г., с одной стороны, со «Списком членов Секции собирателей книг и экслибрисов МО ВОФ и Секции библиофилов и экслибрисистов С.-З. ОВОФ» (М., 1932), с другой, чтобы убедиться в происшедших изменениях. Так, в РОДК на 15 ноября 1927 г. состояло 115 членов (почетных, действительных и сотрудников), в ССК и Э МО ВОФ на 9 марта 1932 г.— 57 членов. Во-вторых, естественным образом изменился и характер научной работы этих секций. Она лишилась той интенсивности и напряженности, которыми отличалась деятельность библиофильских организаций 20-х годов.

Поэтому история библиофильских организаций Москвы и Ленинграда в 30-е годы ни в какой мере не может сравниться с их историей в предшествующее десятилетие.

Возникновение ССК и Э относится к марту 1931 г. Организационное собрание, созванное инициативной группой, состоялось 9 марта в помещении ВОФ (ул. Герцена, 31). В пригласительной машинописной повестке на это заседание указывалось, что программа деятельности секции — доклады, демонстрация новых

книг и экслибрисов, организованный обмен, аукционы, издательство и т. д. Рабочим днем секции был установлен четверг, и, таким образом, каждый месяц устраивалось четыре заседания: два — библиофильских и два — экслибрисистских; первый и третий четверги посвящались докладам, остальные — аукционам книг и экслибрисов.

Бюро секции, избранное 26 марта 1931 г. и окончательно оформившееся в дальнейшем, состояло из председателя К. И. Дунина-Борковского, товарища председателя Н. Н. Орлова, секретаря С. А. Сильванского, вскоре выбывшего по собственному желанию и замененного А. А. Толоконниковым, членов бюро — А. М. Макарова, П. Д. Эттингера и Ф. Ф. Федорова и кандидатов в члены бюро — А. И. Анопова и И. Н. Жучкова. Уже в первый год работы секции обозначился перевес экслибрисоведческих интересов членов ССК и Э: из 28 прочитанных докладов 12 было посвящено экслибрисоведению, 7 — библиофильству, и а в прочих 9 рассматривались различные вопросы истории и теории книговедения, например, Н. В. Здобнов сделал доклад о русской книжной статистике, Н. Ю. Ульянинский —«Из истории русского оттиска», И. Н. Розанов — «Основные функции русской книжной обложки» и т. д. Такое же предпочтение экслибрисистам проявилось и в организации аукционов: из 22 собраний, на которых проводились аукционы, 12 были посвящены экслибрисам, 9 — книгам и 1 — мелкой графике. Примерно такой же характер имела деятельность секции во второй и третий год ее существования, как можно судить по печатному отчету за 1932 г., составленному Н. Н. Орловым, и рукописному за 1933 г., подготовленному И. Н. Жучковым.

С мая 1931 г. началась издательская деятельность секции: печатались программы предполагаемых заседаний на ближайший месяц или два, памятки заседаний, годовые отчеты и пр. В первый год деятельности ССК и Э было опубликовано 17 номеров подобных изданий, в том числе и тезисы упомянутых докладов Н. В. Здобнова, Н. Ю. Ульянинского, а также доклад А. И. Кондратьева «Эволюция учений о книжных редкостях (Опыт марксистского анализа предмета и литературы)». Тираж изданий секции колебался от 18 экземпляров (марка ССК и Э к 1-й годовщине, работы М. В. Маторина) и до 150—200. Самые высокотиражные издания — книжечки Н. М. Сомова «Сущность книговедения. Библиологический очерк» (М., 1933) и П. Д. Эттингера «Книжные знаки В.А. Фаворского» (М., 1933) — были выпущены в количестве: первая — 400, вторая — 300 экземпляров.

В 1933 г. из состава Бюро ССК и Э выбыли председатель и товарищ председателя. Это сказалось на работе секции. Для руководства делами была выделена рабочая группа в составе Е. В. Головни, С. А. Сильванского, И. Н. Жучкова и А. И. Кондратьева. Пытаясь внести некоторое разнообразие в традиционные формы деятельности ССК и Э, Бюро провело на годичном собрании выступления членов секции на тему «Три лучшие книги моей библиотеки».

По словам И. Н. Жучкова, составлявшего отчет о деятельности ССК и Э на 1933 г., «демонстрация привлекла большое количество участников и выявила целый ряд чрезвычайно ценных и редких изданий».

Анализируя деятельность ССК и Э МО ВОФ и, в частности, ее печатную продукцию, мы считаем нужным остановиться на упоминавшейся выше книге Н. М. Сомова «Сущность книговедения. Библиологический очерк». Делаем мы это не потому, что данная работа представляет какой-то особо ценный вклад в советское книговедение, а потому, что личность автора, по собранным нами сведениям (к сожалению, нам не пришлось ни встречаться с ним, ни даже переписываться), заслуживает внимания. Это был удивительно своеобразный человек, очень начитанный, необыкновенно трудолюбивый и трудоспособный, не утративший живого и деятельного интереса к науке о книге до конца своей долгой жизни.

Николай Михайлович Сомов родился в Москве в 1867 г. и там же и умер 22 июля 1951 г., в возрасте 84 лет. С 1889 г. по 1922 он работал в Библиотеке Румянцевского музея; с 1922 по 1924 г. был библиотекарем и преподавателем библиографии в Институте журналистики. В 1922 г. Сомов опубликовал свою «Библиографию журнализма», выдержавшую два издания. В 1924 г. как библиограф-марксист он был приглашен на службу в Институт Маркса-Энгельса-Ленина в качестве библиотекаря. В 1927 г. по состоянию здоровья Н. М. вышел на пенсию и полностью себя посвятил работе по книговедению. Внимательно, может быть, внимательнее, чем кто-либо другой из книговедов тех лет, Сомов следил за всем, что появлялось в печати по вопросам советской науки о книге. Все эти материалы Сомов тщательно классифицировал и издавал одну за другой свои работы: «Библиография русской общественности. (К вопросу об интеллигенции)» (М., 1927), «Критическая библиография. Очерк газетной и журнальной библиографии» (М., 1928), «Состав книговедения. Библиофилия — библиография — журнализм. К построению системы книговедения» (М., 1931), «Библиография русской общественности. (К вопросу об интеллигенции). Часть вторая» (М., 1931) и уже помянутая «Сущность книговедения. Библиологический очерк» (М., 1933).

В каждой работе Сомова собран огромный, но критически не обработанный материал. Автор без каких-либо возражений или замечаний то пересказывает известные ему материалы по рассматриваемой теме, то просто полностью приводит соответствующий текст, если он не особенно велик. Так, например, в «Составе книговедения» Н. М. Сомов целиком перепечатал тезисы доклада А. И. Кондратьева «Основные предпосылки учения о книжных редкостях», изданные в 1925 г. в количестве 100 экземпляров и почти полностью утраченные автором-издателем. Особенно ценна в работах Сомова обширнейшая библиография, учитывающая не

только книги и журнальные статьи, но также и газетные заметки, печатные и машинописные тезисы докладов, рецензии, даже сведения, почерпнутые из устных сообщений. Для целей нашей книги могли бы представить интерес разделы его «Состава книговедения» и «Сущности книговедения», посвященные рассмотрению существа библиофилии и ее места в системе книговедения, но это только передача того, что автор прочитал по данному вопросу, а не того, что он внес нового в этой области. Разве только одно следует отметить в «Сущности книговедения» — то, что Н. М. Сомов решительно отличает библиофильство как собирательство книг вообще и редких, в частности, от библиофилии или библиофилизма как учения о книжных редкостях. Н. М. Сомов любил создавать наукообразные термины, например, библиографизм, библиофилист (в отличие от библиофила — книгособирателя).

Знавший Н. М. Сомова около полувека проф. Б. С. Боднарский писал в неопубликованной статье «Памяти Н. М. Сомова», что покойный, работая в библиотеке Румянцевского музея вместе с известным библиотекарем-философом Н. Ф. Федоровым и его учениками Я. Г. Квасковым, А. И. Калишевским и др., многое воспринял от этих людей и прежде всего — горячую преданность своим воззрениям.

«По своим внутренним качествам,— писал Б. С. Боднарский,— Н. М. был человеком в полном смысле исключительным. Главной чертой его характера была скромность, которая невольно поражала каждого, входившего с Н. М. в соприкосновение. Точно атрофировано в нем было чувство сопротивления, и это качество до такой степени было необычайным, что иным Н. М. казался даже „странным“. Столь же поразительно было и другое: неожиданная и редкая метаморфоза, когда при испытании убеждений Н. М. детская мягкость вдруг исчезала, и он становился тверд, как скала».

«В оставленном им “завещании„,— добавляет Б. С. Боднарский,— содержится единственная просьба о том, чтобы извещение о его кончине было доведено до сведения советских книговедов». Однако ни объявления о смерти Н. М. Сомова, ни некролога в печати опубликовать не удалось. С тем большим уважением к памяти этого труженика в области советского книговедения и библиофилии отводим мы ему несколько страниц в «Истории советского библиофильства»: до конца своих дней он был окружен книгами, погружен в книги, занят книгами и полон мыслями о книгах.

Обращаясь к другим докладчикам ССК и Э МО ВОФ, приходится констатировать, что в основном мы встречаем здесь знакомые по РОДК имена — П. Д. Эттингера, как и прежде информировавшего о западной и советской литературе по графике и преимущественно экслибрисам, Н. Н. Орлова, А. А. Сидорова, И. Н. Жучкова и некоторых других. Из новых участников секции должно упомянуть инженера С. А. Сильванского, переехавшего в 1929 г. в Москву из Херсона, где им было напечатано несколько работ по экслибрисам и библиофилии («Библиография изданий Ленинградского общества

библиофилов». 1929). В ССК и Э МО ВОФ он сделал ряд докладов по экслибрисам (в 1931 г.: «Библиотечный знак в России и СССР», «Ленин в экслибрисе», «Экслибрисоведение (Терминология и состав предмета)» и др.; в 1932 г.—«Новые издания по украинскому экслибрису»; в 1933 г.—«Экслибрис и общественность»). Наиболее важной из его печатных работ, связанных с деятельностью ССК и Э, является брошюра «Библиография изданий секции за три года. 1931 — март — 1934» (М., 1934, 100 экз.). Библиографические работы С. А. Сильванского не отвечают строгим требованиям описания подобных изданий, но в нашей небогатой библиофильской литературе они занимают заслуженное место. Кроме библиографий ЛОБ и ССК и Э его перу принадлежит брошюра «Экслибрис (Популярный очерк)» (М., 1932). Свое собрание книг и экслибрисов С. А. Сильванский по приезде в Москву стал распродавать и в 1935 г. ликвидировал полностью. Умер он в Москве в 1937 г.

«Библиография изданий секции за три года» была последним (№ 60) изданием ССК и Э. В мае 1934 г. Всероссийское общество филателистов со всеми своими отделами и секциями вошло в состав Всероссийского общества коллекционеров. 139-е заседание ССК и Э МО ВОФ провела 26 апреля 1934 г., а 15 мая того же года состоялось ее 140-е заседание уже как Секции собирателей книг и экслибрисов Всероссийского общества коллекционеров. В этом последнем качестве она просуществовала недолго. По собранным нами сведениям, последнее заседание ССК и Э ВОК состоялось 8 января 1936 г.

Параллельно с ней с октября 1935 г. при ВОК стала работать Секция по изучению графики и книги, деятельность которой можно проследить до 16 июня 1936 г. После указанных дат сведений о деятельности обеих секций у нас не имеется.

Из пригласительных повесток на заседания ССК и Э ВОК можно заключить, что библиофильская и даже экслибрисная тематика почти полностью исчезли из программы деятельности секции. Так, заседание 15 мая 1934 г. было посвящено творчеству художника-гравера И. Н. Павлова (доклад А. А. Сидорова), 3 февраля 1935 г. состоялся доклад «Торговый знак» (докладчик не указан), 16 февраля — доклад Л. Е. Алеевой «Изобразительный знак на службе социализму», 16 марта 1935 г.— доклад профессора А. И. Ларионова «Методы составления профсоюзных знаков»... Только два доклада, сделанные А. Д. Силиным 26 февраля 1935 г. и 8 января 1936 г., оправдывали название секции, в которой они читались,—«Современная книжная иллюстрация» и «Моя работа над книжными знаками».

Никакой печатной продукции за полтора года своего существования ССК и Э ВОК, насколько нам удалось установить, не оставила.

Возможно, отход ССК и Э от библиофильской и экслибрисоведческой тематики и вызвал создание при том же ВОК Секции по изучению графики и книги (СИГИК).

Из докладов, состоявшихся за 8 месяцев существования СИГИК, отметим следующие: А. И. Кондратьев «Художественные издания в связи с 20-летием Октября» (16 октября 1935 г.), М. С. Боднарский и В. Н. Андрианов «История и техника печати географических карт» (16 ноября), М. А. Зеликсон «Ксилография и ее техника в историческом освещении» (16 декабря), «Мачтет об издании поэта В. Крюкова» (докладчик не указан; 26 декабря); Н. Г. Машковцев «Советская графика» (8 и 16 февраля 1936 г.), Л. А. Уреклян «Состояние книговедения в Закавказье» (16 марта), его же доклад «Графическое творчество и экслибрисы художника Е. Е. Лансере» (16 мая); 26 марта художник Е. В. Головня сделал доклад о своем творчестве.

Е. В. Головня и Л. А. Уреклян в 1935—1936 гг. стояли во главе ССК и Э ВОК, так как 5 июня 1935 г. на заседании, посвященном 4-летию секции первый из них делал отчетный доклад за 1934—1935 гг., а второй говорил о ближайших задачах секции на 1935—1936 гг. Они играли главную роль и в СИГИК.

Издательская деятельность СИГИК выразилась в опубликовании памятки к докладу М. А. Зеликсона «Ксилография и ее техника в историческом освещении» (М., 1935, 8 с., 200 экз.). Памятка оформлена хорошо, содержит воспроизведения 6 китайских и японских ксилографий и двух европейских; кроме того, к некоторым экземплярам прилагалось воспроизведение гравюры Ф. Паннемакера.

Этими данными исчерпываются собранные нами материалы о деятельности московских библиофильских организаций 30-х годов,— ССК и Э и СИГИК.

Не менее любопытную эволюцию пережила в течение 30-х годов библиофильская организация Ленинграда.

ЛОБ не был закрыт, подобно РОДК; его деятельность развивалась без перерывов до мая 1931 г., когда Ленинградский отдел народного образования постановил присоединить Ленинградское общество библиофилов на правах секции к Ленинградскому обществу библиотековедения. На заседании совета ЛОБ от 10 июня 1931 г. председатель общества М. Н. Куфаев и секретарь Б. М. Чистяков сообщили о предстоящей реорганизации. Присутствовавший на заседании совета Н. Н. Орлов, заместитель председателя ССК и Э Московского отдела Всероссийского общества филателистов, рассказал об организации и деятельности московской секции и рекомендовал ленинградским библиофилам принять аналогичное решение. Совет ЛОБ принял рекомендацию Н. Н. Орлова и составил особую докладную записку о желательности вхождения общества на правах секции во Всероссийское общество филателистов. Просьба Совета ЛОБ была удовлетворена Правлением ВОФ, и в сентябре 1931 г. Ленинградское общество библиофилов самоликвидировалось и вошло в качестве секции в Северо-Западный отдел ВОФ.

В новом обществе бывший ЛОБ стал называться Секцией библиофилов и экслибрисистов (СБ и Э СЗО ВОФ). Председателем ее был М. Н. Куфаев, секретарем сначала В. В. Добровольский, затем Л. Б. Модзалевский. СБ и Э просуществовала немногим более года: с 1 января 1933 г. она, как и весь СЗО ВОФ, вошла в состав Ленинградского общества коллекционеров.

Чем занималась секция в течение сентября и октября 1931 г., в виду утраты архива ЛОБ и СБ и Э во время блокады Ленинграда, сказать мы не можем. С декабря 1931 г. секция стала печатать программы предполагаемых заседаний на предстоящий месяц или два месяца. На основании этих программ можно составить себе ясное представление о характере научных заседаний СБ и Э. Так, с самого начала было принято решение, что одно заседание в месяц будет посвящено библиофильским или — шире — книговедческим темам и одно экслибрисоведческим; остальные заседания отводились на организованный обмен книг и экслибрисов. Так, в декабре 1931 г. П. К. Симони прочел доклад «И. П. Каратаев — собиратель и исследователь старопечатных книг» (в памятке воспроизведен единственно известный портрет Каратаева), в январе 1932 г. состоялся доклад Л. Б. Модзалевского «Надписи Пушкина на книгах, подаренных им разным лицам», в феврале О. Э. Вольценбург докладывал о библиотеке села Марьина и ее книжных знаках (строгановско-голицынское собрание), в марте чествовалась память Гёте (доклады М. Н. Куфаева «Гёте и библиофилия», Э. Ф. Голлербаха «Гёте — искусствовед, художник, коллекционер»; Вс. А. Рождественский прочел новые переводы лирики Гёте); в апреле был прочитан доклад Я. П. Гребенщикова «Книга на кинопленке» с демонстрацией аппарата для чтения фильмо-книг (так тогда назывались микрофильмы), сконструированного Л. Д. Исаковым. В мае 1932 г. были сделаны доклады П. К. Симони «Внешнее и внутреннее оформление книг русскими книголюбами» и Б. М. Чистякова «И. И. Курис и его коллекция». Из докладов второй половины 1932 г. интерес представляли доклады П. А. Картавова «Водяные знаки русских писчебумажных фабрик (Из моего собрания)» (в сентябре; программа на этот месяц напечатана на тряпичной бумаге 1732 г. ярославской фабрики И. Затрапезнова) и «Библиотеки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, их состав и судьба» (в декабре; декабрьская программа была напечатана на бумаге выделки 1902 г.). В октябре 1932 г. состоялось заседание, посвященное памяти В. Я. Адарюкова, с докладами В. К. Лукомского, О. Э. Вольценбурга, В. С. Савонько, Э. Ф. Голлербаха и П. Е. Корнилова. В брошюре «Памяти Владимира Яковлевича Адарюкова (1863—1932)» (Л., 1932, 16 с., 100 экз.), изданной к заседанию, были напечатаны краткие содержания докладов.

По сравнению с такою же памятной брошюрой ССК и Э МО ВОФ, ленинградское издание и по содержанию, и по оформлению, несомненно, стоит выше.

В списке членов СБ и Э СЗО ВОФ среди имен, знакомых нам по ЛОБ, встречается всего два-три новых библиофила. Из них заслуживает внимания Л. Б. Модзалевский.

Лев Борисович Модзалевский (1902—1948), доктор филологических наук, крупный советский литературовед, пушкинист и ломоносовед, унаследовал от отца, известного пушкиниста, члена-корреспондента Академии наук СССР Б. Л. Модзалевского (1874—1928), любовь к вспомогательным дисциплинам литературоведения: библиографии, палеографии, текстологии и литературной биографии, а также страстное библиофильство. В некрологах, посвященных Л. Б. Модзалевскому, говорится подробно о его работах по изучению Пушкина и Ломоносова. В настоящей книге мы хотим отметить одну, обойденную авторами некрологов, изумительную черту Л. Б. Модзалевского — редкое знание почерков всех сколько-нибудь крупных деятелей русской литературы и науки XVIII — начала XIX в. Л. Б. совершенно свободно читал любую рукопись этого периода и с первого взгляда безошибочно определял, кем она написана; если рукопись была из фондов Архива Академии наук, в котором он служил, Л. Б. сразу же и так же безошибочно определял, кем из писарей XVIII в. она была изготовлена. Он обладал еще одной редчайшей способностью палеографа-практика: мог бегло читать рукопись «вверх ногами». С детских лет Л. Б. Модзалевский был хорошо знаком с большой библиотекой отца, пользовавшейся заслуженной известностью в кругах русских библиофилов. К концу 20-х годов она насчитывала до 15 тысяч единиц и была особенно богата книгами по библиографии, геральдике и генеалогии, а также по пушкиноведению и бытовой истории пушкинского и предпушкинского времени. Еще при жизни отца Л. Б. стал собирать собственную библиотеку примерно по тем же разделам; по смерти Б. Л. Модзалевского библиотека последнего перешла к сыну, который продолжал пополнять собрание по прежним разделам и дополнил его книгами по русской литературе и истории XVIII в., в особенности по Ломоносову.

В жизни библиофильских организаций Ленинграда Л. Б. Модзалевский по-настоящему начал принимать участие лишь в последний период существования ЛОБ (он был последним ученым секретарем). Выше были упомянуты доклады, прочитанные им на заседаниях секции. Кроме того, в одном из изданий секции Л. Б. Модзалевский напечатал некролог члена СБ и Э Валентина Васильевича Добровольского (1892—1932), позднее составил и прочитал отчет о деятельности секции за 1932 г. и пр. Вскоре, однако, он отошел от работы в СБ и Э, конечно, не переставая быть человеком, безгранично преданным библиофильству.

В 1947 г. Л. Б. Модзалевский защитил докторскую диссертацию «Ломоносов и Академия наук», а через год трагически погиб, выпав, при крутом повороте поезда, из открытой двери вагона, у которой он стоял. Библиотека его была приобретена Институтом мировой литературы им. А. М. Горького (Москва).

С 1 января 1933 г. Секция библиофилов и экслибрисистов, сохранив свое название, вошла в состав Ленинградского общества коллекционеров. Председателем ее продолжал оставаться М. Н. Куфаев, товарищем председателя — О. Э. Вольценбург и секретарем Л. Б. Модзалевский. В бюро СБ и Э входили ее бессменный казначей Б. М. Чистяков и члены: В. А. Кенигсон, В. Е. Шевченко, Ф. Г. Шилов и А. А. Савельев. После ухода Л. Б. Модзалевского секретарем был избран В. М. Лосев, работавший до конца 1935 г., когда он был заменен А. Г. Биснеком.

В течение всей своей деятельности СБ и Э собиралась регулярно обычно три раза в месяц; изредка, совместно с другими секциями ЛОК, четвертый раз. Количество докладов по библиофильской и экслибрисоведческой тематике, пожалуй, даже увеличилось по сравнению с предшествующим годом. Из наиболее интересных докладов должно отметить: В. М. Лосев «Книга в произведениях русских поэтов» (6 января 1933 г.), П. Е. Корнилов «Портреты В. И. Ленина в гравюре и литографии» (16 января), заседание «Памяти А. М. Литвиненко» (16 февраля), Л. Р. Подольский «Надо ли собирать книги» (6 марта), заседание «Памяти К. Маркса» (с докладом В. А. Десницкого «К. Маркс в художественной литературе» (16 марта), заседание «Памяти С. А. Мухина» (26 мая), Я. Л. Барсков «Издания „Путешествия из Санктпетербурга в Москву“ А. Н. Радищева, 1790—1922)» (6 июля), В. Е. Шевченко «К библиографии изданий Комитета популяризации художественных изданий (1928—1930)» (6 сентября); заседание «Памяти И. С. Тургенева» с докладами О. Э. Вольценбурга «Иллюстрации русских художников к сочинениям И. С. Тургенева», В. М. Лосева «Библиотека И. С. Тургенева» и с сообщением Ф. Г. Бернштама «Похороны И. С. Тургенева в Петербурге 1883 г. по личным воспоминаниям» (26 сентября), М. Н. Куфаев «Книга в произведениях и переписке И. С. Тургенева» (6 октября), Б. М. Чистяков «Десятилетие Ленинградского общества библиофилов» и В. Е. Шевченко «Издания Общества за 10 лет» (26 ноября), Д. Д. Шамрай «Н. И. Гнедич и его библиотека» (6 декабря), М. Н. Куфаев «Первопечатник Иван Федоров» (16 декабря).

В течение 1933 г. СБ и Э выпустила семь изданий: четыре программы предполагаемых заседаний (январь — февраль, № 1; март — апрель, № 3; май — июнь, № 4; июль — сентябрь, № 6), программы заседаний «Памяти А. М. Литвиненко» (с некрологом художника, написанным О. Э. Вольценбургом), листовкой к заседанию «Первопечатник Иван Федоров», «Окончание каталога изданий Комитета популяризации изящных изданий (1928—1930)» (оттиск из программы № 6, с добавлением издательской марки Комитета, работы Н. М. Бриммера).

Научная и издательская деятельность секции в 1934 г. несколько снизилась по сравнению с 1933 г. Из докладов отметим: Л.Савинов «Мое собрание книг по кулинарии» (6 июня 1934 г.), Л. В. Веденов «Отдельные иллюстрированные издания „Евгения Онегина“» (6 июля), Д. Д. Шамрай «„Книжная летопись“ типографии Сухо-

путного шляхетского корпуса» (26 июля), Д. Корнилов «О двух библиотеках на одном корабле и их книжных знаках» (6 августа), А. Г. Биснек «10-летие библиотеки Секции» (16 сентября), О. Э. Вольценбург «Книга о приключениях Василия Баранщикова (3 ноября), Б. Н. Клопотов «О некоторых изданиях», чествование П. К. Симони (6 декабря).

Из печатных изданий СБ и Э за 1934 г. нам известна только программа XXXIX заседания «Памяти В. И. Ленина» (16 января).

В 1935 г. были прочтены следующие, заслуживающие внимания, доклады: М. Н. Куфаев «Памяти В. И. Медкова» (6 февраля), А. Н. Лесков «Из воспоминаний о моем отце — писателе Н. С. Лескове» (6 марта и 6 апреля), А. А. Давыдов «Книжники-ярославцы» (16 марта), Ценгер «Л. Ф. Мелин — книготорговец или собиратель книг?» (6 мая), Л. В. Веденов «Миниатюрные издания „Евгения Онегина“», М. Н. Куфаев «Памяти А. В. Мезьер», Ф. Г. Шилов «Памяти П. П. Шибанова», Б. М. Чистяков «Конек-горбунок» в издании «Academia» (6 июня), Ю. А. Меженко «Португальский экслибрис» (16 июня), В. М. Лосев «Разбор книги „Иван Федоров — первопечатник“» (6 июля), И. М. Степанов «Издательская деятельность Комитета популяризации художественных изданий» (6 августа), Ю. А. Меженко «Издания сочинений Шевченко», О. Э. Вольценбург «Иранские издания» (6 октября), А. Н. Савинов «Мои работы по книжной графике», Н. В. Здобнов «Новые вехи библиофильской библиографии» (16 октября), М. Н. Куфаев «Октябрьская революция и ее создание — Государственный книжный фонд» (4 ноября).

Из изданий, выпущенных секцией в 1935 г., нам известны следующие: «Хроника Секции библиофилов и экслибрисистов. Октябрь — декабрь 1933 г.» (Л., 1935, 24 с., 200 экз., № 7), «Уважаемый товарищ» (листовка-предложение принять участие в выставке экслибрисов 1933—1934 гг., № 11), «Памяти Августы Владимировны Мезьер» (речь М. Н. Куфаева на заседании СБ и Э 6 июня 1935 года. Л., 1935, 7 ненум. с., 300 экз., № 12), Пригласительный билет на заседание 6 сентября 1935 г. по случаю 100-го заседания секции (75 экз., без №).

В 1936 г. вопросы библиофильства почти полностью выпали из программы секции: кроме докладов М.Н. Куфаева «Люди и книги 60-х годов XIX в. (Добролюбов, Ап. Григорьев, Соколов)» (6 февраля) и «Памяти акад. Н. К. Никольского» (6 апреля) и М. В. Сокуровой «План работы Государственной Публичной библиотеки по библиографии русских библиографий» (6 апреля), все остальные были посвящены экслибрисам и прочим видам графического коллекционерства. Из докладов по экслибрисоведению должно отметить сообщение проф. И. Я. Депмана «Первое упоминание в русской литературе об экслибрисе» (16 февраля). Повестка на заседание 26 мая 1936 г.— последнее известное нам свидетельство о деятельности СБ и Э.

Печатных изданий секции за 1936 г., по-видимому, не было.

Последним проявлением деятельности СБ и Э была выставка памяти Пушкина с 6 по 18 февраля 1937 г. в помещении ЛОК в Зимнем дворце. Впрочем, это мероприятие было проведено под маркой не секции, а Ленинградского общества коллекционеров.

Излагая сведения о деятельности СБ и Э ЛОК, следует сказать не только о сделанном ею, но и о подготовлявшихся изданиях. Так, в плане изданий ЛОК на 1936 г. намечался выпуск сборника «Памяти Тургенева», в котором должны были быть напечатаны доклады, сделанные на заседаниях 26 сентября и 6 октября 1933 г. Кроме того, в плане значились «Хроника ЛОК за 1934 год», справочник «Кто что собирает» (6 печ. л.) и «Указатель литературы об экслибрисе» (6 печ. л.). К сожалению, фамилии составителей в проекте плана не указаны, и степень подготовленности и судьба рукописей названных работ нам неизвестна.

Из собранных нами письменных, печатных и устных материалов можно заключить, что с июня 1936 г. регулярные научные заседания СБ и Э прекратились, но она еще некоторое время продолжала существовать и даже могла реализовать такое значительное мероприятие, как Пушкинская выставка 1937 г. Из новых библиофилов, появившихся в СБ и Э, упомянем В. М. Лосева и А. Г. Биснека.

Вячеслав Михайлович Лосев (1890—1942) был библиотекарем в Библиотеке Академии наук, затем сотрудником ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Библиограф и краевед В. М. Лосев в течение ряда лет был секретарем Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград». За короткое время своего пребывания в СБ и Э ЛОК В. М. Лосев сделал несколько упомянутых выше докладов, из которых наибольший интерес представляет «Книга в произведениях русских поэтов». В кратком изложении доклада после упоминания антологии И. А. Шляпкина «Похвала книге» В. М. Лосев сообщил о неизвестных и неосуществленных попытках продолжить и расширить работу Шляпкина. Это сборники «Венок книге» и «Сила книги», подготовленные И. Р. Белопольским для издательства «Колос» Ф. И. Витязева-Седенко. По материалам В. М. Лосева оказывается, что с конца XVIII в. до 1917 г. в русской поэзии имеется до 60 произведений, либо полностью посвященных книге, либо содержащих высказывания о ней. С 1917 г. по 1932 г. их, по сведениям В. М. Лосева, свыше 30; принадлежат они 27 поэтам, среди которых только несколько крупных: В. Брюсов, В. Маяковский, Д. Бедный, С. Есенин. Оду А. А. Сидорова «Похвала экслибрису» В. М. Лосев охарактеризовал как прекрасное и совершенно поэтическое постижение книжного знака.

Другие доклады В. М. Лосева были не столь интересны. Впрочем, и первый его доклад не может быть принят без значительных уточнений. В. М. Лосевым была составлена уже упоминавшаяся «Хроника Секции библиофилов и экслибрисистов ЛОК. Октябрь — декабрь 1933 г.» (Л., 1935).

Не на много больше сведений сохранилось об Андрее Густавовиче Биснеке (1887—1942). Долгое время он служил в Красной Армии, был одним из первых советских граждан, побывавших в послереволюционный период на Памире, и по выходе в отставку начал энергично работать в области библиографии Памира и Таджикистана. Совместно с К. И. Шафрановским А. Г. Биснек напечатал «Библиографию библиографий Средней Азии» (М.— Л., 1935—1936) и библиографический указатель «Этнография народов Памира» (1940). В конце жизни он был сотрудником Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как последний секретарь СБ и Э ЛОК, А. Г. Биснек после прекращения деятельности секции перевез ее библиотеку и архив на свою квартиру. В 1942 г. во время блокады Ленинграда он умер.

Нам уже пришлось выше отмечать, что в каждый отдельный период истории советского библиофильства существовали крупные собиратели, либо не принимавшие совсем участия в жизни библиофильских организаций, либо изредка появлявшиеся на заседаниях, чтобы прочесть один-два доклада или доставить на ту или иную выставку, например Пушкинскую, материалы из своих коллекций. Библиотеки таких, в общем нерадивых, библиофилов обычно представляют особый интерес для историка советского библиофильства.

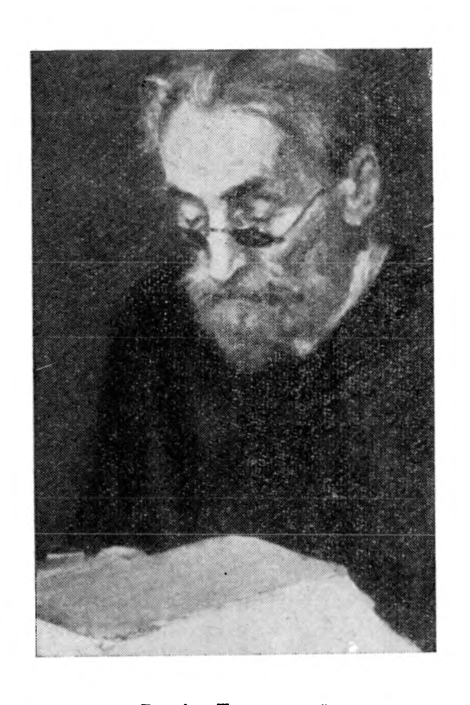
Из многих библиофилов, упоминавшихся как в настоящей главе, так и в предшествовавших, следует остановиться на именах профессоров В. А. Десницкого и И. Н. Розанова. Отнесение их к числу крупнейших советских библиофилов 30-х годов условно: они собирали книги с начала XX в., если еще и не с конца XIX, и продолжали собирать после 30-х годов.

Василий Алексеевич Десницкий (1878—1958) родился в Нижнем Новгороде в семье священника, учился сначала в местной духовной семинарии, а затем в Юрьевском (Дерптском, ныне Тартуском) университете. С юношеских лет он принимал участие в революционном рабочем движении в Сормове и Нижнем и органически, а не кабинетно-книжно усвоил философию марксизма. Материалист-диалектик по мировоззрению, историк по образованию, литературовед по специальности, В. А. Десницкий сыграл заметную роль в истории русской культуры XX в. До 1908 г. он активно участвовал в РСДРП(б). С начала 20-х годов целиком отдался работе в Педагогическом институте им. А. И. Герцена (Ленинград), одним из основателей и многолетним профессором которого он был. Дружеские отношения В. А. Десницкого с М. Горьким продолжались до самой смерти великого писателя.

Как литературовед-марксист В. А. Десницкий был одним из организаторов советской литературной науки. Его вклад в нее мало кем осознан в должной мере, и восполнить пробел в истории советского литературоведения — написать монографию о В. А. Десницком, зачинателе марксистской литературной науки,— неотложная и обязательная задача.

У В. А. был острый, гибкий природный ум, превосходно отточенный марксистско-ленинской философией. Он был человеком очень большой культуры — и унаследованной по традиции, и благоприобретенной.

Еще в начале XX в. с большой опасностью для себя молодой Десницкий собрал богатейшую коллекцию подпольных революционных изданий—редких прокламаций, газет, книг, брошюр, журналов, печатавшихся в России и за рубежом. Все это стало добычей пожара (5).

В. А. Десницкий

Во время первой мировой войны погибла в Тарту и вторая библиотека В. А. С 1917 г. он начал собирать свою знаменитую библиотеку, которая долгое время считалась второй по значению из личных библиофильских библиотек в СССР (после библиотеки Д. Бедного; после же ликвидации последней библиотека В. А. Десницкого заняла первое место).

Определить объем его собраний сейчас невозможно, так как при своей жизни каталога библиотеки ученый не составлял, а каталог, подготовленный сотрудниками Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, куда собрание Десницкого было продано наследниками в 1963 г., не дает полного представления о ценности и даже объеме этой уникальной библиотеки.

Точного подсчета книг, поступивших в библиотеку имени В. И. Ленина из собрания В. А., в официальных источниках нет: в одном месте глухо указывается «около 11 тысяч томов» (130); в библиотечном отчете за 1963 г. сообщается, что в коллекции Десницкого было 6020 томов книг, 3708 номеров журналов, 500 единиц изобразительных материалов. Но со слов его дочери, члена-корреспондента АН СССР А. В. Десницкой, нам известно, что Библиотека имени В. И. Ленина не взяла многих книг по литературоведению и искусству. Можно думать, в целом библиотека В. А. Десницкого состояла более чем из 15 тысяч книг, брошюр, оттисков и т. д.

Предоставленный в наше распоряжение машинописный каталог части библиотеки В. А. Десницкого, поступившей в Библиотеку

имени В. И. Ленина, состоит из русского и иностранного отделов. В первом находится 2968 номеров, но эта цифра не точна: так, под № 2518 указано суммарно —«370 книг по литературоведению», под № 2677—100, под № 2690—70 и т. д. Вообще русский отдел каталога составлен плохо: достаточно указать на № 979, под которым значится «Путешествие из Петербурга в Москву», приписанное Грибоедову. Лучше сделан иностранный отдел каталога (1556 №№), но и он, как и русский, кишит опечатками.

Подробное перечисление одних только важнейших редких изданий В. А. Десницкого заняло бы значительно больше места, чем мы можем уделить ему в настоящей главе.

Поэтому мы ограничимся указанием только тех «жемчужин» («цимелий») коллекции В. А. Десницкого, которые особенно отмечены в литературе о его библиотеке. Это — ленинская листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтона», выпущенная «Союзом борьбы» в связи с забастовкой 500 ткачей, вспыхнувшей на фабрике в ноябре 1895 г. Это — первое издание «Капитала» Маркса на французском языке. Это — Е. М. Корнеев. «Народы, обитающие в Российской империи» (СПб., 1812), ранее неизвестное в библиографии. Это — комплект французского журнала «Литературный старовер» («Conservateur littéraire»), издававшийся 17-летним В. Гюго и появлявшийся на французском антикварном рынке всего два раза; в последний раз в 1934 г. на аукционе, на котором распродавалась знаменитая коллекция убитого в 1933 г. президента Франции П. Думера. Среди редчайших книг коллекции Десницкого находились: «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева (изд. П. А. Картавова, 1902 г. — экземпляр, посланный цензурным комитетом «всесильному» обер-прокурору святейшего синода К. П. Победоносцеву), «Хронологический список русских писателей» П. А. Плетнева, первое издание «Слова о полку Игореве», «Мечты и звуки» Н. А. Некрасова, «Словарь иностранных слов» Н. Кирилова (под ред. М. В. Петрашевского; 3 экз.); «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (М., 1648), «Не всио и не ничего. В 1786 год» Ф. Кречетова; книги из библиотеки Наполеона и т. д.

Характерно, что в собрании В. А. Десницкого почти не было геннадиевских редкостей, вроде «Описания курицы, имевшей профиль человека». Зато он охотно собирал такие книги, как «Настоящий ревизор. Комедия в 3 днях или действиях, служащая продолжением комедии „Резизор“, сочиненной Гоголем» (СПб., 1836); «Сапоги Карла Маркса» Трнки (СПб., 1899), о которой рассказал В. Г. Лидин («Друзья мои — книги»); как «Дуэль Пуришкевича со студенткой-курсистской в Марьиной Роще» (М., 1913).

В литературе о библиотеке В. А. Десницкого не отмечена одна группа книг, которой он очень дорожил и которую, кажется, он и «открыл»: это — контрафакции (в библиофильском смысле — книги, напечатанные без предварительно испрошенного согласия авторов) произведений французских романтиков, публиковавшиеся в России в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. предприимчивы-

ми владельцами французских книжных магазинов в Петербурге и Москве. Помнится, В. А. говорил мне, что эти издания неизвестны французским библиофилам-«романтикам» и не учтены в библиографии французского романтизма.

Не отражена в литературе о собрании В. А. Десницкого и другая,— близкая по характеру,— коллекция книг —«россика», книги о России, в частности, редчайшее издание «Един краткий разумен науки на потребность», напечатанное в Тюбингене (Германия) в 1642 г., подборка ранних антологий русской поэзии в иностранных переводах. Отметим, кстати, что во многих своих работах по русской литературе XVIII—XX вв. он опирался на редкие провинциальные издания своей библиотеки, например, на книгу нижегородского стихотворца конца XVIII в. Якова Орлова.

Диалектический ум В. А., редкая способность проницательного понимания людей, колоссальная эрудиция и богатое личное прошлое, его особая, удивительно красноречивая манера говорить (со старонижегородским акцентом) — делали беседы с Десницким поучительными, интересными и эстетически впечатляющими. На людях он казался насмешливо-скептичным, недоверчиво-ироничным; зато в беседах в своем кабинете он становился как бы другим, и в особенности, когда речь шла о книгах. Как многие старые библиофилы, он знал огромное количество историй отдельных экземпляров редких книг. Показывая свой экземпляр книги из библиотеки Наполеона (с суперэкслибрисом императора), В. А. прибавлял, что свои любимые книги «маленький корсиканец» выписал в Москву и при отступлении взял с собой в сани, откуда для убыстрения бегства выбрасывал на дорогу особенно большие по формату издания, чтобы сохранить маленькие. На вопрос, как ему попалась та или иная редкость, например, диссертация Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» с личной надписью автора, В. А. с убежденностью старого библиофила говорил: «Книга ищет хозяина» и, иронически посмеиваясь, прибавлял «Если, конечно, хозяин ищет книгу».

О библиотеке профессора Ивана Никаноровича Розанова (1874—1959) нельзя сказать, что по своему объему, составу и характеру она может сравниться с библиотеками Д. Бедного и В. А. Десницкого. Это была библиотека, посвященная одной только теме — русской поэзии от ее возникновения до XX в. Конечно, у И. Н. было много книг русских поэтов — его современников и притом огромное количество с самыми дружескими почтительными автографами; однако библиотеку И. Н. Розанова, библиотеку, которую он собирал около семидесяти лет, которой он гордился и которая являлась и является в то же время и гордостью Москвы,— составляли издания произведений русских поэтов от «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого, «Сатир» Антиоха Кантемира, «Сочинений и переводов» Василия Тредиаковского и кончая самыми мелкими поэтами 1900 г.,— предела его собирательских поисков.

«Не было книжки, написанной по-русски в стихах — гениальной, талантливой, посредственной, слабой,— которая прошла бы мимо Ивана Никаноровича»,— пишет И. Л. Андроников в статье «Высокий поступок», посвященной передаче библиотеки И. Н. Розанова его вдовой К. А. Марцишевской Государственному музею А. С. Пушкина.

В собрании И. Н. Розанова было восемь тысяч томов поэтических произведений, которые он собирал с тринадцатилетнего возраста и «за семьдесят с лишним лет составил лучшее в мире собрание русской поэзии, охватывающее два с лишним века» (4). «Для него,— пишет В. Г. Лидин в очерке „Собиратель Розанов“, — не было на необъятном поэтическом поле лишь изысканных цветов, он собирал и скромнейшие полевые цветы, и чем скромнее и незаметнее был цветок, тем бережливее укладывал его Розанов в свой гербарий». «В этом,— прибавляет В. Г. Лидин,— была не только любовь к книге, но и сочувствие к личности безвестного сочинителя с его зачастую нелегкой судьбой» (83, с. 87).

В 40-х годах И. Н. закончил труд своей жизни, к сожалению, еще не изданный, «Историю русской поэзии». Здесь есть страницы, посвященные великим и значительным русским поэтам, но есть строки и о тех, кто оставил всего лишь какое-нибудь одно стихотворение, вроде «Это было давно... Я не помню, когда это было...» С. Сафонова или какую-нибудь одну песню, например, «Шумел-гудел пожар московский» Н. С. Соколова. Помню, как огорчен был И. Н. Розанов, когда, несмотря на все предпринятые меры, ему так и не удалось найти биографические сведения о сибирском поэте Е. Милькееве, выпустившем в конце 1830-х годов сборник стихов.

Книжное собрание И. Н. Розанова — не просто библиотека русской поэзии за два с лишним века, не только «собрание книг, которому нет цены», как сказал о нем И. Л. Андроников, но и памятник высокого человеколюбия и безграничного уважения к творческому началу в человеке.

Библиотека М. Горького, как и библиотеки В. А. Десницкого и И. Н. Розанова, только с известными оговорками может рассматриваться в настоящей главе,— она составлялась в разное время, рассыпалась, частично сохранялась и вновь возникала. Нам уже приходилось в «Русских книголюбах» писать, что о библиотеке М. Горького в печати сведений имеется гораздо меньше, чем следовало бы и можно было ожидать. При этом материалов о библиотеке Горького нижегородских лет и даже о его библиотеке на Капри имеется больше, чем о последнем собрании великого писателя, которое находится сейчас в Музее Горького в Москве на ул. Качалова, д. 6.

Характерной особенностью библиотеки М. Горького было то, что она была, как говорят библиофилы, «текучей библиотекой», т. е. такой, владелец которой очень интересуется книгой, необхо-

димой ему для работы и пополнения знаний, но, прочитав, охотно отдает ее в какую-нибудь общественную библиотеку или дарит знакомым или даже не очень знакомым людям, если ему известно, что эта книга им нужна. Такие сведения о библиотеке Горького очень часто встречаются в биографических работах о нем и еще чаще в мемуарах советских писателей. Из подобных материалов могло бы создаться впечатление, что великий писатель не был книголюбом, а был только страстным читателем. Однако уже в докладе о Горьком-библиофиле, который был прочитан в ЛОБ в 1928 г., В. А. Десницкий, близко знавший Горького более чем 30 лет, утверждал, что великий писатель делил книги на две категории,— на книги, которые он ценил за их полезность в данный момент, и на такие, которыми он дорожил как заправский библиофил и которые никому не давал читать.

О составе последней, московской, библиотеки, насчитывающей около 11 тысяч книг, известно, что она имеет «отчизноведческий» характер: Горький приобретал книги не только по истории России, истории русской культуры и литературы, но и по истории русского быта, искусства, науки. Особенно интересовали его в 30-е годы книги по истории русских областей, городов, заводов, деревень и т. д. В «книге отзывов и пожеланий» московской Книжной лавки писателей Горький записал: «Чтение — высокое удовольствие для культурного человека,— я ценю книгу,— она моя дорогая привычка» (69, с. 30).

Может показаться неожиданным этот сдержанный отзыв А. М. Горького после его известных панегириков книге, обычно приводимых всеми, кто пишет на тему «Горький и книга»,— о книге как чуде, о том, что всем лучшим в себе он обязан книге, и т. д. Дело, очевидно, в том, что с годами Горький стал трезвее смотреть на книгу, чем смотрел на нее в молодые годы, когда писал приведенные выше гимны книге. В 30-е годы, со всем присущим ему пылом борясь с возраставшим фашизмом и с «внутренними эмигрантами», Горький не мог так безразборно восхвалять книгу, книгу «вообще». Именно к этому последнему периоду его жизни относятся мудрые, взвешенные, классические слова Горького: «Нужно читать и уважать только те книги, которые учат понимать смысл жизни, понимать желанья людей и истинные мотивы их поступков». Нам кажется, как раз в этих словах звучит го ос создателя социалистического реализма, а не в романтических преувеличениях раннего Горького.

Глава седьмая

Советксое библиофильство в годы Великой Отечественной войны

Библиофильство перед началом войны.— Книголюбие на фронте.— Стихотворение А. К. Тарасенкова «Книги».— Библиофильская жизнь Москвы в период войны.— Библиофилы в осажденном Ленинграде.

Если бы мы верили старинному латинскому афоризму «Inter arma silent Musae» («Во время войны Музы молчат»), то по аналогии должны были бы прийти к заключению, что в годы Великой Отечественной войны советское библиофильство вынуждено было «молчать» еще в большей степени, чем девять спутниц Аполлона. Однако советская действительность решительно опровергла как старое изречение, так и сделанный по аналогии вывод из него.

В тяжелые, суровые годы войны советское библиофильство, любовь к книге не только не прекратились, но, напротив, продолжали существовать и развиваться, продолжали оказывать большую психологическую помощь людям, морально поддерживать их, скрашивать собой нечеловеческие порою трудности жизни тех лет.

В условиях военных лет, в обстановке, когда смерть на каждом шагу угрожала людям — на передовых позициях и в осажденных городах, регулярно подвергавшихся обстрелам и бомбардировкам,— проявления любви к книге приобретают другой, большой человеческий смысл.

Один из, может быть, самых глубоких очерков в сборнике «Друзья мои — книги», посвященный рассказу о том, как на Украине в дни фашистской оккупации две уманские библиотекарши, «две мужественные женщины спасли от уничтожения целую районную библиотеку», В. Г. Лидин озаглавил «Книга бессмертна». В итоге изучения материалов по истории библиофильства — русского и зарубежного — мы пришли к выводу, что бессмертна не только книга, но и любовь к книге,— может быть, самая благородная, после любви к человеку и к Родине, разновидность любви, выработавшаяся в культурном мире. Сведения, собранные нами о проявлениях любви к книге в дни Великой Отечественной войны, особенно подтверждают сказанное.

Однако прежде остановимся на состоянии советского библиофильства в самом преддверии войны — в первой половине 1941 г.

После временного затишья в работе московских и ленинградских библиофильских организаций во второй половине 1930-х годов,

в советском библиофильстве с самого начала следующего десятилетия понемногу стало вновь наблюдаться оживление. Конечно, и раньше, несмотря на прекращение деятельности РОДК, ЛОБ, УБТ, БТБ, советское книголюбие не замерло: букинистические и антикварные книжные магазины продолжали выполнять и перевыполнять свои планы, библиофилы по-прежнему посещали книжные лавки, охотились за «дезидератными» редкостями, заказывали художникам или, кто умел, сами выполняли разнообразные экслибрисы, обменивались друг с другом книгами, гравюрами, экслибрисами, но все это делалось в частном порядке, а не в рамках библиофильских объединений. И все же отсутствие последних явно ощущалось книголюбами, собирателями книг, библиофилами.

Поэтому вполне естественно, что вскоре стали делаться попытки возобновить коллективный принцип в деятельности библиофилов. На этот раз они исходили из писательской среды. Кажется, одной из первых подобных попыток была состоявшаяся еще 22 апреля 1938 г. в Московском клубе писателей «встреча писателей с московскими книжниками-букинистами». Как указывалось в пригласительном билете, в вечере должны были принять участие писатели, букинисты, собиратели книг. Какова была цель встречи и ее результаты, нам неизвестно. Однако только через три года были сделаны дальнейшие попытки создания библиофильских объединений среди писателей, имевшие конкретные результаты.

В феврале 1941 г. в «Литературной газете» появились статьи В. Г. Лидина «Писатель и книга» и С. М. Городецкого «Еще о писателе и книге», в которых ставился вопрос об отношении писателя к книге не с литературной, а библиофильской точки зрения. Вскоре по инициативе В. Г. Лидина в помещении Клуба писателей состоялись два книжных базара — 29 марта и 13 и 14 мая (127).

В День печати 1941 г. и в Ленинграде состоялся книжный базар в помещении Дома писателя им. Маяковского. В корреспонденции ленинградского сотрудника «Литературной газеты» Б. Реста отмечалась необычная черта этого книжного базара: в залах Дома писателя кроме традиционных в таких случаях киосков книжных магазинов были выставлены редкие книги, принадлежавшие крупнейшим ленинградским библиофилам-писателям. «Кажется, впервые,— не вполне точно писал корреспондент,— публично выставлялись книги из знаменитой коллекции проф. В. Десницкого, показавшего уникальные издания сочинений Крылова, Чернышевского и др.». Переводчик В. П. Исаков выставил свое замечательное собрание иллюстрированных книг, член-корреспондент Академии наук СССР Н. К. Пиксанов демонстрировал единственную в мире коллекцию из 150 изданий и рукописных копий «Горя от ума» Грибоедова, а проф. Г. А. Гуковский представил наиболее редкие и интересные экземпляры своего, не имевшего равных подбора русских книг XVIII века. Каждый из экспонентов-библиофилов давал у своей витрины пояснения посетителям книжного базара, обращавшимся к ним с вопросами (10).

Под несомненным воздействием московских книжных базаров в мае 1941 г. в Клубе писателей возник Кружок любителей книги. Через несколько лет в статье, посвященной памяти Д. С. Айзенштадта, В. Г. Лидин отметил роль этого выдающегося советского библиофила в многочисленных книжных начинаниях 20—40-х годов, в том числе и в создании Кружка любителей книги. Однако, нисколько не умаляя роли Д. С. Айзенштадта в библиофильских мероприятиях этих лет, по справедливости следует воздать должное и самому В. Г. Лидину. С его именем связано многое в истории советского библиофильства.

Первое заседание кружка состоялось в самом конце мая 1941 г. В отчете о нем в «Литературной газете» от 8 июня 1941 г. сообщалось, что В. Г. Лидин демонстрировал редкие книги своей библиотеки и что на одном из ближайших заседаний кружка предполагается доклад Н. П. Киселева «Издания типографии Симеона Полоцкого в Москве». На состоявшемся в первой половине июня втором заседании кружка В. Г. Лидин продолжил рассказ о редкостях своего собрания и демонстрировал единственный полный уцелевший экземпляр книги В. А. Гиляровского «Трущобные люди», посланный в цензурный комитет. На этом же заседании было избрано бюро кружка в составе В. Г. Лидина, М. Я. Цявловского, Н. С. Ашукина, Д. С. Айзенштадта и А. М. Эфроса. Война, разразившаяся через несколько дней после того, положила конец едва начавшейся деятельности Кружка любителей книги. Но возникшее движение, как будет видно из дальнейшего, не приостановилось.

Материалы по истории советского библиофильства военного времени как-то естественно, сами собой группируются по несколько условному, но в целом правильному территориальному принципу — фронт, Москва, Ленинград, прочий «тыл».

К сожалению, сведения наши о библиофильстве данного периода в количественном отношении, говоря языком арифметики, обратно пропорциональны территориям, о которых идет речь. Больше всего мы знаем о библиофильской жизни военного времени в Москве и Ленинграде. Несравненно меньше наши сведения о книге и книголюбии на фронте и в особенности в тылу. Однако все же в литературе времени Великой Отечественной войны отразились образы солдат и офицеров-книголюбов, возивших с собой в вещевой сумке какую-то одну или несколько любимых книг. Литературовед И. Я. Айзеншток, с первых дней войны и до демобилизации во второй половине 1940-х годов находившийся в действующей армии, рассказал нам, что в его части у одного офицера была с собой «Война и мир» Толстого, которую читал и перечитывал не только сам владелец, но и — в порядке записи — другие офицеры и солдаты. В другой части солдаты и офицеры, чем-либо отличившиеся при выполнении боевых заданий, получали право в первую очередь читать книги, привезенные полковником, старым книголюбом.

У самого И. Я. Айзенштока, у которого с давних пор имеется чрезвычайно богатая библиотека, и на фронте в землянке была

полочка с книгами, вызывавшая живой интерес всех, кто по разным причинам посещал его. Некоторые подробности появления этого «походного филиала» библиотеки И. Я. Айзенштока заслуживают сохранения в нашей книге. Осенью 1941 г. он получил короткую командировку в Ленинград и, по своему библиофильскому обыкновению, посетил Книжную лавку писателей, где приобрел «Посмертные записки Пикквикского клуба» Диккенса в издании «Academia». Так как он должен был, не заходя домой, отправиться в свою часть, то оставил купленные книги в Лавке с условием, что они будут выданы ему по возвращении в Ленинград. Однако в течение ближайшего года И. Я. Айзенштоку не пришлось побывать в Ленинграде. В ноябре 1942 г. один из его знакомых офицеров был отправлен в Ленинград. И. Я. Айзеншток дал ему ключ от своей ленинградской квартиры и поручил зайти в Книжную лавку писателей и попросить «Записки Пикквикского клуба». Товарищ выполнил его просьбу, и таким образом у И. Я. Айзенштока возникла книжная полочка, о которой было сказано выше.

В газетах военных лет часто встречались очерки и рассказы о том, как воины спасали горевшие библиотеки, сохраняли и передавали людям, известным им в качестве библиофилов, экземпляры старинных или ценных книг, а иногда и сами получали в награду книги от населения. Один такой эпизод описан В. Г. Лидиным в сборнике «Друзья мои — книги». Очерк называется «От потомков Шевченко». В нем рассказывается, что жители села на Киевщине поднесли офицеру одного из полков 2-го Украинского фронта том стихотворений Шевченко в издании Большой серии «Библиотеки поэта». (83, с. 110).

В периодической печати времени войны нередко встречались сведения о том, что офицерами и солдатами издавались рукописные журналы и разного рода литературные сборники. В газете «Ленинградская правда» от 11 апреля 1942 г. была помещена заметка «Окопные журналы», в которой сообщалось о подобных рукописных журналах, изготовлявшихся в 4—5 экземплярах; здесь были названы журнал «За Ленинград» (вышло ко времени опубликования заметки 15 номеров и сатирический листок «Навесным огнем», пользовавшийся значительным успехом среди окопных читателей. Немного позже в той же «Ленинградской правде» были приведены сведения о продолжавшемся выпуске журнала «За Ленинград» и о приложении к нему —«Библиотечка бойца». Нам известно, что среди читателей этих изданий сразу же оказались коллекционеры, которые стали тщательно подбирать окопные рукописные журналы и армейские печатные газеты и пересылать их в тыл родственникам для своих библиотек. В газетных заметках о советских книголюбах послевоенного времени нам встречались указания, что у некоторых собирателей имеются интересные коллекции подобных фронтовых и тыловых изданий.

Помимо приведенных материалов, о фронтовом библиофильстве свидетельствует стихотворение ныне покойного критика А. К. Тара-

сенкова «Книги», имеющее дату и место написания: «3 января 1944 г. Ленинградский фронт». Затерянное в малотиражном, библиофильском издании «Книжная лавка писателей. 1932—1957» (М., 1957), оно неизвестно широкому кругу советских читателей.

Книги

Книги мои любимые,— в шелковых, сарафанных,
В ситцевых переплетах, в коже и коленкоре,
Плотные темно-синие томики Мопассана,
В яркую зелень одетые Верлена тоска и горе...
 Глыбами ржавых песчаников стоят тома Маяковского,
 Черным уступом угольным лежат тома Достоевского.
 Как вспоминал вас, милые, я у вокзала Московского,
 В дыме обстрела гремучего по середине Невского.
Ты из дома уехала... Книги, как дети, брошены,
Тополь у нашей двери черный стоит и голый,
Танки идут немецкие к Москве под первой порошею,
И, будто удав коленчатый, ползет Ленинградом голод.
 Помнится ночь осадная злой сирены воплями,
 Глыбы гранита Невского взрывами перевернуты.
 ...Там, у окна, не сыро ли в нашей квартире нетопленой
 Гордой блоковской лирике, изморозью подернутой.
Сколько нами испытано, сколько без отдыха пройдено
С этой поры недавной, ставшей уже историей!
Мы отстояли нашу зеленоглавую родину,
Мы поборoли гибель, переболели горе!
 Скоро лучи апрельские вновь заиграют на небе!
 Книги перебери тогда и терпеливо вытри их.
 Как мы читать их будем по вечерам когда-нибудь
 Нашему Митьке милому, нашему сыну Дмитрию!
Странные похождения рыцаря Дон-Кихота,
Добрые русские сказки и приключения Сойера...
...Тянутся лентой волшебной утраты, бои и заботы,
Вечная и великая творится наша история... (159)

Библиотека А. К. Тарасенкова, к счастью, не погибла. О ней подробнее будет рассказано ниже; сейчас же мы отметим, что и на фронте А. К. Тарасенков продолжал пополнять ее. И не только пополнять, но и сам «издал два сборника стихов в дни войны и втиснул их на книжную полку в своем хранилище где-то между Тирариным и Твардовским» (13, с. 212). Речь идет о тоненьких книжечках «Балтийская слава» и «Балтийцам», изданных в Ленинграде в 1942 г. и сейчас совершенно ненаходимых в продаже.

Не только Тарасенков умудрился издать в блокадные дни в Ленинграде свои стихи, но, оказывается, и другие поэты печатали подобные сборники. Так, например, в 1944 г. Руденский подпольный комитет РК КП(б)Б. издал сборник Всеволода Саблина «Мстители. Стихи и песни». В выходных данных этой книжечки, имеющей 24 страницы малого формата, указано, что она напечатана в 40 экземплярах. На самом деле эта книжечка, изданная на газетной бумаге, была отпечатана всего лишь в 20 экземплярах, так как наборщики, не допечатав ее, пошли в бой (13, с. 204; 160, с. 325).

Подобные случаи были в те дни не единичны. Не менее удивительно и то, что в оккупированной Одессе в 1942 г. были подпольно напечатаны «Стихи» С. Есенина (13, с. 204; 160, с. 139).

М. И. Белкина передает в статье о Тарасенкове эпизод, который иначе как потрясающим назвать мы не можем: как Тарасенков, командированный в 1942 г. из Ленинграда в Москву, в районе Волхова, под бомбежкой фашистских самолетов полкилометра сквозь буран тащил два чемодана — один с консервами, своими и чужими, посланными в подарок, другой — с книгами; у второго чемодана оторвалась ручка, и Тарасенкову пришлось переносить по десять шагов один чемодан, затем возвращаться за другим и таким образом он спас и консервы, и книги (13, с. 222—223).

Как ни скудны собранные нами сведения о фронтовом библиофильстве, они все же свидетельствуют о том, что и в тогдашних суровых условиях, когда было «до смерти четыре шага», книголюбие продолжало существовать и книга, может быть, сильнее чем в какое-либо другое время, приносила людям радость, укрепляла в них веру в бессмертную силу великих идей человечества.

В годы войны московские энтузиасты книги не прекращали своей работы. В удивительно богатом собрании В. Г. Лидина по истории книги, книжной торговли и библиофильства имеются семь толстых фолиантов-альбомов газетных вырезок, пригласительных билетов на всевозможные заседания, программ всяческих вечеров, объявлений о книжных аукционах, базарах, выставках и т. д., фотокарточек и других воспроизведений отдельных и групповых портретов книжников, библиофилов и пр. Альбомы эти носят название «Заметки книжника»; оно вытиснено на корешке каждого фолианта. В первом из этих альбомов, любезно предоставленных нам владельцем для ознакомления, мы увидели пригласительный билет на книжный базар в Клубе писателей 19 и 20 июня 1943 г.

Библиофильская жизнь Москвы военного времени не исчерпывалась одними книжными базарами, хотя уже организация в июне 1943 г. базара с напечатанным пригласительным билетом на него представляет факт поразительный, свидетельствующий о моральной силе и стойкости советских людей. В годы войны старые московские библиофилы продолжали собираться и обмениваться своими книжными знаниями и редкостями. В уже упоминавшейся статье В. Г. Лидина, посвященной памяти Д. С. Айзенштадта, перечислены библиофильские мероприятия, организатором и душою которых был покойный; некоторые из этих начинаний приходятся как раз на 40-е годы и в частности — годы войны. В. Г. Лидин писал: «Кружок любителей книги, книжные аукционы, секция книговедения при Клубе писателей, частные встречи книжников — Айзенштадт обладал удивительным умением слеплять эти книжные гнезда...» (83, с. 86). О Кружке любителей книги и книжных базарах речь шла выше. Секция книговедения, о которой упоминает В. Г. Лидин, насколько можно судить по скудно сохранившимся сведениям, возникла в Московском Клубе писателей в 1943 г. и просуществовала до 1946 г. Кое-какие данные о ней читатель встретит на следующих страницах нашей книги.

В приведенной выше цитате о библиофильской деятельности Д. С. Айзенштадта В. Г. Лидин упоминал еще «частные встречи книжников». Здесь имелись в виду более или менее регулярно устраивавшиеся на квартире Д. С. Айзенштадта встречи небольшого числа старых московских библиофилов, так называвшиеся Айзенштадтовские четверги.

В статье «О близком друге. (Отрывки из воспоминаний)», приготовленной для неосуществленного сборника «Венок памяти Д. С. Айзенштадта» (1947), В. И. Вольпин писал: «Как я любил и ценил традиционные собрания в столовой семьи Айзенштадтов! Они происходили еженедельно в вечерние часы по четвергам... Встречи друзей по четвергам за круглым столом под низко опущенной большой лампой, плотно окутанной абажуром, начались еще в военные годы (если не ошибаюсь, с 1942 года) и закончились лишь со смертью того, кто был первым в нашей дружеской среде».

Затем В. И. Вольпин писал: «Собрания были не очень многолюдны... не имели заранее составленных программ. Люди общались между собой, можно сказать, неорганизованно и стихийно. Но не было ни одного моего посещения Айзенштадтов в эти четверговые вечера, о котором бы я пожалел».

Переходя к более конкретной характеристике Айзенштадтовских четвергов, В. И. Вольпин писал: «Было всегда интересно и весело. Демонстрировались и обсуждались новые книги, главным образом, те, которые выделялись своей внешностью, приносились кем-либо старые издания, просматривались гравюры, к которым, к слову сказать, Д. С. был весьма неравнодушен, передавались последние литературные и художественные новости...»

В. И. Вольпин упоминает далее, что на Айзенштадских четвергах «обсуждались программы предстоящих заседаний Книжной секции Союза советских писателей, которая собиралась то в писательском клубе на Поварской, то в Ленинской библиотеке, а в последнее время в помещении Оргкомитета Союза советских художников на Кузнецком мосту под любезным протекторатом Виктора Михайловича Лобанова...»

Но более яркое представление об этих библиофильских четвергах дает стихотворение того же В. И. Вольпина, занесенное в альбом Д. С. Айзенштадта в 1944 г. Не обладающее художественными достоинствами и напоминающее этим прочие произведения библиофильской музы РОДК и ЛОБ, стихотворение В. И. Вольпина ценно тем, что в нем отразились бытовые подробности библиофильской жизни Москвы военного времени. Пусть же эти черты ушедшей жизни и образы, за немногими исключениями, ушедших людей, дорогие сердцу историка советского библиофильства, послужат извинительным основанием для приведения этого стихотворения:

Трудно жить в эпоху затемненья...
На вечерних улицах ни зги,
Но, пылая жаждою общенья,
Мы спешим на Ваши четверги.

Шаткие ступени под ногами,
Длинный и унылый коридор,
Вдруг столовая, залитая огнями,
Черный кофе, круглый стол и... спор.
Презирая бурю, дождь и ветер
И являя всем собой пример,
Через все препятствия на свете
К Вам приходит мэтр Эттингер.
У него в собой в портфеле книги,
Черный хлеб, как лакомый кусок,
Письма из Нью-Йорка и из Риги,—
Много писем за недельный срок.
Льется мирно тихая беседа,
Ходит толстый по рукам увраж,
Все расхваливают тонкие гравюры
И добротный толстый картонаж.
Машковцев, Ашукин и Петровский,
Клепиков, Кара-Мурза, Кузьмин,
Чаушанский, Шик и Романовский,
Ратнер, Старицын, Якуб и Коростин.
Сколько их за долгий срок в три года
Промелькнуло, побывало тут!
Все они с любовью вспоминают
Свет и кофе, ласку и уют!..

С. Г. Кара-Мурза также посвятил несколько строк Айзенштадтовским четвергам в статье «Памяти старого коллеги», написанной для того же сборника «Венок памяти Д. С. Айзенштадта». По его словам, Айзенштадтовские четверги происходили в течение шести лет — с 1941 по 1947 г.

Чтобы закончить изложение сведений об Айзенштадтовских четвергах, приведем выдержку из письма О. Д. Айзенштадт от 29 сентября 1965 г.: «В связи с деятельностью РОДК у моего отца постоянно собирались московские библиофилы, среди которых бывали В. Я. Адарюков, П. Д. Эттингер, Н. В. Власов, А. М. Макаров, С. Г. Кара-Мурза, А. А. Сидоров, А. М. Эфрос, А. С. Петровский, А. Г. Миронов, М. С. Базыкин. Позднее, когда РОДК перестал существовать, эти встречи, уже регулярно, продолжались сначала по пятницам, а затем, в дни войны, по четвергам, до самой смерти Д. С., и после войны».

Как ни неожиданны для всех нас приведенные выше сведения о московском библиофильстве в годы Великой Отечественной войны, еще неожиданнее оказываются и еще большее впечатление производят материалы о библиофильской жизни в осажденном, голодавшем, вымиравшем, но не сдававшемся и не сдавшемся Ленинграде.

Прежде всего удалось установить, что, несмотря на систематические варварские артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки, несмотря на холод и затруднения с электрическим освещением, книжные магазины в Ленинграде продолжали регулярно работать и, как это ни покажется невероятным, в них в рабочие часы не бывало пусто, покупателей в них всегда было много. Когда же библиофилам становилось известно, что в определенный день

должна поступить в продажу партия книг, принадлежавших кому-либо из недавно умерших крупных собирателей, тогда в магазинах бывало особенно людно. По словам книголюбов, проведших блокаду в Ленинграде и в то же время помнивших еще состояние книжного рынка в 1918—1923 гг., в военный период в книжных магазинах осажденного города книг было особенно много. Под арками Гостиного двора, который был тогда закрыт, бойко торговали в 1941—1942 гг. книжные «развалы».

В начале марта 1942 г. на Невском проспекте было открыто отделение Книжной лавки писателей, а в августе-сентябре того же года на Садовой ул., в доме Театра Ленинского комсомола, была открыта третья Лавка писателей (магазин № 110). Отметим, кстати, что в этом же месте в начале XIX в. находилась знаменитая книжная лавка и библиотека для чтения В. А. Плавильщикова.

Книжная лавка писателей устраивала книжные базары. Первый был открыт 1 ноября 1942 г. Как передавал нам ее бывший директор Г. М. Рахлин, накануне по радио было объявлено о предстоящем открытии базара, и при этом был указан адрес лавки. Радистами фашистской армии, осаждавшей Ленинград, эта информация была перехвачена, и в момент открытия базара перед самыми дверьми лавки фашистскими летчиками была сброшена бомба; от ее разрыва погибло три человека. Несмотря на это, объявленный книжный базар все-таки состоялся. Первому вошедшему покупателю была вручена премия — полное собрание сочинений С. Цвейга. Покупатель, полковник медицинской службы Р. Я. Домбик, был очень рад, так как Цвейг был любимым писателем его сына, находившегося на театре военных действий, до войны ему никак не удавалось достать это издание, отец верил, что сын, хотя и считался пропавшим без вести, вернется и сможет насладиться чтением произведений Цвейга. Через несколько лет полковник Домбик сообщил Г. М. Рахлину, что его сын попал в плен, но ему удалось бежать и присоединиться к партизанскому отряду.

Кроме книжных лавок писателей большую роль в библиофильской жизни Ленинграда периода блокады играл книжный магазин, помещавшийся на Литейном просп. в д. № 59 (где сейчас находится магазин № 27); директором его был один из культурнейших ленинградских антикваров Вениамин Михайлович Лебедев.

В конце 1942 или начале 1943 г. в этой книжной лавке был устроен книжный базар, на котором распродавалась библиотека скончавшегося во время блокады историка литературы проф. В. В. Гиппиуса (1890—1942). Среди поступивших в продажу книг были полностью представлены первые издания произведений Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, символистов и пр. Нам передавали, будто в этой библиотеке имелся даже редчайший «Ганц Кюхельгартен» Гоголя (выпущенный под псевдонимом «Вл. Алов»), но поступил ли этот экземпляр в продажу, установить не удалось.

В период блокады в Ленинграде печатались книги и довольно большими тиражами; при этом не только те, которые были вызваны

потребностями военного времени, но также и произведения художественной литературы. Так, в «Ленинградской правде» от 4 июня 1942 г. в заметке «Новые книги» сообщалось, что в Большой серии «Библиотеки поэта» вышли из печати 2-й том Сочинений Лермонтова под ред. Б. М. Эйхенбаума, в Малой — Сочинения Маяковского, тт. 2 и 3, и стихотворения Дениса Давыдова,— каждая книга по 10 тысяч экземпляров. Через несколько дней в той же газете были напечатаны заметки «Над чем работают ленинградские писатели» (о Н. С. Тихонове, И. А. Груздеве, Евг. Б. Рыссе и др.) и «История русской литературы», в которой говорилось о подготовке второго тома академического коллективного труда под ред. проф. В. П. Адриановой-Перетц и при участии Д. С. Лихачева. Таким образом, даже в самые страшные дни обороны Ленинграда, когда его жителям, казалось бы, меньше всего было дела до сведений о книгах и меньше всего можно было ожидать проявлений любви к ним, редакция наиболее распространенной газеты шла навстречу интересам читателя к книге, литературе, истории литературы и печатала соответствующую информацию.

Однако совершенно неожиданным и просто невероятным представляется нам тот факт, что в дни блокады Ленинграда в героическом городе продолжали действовать люди, которые в тогдашних условиях настолько сохранили фантастическую преданность и любовь к книге и графике, что устраивали заседания, посвященные такой тематике, и даже умудрялись печатать художественно оформленные пригласительные билеты. Благодаря любезности искусствоведа-библиофила П. Е. Корнилова в нашем распоряжении находится ряд памятников ленинградского библиофильства дней блокады. Одно описание и указание дат их проведения достаточно для того, чтобы судить о бессмертной, неистребимой любви к книге и книжной графике у этих истощенных, полуживых людей.

1. Пригласительный билет на заседание памяти П. А. Шиллинговского. 4 с., 15 × 16,2. На стр. 1 — известная монограмма художника в картуше; стр. 2 — его автопортрет-гравюра; стр. 3 — воспроизведение офорта Шиллинговского «Взрыв фугасной бомбы» (на прекрасной бумаге бледно-желтого цвета). Текст: «Комиссия по приему художественного наследия, скончавшегося 5 апреля 1942 г. художника, живописца и гравера Павла Александровича Шиллинговского, приглашает Вас на научное заседание, имеющее быть в его мастерской (В. О., Тучков пер., д. 11, кв. 25)... августа 1942 года в 17 часов». Стр. 4: Программа заседания. 1. Жизненный и творческий путь П. А. Шиллинговского — П. Е. Корнилов. 2. Графическое наследие П. А. Шиллинговского — М. В. Доброклонский. 3. Воспоминания и выступления художников и друзей.— На стр. 3 инициал «К» и на стр. 4 — марка работы П. А. Шиллинговского (112).

2. Выставка произведений В. М. Конашевича. Л., 1943. 11,6 × × 6,3, 16 с., 500 экз. (Управление по делам искусств Исполкома

Ленгорсовета. Отдел изобразительных искусств ЛССХ). Стр. 3—12: П. К. ⟨П. Е. Корнилов.⟩ В. М. Конашевич; стр. 13—16: К ⟨П. Е. Корнилов⟩. Каталог. Брошюра подписана к печати 4 августа 1943 г.; статья П. Е. Корнилова — 17—18 июля 1943 г.

3. Программа заседания памяти М. В. Нестерова. Без обозначения места и года. 8 с., бумага верже, текст рукописный, литограф. Стр. 1: подпись М. Нестеров; стр. 4: портрет художника; стр. 5: Текст — Управление по делам искусств Исполкома Ленсовета. Л(енинградский) Д(ом) У(ченых). Секция искусствоведения. 15 сентября 1943 г. Русский национальный художник М. В. Нестеров (1862—1942). 15 октября 1943 г. М. В. Нестеров (По воспоминаниям и переписке). Доклады П. Корнилова.

4. Программа заседания памяти И. Е. Репина. Без обозначения места и года издания. 8 с., бумага канцелярская, текст рукописный, литограф. Стр. 1: Рисунок «Дом Репиных»; стр. 4: автопортрет И. Е. Репина с его факсимиле; стр. 5: Текст — Отдел Изо Управления п/д искусств Исполкома Ленгорсовета и Секция искусствоведения ЛДУ. 30 июня 1944 г. К 100-летию со дня рождения художника. Великий русский художник И. Е. Репин (1844—1930). Доклад П. Корнилова. К вопросу о технике И. Е. Репина. Доклад Н. Ягловой. Стр. 8: марка ЛДУ.

5. Пригласительный билет на заседание, посвященное творчеству П. А. Шиллинговского. 4 с., 13 × 17,2, прекрасная плотная бумага бледно-коричневого тона; типограф., подписано к печати 31 мая 1945 г. 250 экз. Стр. 1: монограмма художника в картуше; стр. 2: гравюра на дереве «Ростральная колонна у Биржи»; стр. 3: офорт «Казанский Кремль с Волги». Текст: Отдел изобразительных искусств Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета и В.А.Х. приглашают Вас на годичное научное заседание, посвещенное творчеству П. А. Шиллинговского (1881—1942), имеющее быть... 1945 года в 18 часов в его мастерской (В. О., Тучков пер., д. 11, кв. 25). Стр. 4: Программа заседания. 1. П. А. Шиллинговский — ксилограф. П. Е. Корнилов. 2. Книжные гравюры П. А. Шиллинговского. М. В. Доброклонский. Е. Г. Лисенков. На стр. 3 — инициал «О» и концовка, на стр. 4 — марка работы П. А. Шиллинговского.

Мы не сомневаемся, что приведенными выше сведениями о фронтовом, московском и ленинградском библиофильстве в дни Великой Отечественной войны далеко не исчерпываются относящиеся сюда факты. Будущие исследователи советского библиофильства, несомненно, будут располагать большим количеством фактов. Но мы сознаем, что в настоящей главе только благодаря помощи товарищей, внимательно и доброжелательно отнесшихся к нашей просьбе, нам удалось собрать некоторые сведения о библиофильстве этого периода на фронте, в Москве и Ленинграде. К сожалению, никаких материалов о книголюбии в тылу в дни войны мы не нашли в печати,— может быть, такие сведения и имеются, и только нам они остались неизвестными.

Глава восьмая

Послевоенное пятилетие (1945—1950)

Состояние библиотек ученых и писателей после войны.— Возникновение антикварных магазинов Академкниги.— Кружок любителей книги при Оргкомитете Союза советских художников.— Зарождение советской библиофильской литературы.

По мере того как жизнь в СССР после победы над фашистской Германией постепенно входила в обычные рамки и возобновлялись различные формы общественной деятельности, вовсе прекратившиеся или сильно замедленные в своем развитии в годы войны, стало интенсивно расти также и советское библиофильство.

Мы видели, что даже во время войны оно не умерло. Однако ущерб ему был нанесен колоссальный. Вследствие оккупации фашистскими войсками значительной части европейской территории СССР было уничтожено множество государственных, общественных и личных библиотек, а также книжных магазинов и складов. Огромная смертность населения в блокированном Ленинграде, самостоятельный отъезд и плановая эвакуация жителей из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, из фронтовых и прифронтовых полос имели как следствие гибель многих библиотек: брошенные владельцами на произвол судьбы, многие библиотеки, в том числе и библиофильские, либо за отсутствием топлива сжигались соседями или даже семьями библиофилов, либо расхищались, продавались по частям или присваивались другими лицами.

Наряду с гибелью большого числа личных библиотек, в годы войны, вследствие того, что на книжный рынок поступило множество редких изданий и вообще большое количество книг, стали создаваться новые библиофильские собрания и пополняться библиотеки собирателей, остававшихся в Ленинграде.

Когда в конце войны и в особенности после нее из эвакуации начали возвращаться в Москву, Ленинград, Киев, Минск и т. д. академические институты, университеты и другие высшие учебные заведения и научные учреждения, выяснилась печальная судьба многих замечательных довоенных библиофильских собраний, разграбленных во время отсутствия их владельцев или подвергшихся бессмысленному и жестокому надругательству. Покойный академик А. И. Белецкий, проживавший до войны в Киеве и имевший одну из самых ценных библиотек по истории мировой литературы не только на Украине, но и в СССР, по возвращении из эвакуации

в свою квартиру, занятую во время оккупации города фашистскими офицерами, застал свое собрание частью расхищенным (иностранный отдел), а частью искалеченным проколами штыка (сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, М. Горького, советских украинских и русских писателей). Эту «коллекцию инвалидов» А. И. Белецкий сохранил в своей библиотеке до конца жизни.

Восстановление домашних, личных библиотек в послевоеннсе время стало для научных работников актуальным условием плодотворной деятельности.

Неудивительно поэтому, что сразу же после войны начался усиленный рост антикварных отделов при московском и ленинградском книжных магазинах Издательства Академии наук СССР. Еще до войны при них были небольшие отделы старой книги, преимущественно из нераспроданных академических изданий XIX — XX и даже XVIII в. По идее большого книголюба, тогдашнего президента Академии наук С. И. Вавилова (1891—1951), в Ленинграде был организован новый антикварный магазин «Академкнига» (Литейный просп., д. № 57), а в московском магазине (ул. Горького, 10) отдел старой книги был значительно расширен. С 1945 г. оба магазина стали выпускать объединенные каталоги под названием «Антикварные книги». В 1945 г. вышел только один выпуск, в 1946— восемь (№ 2—9), в 1947—12, 1948—11, в 1949—9, в 1950—7, в 1951—3. В дальнейшем издание этих каталогов прекратилось. В каждом выпуске перечислялись книги сперва московского магазина (русские и иностранные), а затем — в таком же порядке — ленинградского. В первом выпуске была напечатана своего рода декларация конторы Академкниги. В ней указывалось, что антикварные магазины Академкниги обслуживают в первую очередь академиков, членов-корреспондентов и учреждения Академии наук СССР, но книги, не проданные в течение месяца после выхода в свет каталога «Антикварные книги», поступают в общую продажу.

При ознакомлении с указанными академическими каталогами бросается в глаза, что расценка книг в московском магазине была значительно выше, чем в Ленинградском, иногда даже вдвое.

Ф. Г. Шилов в «Записках старого книжника» писал об этом, но, по-видимому, по памяти, в итоге в его изложении оказались неточности. «По указанию Вавилова,— писал Ф. Г. Шилов,— начали издавать каталог антикварных книг, имеющихся в ленинградском и московском магазинах. Каталог был тощенький и настолько малограмотный, что в нем часто помещались одни и те же книги, но с указанием совершенно различных цен. Например, книга в ленинградском отделении стоит 20 рублей, а через несколько страниц — в московском — 60 рублей» (171, с. 156). По словам Ф. Г. Шилова, к нему обратились из Академкниги с просьбой возглавить ленинградский магазин и составлять каталоги. Хотя он и не указывает, какой итог получился, но можно было бы заключить, что его вмешательство положило конец «малограмотности» составителей каталогов.

На самом деле положение было сложнее.

В «декларации» конторы Академкниги в первом выпуске каталога было напечатано: «Необходимо указать, что на антикварные книги не существует регламентированных цен: стоимость одного и того же названия и автора в Москве и Ленинграде может быть различной — в зависимости, в основном, от степени сохранности книги».

Однако и это объяснение не может быть признано убедительным. Суть дела заключалась не в том, что ленинградские книжники, работавшие в Академкниге, были малограмотны и ставили низкие цены, или что стоимость зависит в основном от степени сохранности, а в том, что в блокадном и послевоенном Ленинграде предложений купить книги, оставшиеся от умерших владельцев библиотек, в книжные магазины поступало во много раз больше, чем в Москве. В книжной лавке писателей и в магазинах старой книги КОГИЗа в Ленинграде установилась своя, определенная расценка на книги, и работники ленинградского антикварного магазина Академкниги, для того чтобы продать купленные ими у населения библиотеки, должны были считаться с существовавшими рыночными ценами. В Москве же, более многолюдной и по количеству местного населения, и в результате постоянного притока приезжих со всех концов страны, и спрос всегда был больший, и предложений было меньше. И в дореволюционное время, и после 1917 г. московские библиофилы,— Д. В. Ульянинский, Демьян Бедный, Н. П. Смирнов-Сокольский, В. Г. Лидин и др.,— приезжая в Петербург—Ленинград, приобретали и увозили в Москву книги, какие там трудно было достать, и по ценам, много более низким.

В каталогах Академкниги 1945—1951 гг. разница в ценах московского и ленинградского магазинов оставалась примерно одной и той же. Например, самая низкая цена на антикварную книгу в московском магазине была 15 рублей, в ленинградском — 8. В московском магазине можно было встретить расценки такого рода (по каталогу № 1 1945 г.):

№ 18. А. С. Грибоедов. Горе от ума. С иллюстрациями Д. Н. Кардовского. Вступит. статья, редакция текста и примечания Н. К. Пиксанова. Типография Р. Голике и Вильборга. СПб., 1913.—600 руб.

№ 33. Леман И. И. Гравюра и литография. Очерки истории и техники. Экземпляр № 439 (тираж 500). СПб., 1913, 291 стр. (в картонаже).—800 руб.

№ 61. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. 4 тт. СПб., 1886—1889.—800 руб.

№ 81. Куно Фишер. История новой философии. 8 тт. (9 книг). СПб., 1902—1910.—1000 руб.

№ 94. Энциклопедический словарь Изд-ва Брокгауз и Ефрон. 86 тт.—3250 руб.

В то же время чрезвычайно редкие книги расценивались в академических каталогах — в тогдашних деньгах — поразительно дешево. Так, например, «Книгохранилище С. Р. Минцлова», вышед-

шее в Петербурге в 1913 г. в количестве 50 экземпляров, было оценено в 20 руб. (№ 37), а редчайший «Опыт в старинной русской дипломатике» И. Лаптева (М., 1824) — 40 руб. (№ 54).

Ленинградский академический антиквариат обслуживался более квалифицированными специалистами (Ф. Г. Шилов, П. Н. Мартынов), и потому ленинградские расценки были более или менее,— точными. Составлялись же бюллетени «Антикварной книги» чисто механически: сначала печатались сведения, поступившие от московского магазина Академии наук, а затем полученные из Ленинграда.

Как бы много ошибок ни было в практике академической антикварной торговли, следует признать ее большую заслугу в эти годы: просматривая вышедшие номера «Антикварных книг», нельзя не выразить благодарности Академкниге за ту большую работу, которая была проделана ею в этой области в первые послевоенные годы,— научные работники получили много ценнейших в научном и библиофильском отношении изданий.

Не меньшую роль сыграли в те же годы и московская и ленинградская книжные лавки писателей, московские магазины на улице Горького (возле театра Ермоловой) и в проезде Художественного театра, ленинградские книжные магазины Главсевморпути (на ул. Жуковского, 2, и на Невском, 104) и др.

Продолжалось в Москве и Ленинграде в День печати, а иногда и в другие дни устройство книжных базаров. В московской и ленинградской прессе, начиная с 1945 г., встречаются сведения о подобных базарах, действовавших и в помещениях, и под открытым небом.

В пригласительном билете на базар 1946 г., состоявшийся 5 и 6 мая, базар назывался традиционным. В билете сообщалось, что на нем действуют книжные киоски, книжные развалы, книгоноши, а также комиссионный киоск, в который накануне открытия базара принимались книги на комиссию. Книги на этом базаре продавали МОГИЗ (Московское объединение государственных издательств), Книжная лавка «Советского писателя», киоск издательства Академии наук СССР. В Малом зале Дома писателей была выставлена витрина изданий о Старой Москве. Базар открыл В. Г. Лидин, а в проведении базара приняли участие Ираклий Андроников, Михаил Гаркави, Рина Зеленая и Н. П. Смирнов-Сокольский.

Аналогичные базары проводились и в последующие годы.

Восстановление библиофильства в послевоенные годы не ограничилось одним только ростом числа букинистических и антикварных магазинов. Стали обнаруживаться,— и чем дальше, тем сильнее,— попытки возобновления деятельности библиофильских объединений. Еще в конце 1944 г.—18 декабря — в Центральном Доме работников искусств состоялся вечер «Книжная Москва конца XIX века». С воспоминаниями выступили искусствовед, член-корреспондент Академии художеств СССР В. М. Лобанов, писатель Н. Д. Телешов, художники С. В. Герасимов и И. Н. Павлов.

По-видимому, в связи с этим вечером, насколько нам известно,

имевшим успех, при Оргкомитете Союза художников СССР возник Кружок любителей искусства книги.

В предшествующей главе нам приходилось упоминать о Секции книговедения при Московском Доме писателей, действовавшей с 1943 по 1946 г.

Очевидно, прекращение деятельности Секции книговедения в 1946 г. и успешное проведение вечера в Центральном Доме работников искусств в конце 1944 г. вызвало идею создания Кружка любителей искусства книги при Оргкомитете Союза советских художников. К сожалению, наши попытки получить сведения от живых участников этого Кружка о его возникновении, деятельности и прекращении оказались безуспешными. Только благодаря любезности проф. Б. С. Боднарского в нашем распоряжении находятся машинописные пригласительные повестки на четыре заседания кружка, состоявшиеся с сентября 1946 по март 1947 г., а именно: 13 сентября 1946 г.— доклад С. Алянского «А. Блок и издательство „Алконост“»; 17 января 1947 г.— Н. Ф. Левинсона «Русский типаж в альбоме И. А. Виниуса»; 27 февраля 1947 г.— Е. И. Смирновой «Карикатурист-иллюстратор А. И. Лебедев (1830—1898)»; 28 марта 1947 г.— С. Г. Кара-Мурзы «Литературная Москва на рубеже XIX — XX столетий».

По-видимому, однако, заседаний кружка было больше, чем четыре: с января 1947 г. по март происходило по крайней мере одно заседание в месяц; едва ли в октябре — декабре 1946 г. не было ни одного. Попутно отметим, что воспоминания С. Алянского были напечатаны в «Новом мире» (1967, № 6).

В начале 1945 г. старый московский литератор и библиофил С. Г. Кара-Мурза, о котором нам не раз уже приходилось упоминать, прочитал в Секции книговедения Библиотеки СССР имени В. И. Ленина свои воспоминания о Русском обществе друзей книги, имевшие большой успех и пробудившие интерес к истории советского библиофильства 20-х годов.

Однако в Москве в это время не было организовано ни одного длительно существовавшего специально библиофильского объединения. Больше повезло в этом отношении Ленинграду. В начале 1947 г. здесь при Доме ученых возникла секция коллекционеров. Инициаторами ее были известные книговеды-библиофилы проф. М. Н. Куфаев, канд. искусствоведческих наук О. Э. Вольценбург и крупнейший советский филокартист Н. С. Тагрин. Вскоре же вокруг секции образовался актив, состоящий из библиофилов и прочих коллекционеров Ленинграда, не являющихся членами ЛДУ. Это обстоятельство способствовало и способствует активности работы секции. Секция коллекционеров (сейчас — Секция книги и графики) действует уже свыше 20 лет и в настоящее время является старейшей библиофильской организацией в СССР. Более подробный обзор ее деятельности будет сделан нами в следующей главе.

К этому же времени относится новое явление в истории советского библиофильства, зародившееся еще в самом конце Великой

Отечественной войны и не имевшее прецедентов в предшествовавший период,— возникновение особого вида полухудожественной, полуочерковой литературы с библиофильской тематикой, но обращенной к широкой читательской аудитории, а не к узкому кругу библиофилов, как было обычно до того времени. Такие близкие по характеру книги, как «Среди книг и их друзей» Д. В. Ульянинского (1903) и «Кто что собирает» А. П. Бахрушина (1916), выходили библиофильскими тиражами в 300—600 экземпляров и сразу же становились «библиографическими редкостями». Появлявшиеся иногда в 20-е — 30-е годы отдельные очерки на книжные темы Д. Бедного, И. Н. Розанова и В. Г. Лидина проходили незаметно, не создавая традиции.

Возникшее в рассматриваемый нами период явление стало постепенно и быстро расти и привело к сильнейшим изменениям в характере советского библиофильства, привлекая к вопросам книголюбия внимание и интерес широких кругов советского общества. И, кроме того, оно создало прочную, жизнеспособную традицию.

С 1945 г. начал печатать свои библиофильские «новеллы» Н. П. Смирнов-Сокольский: в газете «Советское искусство» (16 января) была опубликована его статья «Первые издания Грибоедова», в феврале в журнале «Смена» он поместил сопровожденные иллюстрациями «Заметки книголюба. Моя библиотека», рассказ о принадлежавшем ему собрании редких книг; в июле того же года в «Смене» увидели свет три его «Новеллы о книгах»: «С кровью сердца» (о Демьяне Бедном как библиофиле), «Приключения одной комедии» (о комедии Я. Чаадаева «Дон Педро Прокодуранте») и «Я покажу им иронию» (о «Карманном словаре иностранных слов» М. В. Буташевича-Петрашевского).

Вскоре в «Новом мире», «Литературной газете» и других изданиях стали появляться очерки о редких книгах, написанные В. Г. Лидиным, частью представлявшие его доклады в предвоенном Кружке любителей книги и в Секции книговедения при Доме литераторов, частью подготовленные специально для печати. К этому же времени относится составленная В. Г. Лидиным и напечатанная на машинке интереснейшая «библиографическая редкость» «Описание некоторых редких книг и книг с автографами, находящихся в библиотеке одного собирателя, отпечатанное в количестве двух экземпляров, из которых один находится у собирателя, а другой подарен им Д. С. Айзенштадту». Шутливо-пародийное заглавие этой машинописной книжечки в 16 долю листа и в 56 страницах имитирует названия многочисленных библиографических трудов известного библиофила последней трети XIX в. Якова Федуловича Березина-Ширяева. В «Описании» В. Г. Лидина то очень кратко, то несколько подробнее охарактеризовано 78 редких книг, среди которых находятся «Трущобные люди» В. Гиляровского, «Мечты и звуки» Н. А. Некрасова, «Письмо другу, жительствующему в Тобольске» А. Н. Радищева (экземпляр, принадлежавший П. А. Ефремову), «Русские заветные сказы» А. Н. Афанасьева и др.

Еще больший успех — первый в области «массовой» библиофильской литературы — имела книга акад. И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», вышедшая в 1945 г. первым, в 1946— вторым и в 1948 г.— третьим изданием. Вместе с четвертым, посмертным, изданием 1965 г. книга И. Ю. Крачковского была напечатана в количестве 31 тысячи экземпляров (не считая перепечатки в «Избранных сочинениях» И. Ю. Крачковского, т. I, 1955). Для библиофильской книги, посвященной «экзотической»— арабской — теме, тираж четырех изданий исключительный; но это еще не все — в сокращенном варианте «Над арабскими рукописями» была выпущена в «Библиотеке „Огонек“» в количестве 150 000 экземпляров.

Печатные выступления В. Г. Лидина, Н. П. Смирнова-Сокольского, И. Ю. Крачковского, с одной стороны, отвечали назревшей в советском обществе потребности более близко ознакомиться с культурными ценностями нашего и чужеземного книжного прошлого, а с другой, укрепляли и возбуждали эти интересы в более широкой аудитории.

В течение почти 15 лет продолжавшаяся работа В. Г. Лидина и Н. П. Смирнова-Сокольского в журналах и газетах дала положительные результаты, и в конце 50-х годов оказалось уже возможным издание отдельных книг библиофильского содержания, рассчитанных на широкие слои читателей. Это «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского и «Друзья мои — книги» В. Г. Лидина.

Таким образом, послевоенное пятилетие, несмотря на свою краткость, имело большое значение для дальнейшего развития советского библиофильства: гибель громадного количества старых книг, в том числе и ценнейших изданий по искусству, по истории русской и мировой культуры и т. д., вызвала в советском обществе особенное чувство горечи, как и гибель многих памятников древнерусской, украинской и белорусской архитектуры, и пробудила еще в большей степени интерес к книге прошлого. Одновременно с этим возникла естественная, но обостренная потребность в новой книге, стали вновь печататься подписные издания, тиражи которых во много раз превышали довоенные, возобновилась «Библиотека поэта», появились новые серии («Библиотека избранных произведений советской литературы. 1917—1947», позднее —«Литературные памятники») и т. д. Для молодых библиофилов создались новые объекты собирательства, быстро привлекшие к себе внимание коллекционеров. В конце рассматриваемого пятилетия стал вновь пробуждаться интерес к экслибрисам.

Однако самыми важными явлениями в истории советского библиофильства послевоенного пятилетия следует признать возникновение библиофильской массовой литературы и отчетливую тягу к объединению отдельных разрозненных библиофилов в оформленные научно-общественные организации.

Под знаком этих характерных черт в развитии библиофильства послевоенного пятилетия протекала его история в 50—60-е годы.

Глава девятая

Библиофильство в 50—60-е годы

Антикварно-букинистическая торговля в 50 — 60-е годы.— Журнал «В мире книг» и газета «Книжное обозрение».— Развитие советской библиофильской литературы.— Секция коллекционеров (книги и графики) при Ленинградском Доме ученых.— Секция книги при Московском Доме ученых.— Клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств.

Материалов по истории советского библиофильства в последние два десятилетия оказалось так много, что нам приходится ограничиться только общим очерком деятельности старых и вновь возникших библиофильских организаций, а также беглой характеристикой библиофильской литературы, сложившейся в нашей стране по окончании Великой Отечественной войны. (Более подробно об этом сказано в книге «Русские книголюбы». Л., 1967, стр. 293—310.) Конечно, как и в предыдущих главах, мы начнем изложение с рассмотрения источников пополнения библиофильских собраний, т. е. прежде всего с форм продажи старых — антикварных и букинистических — книг.

Еще большую остроту, чем в 20—30-е годы, приобрел в послевоенное пятилетие вопрос о расценке антикварной и букинистической книги, спрос на которую по указанным выше причинам неизменно рос. Если для покупки и продажи книг, изданных в советское время, были установлены определенные строгие правила, нарушение которых каралось по закону, то в отношении книг дореволюционного периода точных правил не было, и это создавало обстановку, неблагоприятную для покупателя и выгодную для руководителей антикварных книжных лавок. В самом деле, советский библиофил, за небольшими исключениями,— человек, располагающий незначительными средствами на приобретение книг, и для него справедливая, нормальная расценка старых изданий составляет одно из существенных, даже основных условий роста его библиотеки. Напротив, руководители антикварных магазинов, получающие помимо заработной платы еще премиальные с оборота, естественно заинтересованы в повышении цен на старые книги. И если даже система премиальных была ликвидирована, то отсутствие точных цен на дореволюционные издания давало некоторым директорам антикварных магазинов возможность высоко расценивать старые книги и сбывать их «своим» покупателям на условиях, нарушавших социалистическую законность. В начале 60-х годов в Ленинграде были обнаружены факты подобного рода, и это имело отрицательное влияние на развитие антикварной и букинистической

торговли, количество магазинов было резко сокращено, и полностью прекратилась практиковавшаяся одно время продажа старых книг, сдававшихся на комиссию.

Для упорядочения торговли антикварными книгами управление розничной книги Книготоргового объединения государственных издательств (КОГИЗ) уже в конце 40-х годов делало попытки установить твердые цены на дореволюционные издания и выпустило два прейскуранта. Больший интерес представляет второй, озаглавленный «Каталог-прейскурант № 2 на скупку и продажу букинистических и антикварных книг (литературоведение, фольклор, памятники мировой литературы)» (М., 1948, 48 с., 1000 экз.). Цены в этом небольшом каталоге были выставлены довольно высокие, сам каталог был очень невелик и, конечно, не мог регулировать цены на книги, не вошедшие в прейскурант. Выпущенный в 1951 г. Ленкниготоргом каталог «Букинистические книги» по объему был еще меньше (30 с.), но цены в нем были еще более высокие. В течение 50-х и в начале 60-х годов ленинградские антикварные магазины № 10 и 61 (позднее закрытые) издали довольно много каталогов: первый — 12 выпусков, второй — 7, цены в них были чрезвычайно высокие. Достаточно указать, что, например, в каталоге № 8 «Старая книга» магазина № 10 (Л., 1957) самая дешевая цена на книги была установлена в 15 руб. (в ценах до денежной реформы 1961 г.), и таких «дешевых» книг на весь каталог было шесть. Зато там перечислено немало книг по 1000—1500 руб., а комплекты ряда журналов расценены так, что, как говорится, дух захватывает: «Аполлон»—2000; «Старые годы» в переплете — 5000, без переплета — 2500 руб.; «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских»—3000; «Русский архив»—4000; «Исторический вестник»—6000. Появились в этом каталоге такие непонятные для советского библиофильства «раритеты», как описание коронования Александра II, оцененное в 3200 руб. (описание этого «Описания» занимает в каталоге 17 строк!). И, вероятно, все же находились покупатели на подобные «редкости», так как в следующих выпусках каталога магазина № 10 они сменялись другими.

«Взвинчивание» цен на антикварную книгу вызывало тревоги среди советских библиофилов, и в секции книги Московского Дома ученых, и в секции коллекционеров ЛДУ происходили заседания с участием представителей книготоргующих организаций, но каких-либо ощутительных результатов эти обсуждения не приносили.

В начале 60-х годов Всесоюзное объединение книжной торговли издало в трех томах «Каталоги-прейскуранты на покупку и продажу букинистических и антикварных книг». Более невежественного и неряшливого издания подобного рода нам никогда не приходилось встречать. Никакого научного или практического значения эти каталоги-прейскуранты не имеют и не могут иметь. Они представляют собой позорный памятник падения книготорговой библиографии, оскорбляющий специалиста, дезориентирующий начинающего работника по продаже антикварной книги. Изъятие этой книги

из обращения было самым правильным решением. Наибольшее внимание библиофилов привлекает в этом каталоге т. III —«Книговедение — литературоведение — фольклор — искусство» (М., 1961, 196 с.). По-видимому, книга была выпущена без корректур, количество опечаток, обессмысливающих самую идею библиографии, требующей математической точности описаний, превосходит всякие пределы, одно и то же издание по-разному оценено в разных местах прейскуранта (см. «Дела Московской цензуры в царствование Павла I» вып. I, цена 3 руб., стр. 22; Рогожин В. Н. Дела Московской цензуры в царствование Павла I, вып. I—II, цена 2 руб., стр. 40; то же, вып. I, ц. 1 руб., стр. 41). Цены вообще фантастически высокие.

В Секции книги МДУ три тома прейскуранта бурно обсуждались два вечера, в Ленинградской секции коллекционеров — один; и там и тут было высказано самое резкое осуждение данной безграмотной попытки дать руководство работникам антикварной и букинистической торговли и в какой-то мере оградить интересы покупателей, хотя самую идею издания «ценника» одобряли все.

К сожалению, вопрос о ценах на антикварные книги до сих пор не нашел правильного решения, и прежде всего потому, что он рассматривается не с точки зрения научной теории ценообразования, как принято в советской экономике в отношении всяких других товаров, хотя бы и с учетом того, что «книга — товар особого рода», а по тому, каковы были цены в старых дореволюционных и в советских каталогах, вроде каталогов магазинов № 10 и № 61 в Ленинграде или Управления розничной торговли КОГИЗа в Москве.

Характерно, что тема продажи антикварной и букинистической книги в течение послевоенного времени не сходит со страниц специальной (журналы «Советская книжная торговля» и «Книжная торговля») и общей печати, а также периодически становится предметом обсуждения в новых секциях библиофилов и клубов любителей книг, например, в Секции книги в Московском Доме ученых (доклад директора Москниги С. Е. Поливановского «Книжная торговля в Москве и перспективы ее развития», 15 февраля 1963 г.), в Ленинграде и т. д. Объясняется это прежде всего ростом количества библиофилов в СССР и не соответствующей этому количеству сети антикварных и букинистических магазинов. Обращаем внимание читателей нашей книги, что мы излагаем материалы по книжной торговле только Москвы и Ленинграда. Что делается в других местах, мы можем судить лишь по случайным сведениям, попадающим изредка в печать. Вот что писал известный поэт Леонид Первомайский библиофилу А. К. Тарасенкову в 1953 г.: «Книги, старые издания, в Киеве достать очень трудно, почти невозможно, одна букинистическая лавка обслуживает главным образом узкий круг связанных между собой библиоманов, в который я доступа не имею. Посторонним людям там всегда отвечают — нет, не бывает, давно не предлагали или еще что-нибудь в том же роде» (13, с. 197).

По письмам, получаемым нами из разных городов от местных библиофилов, видно, что там дело обстоит еще сложнее, так как старых книг еще меньше, специальных антикварных магазинов почти нет, а если и есть, то установление цен на нужные библиофилам издания еще менее регулируется «на местах» какими-либо авторитетными указаниями.

В течение 50—60-х годов у советских библиофилов появились новые объекты собирательства — серии «Жизнь замечательных людей», «Литературные памятники», «Библиотека всемирной литературы» и др. Не приходится говорить о том, что современные книголюбы собирают первые издания новых советских поэтов и прозаиков, и в этом им помогает своим отделом «Первая книга» журнал «В мире книг».

Возникшие в 60-е годы журнал «В мире книг» и еженедельное «Книжное обозрение» своим отделом «Книги недели» в какой-то — и даже значительной — мере заменяющее рядовому библиофилу слишком обширную и дорогую «Книжную летопись», очень способствуют количественному и качественному росту советского библиофильства. Благодаря им советские книголюбы,— особенно молодые,— получают возможность следить за появлением книжных новинок столичных, республиканских, областных издательств и пополнять свои собрания новыми книгами, которым через несколько лет предстоит сделаться «старыми», «редкими», а то и «редчайшими» изданиями.

Известную пользу оказывают нашим библиофилам и республиканские и областные отделения «Книга — почтой», но, к сожалению, изданий по художественной литературе, истории, библиографии и библиофилии, т. е. таких, которые в первую очередь являются объектами собирательства, «Книга — почтой» не высылает.

Несомненно большую роль сыграла и продолжает играть в развитии советского библиофильства в последние два десятилетия художественная библиофильская литература, о первых шагах которой было сказано в предыдущей главе. «Над арабскими рукописями» И. Ю. Крачковского, «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского и «Друзья мои — книги» В. Г. Лидина положили прочное начало этому виду советской литературы и до сих пор остаются книгами, непревзойденными по своим художественным и научно-познавательным достоинствам.

Успех этих книг (каждая из них в короткое время выдержала по нескольку изданий) повлек за собой исключительный подъем интереса к теме книголюбия в советском обществе и в периодической печати. В различных журналах и газетах («Литературная газета», «Литературная Россия», «Неделя», «В мире книг», «Книжное обозрение», «Вечерняя Москва», «Ленинградская правда» и др.) появились разделы «Клуб любителей книги», «Книжный развал», «Для книголюбов» и т. д. В некоторых из перечисленных изданий подобные рубрики оказывались недолговечными и сравнительно скоро исчезали, с тем, правда, чтобы через некоторое время вновь

появиться под другим названием. Наиболее долговечны подобные отделы в журнале «В мире книг» и в газете «Книжное обозрение» и некоторых периферийных газетах, например, «Советское Прикумье» (г. Прикумск), «Невинномысский рабочий» (г. Невинномысск) и др., в которых регулярно печатаются статьи местных активных книголюбов.

Журнал «В мире книг», издающийся с 1961 г., давно уже занял достойное место в советской книговедческой периодике, и его неизменно растущий тираж является лучшим свидетельством популярности и, главное, нужности и полезности этого издания. Здесь мы не станем анализировать журнал в целом и остановимся только на его последнем разделе, посвященном широко понимаемому книголюбию. Как и другие разделы этого журнала, библиофильский составляется с большой любовью к делу, стремлением сообщить читателям по мере возможности разнообразный материал. Здесь находится и колонка «Книжный глобус», со сведениями,— правда, довольно случайными,— о печатной продукции зарубежных стран, и довольно значительная по объему, но не всегда интересная по содержанию рубрика «Факты, находки, сообщения», и «Уголок коллекционера», посвященный преимущественно экслибрисистике, и ценный «Университет чтения». Изредка в этом отделе появляются переводы классических произведений европейской библиофильской литературы («Библиоман» Г. Флобера), почти не известной у нас и вполне заслуживающей популяризации (напомним, что в самом начале своей литературной деятельности В. Г. Белинский перевел «Последние минуты библиомана» Франсуа Мишеля, одно из первых по времени и любопытных по содержанию произведений французской библиофильской литературы).

Представляют интерес попытки редакции «В мире книг» знакомить читателей с библиотеками советских библиофилов (например, проф. А. И. Маркушевича и др.).

Однако при просмотре библиофильских страниц журнала легко заметить отсутствие в них продуманной, четко составленной программы, положенной в основу данного раздела. И поэтому, как бы интересны и полезны ни были отдельные статьи и заметки в этой части журнала, они не спасают положения — впечатление случайности материала остается. Надо полагать, выступления редакции в объединениях библиофилов Москвы, Ленинграда и других городов СССР могли бы подсказать руководителям раздела некоторые соображения по этому поводу.

Газета «Книжное обозрение», возникшая весной 1966 г., очень скоро отвела последнюю страницу каждого номера «Клубу друзей книги». С № 37 1967 г. этот отдел стал называться «Осмомысл. Клуб друзей книги», позднее —«Библиофил».

В конце 1967 г. редакция «Книжного обозрения» приглашала читателей принять участие в «Осмомысле», и обратилась к ним с просьбой присылать «материалы об автографах знаменитых писателей и поэтов, об интересной истории книги, хранящейся у вас,

о ваших экслибрисах и т. д.». Редакция обещала сообщать «о любопытных фактах из жизни классиков русской, советской и зарубежной литературы», давать «советы специалистов, как составить личную библиотеку и как хранить книги», сообщать «о веселых книжных новинках и о многом другом».

Материалы, печатаемые в «Библиофиле», разнообразны по содержанию и по характеру и различны по своей ценности. Наряду с действительно интересными сведениями о судьбах книг во время Великой Отечественной войны («Ранена под Москвой», 1966, № 31); во время других войн («Найдены на поле боя», 1966, № 26), об автографах А. П. Чехова, Д. Бедного и других писателей, здесь печатаются критические статьи и статистические данные, которые с таким же и даже бо́льшим правом могли и должны бы быть помещены на других страницах газеты. Очень слаб отдел «Калейдоскоп любопытных фактов» и уж из рук вон плох юмористический отдел, которому, впрочем, вообще не везет в наших периодических изданиях. Полезны довольно частые статьи об экслибрисах.

В целом, для «Библиофила» характерно то же, что и для «Клуба» журнала «В мире книг»— отсутствие продуманной программы, случайность печатаемого материала. Желательно появление таких разделов, как «В объединениях советских книголюбов», «У библиофилов социалистических стран». С помощью библиофилов Москвы, Ленинграда и других крупных городов СССР можно поставить эти разделы содержательно, интересно, разнообразно. В этом убеждает нас опыт, например, «Клуба книголюбов» в газете «Советское Прикумье».

В газете «Советское Прикумье» первые очерки библиофильского содержания появились под рубрикой «В мире книг» в конце декабря 1964 г. и продолжаются печатанием до сих пор; с апреля 1966 г. отдел называется «Клуб книголюбов». Небольшие, живо и интересно написанные заметки посвящены разнообразным темам книголюбия: здесь и сведения об отысканной в Пятигорске редкости — втором издании «Братьев-разбойников» Пушкина, и о первой газете в России, и о сборниках «Новоселье», и о редчайшем издании «Известия Святокрестовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» от 1 мая 1918 г. и т. д. Бо́льшая часть статей и заметок в этом разделе написана с хорошим знанием дела работником горторга книголюбом Г. Г. Мегаевым. Некоторые из них, безусловно, могли бы быть напечатаны в столичных библиофильских изданиях. Надо признать заслугой редакции «Советского Прикумья», что на страницах своей маленькой газеты она уделяет внимание такому полезному делу, как популяризация сведений по истории русской книги, литературы, журналистики, и тем самым способствует культурному росту своих читателей и помогает сохранению памятников русской книжной культуры.

По недостатку места мы не можем останавливаться на других проявлениях интереса к библиофильской тематике в нашей периодической печати. Прибавим только, что во многих газетах и жур-

налах появлялись и появляются рецензии на книги Н. П. Смирнова-Сокольского, В. Г. Лидина, Ф. Г. Шилова, О. Г. Ласунского и других авторов, пишущих на библиофильские темы.

Выше уже не раз нам приходилось — в разной связи — напоминать о вызвавших большое внимание широких слоев читателей книгах В. Г. Лидина, Н. П. Смирнова-Сокольского и др. В своих «Русских книголюбах» мы подробно охарактеризовали книги названных авторов и некоторых их подражателей. Это освобождает нас от необходимости повторять сказанное там, тем более, что подробный перечень библиофильской и близкой по содержанию литературы по 1965 г. включительно приведен в удачной книге О. Г. Ласунского «Власть книги» (Воронеж, 1966, с. 286—288). В 1966—1967 гг. издание подобных книг продолжалось: появились «Перо и маска» Б. В. Смиренского, «Книги, восставшие из пепла» Г. Р. Дрюбина, «Литературные находки» Е. Д. Петряева, «Лермонтов. Исследования. Находки» И. Л. Андроникова, «Книги и судьбы» В. Г. Уткова, «Библиографические и историко-литературные разыскания» Б. Я. Бухштаба и др.

В этой обширной литературе, заслуживающей специального рассмотрения, выходящего за пределы нашего обзора, есть книги несомненно талантливые, богатые фактическими новыми материалами, приносящими пользу нашей культуре и способствующими подъему интереса у читателей к собиранию и сохранению книжных и архивных ценностей, в частности местного, краеведческого характера. Но встречаются среди этих книг, к сожалению, претенциозные, бесцветные и просто бездарные работы, которые могли бы только дискредитировать этот жанр, если бы они не заслонялись книгами И. Л. Андроникова, О. Г. Ласунского, Б. Я. Бухштаба, Е. Д. Петряева и др. Что же делать: ко всякому полезному начинанию, к несчастью, пристают холодные расчетливые люди, спекулирующие на общественном интересе, на моде, на книгоиздательской конъюнктуре и благодаря этому публикующие свою развязную и бесполезную продукцию.

Нужно ли бороться с подобными книгами? Не принесут ли они ущерб серьезной советской библиофильской литературе? Нам представляется, что советский читатель, любящий, как сейчас принято говорить, «книги о книгах», сам умеет разбираться в достоинствах одних авторов и в недостатках других, и поэтому мы без страха смотрим на будущее советской библиофильской литературы.

Отметим и такой вид библиофильских изданий, как «Книга — твой друг» Т. Д. Полозовой (М., 1958), «Справочник любителя книги» С. И. Эвниной и Н. Н. Греховодова (Челябинск, 1960), «Книга — друг и помощник» А. Залогиной (Калинин, 1960), «Любите книгу — источник знания» Г. Карменяна (Пенза, 1960), «Люби книгу» Б. В. Сухорукова и Л. П. Линенко (Харьков, 1960), «Книга — лучший друг» Ф. Болотниковой (Рязань, 1961) и др. Очень недурна «Записная книжка книголюба», выпущенная издательством «Книга» в 1967 г.

В одиннадцатом номере «Нового мира» за 1966 г. появилась упоминавшаяся выше очень интересная статья М. И. Белкиной «Главная книга (История одной библиотеки)», посвященная собранию по русской поэзии XX в. покойного А. К. Тарасенкова. В коротком введении редактор журнала А. Т. Твардовский писал: «Известно, что немалым показателем советской культуры является огромный, ни с чем не сравнимый рост читательских кругов в нашей стране и, между прочим, образование особого, как бы я выразился, высшего типа читателя — читателя-собирателя. Это драгоценное во многих смыслах приобретение нашей культуры» (161, с. 195).

Мы полностью присоединяемся к мнению уважаемого писателя, но пойдем еще дальше. 50 лет Советской власти воспитали в советском человеке благородное и все более облагораживающее чувство коллективизма. Читатель-собиратель у нас несомненно есть, но он не ограничивается келейным, кабинетным накоплением книг, их чтением для себя, их изучением опять-таки для себя. Книголюба-индивидуалиста, уединенного библиофила старых времен у нас сейчас, как правило, нет. У нашего читателя-коллективиста выросла потребность общаться с товарищами по увлечению, потребность делиться своими сведениями, наблюдениями и знаниями, потребность учиться в коллективе и с помощью коллектива. Именно поэтому в послевоенное время и в особенности в последнее десятилетие в таком большом количестве возникли в разных городах нашей страны при Домах ученых, при Дворцах и Домах культуры, при местных отделениях общества «Знание», наконец, при крупных книжных магазинах секции библиофилов и клубы любителей книг. В 1947 г., как уже упоминалось, была организована при Ленинградском Доме ученых Секция коллекционеров (с 1964 г. переименованная в Секцию книги и графики), с 1953 г. существует Секция книги при Московском Доме ученых. Клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств в Москве существует с 1961 г., в Харькове с 1962 г., в Херсоне, Кемерове, Москве (при Центральном Доме литераторов и Центральном Доме журналиста) с 1966 г., в Баку и Одессе, Днепропетровске с 1967 г. и т. д.

Краткое изложение сведений об этих библиофильских объединениях позволит нам представить читателю разнообразие их характера и интенсивность их деятельности.

Переходя к непосредственному рассмотрению деятельности советских библиофильских объединений послевоенных десятилетий, мы прежде всего должны продолжить обзор материалов, относящихся к истории Секции коллекционеров при Ленинградском Доме ученых, о возникновении которой было сказано в предшествующей главе.

Первоначально Секция коллекционеров состояла из подсекций библиофилов, филателистов и филокартистов, затем в первой подсекции образовалась группа экслибрисистов, появились группы нумизматов и бонистов, собирателей граммофонных записей, наконец, собирателей афоризмов.

В течение первых лет своей деятельности Секция коллекционеров переживала период становления, некоторые группы — например, филателистов, нумизматов, собирателей граммофонных записей и др.,— либо вовсе перестали существовать, либо выделились в самостоятельные секции, либо вошли в состав других, так называемых, творческих секций Ленинградского Дома ученых. К началу 50-х годов окончательно определился состав групп Секции коллекционеров, а именно остались группы библиофилов, экслибрисистов и афоризмистов, и несколько упростилась структура ее руководства. Сначала существовало отдельное бюро секции и бюро группы. В дальнейшем сложилась традиция, согласно которой председатель Секции коллекционеров был одновременно председателем группы библиофилов.

С 1948 г. после смерти М. Н. Куфаева недолгое время председателем секции был доктор биологических наук Н. В. Шапчинский, затем более десяти лет ее возглавлял известный библиограф и шевченковед Ю. А. Меженко; после переезда последнего в Киев несколько лет председательствовал в секции К. П. Авдеев. С 1964 г. председателем секции был П. Н. Берков. Ученым секретарем Секции с 1951 г. бессменно состоит известнейший советский экслибрисист Б. А. Вилинбахов, одновременно руководящий группой собирателей книжных знаков.

Основной формой деятельности секции были и остаются доклады и сообщения постоянных участников ее занятий и приезжих гостей. В первые годы работы секции с докладами выступали акад. В. М. Алексеев («Из моих коллекций китайских лубочных картин», 15 февраля 1949 г.), акад. И. Ю. Крачковский («Арабские стихи и афоризмы в похвалу книге», 13 декабря 1949 г.), член-корр. АН СССР Н. К. Пиксанов («Мое Грибоедовское собрание», 19 апреля 1949 г.), Ю. А. Меженко («Пути моего собирательства коллекции Шевченкиана», 12 октября 1948 г.) и др. На заседаниях секции были сделаны доклады, послужившие в дальнейшем отправным пунктом для создания таких книг, как «Записки старого книжника» Ф. Г. Шилова, «Родители, наставники, поэты. Книга в моей жизни» Л. И. Борисова, «Полвека среди книг» П. Н. Мартынова, «Библиографические и историко-литературные разыскания» Б. Я. Бухштаба. Выступали со своими библиофильскими воспоминаниями и характеристиками личных собраний такие видные ленинградские библиофилы, как проф. В. А. Десницкий, поэт Вс. А. Рождественский, писатель Л. И. Раковский.

Своеобразной и очень полезной формой работы секции является устраиваемый в каждый первый вторник месяца обмен информацией о новых поступлениях в собрания членов секции или сообщения последних о каких-либо интересных коллекциях книжного, графического и иного характера, имеющихся у них. Подобный обмен сведениями дает возможность членам секции следить за новинками советской художественной литературы, библиографии, библиофилии, экслибристики, за деятельностью советских графи-

ков (интереснейшие сообщения Д. И. Котельникова) и т. д. Ценные сведения о зарубежных русских изданиях XIX в. по материалам своего собрания сообщает Г. А. Голубенский, сопровождая демонстрацией продукции Вольной русской типографии А. И. Герцена и др. А. Ф. Клинушин показал часть своей интереснейшей коллекции письменных принадлежностей с древнейших времен, собрание перегородчатых эмалей, а также подбор игральных карт Александровской мануфактуры и других русских и иностранных фирм, попутно сообщая данные по литературе вопроса. Можно было бы перечислить очень много разнообразных и чрезвычайно любопытных материалов, проходящих перед посетителями таких «вторников», которые получили название «университет библиофила».

Кроме докладов, сообщений и информаций о новых поступлениях, большое место в работе секции занимали выставки, экспонаты для которых поступали из собраний членов секции. Так, в 1949 г. были организованы выставки по случаю 25-летия со дня смерти В. И. Ленина, 150-летия дня рождения А. С. Пушкина и 50-летия со дня смерти А. В. Суворова, в 1952 г.— посвященная 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя, в 1953 г.—250-летию со дня основания Петербурга, в 1954 г.—150-летию со дня рождения М. И. Глинки, в 1956 г.—200-летию со дня рождения Моцарта, в 1964 г.—125-летию со дня рождения М. П. Мусоргского, в 1965 г.—125-летию со дня рождения П. И. Чайковского и 100-летию со дня рождения А. К. Глазунова. Все выставки по истории музыки делались на материалах богатейшего собрания члена секции И. Б. Семенова; в 1963 г. состоялась особая, чрезвычайно интересная отчетная выставка И. Б. Семенова, посвященная 40-летию его собирательства материалов музыкальной культуры России и Запада. В 1957 и в 1962 гг. были организованы выставки по случаю 10- и 15-летия деятельности секции; в первой из них были выставлены экспонаты из знаменитых собраний проф. В. А. Десницкого, Ю. А. Меженко, Б. А. Вилинбахова, В. А. Меньшикова и др. С 1958 по 1963 гг. регулярно устраивались выставки книжных знаков, исполненных в 1956—1963 гг.

Выставки организовывались, помимо Дома ученых, также в Доме писателей, в Доме офицеров, в Выборгском и других дворцах и домах культуры. За 20 лет деятельности секции всего было осуществлено около 100 юбилейных, отчетных и тематических выставок. Как правило, они пользовались большим успехом у посетителей, о чем свидетельствуют записи в книгах посещений.

Издательская продукция Секции книги и графики ЛДУ за 20 лет ее существования не соответствует проведенной ею научно-исследовательской и научно-популяризаторской работе. В первые два года (с октября 1947 г. по начало июня 1949 г.) секция издала 12 пригласительных билетов-памяток, довольно хорошо исполненных в типографском отношении. К сожалению, в дальнейшем бюро секции пришлось отказаться от таких изданий и ограничиться оповещениями о своих занятиях в сводных «Календарных планах

политических, научных и культурно-массовых мероприятий». Время от времени секции удавалось печатать типографским способом пригласительные билеты с программой занятий на предстоящий месяц, но затем приходилось вновь обращаться к старым способам информации. В последние несколько лет, в дополнение к сообщениям в сводных «Календарях», секция информирует общественность о своей работе при посредстве пригласительных билетов, неряшливо отпечатанных на ротаторе, в то время как секция книги МДУ и секция библиофилов Ленинградского Дворца культуры им. С. М. Кирова печатают пригласительные билеты на каждое заседание, а пригласительные билеты Московского клуба экслибрисистов, Клуба любителей книги при Центральном Доме работников искусств, Клубов книголюбов при Центральном доме литераторов и Доме журналиста, Харьковском клубе друзей книги и Херсонского клуба книголюбов художественно-полиграфически оформлены весьма удачно.

Кроме билетов секции удалось издать семь каталогов выставок книжных знаков (с 1956—1957 по 1963 г. включительно). Несомненным достижением секции в издательском отношении является выпуск «Памятной адресной книжки» (Л., 1958, 25 с.), в которой перечислено 100 коллекционеров, преимущественно библиофилов и собирателей афористической литературы. Эта книжечка, несмотря на свой небольшой объем, оказалась очень полезной и вызвала даже подражания («Справочник коллекционера. Адреса обществ, клубов, кружков и отдельных любителей-коллекционеров СССР». Алма-Ата, 1965, 116 с.; странным образом, библиофилов в этом справочнике нет).

В заключение обзора деятельности секции следует отметить еще одну форму ее работы — оказание помощи экспертизой и консультациями различным музеям, Ленфильму, обществу «Знание», Отделу культуры Ленгорисполкома, Народному суду, Угрозыску, Ленкниготоргу, Ленфотохудожнику и другим учреждениям и организациям Ленинграда, а также большому количеству отдельных лиц. Музею истории Ленинграда секцией были принесены в дар некоторые экспонаты.

В отчете за период с 1947 по 1967 г. ученый секретарь секции Б. А. Вилинбахов писал: «Несмотря на наличие в работе секции целого ряда недостатков, надо признать, что актив ее затратил много сил и времени для проведения в жизнь главной задачи секции — пропаганды коллекционирования, задачи очень трудной и ответственной, особенно принимая во внимание, что свыше десяти лет секция являлась единственной в СССР коллекционерской организацией».

Одним из наиболее серьезных недостатков в работе секции является то, что в ее составе невелико число молодых библиофилов (среди афоризмистов процент молодежи выше). Но, по-видимому, это явление общее для всех подобных объединений, как советских, так и зарубежных.

При Секции книги и графики работают, как уже указывалось выше, группа экслибрисистов и группа афоризмистов. О первой из них мы упоминали, говоря о выставках и издательской деятельности секции. Группа же афоризмистов заслуживает особого внимания. Она была организована по инициативе ленинградского журналиста А. Б. Лоева и объединяет до 30 человек. Предметом собирательства афоризмистов является, во-первых, литература об афористических жанрах (собственно афоризмах, пословицах, поговорках и т. д.), и, во-вторых, выборка афоризмов, изречений, максим и других видов афористической литературы из произведений разных писателей. Участники группы организуют вечера, на которых читаются изречения и мысли (афоризмисты различают эти разновидности жанра) К. Маркса, В. И. Ленина, И. С. Тургенева, М. Горького и др.

Насколько нам известно, подобная группа впервые возникла,— по крайней мере, в СССР,— именно при ЛДУ.

Есть основания полагать, что деятельность секции коллекционеров при ЛДУ в области книговедения сразу же по ее возникновении обратила на себя внимание тогдашнего президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, часто бывавшего в Ленинграде и проявлявшего интерес к работе Дома ученых. О С. И. Вавилове как книголюбе неоднократно говорят в своих воспоминаниях Ф. Г. Шилов и П. Н. Мартынов; нам уже приходилось попутно упоминать о его роли в организации в послевоенное время антикварной книжной торговли в академических магазинах. Однако об одной из важнейших его заслуг в области книголюбия надо сказать особо. С. И. Вавилову принадлежала идея создания Секции книги при МДУ, самого крупного и авторитетного книговедческого объединения в нашей стране.

О возникновении Секции книги в литературе существуют краткие и неясные сведения. В статье «Первые пятьдесят заседаний секции книги Московского Дома ученых АН СССР (из отчета бюро секции)» указывается, что в делах Дома ученых долго хранился проект, в котором, «за подписью покойного президента Академии наук С. И. Вавилова, намечалось создание при Доме ученых,— под председательством самого Сергея Ивановича и при деятельном участии, ныне также покойного, Р. К. Карахана — секции книги, главной задачей которой должно было явиться изучение научной книги и прежде всего ее истории. Преждевременная смерть этих обоих крупных деятелей в области книжного дела помешала тогда организовать секцию книги при Доме ученых» (60, с. 310). Как датирован этот документ, почему о нем сказано, что он «долго хранился», где находится он сейчас,— в статье не говорится.

Из других источников,— впрочем, также довольно скупых на подробности,— известно, что весной 1953 г. несколькими членами Дома ученых, по инициативе ныне покойных П. Х. Кананова и В. И. Шункова,— была подана в Совет Дома докладная записка о желательности и целесообразности создания секции книги. Среди

аргументов в пользу организации ее было указано и то, что «в Союзе писателей СССР иногда заслушиваются сообщения библиофильского характера» (60, с. 311). Анализ докладной записки в том виде, в котором она изложена в цитируемой статье, показывает, что инициаторы секции имели в виду весьма широкую книговедческую программу ее деятельности и лишь на самом последнем месте говорили о «библиофилии». Впрочем, из отчета о первых 50 заседаниях секции явствует, что и инициативная группа, и составители цитируемой статьи понимали библиофильство очень узко, подразумевая под «библиофилией» только коллекционирование книг.

Представленная в Совет Дома ученых докладная записка была одобрена, разрешение на организацию секции было дано, и 24 апреля 1953 г. состоялось первое ее заседание.

В течение 15 лет своего существования Секция книги развернула большую, разностороннюю и полезную деятельность, судить о которой дают возможность отчеты, появившиеся в сборниках «Советская библиография» (1954, № 37) и «Книга» (вып. I и VI), а также напечатанная на ротаторе книжечка «Сто заседаний секции книги» (М., 1961) и другие материалы. Еще в большей мере, можно представить себе деятельность секции по докладам, частично печатающимся в виде статей в сборниках «Книга. Исследования и материалы» (тт. 1—15).

Анализируя тематику докладов, прочитанных в секции за 15 лет ее деятельности, нельзя не поразиться ее разнообразию и содержательности. В упомянутой книжечке «Сто заседаний секции книги» доклады, состоявшиеся за первые восемь лет, сгруппированы по следующим,— не вполне выдержанным в классификационном отношении,— рубрикам: «История книги», «Типы изданий», «Полиграфическое оформление книг», «Искусство книги», «Издательское дело», «Книжная торговля», «Библиография», «Библиотечное дело», «Библиофилия», «Разные вопросы».

Среди докладчиков секции мы встречаем имена виднейших советских книговедов, библиофилов, писателей, литературоведов, библиографов, издательских и библиотечных работников: А. С. Зернову, В. А. Истрина, П. Х. Кананова, Н. П. Киселева, С. А. Клепикова, И. Н. Кобленца, Е. Н. Коншину, И. М. Кудрявцева, В. Г. Лидина, А. И. Маркушевича, А. В. Позднеева, А. А. Сидорова, К. Р. Симона, Б. Д. Удинцева, С. П. Фортинского, К. И. Чуковского, В. Н. Шумилова и других. С отчетами о своей деятельности в области искусства книги выступали А. Д. Гончаров, В. А. Фаворский, Д. А. Шмаринов. Несколько заседаний было посвящено чествованию старейших деятелей советского книговедения (Б. С. Боднарского, Н. П. Киселева) и памяти ушедших (А. С. Зерновой, Н. П. Киселева и др.).

Темы докладов, прочитанных в секции по истории книги, искусству книги, библиографии и т. д., настолько интересны и богаты, что следовало бы привести весьма длинный список. Отметим те, которые представляются нам тематически наиболее интересными:

Н. П. Киселев «Неизвестные произведения печати И. Гутенберга и П. Шеффера»; В. Н. Шумилов «Рукописи Архива древних актов»; И. М. Кудрявцев «Издательская деятельность Посольского приказа»; С. А. Клепиков «Русские гравированные книги XVI — XVIII вв.»; А. А. Сидоров «Грамматика Ивана Федорова», «Достижения и задачи советского книговедения», «Как складывалось советское книговедение»; Т. А. Быкова «Светские книги эпохи Петра Первого»; И. Н. Кобленц «Смирдин — выдающийся книжник пушкинской эпохи»; А. И. Маркушевич «Об искусстве печатной книги», «Искусство книги (XVIII век)»; С. П. Фортинский. Доклады об экслибрисах и издательских марках»; К. Р. Симон «Конрад Геснер — великий библиограф эпохи Возрождения».

Особо следует выделить доклады по библиофильству и связанной с ними антикварной торговле: В. Г. Лидин «О книжных находках», «Друзья мои — книги»; Н. П. Смирнов-Сокольский «Книги моей библиотеки», «Рассказы о книге».

Нельзя не обратить внимания на то, что доклады этой группы пользовались наибольшим успехом. «Большую аудиторию,— читаем мы в отчете,— собрали выступления двух наших известных собирателей книг — В. Г. Лидина и Н. П. Смирнова-Сокольского, в образной и увлекательной форме поделившихся со слушателями своими радостями нахождения некоторых замечательных книг» (146, с. 313).

Сюда же должны быть отнесены доклады: В. В. Кунина «Ричард де Бери (1286—1345). Филобиблон. (Из истории книгособирательства на Западе)»; С. П. Фортинского «Московские библиофильские организации первых лет Советской власти» и др. Библиофильский характер имели доклады, перечисленные в списке «Сто заседаний секции книги» под рубрикой «Книжная торговля» (с. 3): Н. Н. Накоряков. «Книжная торговля первого десятилетия Советской власти»; С. Е. Поливановский. «Современная книжная Москва»; П. Х. Кананов. «Воспоминания Юнка „50 лет антиквара“» и др. В марте 1966 г. состоялся вечер памяти П. П. Шибанова. После вступительного слова В. Г. Лидина были прочтены отрывки из неизданных воспоминаний П. П. Шибанова «Полвека с букинистической книгой и ее друзьями».

Значительный интерес по замыслу представляет 154-е заседание секции 17 марта 1967 г., озаглавленное «Встреча книголюбов Москвы, Ленинграда, Харькова». К сожалению, организовано оно было неудачно: приглашений библиофилам Ленинграда своевременно послано не было; представители Харькова на заседание приехать не смогли, и, таким образом, первая попытка устроить нечто вроде всесоюзной встречи советских библиофилов не реализовалась.

Мы упоминали, что часть докладов, прочитанных на заседаниях секции, увидела свет в сборниках «Книга». К сожалению, однако, не все. Так, остался неопубликованным доклад проф. А. И. Маркушевича «Об искусстве печатной книги», отрывки из воспоминаний П. П. Шибанова. Надо полагать, что причиной сдержанности,

проявляемой редакцией сборников «Книга» к статьям с библиофильской тематикой, равно как и руководством Секции книги к докладам подобного рода, является лишь постепенно, но слишком медленно изживаемое в определенных книговедческих кругах предубеждение против библиофильства, сохранявшееся с 20—30-х годов.

Первым председателем секции был проф., позднее член-корр. АН СССР В. И. Шунков (1906—1967), в то время директор Фундаментальной библиотеки общественных наук. Следующим председателем был известный библиограф-краевед и литературовед Б. Д. Удинцев. Оба недолго руководили работой секции, первый с весны 1953 г. по весну 1954 г., второй с 1954 г. по весну 1957 г.

А. И. Маркушевич

С 1957 г. председателем секции является крупнейший современный советский библиофил А. И. Маркушевич, профессор математики Московского университета, вице-президент Академии педагогических наук СССР. С его приходом в секцию работа последней очень оживилась, количество докладов в течение академического года увеличилось, началось типографское оформление повесток заседаний, выезды секции на производство — в Библиотеку СССР им. В. И. Ленина, в библиотеку Дворца культуры Автозавода им. Лихачева и пр.

Первый доклад А. И. Маркушевича в Секции книги после его избрания председателем состоялся 8 января 1958 г. и назывался «Об искусстве печатной книги»; он представлял одновременно и теоретическую декларацию нового председателя секции и являлся в своей иллюстративной части известной характеристикой личного собрания докладчика.

В специально изданных тезисах доклада мы читаем: «Докладчик рассматривает искусство книги как систему средств, способов и приемов, позволяющих придать книге красивую и гармонирующую с ее назначением форму. Важнейшими из этих средств являются шрифт и бумага. К ним присоединяются еще не обязательные, но применявшиеся уже в древнейших книгах такие средства, как использование иных цветов помимо белого и черного (например, красного), украшения, иллюстрации... и т. д.».

Далее А. И. Маркушевич говорил: «Искусство книги, как и всякое искусство, не знает, конечно, абсолютной системы требований. Его написанные нормы менялись и меняются в зависимости от изменения общественной функции книги, от изменения характера тех слоев общества, которые являются основными потребителями книги».

«Задача доклада,— продолжает А. И. Маркушевич,— проследить на конкретных примерах книг, созданных типографами и художниками разных времен и народов, эволюцию характерных черт искусства книги. Докладчик ограничится рассмотрением книг, отобранных в его коллекции. Чтобы провести это рассмотрение с большими подробностями, предполагается брать образцы, относящиеся к первым двум с половиной столетиям истории книги (XV—XVII века)».

Заканчиваются тезисы так: «Предполагается при этом отмечать некоторые особенности оформления, которые непосредственно не связаны с эстетическими запросами, но имеют целью удобства пользования, обеспечение сохранности и т. п.».

Тезисы доклада проф. А. И. Маркушевича «Об искусстве печатной книги» приведены нами полностью, но не в качестве документа по истории развития взглядов советских книговедов на предмет и содержание понятия «искусство книги», а для того, чтобы очертить круг библиофильских интересов докладчика и иметь возможность перейти к характеристике его библиотеки. Здесь необходимо сразу же внести уточнение: библиотека А. И. Маркушевича, как он постоянно подчеркивает (65, с. 6) является общей библиотекой — его жены, А. В. Маркушевич, и его самого. Книги обоими библиофилами приобретаются прежде всего по принципу их значения в истории искусства книгопечатания, а также в истории книги. Количество книг в библиотеке А. В. и А. И. Маркушевичей не превышает 18 тысяч единиц, но это замечательное собрание восхищает красотой, сохранностью и, так сказать, интересностью экземпляров. Гордостью собрания А. В. и А. И. Маркушевичей является коллекция инкунабулов, превышающая 50 номеров, среди которых имеются две «Библии бедных», неизвестные в самых полных библиографиях инкунабулов. Другую «жемчужину» библиотеки Маркушевичей составляет книга 1508 г. на нижненемецком языке об открытии Америки, в свое время вызвавшая столько волнений в библиофильском мире. Недавно ими были приобретены «Principia» Ньютона 1687 г., которые в последние годы на знаменитых аукционах лондонской фирмы Содби (Sotheby) идут не менее, чем по 6 тысяч долларов за экземпляр. Библиотека А. В. и А. И. Маркушевичей, бесспорно, является самой интересной библиотекой в нашей стране и имеет международное значение, принадлежа по своему характеру к библиотекам типа С. А. Соболевского, С. Д. Полторацкого и других библиофилов середины прошлого столетия — знатоков европейской книги XV — XVIII вв. Однако интересы А. В. и А. И. Маркушевичей шире — их интересует искусство книги и XIX — XX вв.

Вполне понятно, что под руководством столь просвещенного, пламенного библиофила, как А. И. Маркушевич, работа Секции книги МДУ имеет особую направленность,— преимущественно в области истории и искусства производства книги

Секция книги Московского Дома ученых

Отчет о первом восьмилетии деятельности секции книги сообщает, что членами бюро за разные периоды ее деятельности состояли Б. С. Боднарский, Ю. В. Григорьев, М. К. Дерунова, П. Х. Кананов, Н. П. Киселев, С. А. Клепиков, Г. Г. Кричевский, Н. И. Сахаров, К. В. Сивков, К. Р. Симон и др. Имена почти всех названных лиц то в большей, то в меньшей степени известны в истории советского книговедения и библиофильства.

Н. И. Сахаров, отставной военный, в течение многих лет является несменяемым ученым секретарем Секции книги, а также инициатором, организатором и незаменимым заместитетелем главного редактора сборников «Книга». Его энергии и организаторским способностям многим обязаны как советское книговедение в целом, так и Секция книги МДУ.

Обращаясь к издательской деятельности Секции книги, можно отметить, что она не соответствует ее научной и пропагандистской работе. В основном она выразилась в форме публикации печатных программ, повесток и билетов. До осени 1957 г. пригласительные

повестки на заседания секции печатались на ротаторе и были нисколько не лучше повесток Секции книги и графики ЛДУ; они оформлялись настолько небрежно, что установить по ним хронологическую последовательность заседаний за отсутствием указания

года и порядкового номера заседания почти невозможно. С осени 1957 г. до осени 1965 г. секция периодически выпускала прекрасно оформленные повестки и пригласительные билеты, напечатанные на меловой бумаге, коричневой или синей краской, а иногда даже в две краски. Эти издания имеют серийную марку. С осени 1965 г., со 141-го заседания (по ошибке под этим номером были напечатаны две повестки), секция издает пригласительные билеты, внешнее оформление которых не может идти ни в какое сравнение с серией 1957—1964 гг.

Кроме повесток, программ и билетов, в указанную серию вошла под № 14 хорошо изданная книжечка «Сто заседаний секции книги» (М., 1961, 18 с.), содержащая хронологический перечень докладов, состоявшихся с 24 апреля 1959 г. по 12 апреля 1961 г., с небольшим предисловием, излагающим историю возникновения секции. Эта книжечка существует в двух вариантах: первый — с маркой секции работы художника А. И. Юпатова (на наружной стороне фронтисписа) и с проектом титульного листа подготовлявшегося сборни-

ка «Очерки книговедения» работы художника П. М. Кузаняна — на фронтисписе; второй — без этой странички.

К числу своеобразных «изданий» секции можно отнести оттиск статьи П. Х. Кананова и Г. Г. Кричевского «В Секции книги Московского Дома ученых» (сб. «Советская библиография», 1954, № 37), имеющий отдельно напечатанную обложку работы художника П. М. Кузаняна со следующим текстом: «Московский Дом ученых Академии наук СССР. Первый год работы Секции книги 1953—1954. М., 1955». (тираж 30 экз.).

Общественный авторитет секции очень значителен. Одним из проявлений этого было следующее: отмечая полезную деятельность секции в развитии советского книговедения, Комитет по печати при Совете Министров СССР наградил ее медалью в ознаменование 400-летия русского книгопечатания, предоставив ей право передачи, по ее усмотрению, одному из наиболее заслуженных ее деятелей. По единогласному решению бюро секции медаль была передана проф. Н. П. Киселеву в день празднования его 80-летия.

Подводя итоги рассмотрению деятельности секции, мы снова должны отметить ее ведущую роль среди советских общественных организаций, изучающих книговедческие дисциплины в широком плане. Однако из изложенного выше явствует, что библиофильская тематика занимает в ее работе самое последнее место, несмотря на то, что интерес к докладам В. Г. Лидина и Н. П. Смирнова-Сокольского, собиравшим большую аудиторию, говорил об обратном. Непонятно, как после этих сведений, приведенных в отчете о первых 50 заседаниях Секции книги, в следующем обзоре (51—100 заседания) с эпическим хладнокровием сообщалось: «Ни одного доклада не заслушала секция и по вопросам библиофилии, хотя эта тематика, бесспорно, имеет большое значение в борьбе за культуру советской книги, для исследований по истории книги» (147, с. 356).

После приведенных данных нам представляется неоправданной претензия историков секции считать ее прямым «потомком» Русского общества друзей книги,— претензия, высказанная в отчете о первых 50 заседаниях секции (60, с. 310).

Бесспорным подтверждением нашей точки зрения является то, что с конца 50-х годов в Москве возникло четыре новых библиофильских объединения — три клуба любителей книги и один клуб экслибрисистов, работающих независимо от секции Дома ученых. К рассмотрению их деятельности мы обратимся сейчас, а в заключение отметим, что в последние годы в работе секции в части библиофильской тематики заметен некоторый сдвиг (упомянутые доклады В. Г. Лидина, В. В. Кунина, попытка устроить встречу книголюбов Москвы, Ленинграда и Харькова).

Может быть, особо интересным мероприятием секции в этой области следует признать ее выездное заседание в библиотеке Дворца культуры Автозавода им. Лихачева. В отчете о работе бюро секции с февраля 1962 г. по ноябрь 1964 г. сказано, что засе-

дание прошло с большим успехом, собралось 180 книголюбов рабочих и инженеров завода, были заслушаны доклады А. И. Маркушевича на тему о роли книги и книгособирательства в жизни советского человека, Р. С. Гиляревского — о книге будущего, В. Н. Ляхова — о советской книге за рубежом.

Клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств в Москве был создан по инициативе члена-корреспондента

Клуб любителей книги при ЦДРИ
За столом: В. М. Лобанов, Н. П. Смирнов-Сокольский, В. Г. Лидин, С. В. Герасимов
Выступает А. Д. Гончаров

Академии художеств СССР В. М. Лобанова, В. Г. Лидина, Н. П. Смирнова-Сокольского, А. А. Сидорова, С. В. Герасимова, А. Д. Гончарова и других в середине 1959 г.

Первая встреча любителей книги состоялась 18 ноября 1959 г.: выступили С. В. Герасимов, А. Д. Гончаров, Б. А. Дехтерев, А. А. Сидоров, Н. П. Смирнов-Сокольский и Д. А. Шмаринов. Как первый вечер клуба, так и почти все последующие состоялись под председательством В. М. Лобанова. Фактически его заместителем является А. Ф. Иваненко. Заседания Клуба происходят почти регулярно раз в месяц (за исключением летнего перерыва); в середине 1968 г. была объявлена уже 65 встреча. К каждому заседанию Клуба печатаются типографски оформленные билеты, иногда сделанные очень хорошо, например: «2-я встреча» (иллюстрации В. А. Фаворского); «27-я встреча» (Д. И. Митрохин); «33-я встреча»

(Д. Даран); «36-я» (М. Ю. Лермонтов); «38-я» (Е. С. Кругликова); «54-я» (В. А. Милашевский).

Тематика занятий Клуба соответствует составу его участников — работников искусств. Это преимущественно доклады о творчестве мастеров советской графики, о деятельности советских книгоиздательств, в особенности первых лет революции.

Однако и литературная тематика также занимает много места в работе Клуба: состоялись встречи с писателями (И. Г. Эренбургом, Н. П. Кончаловской, Н. А. Павлович), были устроены заседания, посвященные литературной Москве и Одессе первых лет революции, литературной Москве начала века, А. Блоку, Э. Багрицкому, С. Есенину, А. Грину. Интересно по замыслу заседание «О том, что не напечатано. Рассказ о сокровищах, хранящихся в Центральном гос. архиве литературы и искусства СССР и о последних находках» с докладом директора архива Н. Б. Волковой и выставкой материалов из фондов ЦГАЛИ. Второе подобное заседание состоялось в апреле 1967 г. в серии «Навстречу 50-летию Октября» под названием «Рассказывает и показывает ЦГАЛИ». К этой же группе примыкает доклад И. С. Зильберштейна «Три месяца поисков во Франции».

Не оказалась забытой в деятельности клуба и чисто библиофильская тематика. На одних заседаниях В. Г. Лидин читал отрывки из своей — тогда еще не напечатанной — книги «Друзья мои — книги»; другие были посвящены «Букинистической Москве начала века», Н. П. Смирнову-Сокольскому и пр.

Клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств занял в библиофильском мире Москвы видное место и вызвал в 60-е годы ряд последователей, о чем будет сказано ниже.

Среди личных библиотек, особенно прославившихся в 50-е годы, следует выделить великолепное собрание народного артиста РСФСР Н. П. Смирнова-Сокольского, имя которого многократно упоминалось нами на предшествующих страницах. Впрочем, дать полную, исчерпывающую характеристику этой библиотеки мы не можем: только подробное описание ее в двух томах —«Моя библиотека» Н. П. Смирнова-Сокольского — позволяет в полной мере оценить ее общекультурное и специально-библиофильское значение. На основании личных впечатлений и печатных материалов мы охарактеризуем собрание Н. П. Смирнова-Сокольского.

Н. П. Смирнов-Сокольский (1898—1962) — один из крупнейших советских актеров эстрады,— еще с юношеских лет увлекся собиранием книг. Постепенно круг его библиофильских интересов становился более определившимся и строгим: Н. П. стал собирать книги только по истории русской культуры, литературы, общественной мысли. Свою библиотеку он формировал около 40 лет и — как он писал в статье «Твоя личная библиотека»,— по принципу «цепной реакции», т. е. переходя от одной заинтересовавшей его книги к другим, по тем или иным причинам близким к первой. Так, в первый раз прочитав «Войну и мир» Толстого, Н. П. стал

собирать книги о ее авторе и о войне 1812 г. Прочтение «Тихого Дона» Шолохова вызвало интерес Смирнова-Сокольского к советской литературе и, в частности, к произведениям о гражданской войне. «Когда еще в юности,— писал Н. П.,— я „заболел" Пушкиным, это вызвало свою „цепную реакцию". Я прочел произведения Радищева, Новикова, Ломоносова, полюбил книги поэтов пушкинской и послепушкинской поры. Мое увлечение Пушкиным „подарило" мне много замечательных книг. Среди них — прижизненные издания трудов самого поэта и моя счастливая находка —„Путешествие из Петербурга в Москву" Александра Радищева в первом издании 1790 года — одна из самых редких и знаменитых русских книг». ...«„Цепная реакция", о которой я рассказываю,— продолжал Н. П.,— по-моему, и есть система составления личной библиотеки. Конечно, не единственная и непременная, ибо дело это в конечном счете очень индивидуальное» (154).

В результате упорных, настойчивых и целенаправленных поисков, потребовавших больших затрат времени и денежных средств, библиотека Н. П. Смирнова-Сокольского стала собранием ценнейшего в истории русской печатной книги с петровских времен и до наших дней,— весь XVIII — XIX — XX в., альманахи, журналы, книги с автографами, редкие рукописи, альбомы, письма и т. д.

В многочисленных газетных статьях о собрании Н. П. Смирнова-Сокольского каждый автор по своему вкусу и разумению, по степени своих знаний или своего невежества называет те или иные поразившие его редкости этой замечательной библиотеки. Однако ни такие статьи, ни книги самого Н. П. Смирнова-Сокольского — «Рассказы о книгах», «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина», «Русские литературные альманахи и сборники XVIII — XIX вв.»— не дают полного представления об этом собрании в целом, не дают потому, что никакое простое перечисление замечательных, редких и редчайших книг какой-либо библиотеки не может воспроизвести ее моральной атмосферы, ее историко-культурного лица.

Всякий раз, когда я знакомлюсь de visu, лицом к лицу с какой-нибудь библиотекой,— будь это прославленное собрание Б. С. Боднарского, В. А. Десницкого, Н. К. Пиксанова, В. Г. Лидина, Н. П. Смирнова-Сокольского, А. И. Маркушевича, М. С. Лесмана или относительно небольшие библиотеки А. П. Каллиго, А. Д. Алексеева, Н. Д. Кочетковой и др.,— меня больше, чем «цимелии» данных коллекций, интересует «дух», моральная атмосфера этих книжных собраний. У латышей есть хорошая пословица: «Книжный шкаф растет с человеком». Мне кажется, возможно сказать — и это будет не менее правильно: «Человек растет со своим книжным шкафом, со своими книжными поисками».

Библиотека Н. П. Смирнова-Сокольского — это не только замечательнейшее книжное собрание советского времени; это — выдающееся явление советской культуры.

Глава десятая

Библиофильство в 50—60-е годы (окончание)

Вопросы антикварной и букинистической торговли.— Новые объединения книголюбов.— Харьковский Клуб любителей книги.— Попытка кемеровских книголюбов.— Секция библиофилов при Ленинградском Дворце культуры им. С. М. Кирова.— Секция журналистов-книголюбов при Центральном Доме журналиста (Москва). — Клуб книголюбов при Центральном Доме литераторов (Москва).— Херсонский Клуб любителей книги.— Клуб любителей книги при Одесском Доме ученых.— Клубы любителей книги в Днепропетровске и Баку.— Отдельные личные библиотеки 50 — 60-х годов.

Настоящую главу нашей книги нам приходится назвать так же, как и предшествующую, по той причине, что строго разграничить историю советского книголюбия двух последних десятилетий еще очень трудно, настолько тесно они связаны. Кроме того, принятый нами порядок рассмотрения истории советского библиофильства в первую очередь по объединениям книголюбов и лишь во вторую по отдельным крупным собирателям заставляет нас излагать факты о деятельности таких библиофильских организаций, как Секция книги и графики ЛДУ, Секция книги МДУ и Клуб любителей книги при ЦДРИ полностью в одном месте, а не дробя их по десятилетиям.

Вместе с тем в течение 60-х годов количество объединений книголюбов в СССР возросло в таком объеме, что нам представляется целесообразным выделить рассмотрение соответствующих материалов в особую главу, тем более что и в отношении книгоснабжения библиофилов в истекающее десятилетие стали намечаться новые тенденции. Обнаруживаются некоторые особенности и в тематике работы новых объединений. Все это оправдывает выделение материалов 60-х годов в главу, являющуюся окончанием предыдущей и в то же время — самостоятельной.

Вопросы антикварной и букинистической торговли, основного источника роста собраний книголюбов, с такой остротой встававшие уже в 50-е годы, еще в большей степени продолжали волновать библиофилов и книготоргующие организации в истекающем десятилетии. В центральной, областной и специальной печати стали часто появляться статьи и индивидуальные и коллективные письма в редакции, настойчиво предлагавшие расширить сеть антикварных и букинистических магазинов, восстановить так называемые «развалы», уличные книжные ларьки и прием от населения книг на комиссию и т. д. Подымался также вопрос о необходимости руководящим органам книжной торговли дать указания подчиненной им сети антикварных и букинистических магазинов в отношении твердых цен на старые и редкие книги. В прессе выступают

и руководители книготорга, директора и работники книжных магазинов, и писатели, ученые, рядовые книгособиратели. Особенно много интересных материалов такого рода находится в журнале «Советская книжная торговля», издающемся с 1949 г. (сейчас называется «Книжная торговля»). Но и в общей прессе встречаются статьи, обращающие на себя внимание. «Книголюбы,— пишет в статье „Друзья книги“ директор Ленкниги С. В. Капустин,— настойчиво и непрерывно ставят вопрос о расширении торговли букинистической книгой. И справедливо!» «В огромнейшем городе,— продолжает автор,— всего лишь шесть букинистических магазинов, причем три из них сравнительно небольшие». (62).

В секциях книги МДУ, книги и графики ЛДУ и библиофилов при Ленинградском Дворце культуры им. Кирова в последнее десятилетие устраивались выступления руководителей книготорга по вопросам антикварной и букинистической торговли. Однако трудно сказать, дали ли эти встречи какие-нибудь конкретные результаты,— в особенности для периферийных книголюбов, часто жалующихся на то, что в их местах совершенно нет букинистических магазинов и что «Книга — почтой» столичных и областных магазинов не удовлетворяет их потребностей.

В № 4 «Книжного обозрения» за 1968 г. напечатаны адреса книжных магазинов Москвы, Ленинграда и областных городов РСФСР, в № 5 — по национальным республикам, причем только магазинов, высылающих «Книгу — почтой». К великому сожалению книголюбов, в списке московских магазинов указан только один магазин букинистической книги, по Ленинграду — пять, по Киеву — один. Насколько это мало, ясно само по себе.

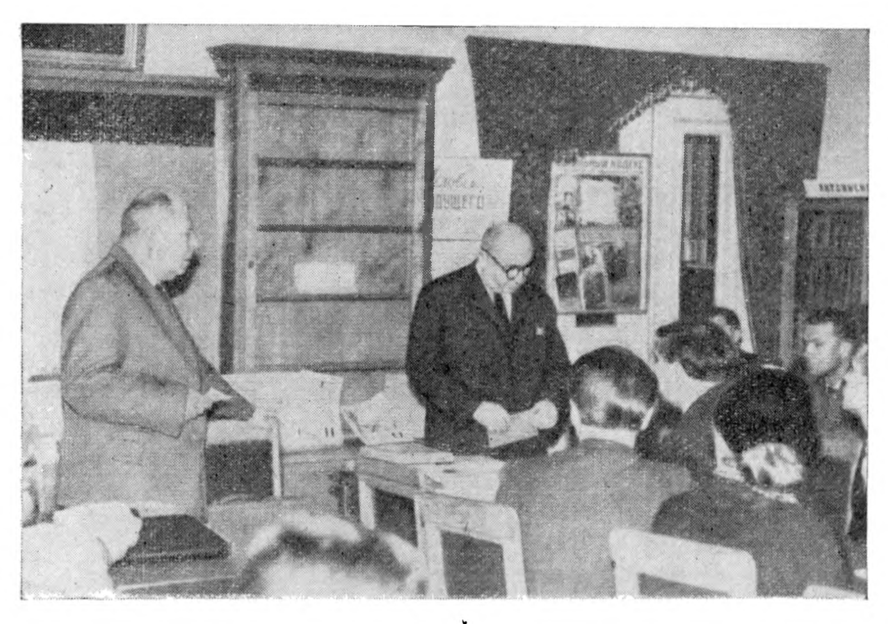
Мы уже упоминали о неудачной попытке Союзкниги урегулировать вопрос о ценах на букинистическую и антикварную книгу путем издания в самом начале 60-х годов трехтомного «каталога-прейскуранта». Вопрос этот и сейчас остается остро актуальным, и работники книжных магазинов утешают библиофилов, что разрабатывается новый каталог-прейскурант. Если он будет составляться теми же «специалистами» и теми же методами, то ожидать пользы от него едва ли следует.

Вместе с тем в 60-е годы появились новые серии изданий, например, «Сокровища мировой поэзии», альманахи «Прометей» и «Эврика», которые сразу же стали предметом собирательства. Особым успехом в последнее десятилетие пользуются так называемые «книги о книгах», иными словами, библиофильская литература. В этой связи напомним, что стали появляться такие издания, как «Справочник любителя книги» С. И. Эвниной и Н. Н. Греховодова (Челябинск, 1960) и «Записная книжка книголюба» Л. М. Иньковой и В. Д. Стельмах (М., 1967). Задача их — ориентировать любителей книги в планах выпуска печатной продукции различных издательств и сообщить адреса книжных магазинов в разных городах; здесь же встречаются перепечатки статей на библиофильские темы, советы, как читать («Заповеди читателя») и «Что читать

о книге». Сознают ли составители и издатели таких книг или не сознают этого, но перед нами — несомненные зародыши альманахов библиофила. Сама жизнь наталкивает книголюбов и издательства на создание специального печатного органа, который стал положительно необходим при современном состоянии, при современном росте советского библиофильства.

Не претендуя на полноту сведений, мы изложим собранные нами данные о развитии библиофильских объединений в СССР в последнее десятилетие.

Наиболее ранней попыткой в этом направлении, после возникновения библиофильских организаций, рассмотренных в предше-

Первое заседание Харьковского клуба книголюбов

ствующей главе, был Клуб друзей книги при библиотеке Дворца культуры им. А. М. Горького (Ленинград). Печатный пригласительный билет извещал о том, что 26 марта 1961 г. состоится открытие клуба и что в вечере примут участие писатель Леонид Борисов и поэты Сергей Орлов и Вадим Шефнер. По собранным нами сведениям, этот клуб не был долговечен и не успел определить своего библиофильского характера.

Первым подлинно библиофильским советским объединением, возникшим в 60-е годы и к тому же вне Москвы и Ленинграда, был Клуб любителей книги в Харькове, начавший свою деятельность в ноябре 1963 г. и плодотворно работающий по настоящее время. Создан он был по инициативе Харьковского обкома КПУ — при

Харьковской Научной библиотеке им. В. Г. Короленко и сразу же приобрел большую популярность среди местных книголюбов. Заседания клуба происходят обычно раз в месяц, ко многим из них заранее печатаются афиши-плакаты и специальные пригласительные билеты, довольно удачно выполненные. Во главе Клуба бессменно стоит известный украинский книговед, доцент И. Я. Каганов, автор ценных трудов по истории книги на Украине, собравший интереснейшую личную библиотеку. В газете «Соціалістична Харківщина» (1965, 21 дек.) была помещена его статья «Двадцать пять заседаний Клуба», содержащая любопытные сведения о работе этого библиофильского объединения, а также характеристики некоторых крупных книголюбов Харькова, например, проф. В. М. Жаботинского, в замечательной библиотеке которого есть много редких материалов по изобразительному искусству и искусству книги. Естественно, в программе занятий клуба большое место уделяется украинской и специальной харьковской тематике, например, «Редкие издания произведений Т. Г. Шевченко» (А. И. Черкашина), «Юбилейные шевченковские эстампы харьковских графиков» (Н. Н. Безхутрого), «Из истории советской пародии (Как создавался «Парнас дыбом», Харьков)» (А. М. Финкеля), «Деятели книжной культуры в старом Харькове (Х. Д. Алчевская, В. Я. Данилевский, С. Н. Игумнов, Л. Б. Хавкина)», «К 350-летию киевского книгопечатания» (В. К. Мазманянц) и т. д. Клуб устраивает содержательные юбилейные заседания, например, по случаю 700-летия со дня рождения Данте, 400-летия со дня рождения Шекспира и др. Специальные заседания были посвящены В. И. Ленину, выходу в свет издания «Ленин и книга», юбилею Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва), Ивана Франко, Эжена Потье и пр.

В течение 1967/68 г. в харьковском Клубе состоялись доклады на темы: «К. Маркс и книга», «В. И. Ленин и книга», «Великий книголюб А. М. Горький», «Книга в жизни советского человека» и т. п.

В упомянутой выше статье «Двадцать пять заседаний Клуба» И. Я. Каганов писал: «Любовь к книге — благородная страсть, которой „все возрасты покорны“. Рядом с пожилыми людьми на заседаниях клуба присутствуют школьники, студенты, молодые инженеры, учителя, врачи». Автор отмечает с огорчением, что, несмотря на то, что клуб работает в тесном контакте с обществом «Знание» и Научной библиотекой им. В. Г. Короленко, участие библиотечных работников в деятельности клуба недостаточно. Это странное и огорчительное обстоятельство отмечается в работе и других библиофильских объединений СССР.

К заслугам Харьковского клуба любителей книги следует отнести то, что с его помощью организовались аналогичные клубы в Херсоне и Днепропетровске (см. ниже).

В хронологическом порядке мы должны здесь назвать попытку создания объединения книголюбов г. Кемерово. Благодаря любез-

ности П. М. Богданова, активнейшего пропагандиста экслибристики на Урале, мы располагаем материалами, освещающими краткую историю кемеровской организации книголюбов. Она возникла в конце 1964 г. 18 декабря состоялось ее первое заседание, на которое были разосланы специально отпечатанные билеты, а в местной газете была помещена заметка «Приходите на встречу» (137). Программа заседания включала доклады «Художественная литература в жизни В. И. Ленина» (Н. И. Кравдич), «Рождение книги „Смерть Егора Сузуна“ В. Липатова» (П. О. Бекшанский), «Любимая музыка классиков русской литературы» (В. Л. Мухоярова), «Экслибрис — знак дружбы и единения человека с книгой» (П. М. Богданов), и т. д. Второе заседание, программа которого нам точно не известна, было малочисленным, и после него больше встреч не было. Объясняется это тем, что в то же самое время в Кемерове возникла сильная и активная организация экслибрисистов, поглотившая всю энергию лиц, состоявших ранее в Клубе книголюбов. И хотя в секции книжной графики (так сейчас называется кемеровская организация экслибрисистов) иногда ставятся доклады о личных библиотеках (например, о библиотеке известного исследователя Сибири П. Л. Драверта — сообщение проф. Е. Д. Логачева), но это не меняет положения вещей — объединения книголюбов в таком большом центре, как Кемерово, нет.

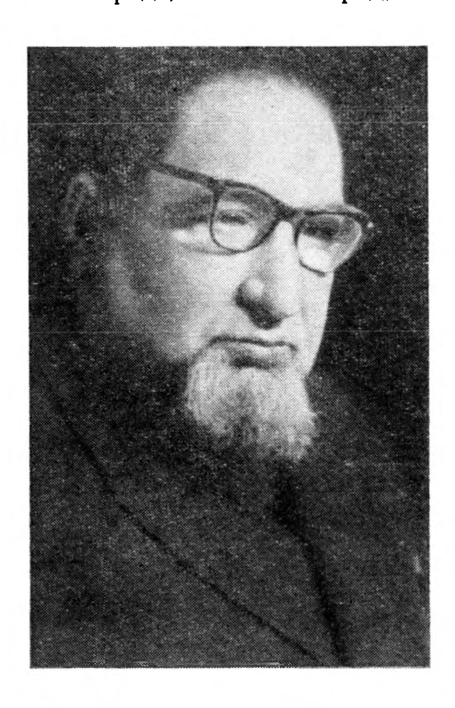
Заметим, что на первом пригласительном билете кемеровских книголюбов были напечатаны строки из стихотворения Веры Инбер:

Шелест книжных страниц
  Нам сопутствует в жизни повсюду,
От бурлящих столиц
  До поселка у тихой запруды,
От горящих низин
  До просторов полярного круга,
От кудрей до седин...
  Книга — нет у нас лучшего друга.

По-видимому, маленький экслибрис оказался сильнее книги, о которой кемеровские организаторы клуба так торжественно сказали словами поэтессы,—«нет у нас лучшего друга».

Осенью 1965 г. при Ленинградском обществе коллекционеров возникла секция библиофилов, с начала своего существования работающая во Дворце культуры им. С. М. Кирова, а в последнее время частью в Доме книги на Невском проспекте. Одним из основных организаторов секции и активных ее деятелей является журналист А. Б. Лоев, о котором как об инициаторе группы афористов в Ленинградском Доме ученых было сказано выше. Причин возникновения новой секции было несколько: во-первых, одно время дирекция ЛДУ очень строго следила за тем, чтобы мероприятия, устраиваемые в помещениях Дома, посещались исключительно его членами и их семьями; в результате этого много лиц, являвшихся активными участниками работы Секции книги и гра-

фики, но не состоявшие членами Дома ученых, вынуждены были прекратить свою работу в секции и подсекциях; во-вторых, деятельность Секции книги и графики, равно как и ее групп, имела довольно академический, специализованный характер, соответствовавший, впрочем, составу ее членов; между тем в таком огромном городе, как Ленинград, имеются разные категории книголюбов, различающиеся и по своим библиофильским интересам, и по возрасту, и даже местожительству. Таким образом, существование нескольких библиофильских организаций в Ленинграде вполне закономерно и, как показывают результаты, несомненно приносит пользу делу. Создалось как бы естественное разделение труда: секция библиофилов Ленинградского общества коллекционеров (с 1967 г.— Ленинградского отделения Всероссийского общества филателистов) ведет более массовую работу, Секция книги и графики — более академическую, научную. Секция библиофилов является как бы первым этапом библиофильского образования книголюбов, преимущественно молодых, а Секция книги и графики служит в известной мере следующей ступенью такой работы.

А. Б. Лоев

Первым председателем Секции библиофилов был известный ленинградский библиофил, юрист Г. А. Голубенский, один из активных членов Секции книги и графики ЛДУ; по состоянию здоровья, он, однако, скоро вынужден был оставить кресло председателя, уступив это место Я. Б. Рабиновичу, обладателю выдающейся по полноте и редкости экземпляров библиотеке, посвященной морскому делу в России. Все же главным двигателем работы секции библиофилов все время является А. Б. Лоев, энергии которого она обязана регулярным печатанием подробных пригласительных билетов, почти всегда содержащих основные положения или программы докладов, имеющих нередко библиофильский и даже общий интерес; кроме того, секция издает памятки, подборки афоризмов на книжные темы (совместно с секцией афоризмистов), устраивает выставки литературы — к докладам и независимо от последних. Особенно заслуживает внимания выставка «Читатель, рожденный

Октябрем» (есть «Приглашение»— программа). С 1968 г. при Секции библиофилов стал работать клуб любителей экслибрисов.

Из числа докладов, программы которых опубликованы в пригласительных билетах секции, особенно следует отметить: «Мемуары в моем собрании» (Ф. Н. Малыгина), «Культурное значение и некоторые особенности личных библиотек» (проф. В. А. Мануйлова), «Как я стал книголюбом» (писателя Л. О. Раковского), «Русская морская библиотека» (Я. Б. Рабиновича), «Радости и огорчения книголюба» (А. А. Кроленко), «Рассказы о древнерусских книгах, книжниках и книголюбах» (канд. филол. наук Н. Н. Розова), «Писатели — герои литературных произведений» и «Искусство чтения» (проф. М. С. Альтмана), «Писатели — библиофилы» (писателя Л. И. Борисова).

Нельзя обойти молчанием полезную, перспективную форму работы, применяемую секцией библиофилов. А. Б. Лоев устраивает собеседования с учащимися старших классов школы, молодыми рабочими, иногда студентами на темы: «Любите книгу!» Особенностью таких собеседований является то, что они представляют экскурсию в богатую личную библиотеку А. Б. Лоева. По имеющейся в нашем распоряжении расшифровке магнитофонной записи этой беседы видно, что на участников экскурсии и знакомство с библиотекой собирателя, и форма собеседования, более свободная и непринужденная, чем лекция или доклад в залах Дворца культуры или Дома ученых, производят большое впечатление и имеют несомненное воспитательно-библиофильское значение.

У секции библиофилов Дворца культуры им. С. М. Кирова есть еще одна своеобразная черта — по своему возрастному составу она моложе ряда известных нам библиофильских объединений.

В конце того же 1965 г. в Москве образовалась секция журналистов-книголюбов при Центральном Доме журналиста (ЦДЖ). Инициатива создания секции исходила, с одной стороны, от библиотеки ЦДЖ, а с другой, от старого большевика, члена Союза журналистов СССР В. Ф. Карпыча. Первое организационное заседание секции состоялось 10 декабря 1965 г. В ней состоит около 70 членов; бюро возглавляет председатель секции канд. филол. наук Н. Ф. Пияшев. На первых порах секция журналистов-книголюбов работала два раза в месяц, в дальнейшем — раз в месяц. К заседаниям («встречам») печатаются типографски оформленные приглашения, чаще всего с указанием темы заседания; иногда,— например, в повестке на девятую встречу 19 мая 1966 г.,— предмет занятий не уточнен, но прибавлено: «Вас ждет большой книжный базар, на котором будет представлена современная и букинистическая книга».

Мы, к сожалению, не располагаем необходимыми материалами для полной характеристики деятельности секции, но по полученным нами повесткам можно заключить, что одной из тем, особенно привлекающих внимание участников этого библиофильского объединения, является вопрос о книге в работе журналиста. Так, напри-

мер, седьмая встреча (16 марта 1966 г.) была посвящена известному советскому журналисту М. Е. Кольцову (1898—1942), десятая — теме «В. В. Воровский и книга (по новым материалам)»— доклад председателя секции Н. Ф. Пияшева.

Молодым, но очень энергичным библиофильским объединением является Московский Клуб книголюбов Центрального Дома литераторов, возникший по инициативе директора ЦДЛ Б. М. Филиппова, долго работавшего в той же должности в ЦДРИ и имевшего возможность наблюдать успешную деятельность клуба любителей книги ЦДРИ. В пригласительном билете на первое собрание клуба Библиотека Центрального Дома литераторов, от имени которой исходило обращение, сообщала, что встреча состоится 8 февраля 1966 г. и что на ней будет обсуждаться статут клуба, а также будет заслушана информация С. А. Ляндреса: «Кое-что о редких советских книгах». В этом билете была напечатана своеобразная декларация инициаторов клуба: «Мы хотим совместными усилиями и с помощью знатоков-книговедов ознакомиться с личными и государственными книжными собраниями, побольше узнать о судьбах наиболее интересных редких книг, глубже вникнуть в вопросы издательского дела, быть в курсе новостей отечественной и зарубежной полиграфии, встречаться с художниками книги, учеными-библиографами и т. д.». В инициативную группу по организации клуба вошли В. Б. Шкловский, И. Л. Андроников, С. А. Ляндрес, А. Р. Палей. На первом заседании клуба был избран совет, в состав которого, кроме членов инициативной группы, вошли также Б. М. Филиппов, Л. Я. Боровой. Председателем совета был выбран В. Б. Шкловский, а двумя его заместителями Л. Я. Боровой и С. А. Ляндрес. В дальнейшем в составе совета произошли некоторые изменения, с осени 1967 г. в него входят В. Б. Шкловский, И. Л. Андроников, В. Г. Лидин, Е. И. Осетров, А. М. Турков и др.

Пригласительный билет на 23-е заседание Клуба книголюбов ЦДЛ

Спецификой клуба книголюбов ЦДЛ является особый подход к выбору тем докладов; это в основном — роль книги в работе

писателя над собственной книгой. Однако соблюсти эту специфику в полной неприкосновенности совету не удается, и, на наш взгляд, в этом отказе от узкой и прямолинейно проводимой программы есть внутренняя логика, подсказываемая самой жизнью.

С 1966 по май 1968 г. состоялось 20 заседаний Клуба. Кроме упомянутого выше выступления С. А. Ляндреса, остальные доклады и сообщения могут быть сгруппированы так:

а) о личных собраниях писателей (В. Б. Шкловский. «Как я собирал библиотеку»; Е. А. Таратута. «Моя рабочая библиотека»; М. И. Белкина. «Поэзия XX века (библиотека А. К. Тарасенкова)». К докладам В. Б. Шкловского и М. И. Белкиной были устроены выставки из библиотек соответствующих собирателей.

б) на тему «Книга — в процессе работы писателя над книгой»— В. А. Каверина, С. Н. Маркова и др.

в) на тему «Книги, рожденные Октябрем»— Вера Хоружая и ее «Письма на волю». История одной книги, рассказанная литератором С. С. Кэмрадом; «Как создавалась книга П. Д. Малькова „Записки коменданта Московского Кремля“» А. Я. Свердлова.

г) на теоретические темы по книговедению — И. Н. Кобленц. «Какой же будет книга будущего»; О. Г. Ласунский. «Библиофильство и наука» и др.

д) по истории советского книгоиздательского дела —«О художниках книги 20-х годов» К. М. Бурова; «Рождение Государственного издательства СССР»— воспоминания С. Алянского и Л. С. Хижинского (к обоим заседаниям были устроены выставки); «Из истории советского издательства» Н. Н. Накорякова.

е) по истории редких книг —«Редкие книги в Москве» А. Д. Иерусалимского; «Над чем работает Отдел редких книг Библиотеки СССР им. В. И. Ленина» Б. И. Козловского.

ж) по истории рукописей — сообщение В. Г. Лидина «О рукописи Натальи Дорошевич „Жизнь Власа Дорошевича“» (из воспоминаний дочери).

При всем разнообразии тематики читаемых в клубе докладов и сообщений несомненно все же, что главное внимание в его деятельности направлено на тему «Книга в жизни писателя». Тем более заслуживает нашего внимания доклад О. Г. Ласунского «Библиофильство и наука», единственный, о котором известно больше чем об остальных, так как на пригласительном билете на него, кроме названия, напечатана и краткая программа выступления. На наш взгляд, содержание доклада О. Г. Ласунского показательно для современного понимания библиофильства, мы приведем небольшую программу его выступления:

«Библиофильство и наука. Формы их взаимодействия.— Библиофильство — резерв знаний для последующих научных обобщений.— Сосредоточение разрозненных книжных собраний, сохранение уникальных собраний как одно из условий плодотворности научных изысканий в области истории литературы и книги.— Мемориальная ценность книг. Изучение достопримечательных биб-

лиотек. Библиофилы — авторы научных работ.— Слияние в одном лице специалиста и библиофила.— Библиофильские общества, их польза для науки.—Об этической стороне книговладения.—Специализация — основная направленность современного библиофильства.— Библиофильство и библиография.— Экслибрис как библиографический источник».

Мы не станем анализировать положения доклада О. Г. Ласунского, тем более полемизировать с ними, так как во многом, как можно видеть из настоящей книги и из других наших работ в области библиофильства, мы с ним согласны. Для нас этот доклад интересен тем, что в нем с должной обоснованностью подчеркнуто научно-общественное значение библиофильства и все отчетливее выражающаяся его советская коллективистическая природа.

Еще более молодым и также очень энергичным советским библиофильским объединением является Херсонский клуб любителей книги, возникший в сентябре 1966 г. по инициативе областного управления по печати, облкниготорга и городской организации общества «Знание».

Первое заседание клуба состоялось 29 сентября 1966 г., и с тех пор ведется его регулярная работа, о которой можно судить по печатному отчету «Херсонский клуб любителей книги (сентябрь 1966 г.— май 1967 г.) (Херсон, 1967, 7 ненум. стр., 150 экз.). Материалы подготовил председатель совета клуба М. А. Емельянов. О работе за вторую половину 1967 г. и о планах на 1968 г. дает представление «План работы клуба 1967—1968 гг.».

Херсонский клуб любителей книги не повторяет в своей деятельности направления других аналогичных советских организаций, у него свое особое лицо. Работа Херсонского клуба имеет более массово-пропагандистский характер, чем у других клубов, рассчитанных на научных работников, писателей, работников искусств, журналистов и т. д. В отчете клуба за 1966—1967 гг. перечислены темы заседаний, свидетельствующие о его стремлении обслужить по возможности более широкие круги книголюбов. Свою задачу Херсонский клуб видит в «пропаганде среди трудящихся художественной, научной и общественно-политической литературы». «С этой целью,— продолжает М. А. Емельянов,— для книголюбов читаются лекции, проводятся консультации, обзоры книжных новинок, встречи с писателями, поэтами, литературоведами, организовываются выставки-продажи литературы».

Просветительско-пропагандистский характер деятельности Херсонского клуба легко устанавливается при ознакомлении с темами, которым были посвящены занятия этого объединения за отчетный период: «800 лет со дня рождения Шота Руставели — великого грузинского поэта и мыслителя»; «О любви к книге»; «Рассказ о V съезде писателей Украины»; «Из истории книги»; «Что такое библиография»; «Что такое автограф. О книгах с автографами»; «Ленин и книга»; «Херсонские писатели в гостях у книголюбов»; «Книжные знаки В. Масика» (Открытие выставки).

В плане работ клуба на 1967—1968 гг. мы находим не менее актуальные и полезные темы: «Значение советской литературы в коммунистическом воспитании трудящихся»; «Великий Октябрь в периодике 1917 г.»; «Писатели Херсонщины 50-летию Великого Октября». (За круглым столом писатели и книголюбы); «Древнейшие памятники русского книгопечатания (О книгах XVI — XVII вв.)»; «Жизненный и творческий путь великого английского писателя-сатирика Д. Свифта»; «Книжный храм Херсонщины (Из истории областной библиотеки им. А. М. Горького)» и т. д.

В отчете, из которого извлечены эти сведения, приведены любопытные данные о наличии у члена клуба М. И. Горлова, дежурного электрика судоремонтного завода им. Куйбышева, письма поэта Аполлона Майкова и ряда книг с автографами советских писателей, а у инженера-конструктора того же завода В. А. Быстрова — рукописи одного произведения и трех писем В. Г. Короленко, а также книг с автографами А. Н. Бенуа, Д. Бурлюка и многих советских писателей.

Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, главой книголюбов Херсона является партийный работник М. А. Емельянов, майор в отставке. Питая любовь к книге с самого раннего возраста, он еще в армии, т. е. с 1941 г., пытался создать личную библиотеку, но неоднократные переезды из одной военной части в другую мешали осуществлению поставленной цели. После демобилизации М. А. Емельянов поселился в Херсоне и стал собирать книги по определенному плану. В настоящее время его библиотека состоит более чем из 1500 книг, среди которых имеется три прижизненных издания произведений Пушкина, «Похвала книге» И. А. Шляпкина и пр. Есть книга с автографом А. Блока.

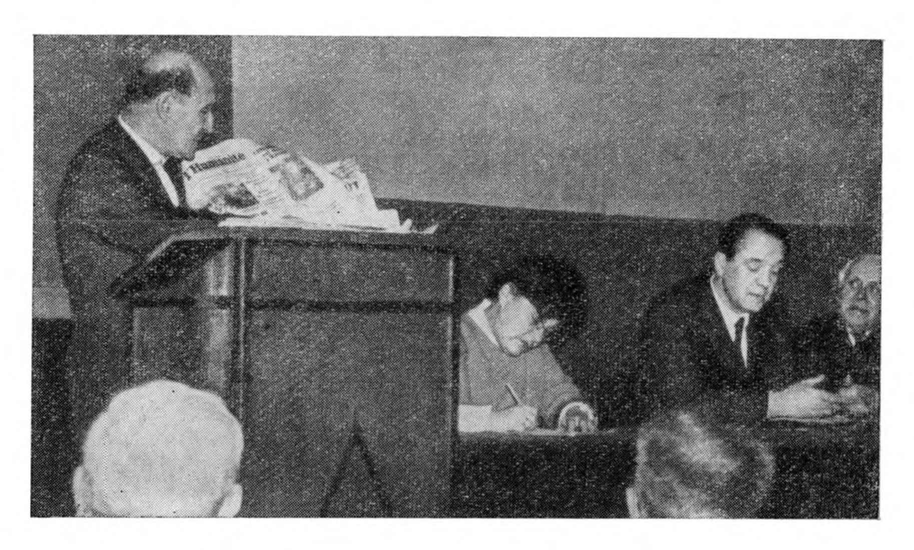
Интерес к книге заставил М. А. Емельянова поступить в 1960 г. на заочное отделение Харьковского института культуры по специальности библиотековедение и библиография, которое он с отличием окончил в 1965 г.

По инициативе М. А. Емельянова в 1964 г. при Херсонском обществе коллекционеров была создана секция книголюбов, более подробных материалов о деятельности которой мы не могли получить. Несомненно, однако, что эта секция была предшественницей теперешнего Херсонского клуба любителей книги. Единственным изданием секции является книга В. А. Быстрова и М. А. Емельянова «Экслибрисы херсонских книголюбов» (Херсон, 1965, 4 с., 18 табл. с ориг. экслибрисами; 50 экз.).

Печатная продукция Клуба отличается от изданий других клубов любителей книги. Нам известны первый пригласительный билет на первое заседание 29 сентября 1966 г., затем книга В. А. Быстрова и М. А. Емельянова «Книжные знаки В. Масика» (Херсон, 1967, 5 с., 11 табл. с ориг. экслибрисами; 100 экз.), а также упомянутые отчет за 1966—1967 гг. и план на 1967 и 1968 гг.

Херсонский клуб любителей книги, как можно судить по доступным нам материалам, делает большое и полезное дело, пропа-

гандируя любовь к книге как советского времени, так и более ранних эпох. То обстоятельство, что его руководство не придало деятельности клуба узкого направления, свойственного некоторым советским библиофильским организациям 30—40-х годов, а делает ставку на широкую популяризацию знаний о книге, внушает нам надежду, что это — правильный путь, по которому следовало бы пойти и некоторым вновь создающимся объединениям книголюбов. Однако мы должны оговориться,— мы считаем путь, избранный Херсонским клубом любителей книги, правильным, но не единственным: в такой огромной стране, как наша, есть разные катего-

Первое заседание секции библиофилов Одесского Дома ученых

рии книголюбов, библиофилов, и это, естественно, создает разные профили клубов и секций библиофилов. Важно то, что деятельность всех их помогает росту советской культуры и способствует распространению любви к книге, знанию ее и ее истории, подъему советского искусства книги.

Следующей в хронологическом порядке библиофильской организацией, официально начавшей свою деятельность в 1967 г. и продолжающей существовать и в настоящее время, является секция любителей книги при Одесском Доме ученых, фактически возникшая несколько раньше. По словам председателя секции (с 1968 г. Клуба) любителей книги проф. И. Л. Дайлиса, происхождение этой организации таково: «Наши книголюбы имели обыкновение собираться в букинистическом магазине и там обсуждать различные книжные новости. Но такие собрания были случайными, неорганизованными. И вот, по предложению моему, совместно с полковником медицинской службы И. М. Федорковым и заведующей мага-

зином В. И. Меленчук, было решено провести объединение книголюбов, создать возможность организованных собраний и обсуждений книг и тем...». В конце декабря 1966 г. инициативная группа согласовала вопрос с правлением Одесского Дома ученых, и 18 января 1967 г. состоялось первое заседание научной секции книголюбов. На этом заседании старшим библиографом Одесской университетской библиотеки В. С. Фельдманом был сделан доклад «От библиотеки Ришельевского лицея к научной библиотеке университета», а редактор одесского издательства «Маяк» С. П. Полищук сообщил о планах издательства на 1967 г.

На том же заседании было принято положение о работе секции и о ее формах. Таких форм в деятельности секции определилось две: а) «встречи», на которых происходит обмен информацией о так называемых «интересных книгах», как новых, так и старых, и б) «заседания» с докладами и сообщениями на специальные темы.

Из перечня докладов, состоявшихся в первый год деятельности секции, отметим те, которые показались нам наиболее определяющими ее физиономию: упомянутый доклад В. С. Фельдмана об университетской библиотеке (в состав которой вошел ряд ценнейших собраний XVIII в. и всего XIX в.— М. С. Воронцова, А. С. Строганова, многих профессоров Новороссийского — Одесского университета и т. д.), доклад проф. С. Я. Борового «Книга в Одессе в первой половине XIX столетия», сообщение Ж. Н. Кравченко и Л. В. Ляликовой «Фонды и редкие книги научной библиотеки им. Горького» (т. е. университетской), доклад О. И. Ноткиной «О литературных изданиях в Одессе, посвященных Октябрьской революции и ее отражении в городе», В. С. Фельдмана «Периодическая печать Одессы эпохи Октябрьской революции и гражданской войны», Е. Ф. Чижевской «О лучших библиотекарях Одессы» и др.

Кроме докладов, посвященных книге и библиотекам Одессы, заслуживают внимания также выступления О. Н. Вовчок «Об особенностях последнего издания произведений В. И. Ленина», доц. Устенко «Об изданиях „Кобзаря" Шевченко», доклады об И. Г. Эренбурге, М. А. Булгакове, о русских изданиях Казановы (36—37).

В целом работа секции любителей книги ОДУ представляется нам содержательной и разнообразной, и довольно высокая посещаемость «встреч» и «заседаний», как свидетельствуют статистические сведения, сообщенные нам, подтверждает наши впечатления.

В целях привлечения еще большего контингента книголюбов Одессы секция с января 1968 г. приняла решение переименовать себя в клуб любителей книги.

Печатная продукция секции не особенно велика. Дом ученых рассылает членам секции повестки на заседания и встречи (печатные и машинописные). Кроме того, как и в календарных планах других Домов ученых, регулярно печатаются сведения о работе клуба на каждый данный месяц. Так, например, в «Календарном плане на январь 1968 г. намечены встреча на тему: «Интересные книги поэзии» и доклад Н. М. Спектора «Выдающиеся книжники».

В 1966 г. возник также и клуб любителей книги в Днепропетровске. Он создан по инициативе Областной библиотеки им. Октябрьской революции и лектория общества «Знание». По образцу некоторых московских библиофильских объединений председатель Днепропетровского клуба называется «ведущим заседания»,— им является проф. А. Л. Бельгард, доктор биологических наук, страстный библиофил и пропагандист литературы.

В 1967—1968 гг. состоялись доклады на темы: «Ленин и книга», «Современная советская литература», «Библиография в помощь книголюбам» и др. В качестве докладчиков выступают работники местных и иногородних высших учебных заведений—проф. Л. Д. Иванов, доц. Г. Л. Агаян, доц. И. Я. Каганов (Харьков) и др. (41).

По-видимому, самым юным детищем советского библиофильского движения должно признать Клуб любителей книги в Баку. Первое заседание его состоялось 25 января 1967 г. и было посвящено книгам, подготовляемым издательствами Азербайджана к 50-летию Великого Октября. В афише об открытии Клуба любителей книги, изданной от имени Азербайджанского книготоргового объединения «Азеркитаб» и Бакинской городской организации общества «Знание», напечатан тематический план занятий клуба на первое полугодие 1967 г. на азербайджанском и на русском языках: «Классики марксизма-ленинизма о роли книги в формировании человека», «Твоя личная библиотека», «Выдающийся прозаик, драматург и публицист Джалил Мамедкулизаде (К 100-летию со дня рождения)», «Расцвет поэзии Советского Азербайджана (К 50-летию Великого Октября)», «Военно-патриотическая тема в советской азербайджанской литературе» (46).

Подобный параллельный метод чтения докладов на национальном и русском языках представляет новшество и заслуживает изучения.

Председателем Бакинского клуба любителей книги является Г. С. Дудко, заместитель начальника книготоргового объединения Баку.

В Новосибирске в клубе Академического городка в конце 1967 г. состоялся удачно прошедший вечер книголюбов, однако регулярной деятельности новосибирских любителей книги затем не последовало (107).

Кроме рассмотренных выше организаций, сведения о которых с большей или меньшей полнотой нам удалось,— иногда не без больших усилий,— добыть, в нашей стране имеется, вероятно, еще немало и таких, данных о деятельности которых в печати мы не нашли, может быть, по нашей вине.

Значительно больше есть в периодической печати сведений об отдельных личных библиотеках и книголюбах. К сожалению, из-за недостатка места мы не можем даже бегло охарактеризовать крупные библиотеки, принадлежащие книголюбам, о которых нередко

пишется в наших журналах и газетах,— В. Г. Лидина, Б. С. Боднарского, Н. К. Пиксанова, А. А. Сидорова, Ю. Г. Оксмана, Н. К. Гудзия, А. В. Кокорева, А. П. Могилянского, Д. А. Рамзаева, И. Д. Смолянова, Л. О. Раковского, М. С. Лесмана, Н. С. Ашукина, Б. М. Тенина, Л. М. Леонова и др. Некоторым дополнением к настоящей главе являются те страницы моих «Русских книголюбов», на которых сообщены сведения о ряде перечисленных выше библиотек.

Отмечу также, что по недостатку места, а в некоторых случаях — материала в настоящую книгу почти не вошли сведения о советских библиофилах Украины (Ю. А. Меженко, А. И. Белецкий, П. Г. Тычина, М. Ф. Рыльский, П. Н. Попов, Ф. Ф. Максименко и др.), Белоруссии (В. В. Борисенко, Ю. С. Пширков), Грузии (И. Г. Гришашвили, В. С. Шадури, Ш. Н. Нуцубидзе, Г. В. Бебутов), Армении (Т. С. Ахумян, акад. Л. А. и проф. Р. О. Оганнесяны) и т. д.

Считаю нужным также повторить сказанное выше,— в настоящей книге я не ставил своей целью перечислить всех или хотя бы очень крупных советских библиофилов. Как история литературы не есть история всех, кто напечатал хотя бы одну книгу; как история торговли не есть перечень всех купцов, торговцев и лавочников, так и история библиофильства не должна быть рассказом о всех или даже о всех крупных книголюбах. Моей задачей было охарактеризовать, по мере возможности, лишь коллективные усилия советских книголюбов в культивировании любви к книге, в изучении ее прошлого и настоящего, в научной разработке библиофильской тематики, в частности — искусства книги.

Конечно, мы не могли не давать «портреты» отдельных библиофилов, но когда вставал вопрос, сообщить ли сведения еще о каком-нибудь одном или нескольких книголюбах или рассказать о своеобразии того или иного местного клуба любителей книги, недостаток места вынуждал нас предпочитать второй путь первому, как бы ни считали себя обиженными некоторые из книголюбов, любезно сообщавшие нам материалы о своих библиотеках.

По той же причине мы не останавливались на деятельности различных обществ, секций, клубов экслибрисистов. То время, когда экслибристика являлась только одной из форм библиофилии, прошло. Сейчас она, благодаря настойчивой,— еще с 20-х годов,— пропаганде члена-корреспондента АН СССР А. А. Сидорова, а затем проф. С. П. Фортинского, Б. А. Вилинбахова, П. Амбура, Е. Н. Минаева, П. М. Богданова, О. Г. Ласунского и многих-многих других стала самостоятельной отраслью советской культуры — изучением особой формы малой графики. Как показывает тематика докладов Московского клуба экслибрисистов, Кемеровской секции книжной графики, недавно возникших клубов экслибрисистов в Ленинграде (а также и группы экслибрисистов при ЛДУ), в Харькове, Красноярске и т. д., как показывают организуемые во многих городах нашей страны выставки экслибрисов, художник — автор книжного знака отчасти вытеснил в сознании собирателей книголюба —

заказчика экслибриса. И как ни превосходно работают Московский клуб экслибрисистов, ленинградские, кемеровские и другие экслибрисисты — методика их современной работы представляется нам только уклоном, который со временем пройдет. Разве не достойны изучения заказчики экслибрисов, их вкусы, характер их собраний? Разве не достойны изучения и даже осмеяния некоторые архаизаторские тенденции в экслибрисистике (например, появление,— пусть в виде исключения,— геральдических книжных знаков)? Наконец, то, что у некоторых экслибрисистов больше денег уходит на заказы книжных знаков, чем на приобретение книг?

Но вопрос об экслибрисистике — отдельная проблема, на которой мы, как уже сказано, останавливаться не будем.

Возвращаясь к нашей основной теме, мы должны прежде всего отметить, что, несмотря на сравнительно короткий срок существования советского библиофильства, оно поражает исследователя многообразием форм своей деятельности, своего вклада в историю советской культуры, в изучение роли книги в жизни классиков марксизма-ленинизма, в жизни советских писателей и ученых, советского человека вообще. Нет необходимости и возможности перечислять здесь все эти формы. В меру своих сил мы пытались это показать в разных местах данной книги, считая, что опыт различных библиофильских объединений, начиная от Русского общества друзей книги и кончая Клубом любителей книги в Баку, может быть полезен и другим, вновь создающимся организациям советских книголюбов, и историкам русской книги, искусства, литературы, науки.

Мы твердо убеждены в том, что история советского библиофильства — естественная и законная часть советской культуры.

Заключение

Чему учит нас история советского библиофильства

Материалы по истории советского библиофильства, как и всякие исторические материалы, во-первых, дают возможность представить более или менее конкретно самый путь развития этой области советской культуры, и во-вторых, на основании обнаруженных принципов, направлений, тенденций этого пути развития определить стоящие перед советским библиофильством задачи.

Наша работа представляет попытку рассмотрения истории советского библиофильства за 50 лет. Мы не стремились упомянуть в этой книге как можно больше имен отдельных библиофилов, книголюбов, книгособирателей, владельцев библиотек, «документалистов» и т. п. Своей первой задачей мы считали собрание и систематизацию фактов и установление основных этапов и форм развития библиофильства в СССР за время с 1917 г. по 1967 г.; второй — определение внутренней логики этого развития, установление тех общих принципов, которые двигали это развитие, которые пробивали себе дорогу в жизнь,— чаще всего неосознанно — в повседневной деятельности отдельных советских библиофилов и в деятельности их объединений.

Основная часть настоящей книги позволила нам проследить в хронологической последовательности отдельные этапы истории советского библиофильства, т. е. представить себе факты внутренне связанного процесса его развития. Мы видели, как в 1917—1918 гг. рушилось, исчезало, обращалось в прах старое дореволюционное дворянско-буржуазное эстетское библиофильство, как в зареве пылающих деревенских помещичьих усадеб и городских барских особняков гибли старые родовые или благоприобретенные библиотеки. Однако в то же самое время перед нами проходил грандиозный процесс обогащения государственных, национальных книгохранилищ, сделавший Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеку Академии наук СССР и ряд библиотек республиканских Академий наук крупнейшими мировыми книжными собраниями.

Мы видели также, как в 20-е годы в огромном масштабе, а в последующие десятилетия в меньших размерах,— не исключая и периода Великой Отечественной войны, когда темпы гибели одних библиотек и возникновения и роста других отчасти напоминали годы революции — неуклонно шел процесс создания библиофильских объединений, отчетливо ощущалось их стремление сохранить организационные формы, несмотря на не всегда благоприятные условия.

Возникновение и развитие библиофильских организаций, как бы они ни назывались в разное время,— обществами, секциями, клубами, кружками и т. д.,— вот наиболее своеобразная яркая черта советского книголюбия, резко отличающая наше библиофильство от дореволюционного, когда были только отдельные библиофилы-богачи и, за исключением Кружка любителей русских изящных изданий (1903—1917), состоявшего из петербургской библиофильской «элиты» тех лет, не было никаких объединений книголюбов. Сейчас же людей, любящих, ценящих, собирающих, преданно изучающих книги, в нашей стране миллионы.

Из материалов, публикуемых в прессе, с одной стороны, и известных — с другой, из повседневной действительности явствует, что в настоящее время в СССР есть две формы или два течения в проявлении любви к книге: одно — называющееся «друзья книги», другое —«любители книги», «книголюбы», «библиофилы».

Первые — это в основном страстные читатели «книгочии» или «книгочеи», группирующиеся вокруг библиотек, энтузиасты и пропагандисты культуры чтения; они не только умелые вербовщики новых читателей, не только активные помощники библиотекарей, работающие на общественных началах, но и дельные распространители политической, научной и художественной литературы среди широких масс населения, толковые организаторы книжных киосков и даже магазинов на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах.

Это движение возникло еще в 20-х годах. В 1925 г. в г. Владимире была напечатана небольшая брошюра, озаглавленная «Общество друзей книги. Изд. Владимирской губернской центральной библиотеки». На ее обложке и на титульном листе имеется эпиграф: «Да здравствует книга — орудие борьбы за освобождение пролетариата». В брошюре коротко сообщено о возникновении Общества, о сочувственном отношении к нему Н. К. Крупской, отрывки из письма которой приведены в тексте, и затем напечатан Устав Владимирского общества друзей книги. Для нас особенный интерес представляет § 1: «Общество друзей книги ставит своей целью оказывать библиотеке как очагу коммунистического просвещения помощь в ее работе и вообще содействовать поднятию интереса в массах к советской печати и наибольшему ее распространению» (120).

Аналогичные общества существовали в 1924—1925 гг. в Армавире, Великих Луках («Общество друзей красной книги»), Иваново-Вознесенске, в Москве при первой фабрике «Гознак», во Пскове,

в городах Татарской Автономной Республики, на станции Туркестан, в Ульяновске и т. д. Обсуждался вопрос о создании обществ друзей книги в Могилеве, Славгороде, Херсоне и др. Происходили районные конференции кружков друзей книги — в Павлово-Посадском районе Богородского уезда Московской губернии; в Татарии. Наконец, в статье В. Глазова «Не по шаблону» был поставлен вопрос об организации Всесоюзного общества «Друзья красной книги» или «Союз друзей красной книги СССР». Однако идея эта не отвечала тогда реальным потребностям и возможностям страны, и к концу 20-х годов движение заглохло. Материалы о нем сохранились на страницах еженедельника «Книгоноша» 1925 г.

После длительного перерыва движение друзей книги возникло в послевоенное время. О нем в 1959 г. писалось в «Литературной газете» следующее: «В нашей стране развертывается движение общественных пропагандистов — распространителей литературы. В прошлом году друзья книги распространили миллионы книг. Их усилия объединяют и направляют Советы друзей книги, созданные и создаваемые на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, в городах и районах страны. Они организуют и проводят книжные базары, читательские конференции, литературные вечера, направляют работу общественных распространителей книг, помогают книжным магазинам изучать спрос читателей» (164).

Несколько позднее, в 1962 г., «Известия» писали в передовой статье «Друзья книги» об этом серьезном явлении советской действительности. Рассказав о возникшем в Ленинграде на Балтийском заводе Совете друзей книги, организовавшем на общественных началах хорошо оборудованный книжный магазин, газета продолжала: «Добровольные помощники и добрые друзья библиотеки, книжных магазинов — рабочие и служащие предприятия — сами включились в выполнение благороднейшего дела — пропаганды и доведения литературы до каждой рабочей семьи. Их изобретательность, энергия достойны самой большой похвалы. Сотни и тысячи томов политической, художественной и технической литературы за короткое время продано труженикам завода» (45; 46).

Существуют и другие формы такого движения друзей книги,— объединение личных библиотек в одну, более крупную и предоставление ее в распоряжение разных коллективов,— жителей дома, поселка и т. д. Вот сообщение ТАСС из Ромнов, озаглавленное «Добрый почин книголюбов»: «Книголюбы поселка Недригайлов, имеющие личные библиотеки, предоставили их в общественное пользование. Таким образом, создан как бы филиал поселковой библиотеки...» (40; 148).

В Москве с 1961 г. существует Общество любителей книги Свердловского района, создавшее из ряда личных библиотек большую общественную библиотеку, которая активно ведет разнообразную интересную работу и, между прочим, состоит в контакте с международной организацией аналогичного характера (65, с. 7).

Наконец, самая распространенная форма деятельности друзей книги — предоставление личной библиотеки в пользование знакомым и мало знакомым людям. Обычно такие библиотеки устраиваются в поселках, где либо вовсе нет районных библиотек, либо последние не удовлетворяют местных жителей. Не раз писали в нашей печати о Е. Е. Тимошенко, друге книги или книголюбе из п. Токсово, Ленинградской обл., энтузиасте-пропагандисте осмысленного, самообразовательного чтения. «У Евгения Евгеньевича уже без малого пятьсот читателей. Чуть ли не каждый день сорок-пятьдесят человек проходят через палисадничек и поднимаются на знакомое крыльцо... Евгений Евгеньевич не просто выдает книгу, он является и ее пропагандистом. Беседуя со своими читателями, с детьми, выступая с докладами, он убежденно говорит о книге... И снова сюда идут люди: одни — чтобы почитать, другие — послушать стихи, поспорить о новой повести» (132; 59).

Чтобы дополнить портрет Е. Е. Тимошенко как друга книги, приведем еще одну цитату тех же двух авторов: «Ведь Евгений Евгеньевич не только „добровольный библиотекарь", но и „издатель". Вместе с членами местного литературного объединения, которым он руководит, Тимошенко выпускает рукописный журнал „Вокруг книги"...» (132; 59).

Наконец, и сам Е. Е. Тимошенко выступил в 1967 г. в журнале «В мире книг» с программной статьей «Книга должна работать!». В ней приводится «мысль о том, что книга — это прежде всего источник света, книга должна **читаться** (выделено Е. Е. Тимошенко.— *П. Б.*)», и сообщается, что автор статьи «свою скромную библиотеку открыл для всех желающих».

Во второй части статьи Е. Е. Тимошенко приводит фамилии ряда подобных ему энтузиастов-пропагандистов книги, создавших в селах, колхозах, где они живут, библиотеки на свои средства или на общественных началах.

В заключение статьи Е. Е. Тимошенко предлагает «всем таким книголюбам поддерживать между собою связь и, может быть, даже встретиться для обмена мнениями и опытом работы с читателями» (163).

Следуя всячески приветствовать благотворную, просветительскую деятельность Е. Е. Тимошенко и его единомышленников. И можно бы было приветствовать его статью еще больше, если бы она в своей полемической части, о которой будет сказано несколько ниже, не повторяла совершенно устарелой, в известной мере демагогической аргументации первого пореволюционного десятилетия.

Чтобы наша мысль стала вполне понятной, мы ограничимся сказанным о первом направлении в современном советском книголюбии и перейдем ко второму,— к направлению книголюбов-библиофилов.

Мы уже приводили выше слова А. Т. Твардовского о новом типе советского читателя — о читателе-собирателе (161; 162). Однако такой новый читатель не ограничивается одним лишь собиранием

того, что попадает в его руки случайно или в результате целеустремленных поисков. Такой читатель-книголюб посещает регулярно книжные магазины, следит за тематическими планами и всевозможными проспектами издательств, пишет письма в редакции газет и директорам издательств, требует включения в перспективные планы тех или иных книг и повышения тиражей изданий, негодует на не всегда удовлетворительную работу магазинов «Книга — почтой», предлагает восстановить книжные «развалы», уличные книжные ларьки, открыть букинистические магазины, улучшить работу магазинов по предварительным заказам — почтовым карточкам, и т. д.

Часты случаи, когда при каком-нибудь хорошо работающем книжном магазине,— например, «Буревестник» и «Молодой Ленинград»,— возникает литературный клуб, в котором покупатели обсуждают новые книги молодых ленинградских поэтов и прозаиков, организуют вечера зарубежной поэзии и выступления участников литературных кружков на близлежащих предприятиях. Известны такие же магазины-клубы в Минске и других городах.

Таких читателей-собирателей у нас, как предполагает А. К. Гладков в чрезвычайно интересной статье «Страна читателей», «наверняка несколько миллионов» (32). Жаль только, что автор настойчиво противополагает «собирателей-коллекционеров» «книжным собирателям обычного типа». В начале статьи А. К. Гладков вспоминает, как он в своей библиотеке нашел книжечку, оставшуюся ему от отца, и пишет: «Почему эта книга привлекла мое внимание? Сентиментальная память об отце? Возможно, но думается, что дело все же и не в этом. Просто я верю в то, что вокруг каждой книги читанной, перечитанной и бережно поставленной на полку, образуется как бы некая „аура", как сказали бы об этом символисты: ну, скажем, особая атмосфера, словно сохраняющая в себе следы интеллектуальной работы, проделанной кем-то, читавшим эту книгу».

Мы не разделяем этой веры в «ауру», хотя и приводили выше слова В. Г. Короленко о духовной атмосфере каждой настоящей личной библиотеки и сами говорили о духовном лице библиотеки. Однако мы полагаем, что, высказав подобную мысль, А. К. Гладков должен быть последователен и ему не следует иронизировать над библиофилами, дорожащими книгами из известных старых библиотек или редкими изданиями. Он пишет: «И кому не доставит удовольствия подержать в руках томик из библиотеки Вольтера или первое издание „Евгения Онегина"...— А ведь теми же приблизительно соображениями руководствуются книгособиратели-коллекционеры, когда охотятся за экземплярами из библиотеки Ефремова или за первым изданием „Простого как мычание" Маяковского: „эти книги были в руках Ефремова, в руках Маяковского!.."».

Между тем книголюбы-библиофилы занимаются не только собиранием и чтением приобретенных книг, но и серьезным их изучением и сообщением результатов своих исследований товарищам

по клубу, секции и т. д. Я имею здесь в виду не только книги Н. П. Смирнова-Сокольского, В. Г. Лидина, О. Г. Ласунского, не только доклады и статьи А. И. Маркушевича. Вот пример из заметки «Книжные судьбы» И. Брянской в газете «Литературная Россия»; в ней сообщается о первом заседании клуба книголюбов при Центральном Доме литераторов (Москва) и приводятся сведения, частично уже изложенные нами в одной из предшествующих глав. «В годы войны в лесной типографии одного из партизанских отрядов Белоруссии была издана тиражом в 40 экземпляров книга стихов. Ее автор, партизан Всеволод Саблин, назвал этот сборник „Мститель". А вот другая книга —„Азбука". Владимир Маяковский не только автор этого уникального экземпляра, но и его издатель: от первой до последней страницы книга сделана руками поэта... Две редкие книги, две судьбы, и именно им был посвящен доклад С. Ляндреса на первом заседании Книжного Клуба» (22).

Мы не можем входить в литературную оценку сборника стихов партизана В. Саблина, так как он нам неизвестен, но даже если художественная ценность этой книги невелика, все же этот сборник стихов является фактом советской культуры времени Великой Отечественной войны, фактом духовной жизни партизанского движения, и уже одно это заставляет нас быть благодарными библиофилу, который сохранил один из сорока экземпляров книги, напечатанной в лесной типографии Белоруссии. А нужно ли разъяснять значение «Азбуки» Маяковского, сбереженной тем же книголюбом?

Положительная роль библиофильства в сохранении и изучении нашего книжного прошлого и настоящего известна и ежедневно получает подтверждение. И при всем нашем уважении к движению друзей книги, мы не можем представить себе, что, передавая свое собрание в образующуюся общественную библиотеку, истинный друг книги все-таки не оставляет себе ни одной «самой любимой» книги, которую он перечитывает время от времени, не обращаясь к общественной библиотеке. Мы не можем назвать другом книги того, кто не имеет у себя хоть небольшой, в полном смысле слова личной библиотеки.

Но как относятся друг к другу представители обоих направлений современного советского книголюбия? Нам кажется, здесь уместно было бы употребить известную формулу из языка дипломатов —«с полным пониманием позиций другой стороны». Можно было бы, если бы перед нами не было, с одной стороны, более или менее добродушной иронии А. К. Гладкова над «собирателями-коллекционерами» и, с другой, нападок на книголюбов-библиофилов в статье Е. Е. Тимошенко. Об этом мы вкратце упомянули выше; здесь скажем подробнее.

Е. Е. Тимошенко упрекает «владельцев прижизненных изданий Радищева и Пушкина» за то, что «огромные сокровища этих библиофилов томятся в книжных шкафах»... «А какую бы пользу,— патетически восклицает Е. Е. Тимошенко,— они могли принести людям!» (163).

Чувствуя слабость аргументации с помощью восклицательных знаков, автор статьи «Книга должна работать!» пытается обосновать свои положения следующими рассуждениями: «Мне скажут, что для этого есть общедоступные библиотеки, да и сами библиофилы не откажут читателю посмотреть книгу у себя дома. Но нельзя забывать, что не в каждом городе есть книгохранилище с нужным подбором книг и не всякий может заниматься в чужой комнате, под пристальным наблюдением ревнивого хозяина».

Редакция «В мире книг» сопроводила выступление Е. Е. Тимошенко своим дельным, серьезно аргументированным послесловием, которое, кстати сказать, по объему больше вызвавшей его статьи.

Недостаток места лишает нас возможности привести основные положения редакционного ответа. Ограничимся только цитацией его первой и последней фразы: «Книголюбы или библиофилы? Кто из них разумнее распоряжается своими богатствами — будь то редчайшее издание или же общедоступная книга сегодняшнего дня? —...Известно изречение: „Книги суть реки, напояющие Вселенную“. Если воспользоваться этим образом, книгу и впрямь можно уподобить рекам, притокам, ручейкам, что растекаются по всей земле, принося с собой радость познания, торжество человеческого духа, живую красоту. Так стоит ли заключать в одно узкое русло этот мощный поток, навязывать правила поведения каждому, кто подходит к его берегам. Не лучше ли позволить и книголюбу, и библиофилу искать и находить многоликие и плодотворные формы общения с книгой...» (163)

К тому, что вполне разумно изложено в послесловии редакции, нам кажется целесообразным прибавить очень немного.

Продолжим рассуждение Е. Е. Тимошенко. Исходя из его точки зрения, следует закрыть отделы редкой книги во всех научных библиотеках; рукописи писателей — Пушкина, Л. Толстого, Горького и т. д.— и любые документы из архивов следует выдавать на дом, потому что,— слегка перефразируем слова Е. Е. Тимошенко,— «не всякий может заниматься в чужой комнате, под пристальным наблюдением ревнивого дежурного библиотекаря или архивного работника». Наконец, Е. Е. Тимошенко должен быть последовательным до конца, следует отменить традиционное правило всех крупных библиотек мира — не выдавать на дом справочников,— словарей, библиографической и аналогичной литературы, атласов и т. п. Напомним, что В. И. Ленин в 1920 г. просил доставить ему из тогдашней Румянцовской библиотеки (ныне Библиотека СССР имени В. И. Ленина) на одну ночь греческий словарь «после закрытия библиотеки» и «если можно»...

Редакция журнала, по нашему мнению, права. Больше того, на практике движение друзей книги естественно смыкается с книголюбием, библиофильством как изучением книги, ее автора, печатников, художников, ее оформлявших, ее последовательных владельцев и пр. «Читатель-собиратель» А. Твардовского, «книжный собиратель обычного типа» А. Гладкова неизбежно превращается

в «собирателя-исследователя». А коллективистический принцип сознания советского человека приводит к тому, что собиратель-исследователь становится членом клуба книголюбов, секции библиофилов или какой-нибудь другой библиофильской организации. Все более возрастающие в количественном и качественном отношении библиофильские объединения являются несомненными показателями роста культуры советского народа. И нельзя сказать, что этот рост имеет, как иногда выражаются, стихийный характер. Следует отметить положительное значение инициативы областных комитетов КПСС в Харькове, Херсоне, Кемерове и других городах по созданию местных клубов любителей книги. Поощрение, поддержка библиофильских объединений приводит к возникновению книжных и экслибрисных выставок, устройству публичных лекций, отдельных и их циклов, т. е. к росту культурной самодеятельности населения, в том числе и молодежи. И в воспитании нашей молодежи роль движения друзей книги и движения книголюбов — роль важная, требующая специального внимательного изучения. Опыт секции книги МДУ по организации выездного заседания в Доме культуры Московского автозавода, где присутствовало очень много молодежи, заслуживает серьезного анализа и, не побоимся сказать, подражания. Собеседования с молодыми рабочими по вопросам книголюбия, устраиваемые А. Б. Лоевым, членом секции библиофилов при Дворце культуры им. С. М. Кирова (Ленинград), также должны быть здесь упомянуты — их успех обращает на себя внимание.

Анализируя деятельность библиофильских секций и клубов Москвы и Ленинграда, мы не можем не обратить внимание на то, что бóльшая часть их активных членов — люди старшего поколения, с именами которых мы встречались уже в 20—30-е и 40-е годы. Делать из этого поспешные выводы о том, что в ряды советских библиофилов нет притока молодежи или что библиофильство вообще —«мирное занятие стариков» (А. Франс), было бы логической ошибкой: во-первых, сегодняшние «старики» 30—40 лет назад были молодыми, и, следовательно, этим опровергается пессимистический афоризм А. Франса, и во-вторых кроме имен старых библиофилов на этих страницах мы все время называли новых, более молодых книголюбов. А если среди докладчиков на библиофильские темы встречается сравнительно мало молодых людей, то это скорее всего потому, что библиофильский опыт, как и всякий другой, приобретается с возрастом, и молодые книголюбы, чаще всего из скромности, выступают редко.

И все же в СССР есть ряд библиофильских организаций с более молодым составом участников. Таковы секция библиофилов Ленинградского отделения Всесоюзного общества филателистов, работающая при Дворце культуры им. С. М. Кирова, Харьковский и Херсонский клубы любителей книги и некоторые другие.

Итак, библиофильские организации в СССР растут, встречая сочувствие и поддержку партийных организаций в ряде городов

и областей. Но этот рост не продукт последних лет; он — постоянная живая тенденция в деятельности советского библиофильства. С возникновением в 1920 г. Русского общества друзей книги и в 1923 г.— Ленинградского общества библиофилов, несмотря на временные трудности, библиофильские организации в СССР продолжают умножаться, расти, развиваться. И точно так же, как стремятся объединиться в клубы и секции отдельные библиофилы, так постепенно возникает потребность создания единого Всесоюзного общества книголюбов или библиофилов.

В 1959 г. группа московских книголюбов во главе с академиками А. В. Топчиевым и Д. В. Скобельциным, писателями Н. С. Тихоновым и И. Л. Андрониковым и народным артистом РСФСР Н. П. Смирновым-Сокольским выступили на страницах «Литературной газеты» с письмом, в котором развивалась мысль о целесообразности создания Всесоюзного общества друзей книги, причем под этим названием мыслилось широкое общество и «друзей книги», и «читателей-собирателей», и «книголюбов-библиофилов» (164). Это письмо в редакцию встретило поддержку общественности, и в газете через некоторое время появилась статья, озаглавленная «Все мы — „за“!.. Читатель продолжает разговор» (30). В 1966 г. секция книги МДУ сделала попытку организовать встречу книголюбов Москвы, Ленинграда и Харькова; о ней мы упоминали выше и объяснили причины ее неудачи. В том же 1966 г. А. К. Гладков в цитированной статье «Страна читателей» писал в «Комсомольской правде»: «Не организовать ли нам добровольное общество „Союз читателей“? Если уж туристы хотят иметь свой союз, то почему бы не заиметь его нескольким миллионам читателей?» (32). Нечто аналогичное, но в более скромных границах предлагал, как мы видели и Е. Е. Тимошенко (163). Наконец, в № 9 «Недели» за 1967 г. была помещена заметка «Нужно общество книголюбов!» Редакция «Недели», сообщая об очередном заседании так называемого «круглого стола», пишет: «Важное предложение, внесенное за круглым столом председателем клуба книголюбов Центрального Дома работников искусств В. М. Лобановым: — Думается, что стоило бы создать общество, которое объединит всех любителей книги. В рамках общества книголюбы могли бы обмениваться опытом, помогать советом издательствам, библиотекам, книжным магазинам. Аналогичные общества существуют за рубежом. Давайте подумаем сообща. Я — за Всесоюзное общество любителей книги!» (65).

К тому, что сказал один из старейших и уважаемых советских библиофилов, необходимо прибавить следующее. Создание Всесоюзного общества книголюбов или любителей книги (мне кажется, эти названия по некоторым понятным причинам удобнее предлагаемого Всесоюзного общества друзей книги) позволит координировать и объединить усилия разных местных библиофильских организаций в разработке ряда уже изучаемых или в постановке новых проблем. Всякое научное общество — общество добровольное, и всякий вступающий в него ждет и ищет удовлетворения своих

специальных научных интересов. Но все же есть ряд тем, которые оказываются интересными для книголюбов разных городов. И здесь Всесоюзное общество книголюбов со своими периодическими съездами, со своим альманахом-ежегодником, со своими информациями в сборниках «Книга», журнале «В мире книг», газете «Книжное обозрение» может сделать очень много. Оно поможет соответствующим планирующим органам своими авторитетными советами в решении трудного вопроса о снабжении книголюбов современными изданиями и организации магазинов антикварной и букинистической книги.

Таким образом, мы стоим на пороге создания Всесоюзного общества друзей книги или книголюбов.

Каким же должно оно быть? Будет ли оно построено по образцу добровольных обществ, как ДОСААФ, Всесоюзное общество филателистов, или по образцу научных и научно-технических обществ?

Мы видели, советские библиофильские объединения ведут большую и разнообразную научную работу по истории русской и зарубежной книги, по искусству книги, по истории советских издательств, революционных плакатов, изданий времени Великой Отечественной войны и пр. Нам представляется, что на них вполне законно распространить то, что недавно было справедливо сказано в передовой статье «Правды» «Научные общества и практика». Действительно, теперь, «когда научная деятельность приобрела огромные масштабы, когда социалистический строй поднял к сознательному и активному творчеству миллионные массы, значение научных и научно-технических обществ неизмеримо возросло». В передовой статье говорится далее: «Достойно продолжая традиции науки, они (научные общества.— *П. Б.*) вносят ощутимый вклад в развитие исследований». В статье глубоко правильно указывается: «Все еще мало внимания уделяется связям между членами различных обществ, координации их творческих усилий. А такой опыт есть, он доказал свою эффективность, и это следовало бы учитывать» (110). Все это вполне применимо и к советским организациям книголюбов.

«Важную роль должны играть общества в развитии массовой пропаганды успехов науки и техники, передового опыта. Лекционной пропаганде, издательской деятельности, выставкам и другим формам пропаганды,— пишет далее „Правда“,— следует придать более систематический и целеустремленный характер, ярко и доходчиво распространяя научные знания среди трудящихся» (110).

Советское книголюбие — это новый и большой этап в культурном росте нашей страны. Оно стало в наши дни движением, охватившем многие миллионы граждан СССР. От яранг Севера до селений на Памире, от Латвии и Литвы до Владивостока и Сахалина разбросаны отдельные книголюбы и их то более, то менее крупные объединения. Создание Всесоюзного общества книголюбов или любителей книги — неотложное дело. Это общество сможет на более высоком уровне продолжить исследовательскую работу, ведущуюся

в разных местах несогласованно, без учета достижений и ошибок других библиофильских объединений. Нам могут сказать, что взамен Всесоюзного общества любителей книги целесообразнее вновь создать научно-исследовательские институты, вроде существовавшего в Ленинграде в 20-е годы Института книговедения, в первой половине 30-х — Института книги, документа, письма АН СССР.

Автор настоящей работы близко стоял к деятельности обоих институтов и с полной убежденностью утверждает, что никакие научно-исследовательские институты книги или истории печати не могут и не смогут заменить добровольной, продиктованной энтузиазмом исследовательской работы собирателей-книголюбов и их объединений. Книжная страсть — высокая страсть. Собирание библиотеки — это рост нашей души, рост нашего интеллекта; участие в работе добровольного библиофильского объединения — это и духовное наслаждение, и духовное обогащение. Создание Всесоюзного общества книголюбов, попасть в которое смогут подлинные любители книги, еще больше повысит в глазах общества и в особенности молодежи самую идею книголюбия, идею библиофильства и, следовательно, будет полезным стимулом в воспитании молодого поколения.

В одной из своих статей Л. М. Леонов писал: «Старшее поколение, вручая своей юной смене страну, мир и вечные идеи справедливости на земле, оставляет ей единственное, наиболее полное завещание — книгу. Поэтому любите книгу, храните ее выше всякого другого достояния. Учитесь у старших преданности книге, знанию. Пусть каждый образованный и знающий человек не пожалеет времени и досуга, чтоб разъяснить все это тем, кто не умеет пока пользоваться книгой» (81).

Этому учит нас и история советского библиофильства за 50 лет его существования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В «Истории советского библиофильства» мною использовано много больше источников, чем включено в настоящий список, в который для экономии места введены только основные работы. Исключение сделано для названий статей и заметок, содержащих материалы о различных объединениях советских книголюбов, не упомянутых в настоящей книге. (№ 38, 51, 66, 90, 100, 139, 165 и 167), а также для некоторых других работ, преимущественно справочного характера.

Сокращения, принятые в «Списке»:

АБ — Альманах библиофила. Л., 1929
БИ — Библиографические известия.
ВЛ —«Вечерний Ленинград»
ВМ —«Вечерняя Москва»
ВМК —«В мире книг»
ВОДРК —«Временник Общества друзей русской книги» Париж.
И —«Известия» (газета)
К —«Книга». Сборник.
КО — «Книжное обозрение».
КТ —«Книжная торговля». Пособие для работников библиотечного дела. Под ред. П. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М., 1925
КТж — журнал «Книжная торговля».
ЛГ —«Литературная газета»
ЛП —«Ленинградская Правда»
ЛР — «Литературная Россия»
Н —«Неделя»
НМ —«Новый мир.»
РБ —«Русский библиофил»
СБ —«Советская библиография»
СКТ —«Советская книжная торговля»
Сов. К. —«Советский коллекционер»
Ср. К. —«Среди коллекционеров»
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

1. Адарюков В. Я. В мире книг и гравюр. Воспоминания. М., 1926, с. 57.
2. Ангарский Н. С. О муниципализации книжной торговли.— Красная Москва. 1917—1920. М., 1920, с. 503—509.
3. Андр. М. Букинист. (Зарисовка с натуры).— ВМ, 1926, 16 ноября, № 265, с. 2.
4. Андроников И. Л. Высокий поступок.— И., 1965, 24 авг., № 199, с. 3.
5. Аренин Эд. Среди книжных сокровищ. Замечательное собрание редких изданий (В. А. Десницкого).— ВЛ, 1956, 15 сент., № 217, с. 4.
6. Арион. Букинист. (Очерк).— Совр. слово, 1918, 16 июня, № 3554, с. 2.
7. Ахун М. И. Библиофилия — Кр. газ., веч. вып., 1925, 9 янв., № 8, с. 5.
8. Ашукин Н. С. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М., 1929, с. 349.
9. Он же. Книжный торг. Очерк.— Кр. Нива, 1925, № 42, с. 1013—1014.
10. Б. Р(ест). Книжный базар (В Ленинграде).— ЛГ, 1941, 11 мая, № 19, с. 6.

11. Базыкин М. С. Издания русских библиофильских обществ за революционное десятилетие (рукопись.— ЦГАЛИ, М., ф. 702, оп. 1, № 16).
12. Белинская А. А. и Левкович Н. Д. Из опыта ретроспективного комплектования русской книгой.— Опыт работы ГПБ. XV (1957), с. 14—34.
13. Белкина М. И. «Главная книга». История одной библиотеки.— Н.М., 1966, № 11, с. 196—224.
14. Бенуа А. Н. Воспоминания о Верещагине.— ВОДРК, III, 1932, с. 11—12
15. Библиотека П. П. Шибанова.— БИ, 1918, № 3—4, с. 106.
16. Библиотечные отделы Комиссариата просвещения — БИ, 1918, № 3—4, с. 105.
17. Блок А. А. Дневники. 1911—1918. Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928, с. 84.
18. Боднарский Б. С. Библиофилия в ряду библиографических дисциплин.— БИ, 1918, № 1—4, с. 61.
19. Он же В. Я. Брюсов как библиограф.— СБ, 1933, кн. 1—3, с. 160—161.
20. Он же. Памяти Н. М. Лисовского (Московский период библиографической деятельности покойного).— БИ, 1921, № 1—1, с. 1.
21. Он же. Quasi-библиографические общества.— БИ, 1915, № 3—4, с. 195—196.
— [Брюсов В. Я.] см. Инструкция (№ 58).
22. Брянская И. Книжные судьбы.— ЛР, 1966, № 11, с. 21.
23. Бумажный кризис.— БИ, 1916, № 1—2, с. 78—79; № 3—4, с. 154—155.
24. В. О. [Охочинский В. К.]. Письма из Петрограда.— Ср. К, 1922, № 10, с. 60.
25. Вейнер П. П. Художественный облик книги.— Труды Всеросс. съезда художников. Декабрь 1911—январь 1912. Т. III, [Пг. 1915], с. 40—45; прения, с. 45—47.
26. Верещагин В. А. Кружок любителей изящных изданий. Спб., 1903—1916.— ВОДРК, II, 1922, с. 74.
27. Вержбицкий Н. Три года Советской власти и печатное слово. (Справочник). Пермь, 1920, с. 7, 13, 14, 17, 19.
28. Вольценбург О. Э. В. Я. Адарюков как библиограф.— В кн.: Памяти В. Я. Адарюкова. Л., 1932, с. 9.
29. Воспоминания о Демьяне Бедном. Сост. Придворов С. Е., Прямков А. В. М., 1966, с. 63, 128, 204—205, 211, 223—234, 270—271, 282, 304, 332, 334, 336—339, 344, 353, 356, 367—368.
30. «Все мы — „за"!. . .» Читатель продолжает разговор.— ЛГ, 1959, 7 июля, № 84, с. 2. См. № 164.
31. Геккер Ю. Ф. По книжным лавкам Москвы (Письмо американского журналиста из Москвы).— Нов. русск. слово, Берлин, 1922, № 2, с. 27—28.
32. Гладков А. К. Страна читателей.— Комсом. Правда, 1966, 14 сент., № 214, с. 4.
33. Голлербах Э. Ф. В. Я. Адарюков. Некролог.—Сов. К., 1932, № 10—12, с. 302.
34. Говоров А. А. История книжной торговли. Учебное пособие для книготорговых и кооперативных техникумов. М., 1966.
35. Д. А. [Айзенштадт Д. С.]. В Обществе друзей книги.—Ср. К., 1921, № 2, с. 17—18.
36. Дайлис И. Л. В клубах книголюбов. Одесса.— ВМК, 1968, № 5, с. 62.
37. Он же. Планы любителей книг.— Н., 1967, 11—17 июня, № 25, с. 2.
38. «Данко» в Виннице [Клуб юных книголюбов].— ВМК, 1966, № 3, с. 46.
39. Десницкий В. А. Западноевропейские антологии и обозрения русской литературы в первые десятилетия XIX века.— Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена, 1955, т. 107, с. 277—311, и в кн.: В. А. Десницкий. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958, с. 192—228.
40. Добрый почин книголюбов [пос. Недригайлов].— ЛП, 1962, 10 авг., № 187, с. 3.

41. Дробышевская Е. В клубах книголюбов. Днепропетровск.— ВМК, 1968, № 5, с. 42.
42. Друганов И. А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху.— СБ, 1933, кн. 1—3, с. 185—214, 1934, кн. 2, с. 48—78: кн. 3—4, с. 127—167.
43. Он же. Библиотечные фонды в 1918—1923 гг. (Библиотеки общественные и ведомственные).— СБ, 1935, кн. 3, с. 81—98.
44. Друзья книги. Из опыта работы общественных распространителей книги. М., 1959, 31 с.
45. Друзья книги [Передовая].— И., 1962, 25 янв., № 21, с. 1.
46. Дудко Г. Первые шаги [Бакинского клуба любителей книги].— КО, 1967, № 12, с. 12.
47. Дульский П. М. Казанские современные графики.— Гравюра и книга, 1925, 1—2, с. 30—44.
48. Он же. Книга и ее художественная внешность.— Казанск. библиофил, 1921, № 1, с. 28—43 и отд.: Казань, 1921.
49. Емельянов М. А. [Об открытии в Херсоне клуба любителей книги].— ВМК, 1967, № 1, с. 46.
50. «Жизнь замечательных людей». Каталог. 1933—1963. М., 1964, 183 с.
51. Зайцев В. Новый клуб книголюбов [в г. Щекино Тульск. обл.]— ВМК, 1967, № 11, с. 47.
52. Законодательство о печати.— в кн.: Газетный и книжный мир. Справочная книга. М., 1925, с. 309, 313.
53. Захариев Т. Обида книголюбов.— ЛП, 1965, 19 авг., № 194, с. 2.
54. Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков (*Ex*-libris). Вып. III. М., 1918, с. 10.
55. Он же. Собиратели и антиквары прошлого. И. Г. Вишневский.— Ср. К., 1923, № 3—4, с. 27—28.
56. Он же. Частные библиотеки в России.— РБ, 1911, № 3, с. 55—74, № 4, с. 45—54; № 6, с. 71—85, № 7, с. 77—95; № 8, с. 68—77; ч. II, СПб, 1912, 80 с.
57. Изюмов А. Ф. Судьба старой русской книги.— ВОДРК, II., 1928, с. 98.
58. Инструкция эмиссарам Московского библиотечного отдела [Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению]. М., 1919.
59. Казанков Б. Е. Щедрость [о Е. Е. Тимошенко].— ВМК, 1966, № 11, с. 41.
60. Кананов П. Х. и Кричевский Г. Г. В Секции книги Московского Дома ученых.— СБ, 1954, № 37, с. 127—136.
61. Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. Т. II. СПб., 1868, с. 411.
62. Капустин С. Друзья книги.— ЛП, 1967, 9 дек., № 289, с. 3.
63. Каталог Литературно-издательского отдела. Петербургское отделение. № 1 — июль — 1919. Народный комиссариат по просвещению. Пб., 1919, с. 3.
64. Клочков В. И. Письмо в редакцию.— РБ, 1911, № 4, с. 97; там же — прим. редакции.
65. Клуб книголюбов. Моя библиотека.— Н., 1967, № 9, с. 6—7.
66. [Клуб любителей книг г. Волгодонск Ростовск. обл.]— см.: Новосильцев И. Собиратель, исследователь. Рассказ о коллекции В. Смиренского.— КО, 1967, № 26, с. 12.
67. Книголюб. На книжном рынке. I. «Нувориши». 2. Цены на книги.— Нов. газета (Петроград), 1918, 4 июня, № 10.
68. Книжная лавка писателей, 3 мая 1931—15 августа 1934 г. К первому Всесоюзному съезду советских писателей. М., 1934, с. 3.
69. Книжная лавка писателей. 1932—1957. М., 1957.
70. Книжная лавка писателей.— ЛП, 1942, 16 апр., № 89, с. 2.
71. Книжная муниципализация.— БИ, 1918, № 3—4, с. 107.
72. Книжный кризис.— БИ, 1916, № 1—2, с. 78; № 3—4, с. 155; 1918, № 1—2, с. 62.

73. Книжный магазин Карцева.— БИ, 1918, № 3—4, с. 107.
74. Книппер А. Демьян Бедный — библиофил.— ЛГ, 1936, № 29, с. 3.
75. Короленко В. Г. Памяти Павленкова.— ВМК, 1964, № 12, с. 39.
76. «Красивая книга в прошлом».— БИ, 1918, № 1—2, с. 61—62.
77. Круглый стол «Недели». Нужно общество книголюбов!— Н., 1967, № 9, с. 6.
78. Кузмин М. А. Стихи на открытие Книжной лавки писателей (Акростих).— АБ, с. 285—288.
79. Куфаев М. Н. Библиография и библиомания. (Психофизиология библиофильства). Л., 1927.
80. Л [Лазаревский И. И.]. По поводу.— Ср. К., 1921, № 3, с. 38 (прим.).
81. Леонов Л. М. Верный, бескорыстный и наиболее сведующий друг.— КТ, 1964, № 3, с. 7.
82. Лерман М. Я. Указатель заимствованных, тождественных и сходственных книжных знаков. Л., 1928, с. 11 (№ 114). (Отт. из «Трудов Ленингр. Об-ва экслибрисистов»).
83. Лидин В. Г. Друзья мои — книги. Заметки книголюба. М., 1966.
84. Он же. Лавка древностей. (Цит. по вырезке, любезно предоставленной мне автором, но, к сожалению, не имеющей указаний о месте и времени напечатания).
85. Он же. Николай Павлович Смирнов-Сокольский (1898—1962).— ВМК, 1962, № 2, с. 48.
86. Лисовский Н. М. Библиография и библиографическое общество.— Библиограф, 1884, № 1, с. 7.
87. Он же. (Об организации Русского библиофильского общества).— БИ, 1917, № 1—2, с. 86.
88. Он же. Проект Устава Библиографического общества (рукопись).— Рукоп. отд. Ин-та русск. лит-ры (Пушк. Дом), Ленинград, ф. 153, д. № 3.
89. Он же. Д. В. Ульянинский как библиофил и библиограф.— БИ, 1918, № 1—2, с. 13—26.
90. Литературный клуб в магазине.— ВЛ, 1915, 25 июня, № 148, с. 3.
91. Ловягин А. М. Основы книговедения. Л., 1925.
92. Лозинский Г. Л. Petropolis.— ВОДРК, II, 1928, с. 33, 36.
93. Лукаш Ив. Толкучка.— Соврем. слово, 1918, 18 апр., № 3533, с. 2.
94. М. К. [Келлер М. П.]. О книжном собирательстве.— Ср. К., 1923, № 6, с. 47.
95. Маковский С. К. Четверть века русской графики.— ВОДРК, I, 1925, с. 8
96. Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов.—ТОДРЛ, т.VII, 1949, с. 455—468.
97. Он же. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей.— ТОДРЛ, т. X, 1954, с. 449—458.
98. Он же. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева.— Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 67, 1948, с. 265—269.
99. Он же. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины.— ТОДРЛ, т. XXI, 1965, с. 383—389.
100. Мальцев Ю. «Робинзоны» — клуб книголюбов в Сивинской средн. школе Пермской обл.— ВМК, 1967, № 11, с. 46.
101. Мариенгоф А. Роман без вранья. Изд. 3-е, Л., 1929, с. 68—69.
102. [Марки Московской книжной лавки писателей].— ВОДРК, II, 1928, с. 23 и 32; III, 1932, с. 60.
103. Маркушевич А. И. Одна ли в СССР?— ВМК, 1964, № 11, с. 46—47.
104. Мартынов П. Н. Букинисты Литейного.— КТж, 1964, № 2, с. 43—44.
105. Мещерская Екат. Почему мы зашили «Мадонну» Боттичели.— ЛР, 1965, № 23, с. 18—19.
106. Минцлов С. Р. Синодик. Библиотеки, архивы и художественные коллекции, погибшие в России во время войны и революции.— ВОДРК, I, 1925, с. 43—51.
107. Мир книг — вторая вселенная. [Вечер книголюбов в Новосибирске].— ЛГ, 1967, № 51, с. 2.

108. Муниципализованная книжная торговля.— И, 1919, № 56; БИ, 1919, № 1—2, с. 86.
109. Накоряков Н. Н. Рост и условия развития книготорговли после Революции.— КТ, с. 430—431.
110. Научные общества и практика [Передовая].— Правда, 1967, 18 дек., № 352, с. 1.
111. Некоторые замечания книжников и книголюбов о брошюре Ф. Шилова «Записки старого книжника» (кратко освещающие характер его деятельности на книготорговом поприще). Машинопись, 14 с. (В собрании автора).
112. О заседании памяти П. А. Шиллинговского.— ЛП, 1942, 29 авг., № 205, с. 2.
113. О книжном голоде.— БИ, 1917, № 1—2, с. 90—91.
114. О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954.
115. Общество друзей книги [Петроград].— Книга, 1918, № 3—5, стб. 81—82.
116. Общество друзей книги [Петроград].— БИ, 1968, № 1—2, с. 61.
117. Общество друзей книги. Роспись книгам и книжным знакам, назначенным в аукционный торг 14-го и 15-го мая 1918 г. в помещении Общества поощрения художников (Морская, 39), (Пг.), 1918, 19 ненум. с.
118. Общество друзей книги. Аукционы.— Ср. К., 1921, № 10, с. 55—56.
119. Общество друзей книги. Из жизни общества. Годичное собрание.— Ср. К., 1921, № 11—12, с. 71.
120. Общество друзей книги. Владимир, 1925, 19 с.
121. [Общество изящной книги в Москве].— БИ, 1914, № 1—2, с. 170.
122. Общество любителей старины.— БИ, 1919, № 3—4, с. 84; 1920, № 3—4, с. 62.
123. Окопные журналы.— ЛП, 1942, 11 апр., № 85, с. 2.
124. Осипов В. О. Книга в вашем доме. М., 1967 (использован обширный материал о книголюбии в СССР).
125. Осоргин М. А. Книжная лавка писателей.— ВОДРК, II, 1928, с. 24—25, 30.
126. Он же. Рукописные книги Московской лавки писателей.— ВОДРК, III, 1932, с. 49—51.
127. Пельсон Е. На книжном базаре.— ЛГ, 1941, № 14, с. 6.
128. Петр Максимилианович Дульский. Заслуженный деятель искусств ТАССР. 75 лет со дня рождения. Казань, 1954.
129. Петров А. Пристрастие к книгам.— Антиквар, 1902, № 1, с. 18.
130. Петрова Л. Н. Обзор нелегальных и запрещенных изданий, поступивших в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина из коллекции В. А. Десницкого.— Труды ГБ СССР им. В. И. Ленина, т. IX, 1966, с. 95—107.
131. Печать СССР за 50 лет. Статистический очерк. М., 1967.
132. Полевич А. С. А все началось с письма [о Е. Е. Тимошенко].— ЛР, 1965, № 25, с. 20.
133. Поршнев Г. В. История книжной торговли в России.— КТ, с. 133.
134. Похвала книге. [Сост. И. А. Шляпкиным]. Пг., 1917.
135. Придворов, Свет. Непреходящая любовь к книге. Воспоминания о Демьяне Бедном.— ВМК, 1963, № 8, с. 45.
136. Он же. У себя дома.— ВЛ, 1963, 11 апр., № 86, с. 3.
137. Приходите на встречу [кемеровских книголюбов].— Кузбасс (Кемерово), 1964, 18 дек., № 297.
138. Пузырев М. Необходимо определить номинал букинистической книги.— Московск. книжник, 1932, № 13—14, с. 10.
139. Работники книжного магазина «Таруса» [организация тарусского «Клуба любителей книги»] — ВМК, 1967, № 12, с. 43.
140. Ройзман М. Книжная лавка.— ЛР, 1965, № 40, с. 8—9.
141. Русаков В. [Либрович С. Ф.]. Библиотека в рабочем кабинете интеллигентного человека.— Известия книж. магаз. т-ва Вольфа, 1898, дек. стб. 47—48.
142. Русское библиофильское общество.— БИ, 1918, № 1—2, с. 61; 1920; № 3—4, с. 62.

143. Русское общество друзей книги (1920—1929). Библиографический указатель. Под ред. и с предисловием О. Г. Ласунского. Воронеж, 1968.
144. Русское общество друзей книги.— БИ, 1921, № 1—4, с. 77; 1922, № 1—4, с. 48.
145. Савонько В. С. Ленинградское общество экслибрисистов (1922—V—1927).— АБ, с. 403—412.
146. Сахаров Н. И. Первые пятьдесят заседаний Секции книги Московского Дома ученых АН СССР.— Книга, т. I, М., 1959, с. 313.
147. Он же. Обзор деятельности Секции книги Московского Дома ученых (51—100 заседания Секции).— Книга, т. VI, М., 1962, с. 356.
148. Сахно Ф. [пос. Недригайлов]. Личная библиотека для всех.— ВМК, 1961, № 8, с. 42—43.
149. Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию. Вып. II (с. 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г.). М., 1920, с. 4.
150. Сидоров А. А. (рец.): П. М. Дульский. Книга и ее художественная внешность. Казань, 1921.— Печать и революция, 1921, № 2, с. 222.
151. Он же. Русская графика за годы Революции. 1917—1922. М., 1923, с. 3,8.
152. [Скупка иностранцами русских библиотек].— Библиографич. вестник, 1918, № 246, с. 57.
153. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. Изд. 2-е М., 1960.
154. Он же. Твоя личная библиотека.— Молодой коммунист, 1959, № 5, с. 78—81.
155. Собрание декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. Вып. I Пг., 1919, с. 154—155.
156. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. М., с. 191.
157. Соловьева О. С. Новые данные об автографах Пушкина.— Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.— Л., 1963, с. 17, прим. 32.
158. Сухаревская книжная торговля.— БИ, 1919, № 1—2, с. 86.
159. Тарасенков А. К. Книги (Стих.).— Книжная лавка писателей. 1932—1937. М., 1957, с. 48—49.
160. Он же. Русские поэты XX века. 1900—1955. Библиография. М., 1966.
161. Твардовский А. Т. [Вступительная заметка к статье М. И. Белкиной «Главная книга»].— НМ, 1966, № 11, с. 195—196.
162. Он же. Речь на Внеочередном XXI съезде КПСС.— Правда, 1959, 2 февр., № 39.
163. Тимошенко Е. Е. Книга должна работать!— ВМК, 1967, № 6, с. 39—40; От редакции.— Там же, с. 40.
164. Топчиев А. В., акад. и др. Письма в редакцию. Создадим общество друзей книги.— ЛГ, 1959, 5 мая, № 53, с. 3.
165. Улькин П. «Клуб друзей книги». Рыловичи, Брянск. обл.— ВМК, 1962, № 10, с. 44.
166. Устав Русского библиофильского общества. М., 1917, с. 3.
167. Фрид Л. «Клуб писателя и покупателя», Минск — ВМК, 1962, № 11, с. 41.
168. Ходасевич В. Белый коридор.— Дни, Париж, 1925, 6 ноября, № 846, с. 2.
169. Шамурин Е. И. (рец.) М. Н. Куфаев. Библиография и библиомания. Л., 1927.— Научн. работник, 1927, № 3, с. 126—127.
170. Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля.— В кн.: Книжная торговля. Под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М., 1925, с. 199—265, и отд. отт.
171. Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. Изд. 2-е, М., 1965.
172. Он же. Судьба некоторых книжных собраний за последние 10 лет (Опыт обзора).— АБ, с. 165—200.
173. Cim A. Le Livre. Vol. I—V, Paris, 1905—1908.
174. Fertiault. F. Les Amoreux du Livre. Paris, 1877.

ОГЛАВЛЕНИЕ